

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:

ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА
Международный научно-аналитический журнал

Том 17, № 2 • 2023

Тема номера:
ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

Партнеры журнала: Евразийская экономическая комиссия
Координационный совет Евразийского информационно-аналитического консорциума

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям :

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки); 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки); 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки), 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки).

Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде. Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
<https://www.eijournal.ru>

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2023
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2023
- © Редакция журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (составитель), 2023
- © Все права защищены

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
NORTH-WEST INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

EURASIAN INTEGRATION:

ECONOMICS, LAW, POLITICS
International Scientific and Analytical Journal
Vol. 17 No 2 • 2023

Topic of the Issue:
EURASIAN INTEGRATION IN A MULTIPOLAR WORLD

Partner of the journal: Eurasian Economic Commission
Coordinating Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: 199004, St. Petersburg,
V.O., 8th line, 61
Ph.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Fax: (812) 335-42-16
Website: <https://www.eijournal.ru>

- © Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2023
- © North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2023
- © Editorial Board of the Journal „Eurasian Integration: economics, law, politics“ (compilation), 2023
- © All rights reserved

It is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, Член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции СЗИУ РАНХиГС, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, эксперт РАН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

МЯСНИКОВИЧ Михаил Владимирович, Председатель международного научного совета, Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор экономических наук, профессор

ШАМАХОВ Владимир Александрович, научный руководитель международного научного совета, научный руководитель СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович, заместитель научного руководителя международного научного совета, советник научного руководителя Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат исторических наук

АЛИМБЕКОВ Мусабек Тургынбекович, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук (Казахстан)

БЕБЕНИН Сергей Михайлович, Председатель Законодательного собрания Ленинградской области

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович, заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, кандидат юридических наук

БОРДЮЖА Николай Николаевич, председатель Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума (ЕИАК)

КОГУТ Виктор Григорьевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

КУЧЕРЯВЫЙ Михаил Михайлович, доктор политических наук

ЛОКЯН Арсен Багдасарович, ректор Академии государственного управления Республики Армения, доктор психологических наук

МАКСИМЦЕВ Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор

РАХИМИ Фарход Кодирович, действительный член, президент Национальной академии наук Таджикистана, доктор физико-математических наук, профессор

САТВАЛДИЕВ Нурбек Абдрашитович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

САФАРЗОДА Бахтовар Амирали, заместитель Генерального секретаря ПА ОДКБ, полномочный представитель Маджлиси Оли — парламента Республики Таджикистан, доктор юридических наук

ХАНЬ Лихуа, старший научный сотрудник Университета международного бизнеса и экономики (Китай), PhD, профессор

ЧИЛИНГАРЯН Айк Марселолич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Республики Армения в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат экономических наук

ШУХНО Сергей Степанович, заместитель начальника отдела Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии

ЭРКЕБАЕВ Абдыганы Эркебаевич, академик Национальной Академии наук Кыргызской Республики, председатель совета Ассамблеи народа Кыргызстана, доктор филологических наук

ЯКУНИН Владимир Иванович, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АБАЙДЕЛЬДИНОВ Ербол Мусинович, профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)

АКАЕВ Аскар Акаевич, доктор технических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук (Кыргызстан)

АСАУЛ Максим Анатольевич, доктор экономических наук (Россия, Москва)

ВЕТРЕНКО Инна Александровна, заведующая кафедрой социальных технологий СЗИУ РАНХиГС, директор Исследовательского аналитического центра «Русская мечта», доктор политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ДЕНИСОВ Андрей Иванович, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, кандидат экономических наук (Россия, Москва)

ЕНГОЯН Ашот Пайлакович, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Ереванского госуниверситета, доктор политических наук, профессор (Армения, Ереван)

ЕРЕМЕЕВ Станислав Германович, депутат Законодательного собрания Ленинградской области, доктор экономических наук, кандидат политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, директор аналитического центра Института международных исследований Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук (Россия, Москва)

КАШКИН Сергей Юрьевич, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

КАЮМОВ Нуриддин Каюмович, академик Национальной академии наук Таджикистана, доктор экономических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, академик РАЕН, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, редактор раздела «Право» (Россия, Санкт-Петербург)

КРОТОВ Михаил Иосифович, Полномочный представитель Федерального Собрания Российской Федерации — заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва, Санкт-Петербург)

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор, редактор раздела «Экономика» (Россия, Санкт-Петербург)

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Россия, Москва), доктор политических наук, профессор

ЛИВЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, профессор кафедры международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических и юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

НОВИКОВА Ирина Николаевна, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

РЕМЫГА Владимир Николаевич, генеральный директор Координационного центра «Экономический пояс Шелкового пути», доктор экономических наук (Россия, Москва)

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, декан юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

СКВОРЦОВ Олег Юрьевич, профессор кафедры коммерческого права СПбГУ, доктор юридических наук (Россия, Санкт-Петербург)

СТАРОВОЙТОВ Александр Александрович, эксперт юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС, доктор политических наук, редактор раздела «Политика» (Россия, Санкт-Петербург)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала, доктор юридических наук (Россия, Москва)

ХАШ-ЭРДЭНЭ Самбалхундэв, председатель общества «Знание» Монголии, доктор социологических наук, профессор (Монголия, Улан-Батор)

ЧЭНЬ ЧЖИГАН, вице-президент Китайского делового центра в Санкт-Петербурге, доктор экономических наук (Китай, Пекин)

CHIEF EDITOR

GLAZYEV Sergey, Member of the Board — Minister in charge of Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

DEPUTY CHIEF EDITOR

KEFELI Igor, Leading Researcher of the Research Laboratory Institute for Strategic Planning and Eurasian Integration, North West Institute of Management, RANEPA, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Expert of RAS

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

MYASNIKOVICH Mikhail, Chairman of the International Scientific Council, Chairman of the Board of the Eurasian Economic Commission, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Economics, Professor

SHAMAKHOV Vladimir, Scientific Supervisor of the Council, Research Supervisor of the North-West Institute of Management — branch of the RANEPA, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class

SLUCHEVSKY Vyacheslav, Deputy Scientific Supervisor of the Council, Advisor to the Research Supervisor of North-West Institute of Management of RANEPA, PhD in Historical Sciences

ALIMBEKOV Musabek, honorary professor of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor of Laws

BEBENIN Sergey, Chair of the Legislative Assembly of the Leningrad Region

BONDUROVSKY Vladimir, Deputy Executive Secretary of the CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Law

BORDYUZHA Nikolai, Chairman of the Coordinating Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium

KOGUT Viktor, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Belarus in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

KUCHERYAVY Mikhail, Doctor of Political Sciences

LOKYAN Arsen, Rector of the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, Doctor of Psychology

MAKSIMTSEV Igor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor

RAHIMI Farhod, President of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Doctor of Physics and Mathematics, Professor

SATVALDIEV Nurbek, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

SAFARZODA Bakhtovar, Deputy Secretary-General, Secretariat of the CSTO Parliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of Majlisi Oli — Parliament of the Republic of Tajikistan, Doctor of Laws

HAN Lihua, Senior Researcher of University of International Business and Economics (China), PhD, Professor

CHILINGARYAN Ayk, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Armenia in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Economics

SHUKHNO Sergey, Deputy Head of the subdivision of the Department for the Development of Integration of the Eurasian Economic Commission

ERKEBAYEV Abdygany, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philology

YAKUNIN Vladimir, Head of the State Policy Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Professor

EDITORIAL BOARD

ABAYDELIDINOV Erbol, Doctor of Laws, Professor, Department of Integrational Law, Faculty of Law, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan, Nur-Sultan)

AKAEV Askar, Doctor of Technical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan)

ASAUL Maksim, Doctor of Economics (Russia, Moscow)

VETRENKO Inna, Head of the Department of Social Technologies of the North-West Institute of Management of the RANEPa, Director of the Research Analytical Center "Russian Dream" (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Political Sciences, Professor

DENISOV Andrey, First Deputy Chair of the Federation Council Committee on Foreign Affairs (Russia, Moscow), PhD in Economics

ENGOYAN Ashot, Head of the Department of Theory and History of Political Science of Yerevan State University (Armenia, Yerevan), Doctor of Political Sciences, Professor

YEREMEEV Stanislav, Deputy of the Legislative Assembly of the Leningrad Region (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, PhD in Political Sciences, Professor

KASHKIN Sergey, Head of the Department of Integration and European Law of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Professor, Department of "Zhan Monnet" (European Union) (Russia, Moscow), Doctor of Laws, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

KAZANTSEV Andrey, Director of Analytical Center, Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences

KAYUMOV Nuriddin, Academician of the National Academy of Sciences of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe), Doctor of Economics, Professor

KIRILENKO Viktor, Head of the Department of International and Humanitarian Law, North-West Institute of Management of RANEPa, academician of the Russian Academy of natural Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, editor of the "Law" section (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Laws, Professor, Academician of RANS

KROTOV Mikhail, Plenipotentiary Representative of the Federal Assembly of the Russian Federation — Deputy Executive Secretary of the CSTO PA (Russia, Moscow, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Professor

KUKLINA Evgenia, Chair of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Editor of the "Economics" section, Doctor of Economics, Professor

LEBEDEVA Marina, Head of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences, Professor

LIVEROVSKY Alexey, Scientific Director of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Constitutional Law (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Laws, Professor

MISHALCHENKO Yuri, Professor of the Department of International and Humanitarian Law of the North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Doctor of Laws, Professor

NOVIKOVA Irina, Dean of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg), Doctor of History, Professor

REMYGA Vladimir, Director-General of the Coordination Center "Economic Belt of the Silk Road" (Russia, Moscow), Doctor of Economics

SERGEVNIN Sergey, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of History and Theory of State and Law, North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

SKVORTSOV Oleg, Professor of the Department of Commercial Law, St. Petersburg State University, Doctor of Laws (Russia, Saint Petersburg)

STAROVOITOV Alexander, Expert of the Law Faculty, North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

TOROPYGIN Andrey, Professor North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), editor of the "Politics" section, Doctor of Political Sciences

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Laws, Leading Researcher, Sector of International Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Editor-in-Chief of the Eurasian Law Journal

KHASH-ERDENE Sambalhundev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chairman of the society "Knowledge" of Mongolia (Mongolia, Ulan-Bator)

CHEN ZHIGAN, Doctor of Economics, Vice-President of the Chinese Business Center in Saint Petersburg (China, Beijing)

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**
Международный научно-аналитический журнал
Том 17, № 1 2023

Содержание

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Глазьев С. Ю.

Долгосрочная перспектива развития ЕАЭС 9

ГЛАВНОЕ

Кефели И. Ф., Выходец Р. С.

Евразийская безопасность в ракурсе концепции информационно-психологического
и когнитивного противоборства 11

ЭКОНОМИКА

Бойко И. В.

Технологическая реструктуризация экономик на постсоветском пространстве: от «разрушения»
к «созиданию» 24

Горбунова М. Л., Комаров И. Д., Маслова Т. Е.

Исследование конвергенции и дивергенции интеграционных процессов ЕАЭС на основе
индекса Джини 34

Мисько О. Н., Дарвиш А. Ш.

Российско-египетское сотрудничество в контексте перспектив
Большого евразийского партнерства 46

Мозокина С. Л., Плотников В. А.

Возможности развития лечебно-оздоровительного туризма на евразийском пространстве 58

Щербинин Н. В., Русинов И. А.

Диверсификация путей доставки контейнерных грузов в сообщении «Азия — Европа» 71

Ягья Т. С.

К вопросу о развитии туристического сотрудничества между Россией и Китаем
на современном этапе 82

ПРАВО

Вольфсон В. Л.

Единое и частное: об охране личного пространства в гражданском законодательстве
стран ЕАЭС 92

Дроздова М. А.

Актуальные вопросы международно-правового регулирования применения беспилотных
технологий на железнодорожном транспорте в рамках ЕАЭС 102

Кириленко В. П., Павлова Е. В.

Регулирование трансграничной несостоятельности в праве ЕАЭС 111

ПОЛИТИКА

Веселова Д. Н.

Климатическая политика Китая: процессуальная составляющая 121

Выходец Р. С.

Формирование системы информационно-психологической безопасности Организации
Договора о коллективной безопасности 132

Мелешин К. Ю., Шабалина А. Е.

От концепта национальной безопасности к концепту цивилизационной безопасности
как основе евразийской интеграции 143

Сергеева З. В.

Четвертый энергетический переход и европейский энергетический кризис: уроки для ЕАЭС 153

Торопыгин А. В.

Современные теоретические и практические подходы к многосторонности
в международных отношениях: кейс ЕАЭС 169

Чмырева В. А.

ЕАЭС — Куба: институционализация взаимодействия и потенциал современного
сотрудничества 181

ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА

..... 191

АВТОРАМ ЖУРНАЛА «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией научно-аналитического
журнала «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА» 195

EURASIAN INTEGRATION: ECONOMICS, LAW, POLITICS

International scientific and analytical journal

Vol. 17 No 1 2023

CONTENTS

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Sergei Yu. Glazyev

Long-term Development Perspective of the EAEU 9

MAIN

Igor F. Kefeli, Roman S. Vykhodets

Eurasian Security from the Perspective of the Concept of Information-Psychological
and Cognitive Confrontation 11

ECONOMICS

Irina V. Boiko

Technological Restructuring of Economies of the Former Soviet Union:
from “Destruction” to “Creation” 24

Maria L. Gorbunova, Igor D. Komarov, Tatyana E. Maslova

Study of Convergence and Divergence of EAEU Integration Processes Based on the Gini Index 34

Oleg N. Misko, Alaa Sh. Darwish

Russian-Egyptian Cooperation in the Context of the Prospects for the Great Eurasian Partnership 46

Mozokina S. L., Plotnikov V. A.

The Medical Tourism Development Possibilities in the Eurasian Space 58

Nikita V. Shcherbinin, Igor A. Rusinov

Diversification of Transport Links in the “Asia — Europe” Container Shipping Traffic 71

Talie S. Yagya

On Issue of Current Development of Tourism between Russia and China 82

LAW

Vladimir L. Volfson

Integrity and Singularity: on a Civil Law Protection of the Privacy in the Countries
of the Eurasian Economic Union 92

Maria A. Drozdova

Current Issues of International Legal Regulation of the Use of Unmanned Technologies in Railway
Transport within the EAEU 102

Viktor P. Kirilenko, Elena V. Pavlova

Regulation of Cross-Border Insolvency in the EAEU Law 111

POLITICS

Darya N. Veselova

Climate Policy in China: the Procedural Component 121

Roman S. Vykhodets

Formation of the Information and Psychological Security System of the Collective Security Treaty
Organization 132

Kirill Yu. Meleshin, Anna Ye. Shabalina

From the Concept of National Security to the Concept of Civilizational Security as the Basis of Eurasian
Integration 143

Zlata V. Sergeeva

The Fourth Energy Transition and the European Energy Crisis: Lessons for the EAEU 153

Andrey V. Toropygin

Modern Theoretical and Practical Approaches to Multilateralism in International Relations:
the EAEU Case 169

Vera A. Chmyreva

EAEU — Cuba: Institutionalization of Interaction and the Potential of Modern Cooperation 181

EURASIAN CHRONICLE

..... 191

For the authors of the journal “Eurasian Integration: Economics, Law, Politics”

Rules for the design of articles accepted for consideration by the editors of the scientific and analytical
journal “Eurasian Integration: Economics, Law, Politics” 195

Долгосрочная перспектива развития ЕАЭС

В рамках реализации целевого сценария развития ЕАЭС («Собственный центр силы»¹) предполагалось достижение к 2020 г. и поддержание далее сравнительно высоких относительно среднемирового уровня темпов экономического развития (со средним ежегодным темпом прироста ВВП 4,3%), в том числе за счет реализации интеграционных мер, способствующих ускорению экономического роста. В период с 2015 по 2017 гг. экономическая динамика государств — членов Евразийского экономического союза соответствовала параметрам, заложенным в целевом сценарии. Однако начиная с 2018 г. наблюдалось замедление экономического роста, которое усилилось в последующие годы в результате ряда внутренних и внешних факторов.

Главной внутренней причиной замедления экономического роста в 2018–2019 гг. стало падение инвестиционной активности вследствие повышения процентных ставок и неустойчивости обменных курсов национальных валют в результате проводившейся по рекомендациям МВФ денежно-кредитной политики, а главной внешней причиной — пандемия коронавируса, приведшая к введению ограничительных мер, и разрыв цепочек поставок.

В 2021 г. экономический рост стран ЕАЭС возобновился, соответствуя как целевому сценарию, так и основным ориентирам экономического развития, утвержденным Высшим евразийским экономическим советом на 2021–2022 гг. В 2022 г. в результате введения санкций в отношении отдельных государств-членов со стороны недружественных стран были разорваны многие воспроизводственные контуры, связывавшие эти государства с ЕС, США и находящимися под их влиянием центрами накопления капитала. В рамках проводившейся денежно-кредитной политики не удалось принять защитные меры, прекратить отток капитала и создать компенсационные механизмы кредитования импортозамещения и инвестиций, вследствие чего произошло сокращение экономической активности в России и Беларуси, составив в целом по ЕАЭС 1,2% (по данным за январь-сентябрь 2022 г. к уровню января-сентября 2021 г.).

Таким образом, наблюдается значительное отклонение фактически сложившейся траектории экономического развития от параметров упомянутого выше сценария «Собственный центр силы». Так, за период с 2015 по 2022 гг. ВВП государств — членов ЕАЭС в постоянных ценах увеличился на 5,7%, в то время как в соответствии с прогнозом прирост должен был достичь 22,8%. Средние темпы экономического роста в государствах-членах были существенно ниже среднемировых (1,2% против 2,9%). Замедление экономического роста даже по отношению к инерционному сценарию обусловлено невыполнением показателей целевого сценария по наращиванию инвестиционной активности. Ставилась задача доведения доли валового накопления основного капитала в валовом внутреннем продукте Союза до среднемирового значения (25–26%).

По итогам 2020 г. значение этого показателя увеличилось, составив в целом по Союзу 22,1% (в 2019 г. — 21,6%). Однако динамика инвестиций в основной капитал в 2020 г. была отрицательной, снижение составило по сравнению с 2019 г. почти 2%, что является худшим показателем за период существования Союза, за исключением 2015 г., когда сокращение инвестиций в основной капитал составляло 8,7%. Таким образом, рост относительного показателя достигнут не путем увеличения вложений в основные фонды, а за счет снижения ВВП.

В результате перечисленных выше факторов наблюдалось постепенное сокращение удельного веса ЕАЭС в мировой экономике. Если в соответствии с целевым сценарием развития предполагалось, что

¹ Место ЕАЭС в мире стратегических изменений: сценарий «Собственный центр силы» на основе научно-технологического прорыва — долгосрочный ответ на вызовы глобального экономического кризиса, вызванного пандемией. Аналитический доклад. М., 2020 [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/f98/Doklad-Mesto-EAES-v-mire.pdf> (дата обращения: 22.05.2023).

за период с 2015 по 2022 гг. общий удельный вес государств — членов ЕАЭС в мировом ВВП увеличится с 3,7% до 3,9%, в мировой торговле товарами и услугами — с 2,3% до 2,5%, по обоим показателям произошло снижение до 3,5% и 2,1% соответственно. При этом в динамике экономического развития ЕАЭС существенно уступает быстрорастущим регионам нового центра мировой экономики в Юго-Восточной Азии, в результате чего снижается его вес в ШОС, где с 2015 по 2022 гг. общий удельный вес государств-членов по ВПП снизился с 13,5% до 11,6%, а по торговле товарами и услугами — с 14,8% до 9,2%. Имеющийся в ЕАЭС потенциал экономического роста и углубления интеграции не реализуется в полной мере. За время, прошедшее после принятия Ориентиров экономического развития ЕАЭС до 2030 г., макроэкономические показатели ЕАЭС, включая показатели взаимной и внешней торговли, изменились незначительно, связанность экономик государств-членов не повысилась.

Вместе с тем сохранение макроэкономической стабильности в условиях беспрецедентных санкций против России продемонстрировало высокую адаптивность ЕАЭС к резким ухудшениям внешних условий. Фактически ЕАЭС в условиях мировой гибридной войны функционирует как самостоятельный центр силы. Рост взаимной торговли в 2022 г. на 12%, взрывной рост торговли с Индией и Китаем (в 2021 г. по сравнению с 2020 г. на 131,7% и 132,2%, соответственно, а в первом полугодии 2022 г. — на 146% с Индией и 150,7% с КНР) свидетельствуют об устойчивости ЕАЭС к внешним шокам, способности быстро активизировать имеющийся научно-производственный и интеграционный потенциал, гибко использовать созданную сеть международного торгового-экономического сотрудничества. Заложенные в целевом сценарии ориентиры по темпам экономического роста могут быть достигнуты при условии создания благоприятных макроэкономических условий наращивания инвестиционной и инновационной активности, реализации стратегии опережающего развития в условиях разворачивающихся в течение прогнозного периода структурных изменений мировой экономики.

Создание единого экономического пространства ЕАЭС основывается на свободном обращении товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов. Но жизнь показала, что этих ценностей свободного рынка недостаточно для реализации целевого сценария опережающего развития. Переход к интегральному мирохозяйственному укладу сопровождается восстановлением значения традиционных ценностей, которым следуют все образующие его ядро страны Юго-Восточной Азии. Тем самым устанавливается предел либеральной глобализации, основанной на доктрине рыночного фундаментализма, исповедующей вредность государственного вмешательства в экономику и предписывающей демонтаж институтов госрегулирования для свободного движения капитала. Либеральная глобализация, в рамках которой происходило формирование ЕАЭС, подорвала возможности государств влиять на распределение национального дохода и богатства.

В свою очередь, идеологическим фундаментом нового мирохозяйственного уклада является концепция социально-консервативного синтеза, объединяющая систему ценностей мировых религий с достижениями социального государства и научной парадигмой устойчивого развития. Вместо конфликтности и конкуренции она делает ставку на кооперацию и сотрудничество в качестве механизмов концентрации ресурсов в перспективных направлениях социально-экономического развития. Как научно-идеологическая основа механизма управления развитием национальных и мировой экономик, она является альтернативой политической конфронтации и гонки вооружений.

Подробное обоснование высказанных выше идей читатель может найти в недавно опубликованном докладе «О возможностях экономического развития ЕАЭС в долгосрочной перспективе»¹.

Главный редактор
Сергей Глазьев

¹ Глазьев С. Ю., Митяев Д. А., Ткачук С. П. О возможностях экономического развития ЕАЭС в долгосрочной перспективе. Научный доклад / Научный совет РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию. М., 2023. 107 с.

Евразийская безопасность в ракурсе концепции информационно-психологического и когнитивного противоборства

Кефели И. Ф.^{1,*}, Выходец Р. С.²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: geokefeli@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6889-8924

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Статья посвящена анализу когнитивного аспекта информационно-психологического противоборства на евразийском пространстве, а также изучению эволюции идей, которые в настоящее время принято обозначать термином «информационно-психологическое и когнитивное противоборство».

Цель. Выявить специфику обеспечения евразийской безопасности в ракурсе концепции информационно-психологического и когнитивного противоборства.

Задачи. Определить теоретические источники концепции информационно-психологического противоборства. Проанализировать роль современных информационно-коммуникационных технологий и их теоретического осмысления в становлении концепции информационно-психологического противоборства. Определить предметные границы современной концепции информационно-психологического противоборства.

Методология. В исследовании применены как общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, так и ряд специальных методов и подходов: сравнительный анализ, методология критической геополитики, контент-анализ, информационный и исторический подходы.

Результаты. Исследование показало, что на становление современной концепции информационно-психологического и когнитивного противоборства значительное влияние оказали теоретико-прикладные исследования, связанные с осмыслением роли психологических операций и применения специальных средств воздействия на психику человека в современных военных конфликтах, а также научные разработки в сфере изучения современных методов манипуляции и пропаганды, расширения арсенала средств гибридных конфликтов, вивонизации цифровых технологий, возникновения новых измерений международных конфликтов.

Объект. Информационно-психологическая и когнитивная безопасность как самостоятельное направление обеспечения глобальной безопасности на евразийском пространстве.

Предмет. Системы и инструменты формирования общественного мнения, особенности восприятия человеком информации, а также весь спектр методов и средств воздействия на общественное мнение и психику отдельного человека в мирное время и в условиях боевых действий с применением специальных информационных и психологических операций стратегического, тактического, оперативного уровня, а также инструментов мягкой силы.

Выводы. Сегодня все больше государств мира уделяют повышенное внимание вопросам обеспечения информационно-психологической безопасности. Стремление постсоветских государств сохранить политические, экономические и социокультурные связи, наработанные в период жизни в едином государстве, в рамках новых интеграционных форматов, СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, все чаще сталкивается с проблемой выбора вектора внешнеполитического курса. Поэтому объединение национальных интересов и коллективных усилий по выработке и концептуализации единого подхода к обеспечению информационно-психологической безопасности на уровне основных евразийских

форматов сотрудничества, таких как ЕАЭС, ОДКБ и ШОС, является приоритетной задачей в современных конфликтных реалиях мировой политики.

Ключевые слова: информационная война, информационно-психологическое противоборство, пропаганда, психологические операции, информационное воздействие

Для цитирования: Кефели И. Ф., Выходец Р. С. Евразийская безопасность в ракурсе концепции информационно-психологического и когнитивного противоборства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 2. С. 11–23.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-11-23>

Eurasian Security from the Perspective of the Concept of Information-Psychological and Cognitive Confrontation

Igor F. Kefeli^{a,*}, Roman S. Vykhodets^b

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: geokefeli@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6889-8924

^b St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the cognitive aspect of information and psychological confrontation in the Eurasian space, as well as to the study of the evolution of ideas that are currently commonly referred to by the term “information and psychological and cognitive confrontation”.

Aim. To identify the specifics of ensuring Eurasian security in the perspective of the concept of information-psychological and cognitive confrontation.

Tasks. To identify the information and psychological component in the CSTO collective security strategy, to analyze practical steps at the CSTO level in the field of countering destructive information influence, to determine the regulatory, political and organizational prerequisites for the formation of the CSTO collective information and psychological security system.

Methods. The research uses both general scientific methods: analysis, synthesis, induction, and a number of special methods and approaches: comparative analysis, methodology of critical geopolitics, content analysis, informational and historical approaches.

Results. The study showed that the formation of the modern concept of information-psychological and cognitive confrontation was significantly influenced by theoretical and applied research related to the understanding of the role of psychological operations and the use of special means of influencing the human psyche in modern military conflicts, as well as scientific developments in the field of studying modern methods of manipulation and propaganda, expanding the arsenal of means of hybrid conflicts, the weaponization of digital technologies, the emergence of new dimensions of international conflicts. Its subject includes systems and tools for the formation of public opinion, the peculiarities of human perception of information, as well as the whole range of methods and means of influencing public opinion and the psyche of an individual in peacetime and in combat conditions with the use of special information and psychological operations of strategic, tactical, operational level, as well as soft power tools.

Conclusions. Today, more and more countries of the world are paying increased attention to the issues of ensuring information and psychological security. The desire of the post-Soviet states to preserve the political, economic and socio-cultural ties developed during their life in a single state, within the framework of new integration formats, the CIS, the EAEU, the CSTO, is increasingly faced with the problem of choosing a vector of foreign policy. Therefore, combining national interests and collective

efforts to develop and conceptualize a unified approach to ensuring information and psychological security at the level of the main Eurasian cooperation formats, such as the EAEU, the CSTO and the SCO, is a priority task in the modern conflict realities of world politics.

Keywords: information warfare, informational and psychological warfare, propaganda, psychological operations, informational impact

For citing: Igor F. Kefeli, Roman S. Vykhodets. Eurasian Security from the Perspective of the Concept of Information-Psychological and Cognitive Confrontation // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 11–23. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-11-23>

Введение

Рассмотрение комплекса проблем обеспечения евразийской безопасности в ракурсе концепции информационно-психологического и когнитивного противоборства следует, очевидно, начинать с выяснения вопроса о геополитическом формате безопасности: каков его масштаб в глобальном и региональном измерении, какие государства, их союзы, субрегионы он охватывает и какие международные организации обеспечивают устойчивую динамику его развития. Если вопросы обеспечения глобальной (международной) безопасности находятся в компетенции ООН, то обеспечение евразийской безопасности обусловлено спецификой развития субрегионов евразийского континента, компетенцией военно-политических блоков и международных региональных объединений, наконец, «евразийской дугой нестабильности», инициируемой извне. Как справедливо отмечал еще в 2014 г. В. Н. Колотов, «в Евразии нет формальных механизмов обеспечения безопасности, однако есть неформальный, но очень надежный механизм обеспечения избирательной нестабильности основных субъектов евразийской геополитики подлинно континентального масштаба — евразийская дуга нестабильности. Именно этот механизм и формирует основные параметры геополитического климата в Евразии» [10, с. 31]. С той поры ситуация только усложнилась. Во-первых, внешний формат евразийской дуги нестабильности нашел свое подтверждение в ряде официальных документов США, в частности, в недавно принятой «Национальной киберстратегии США» (2 марта 2023 г.), в которой повторяется ставшая уже шаблонной фраза об угрозе «национальной безопасности и экономическому процветанию США» со стороны правительств Китая, России, Ирана и Северной Кореи, которые, подрывая международный порядок с помощью злонамеренной киберактивности, «агрессивно используют передовые кибервозможности для достижения целей, противоречащих нашим интересам и общепринятым международным нормам»¹. Во-вторых, на евразийских просторах о своих геополитических намерениях активно заявляет недавно созданная по инициативе Турции (и не только) «Организация тюркских государств» (ОТГ), приступившая к реализации принятого ее организаторами документа «Видение тюркского мира — 2040». Кстати, в этом документе отсутствует какое-либо упоминание о взаимодействии ОТГ с ЕАЭС, ШОС, ОДКБ и другими международными организациями Большой Евразии, а также с Россией, Китаем, Индией и Ираном, но предписано укрепление отношений с ООН, Организацией исламского сотрудничества (ОИС), Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Совещанием по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), а также установление партнерских отношений с «соответствующими региональными институтами, включая Европейский союз (ЕС), Организацию Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), Организацию экономического сотрудничества (ОЭС) и Вишеградскую группу»².

Более того, современные геополитические реалии на международной арене, обусловленные противостоянием России с коллективным Западом, вывели на первый план строительство Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ, Срединный коридор), пролегающего через страны Центральной Азии, Южного Кавказа и Турцию, общая протяженность которого превышает 11 тыс. км.

¹ National Cybersecurity Strategy. Mart 1 2023. The White House. Washington. 35 p.

² Turkic World Vision — 2040, p. 17 [Электронный ресурс]. URL: <https://avim.org.tr/public/images/uploads/files/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf> (дата обращения: 26.05.2023).

Такая транспортно-логистическая сфера рассматривается как один из локомотивов развития взаимоотношений между странами — участницами ОТГ. Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан и Туркменистан, как отмечает научный сотрудник Института востоковедения РАН Орхан Гафаров, из-за политики изоляции России со стороны Запада и разрыва отношений с ней вынуждены искать новые обходные маршруты для выхода на мировые рынки¹, а Эмра Кая, эксперт Анкарского центра исследований кризисных ситуаций и политики (ANKASAM), подытоживает: «Трансформация мировой политики и динамики в Евразии привела к тому, что страны изменили свою политику. В частности, новые компромиссы показали, что для государств все зоны конфликтов в настоящее время становятся неустойчивыми. Восточная связь Европы с Азией была разорвана из-за российско-украинской войны. Конфликт, о котором идет речь, разделил приоритеты Европы»². Вот такая «история с географией», не вызывающая особого оптимизма, складывается на нашем континенте. Надо полагать, что решение вопросов обеспечения евразийской безопасности, включающей, в частности, определенные сюжеты информационно-психологической и когнитивной безопасности, будет в полной мере способствовать реализации реально существующих возможностей и планов дальнейшего развития ЕАЭС в долгосрочной перспективе (в части создания идеологического фундамента нового мирохозяйственного уклада), о которых было заявлено С. Ю. Глазьевым и его соратниками в недавно опубликованном докладе [4, с. 86–88].

Евразийский контур информационно-психологической и когнитивной безопасности

«Границы информационной целостности, — отмечал еще в начале XXI в. декан факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова Ясен Николаевич Засурский, — проходят не по пограничным столбам, а по информационному полю и по информационному содержанию, в котором мы живем» [5, с. 20]. Развивая эту идею, Е. П. Прохоров, один из основоположников отечественных исследований роли СМИ в массовой информационной безопасности, призывал «обеспечить массово-информационную безопасность за счет “доставки” потребителям необходимых для принятия решений информационных ресурсов и защиты от дезинформирующей (манипулятивной) информации». В первую очередь, по его мнению, необходимо «определение на базе научных разработок при общем согласии всех структур, задействованных в сфере журналистики по проблемам МИБ (массово-информационная безопасность. — И. К., Р. В.), основы объективных требований (норм) безопасного функционирования системы “СМИ — аудитория” и ее структурных элементов (причем предпочтительно, чтобы нормы были сведены в Хартию). Следом возникает проблема выявления и, затем, предупреждения и ликвидации нарушений на основе разработанных в Хартии мер противодействия им в целях оптимально-безопасного функционирования системы “СМИ — аудитория”» [15, с. 62; 16, с. 36]. По сути дела, предлагаемые Засурским и Прохоровым концепции информационной целостности и массово-информационной безопасности следует рассматривать как медийный инвариант информационно-психологической и когнитивной безопасности как в границах национальных государств, так и в пределах их коалиций «евразийского контура», будь то СНГ, ЕАЭС, ШОС и др. Тем самым СМИ, являясь основным инструментом информационного сопровождения интеграционных процессов в границах «евразийского контура», должны оказывать существенное влияние как на укрепление геополитического статуса указанных коалиций, так и на обеспечение внутренней их стабильности.

Стало уже очевидным, что одной из ключевых антропогенных угроз для человеческой цивилизации и формирования устойчивых основ нового мирового порядка становится нарастающая мощность информационного оружия как в экономической сфере для совершения различных видов мошенничества и преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий, так и в идеологической и политической сферах [6].

¹ Гафаров О. Старый новый Тюркский коридор [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД). 23.05.2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/staryy-novyy-tyurkskiy-koridor/?sphrase_id=100249689 (дата обращения: 31.05.2023).

² Dr. Emrah Kaya. Orta Asya ile Avrupa Yakınlaşmasında Stratejik Önemi Artan Azerbaycan [Электронный ресурс] // Ankara Center for Crisis and Policy Studies (ANKASAM). 15.12.2022. URL: <https://www.ankasam.org/orta-asya-ile-avrupa-yakinlasmasinda-stratejik-onemi-artan-azerbaycan/> (дата обращения: 31.05.2023).

Однако путь к осознанию этого был достаточно длителен и тернист.

Так, еще в апреле 2012 г. проблемы безопасности Евразии и перспективы развития ОДКБ обсуждались на круглом столе Института экономики РАН и Секретариата ОДКБ «Тенденции развития военно-политической обстановки в Евразийском регионе и концепция развития системы коллективной безопасности ОДКБ», на котором озвучивались и проблемы информационно-психологической и когнитивной безопасности (тогда они подразумевались, главным образом, в контексте информационной безопасности). Так, Генеральный секретарь ОДКБ Николай Бордюжа, оценивая актуальные угрозы современной международной ситуации и их влияние на интересы государств — членов ОДКБ в плане обеспечения их безопасности и стабильности, к числу основных угроз относил, в частности, появление дуги экстремистских режимов на границах государств ОДКБ, рост влияния нетрадиционного ислама в государствах Центральной Азии и усиление воздействия радикальных исламистских структур, дестабилизирующих ситуацию в Казахстане и Киргизии. Опираясь на данную Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным оценку мировых процессов той поры («... то, с чем сегодня сталкивается мир, — это серьезный системный кризис, тектонический процесс глобальной трансформации. Это зримое проявление перехода в новую культурную, экономическую, технологическую, геополитическую эпоху»¹), известный российский геополитик, в ту пору президент Академии геополитических проблем, Леонид Ивашов обратил особое внимание на то, что на первый план в мировой политике выходит проблема столкновения различных направлений цивилизационного развития, а ключевые направления геополитических операций — это политико-идеологическая система государств, переворотов элит и государственной власти, использование Западом России для противостояния Востоку. По мнению другого участника дискуссии, Валерия Мунирова, деятельность ОДКБ сталкивается с новыми вызовами времени, в т. ч. в сфере высоких технологий — с разработкой новых видов оружия на новых принципах действия с помощью технологий шестого уклада: создание новых видов живых организмов, стирание грани между живой и неживой материей, изменение возможностей человека, конструирование и разрушение социальных субъектов. Тогда уже, заявил В. Муниров, «разрабатывались технологии, изменяющие тип сознания человека и его мировоззрение. В результате изменяется личность человека, система ценностей, восприятие окружающего мира и модели поведения. Схождение этих четырех научных прорывных направлений (молекула, живая клетка, индивидуальное сознание, коллективное сознание), их взаимопроникновение, стирание грани между живой и неживой материей — это уже следующий, седьмой технологический уклад, получивший на Западе имя NBIC (nano-bio-info-cogno) — конвергенция. У России есть шанс — перескочить стадию нанотехнологий и выйти на более высокий уровень» [17]. В канун образования ЕАЭС координатор Аналитической Ассоциации ОДКБ Игорь Панарин указывал на необходимость разработки и принятия вместе с созданием Евразийского союза концепции евразийской безопасности².

Евразийский контур информационно-психологической и когнитивной безопасности окончательно сформировался, надо полагать, в самом начале 20-х гг. XXI в., когда, во-первых, натовские аналитики опубликовали серию книг и военных инструктивных пособий под бойким названием «Когнитивная война», а в 1921 г. в Бордо (Франция) проходила первая научная конференция НАТО под таким же названием. Военными специалистами из этого же круга начинает подвергаться критике концепция «Войны четвертого поколения» (Fourth Generation Warfare, 4GW), разработанная еще в 1989 г. под названием «Меняющееся лицо войны: в четвертое поколение», которая в течение последующих тридцати лет служила основой формирования всей философии войны США и НАТО. Ян Куммер, бывший морской пехотинец армии США, специалист по информационным операциям и связям с общественностью в Национальной гвардии и резервах армии США, узрел в подобной приверженности «только одну проблему — это было катастрофически неправильно»³. На столь жесткое и однозначное утверждение его привело осмысление

¹ В. В. Путин. Россия сосредоточивается — вызовы, на которые мы должны ответить [Электронный ресурс] // Известия (сайт). 16.01.2012. URL: <https://iz.ru/news/511884> (дата обращения: 26.05.2023).

² Проблемы безопасности Евразии и перспективы развития ОДКБ : круглый стол [Электронный ресурс] / Институт экономики РАН. URL: [http://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2012_03/round table.pdf](http://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2012_03/round%20table.pdf) (дата обращения: 22.11.2015).

³ Ian Kummer. The Rise and Fall of Fourth Generation Warfare [Электронный ресурс] // The Reading Junkie. 11.07.2022. URL: <https://readingjunkie.com/2022/07/11/the-rise-and-fall-of-fourth-generation-warfare/> (дата обращения: 19.05.2023).

позиции США и всего «коллективного Запада» в ведении цивилизационной войны против России на территории Украины.

Также в ходе разработки концепции информационно-психологической и когнитивной безопасности на национальном (Российская Федерация) и региональном (ЕАЭС, ОДКБ, ШОС и другие субрегионы Большой Евразии) уровнях следует реализовать в теоретических разработках, методическом обеспечении и в социальной практике положения ряда правоустанавливающих документов, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемому в данной статье кругу вопросов. Это в первую очередь «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» (от 02.07.2021), «Концепция внешней политики Российской Федерации» (от 31.03.2023) и «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии» (от 04.02.2022).

Государственная политика в области обеспечения национальной безопасности, как указано в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (далее — Стратегия), должна способствовать «наращиванию экономического, политического, военного и духовного потенциала России, необходимого для укрепления ее роли как одного из влиятельных центров современного мира» (ст. 10), несмотря на рост геополитической нестабильности и конфликтности, когда действия некоторых стран направлены на инспирирование в СНГ дезинтеграционных процессов в целях разрушения связей России с ее традиционными союзниками, а «космическое и информационное пространства активно осваиваются как новые сферы ведения военных действий» (ст. 17). Но несмотря на это, «все более актуальной становится проблема морального лидерства и создания привлекательной идейной основы будущего мироустройства» (ст. 17, 19).

Прямое указание на цель обеспечения информационной безопасности («укрепление суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве», ст. 56) подкрепляется конкретными задачами реализации государственной политики в этой области, в т. ч. «развитие системы прогнозирования, выявления и предупреждения угроз информационной безопасности» (ст. 57.2), «развитие сил и средств информационного противоборства» (ст. 57.10) и «совершенствование средств и методов обеспечения информационной безопасности на основе применения передовых технологий, включая технологии искусственного интеллекта и квантовые вычисления» (ст. 57.12).

Особое внимание в Стратегии уделено вопросам защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти (более детальное изложение этого раздела Стратегии было представлено в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 09.11.2022). Речь идет о необходимости решения всего комплекса проблем межнациональных и межконфессиональных отношений, которые становятся «предметом геополитических игр и спекуляций, порождающих вражду и ненависть» (ст. 85), в т. ч. и на пространстве Большой Евразии. Деструктивную роль с целью насаждения чуждых идеалов и ценностей, пересмотр базовых норм морали выполняет психологическое манипулирование, наносящее «непоправимый ущерб нравственному здоровью человека, поощряют деструктивное поведение, формируют условия для саморазрушения общества» (ст. 86). На индивидуальное, групповое и общественное сознание оказывается «информационно-психологическое воздействие путем распространения социальных и моральных установок, противоречащих традициям, убеждениям и верованиям народов Российской Федерации» (ст. 87), а «информационно-психологические диверсии и „вестернизация“ культуры усиливают угрозу утраты Российской Федерацией своего культурного суверенитета» (ст. 88)¹.

«Россия проводит самостоятельный и многовекторный внешнеполитический курс, продиктованный ее национальными интересами и осознанием особой ответственности за поддержание мира и безопасности на глобальном и региональном уровнях... Отношение России к другим государствам и межгосударственным объединениям определяется конструктивным, нейтральным или недружественным характером их политики в отношении Российской Федерации» (ст. 6).

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 19.05.2023).

Национальными интересами Российской Федерации во внешнеполитической сфере являются в том числе «развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного иностранного информационно-психологического воздействия» (ст. 15. 5).

Одной из стратегических целей внешнеполитической деятельности Российской Федерации является «обеспечение безопасности Российской Федерации, ее суверенитета во всех сферах и территориальной целостности» (ст. 16. 1), а ее достижение осуществляется, в частности, путем выполнения следующих основных задач: «...формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами, содействие предотвращению возникновения и устранению очагов напряженности и конфликтов на их территориях» (ст. 17. 6); раскрытие и укрепление потенциала многосторонних региональных объединений и интеграционных структур с участием России (ст. 17. 8) и «формирование объективного восприятия России за рубежом, укрепление ее позиций в мировом информационном пространстве» (ст. 17. 11).

Приоритетными направлениями внешней политики Российской Федерации на предстоящий период формирования справедливого и устойчивого мироустройства в Стратегии определены, в частности: укрепление потенциала и повышение международной роли межгосударственного объединения БРИКС, ШОС, СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, РИК (Россия, Индия, Китай) и других межгосударственных объединений и международных организаций, а также механизмов «с весомым участием России» (ст. 19. 4), консолидация «международных усилий, направленных на обеспечение уважения и защиты универсальных и традиционных духовно-нравственных ценностей (в том числе этических норм, общих для всех мировых религий), нейтрализацию попыток навязывания псевдогуманистических и иных неолиберальных идеологических установок, приводящих к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов» (ст. 19. 9)¹.

«Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии», в котором четко указано, в частности, на то, что «Стороны намерены активизировать работу по сопряжению планов развития Евразийского экономического союза и инициативы „Один пояс, один путь“ в целях углубления практического сотрудничества между ЕАЭС и Китаем в различных областях, повысить уровень взаимосвязанности между Азиатско-Тихоокеанским и Евразийским регионами. Стороны подтверждают нацеленность на параллельное и скоординированное формирование Большого евразийского партнерства и строительство “Пояса и пути” в интересах развития региональных объединений, двусторонних и многосторонних интеграционных процессов на благо народов Евразийского континента»².

Мы специально остановились на подробном разборе данных документов, чтобы более выпукло представить в контексте заявленной темы статьи органическую связь двух исследовательских тем — обустройство евразийского пространства с учетом сочетания национальных и коллективных интересов на нем акторов коалиционного взаимодействия, с одной стороны, и, с другой — создание целостной системы информационно-психологической и когнитивной безопасности на основе идейно-мировоззренческого (идеологического), когнитологического и организационного обеспечения евразийской безопасности и евразийского цивилизационного сообщества как одного из полюсов современного мироустройства [3; 9, с. 243–261].

Теоретическое становление концепции информационно-психологического противоборства и когнитивной безопасности

Во время Первой мировой войны 10 мая 1915 г. в британской газете The Times вышла статья под заголовком «Пытка канадского офицера» (Torture of a Canadian Officer). В тексте сообщалось, что во

¹ Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации Pravo.gov.ru. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007?index=1> (дата обращения: 19.05.2023).

² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии [Электронный ресурс] // Президент России (официальный сайт). 04.02.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67712> (дата обращения: 19.05.2023).

время битвы при Ипре 24 апреля 1915 г. немецкие военные захватили в плен и распяли на дереве канадского солдата. Достоверные свидетельства о том, случилось ли это на самом деле или нет, отсутствуют. Однако сама статья имела достаточно сильный эффект, ее быстро подхватила пресса самой Британии и других стран, и история о распятом офицере стала широко известна в войсках и среди населения, что способствовало демонизации немцев в глазах широкого общественного мнения. Это был, пожалуй, первый в истории пример по использованию информационного пространства в целях дискредитации военного противника и целенаправленного психологического воздействия.

В 1920 г. вышла в свет книга «Танки в великой войне 1914–1918 годов» британского историка и военного теоретика Джона Фуллера, который, по мнению некоторых исследователей, является автором понятия «психологическая война» (Psychological Warfare) [19]. В своей работе он пишет: «Механическая война будет заменена другой войной, беспроволочной природы, и не только вещи, но и человеческое тело будет управляться “флюидом”, которого мы даже еще не понимаем. Внушение воли одного человека другому может, в свою очередь, привести к чисто психологической войне, при которой даже не будет употребляться оружие» [18].

По мнению отдельных авторов, в полной мере термины «психологическая война» и «психологическая операция» утверждаются в документах специальных военных и разведывательных служб США и Великобритании в период Второй мировой войны [1].

Ранее использование термина «психологическая война» фиксируется в названии статьи “Psychological Warfare and How To Wage It”, опубликованной в 1940 г. в одном из американских журналов [22].

Окончательное утверждение термина «психологический» в официальных документах западных военных структур связано с созданием в феврале 1944 г. Управления по вопросам печати и психологической войны при штабе главнокомандующего объединенными силами союзников в Европе [14].

В научный обиход термин «психологические операции», по всей видимости, ввел капитан ВМС США Эллис Захариас. В своей книге «История офицера разведки», опубликованной в 1946 г., он пишет: «Все психологические операции будут координироваться как во времени, так и в направлениях, чтобы повысить эффективность основной операции» [23].

Спустя два года после публикации книги Захариаса, в 1948 г. вышла в свет работа Пола Лайнбарджера «Психологическая война», в которой впервые термин «психологическая война» использовался как самостоятельная теоретическая конструкция и предмет научного анализа в контексте межгосударственных конфликтов. Лайнбарджер теоретически обобщил опыт применения американцами и армиями других стран психологического воздействия на противника в военных целях [21, с. 9].

Центральным тезисом его концепции явилось то, что психологическая война направлена на достижение военных успехов без непосредственного применения военной силы. Лайнбарджер подчеркивал, что психологическая война может быть определена как способ ведения войны, в котором первостепенное значение имеет задействование информационного ресурса СМИ, использование достижений психологии в военных целях, а также синхронизация политических, пропагандистских, подрывных и военных усилий [Там же, с. 46].

Следует подчеркнуть, что Лайнбарджер первым отделил собственно боевые действия от специальных психологических операций, которые более не рассматривались исключительно в качестве вспомогательного инструмента достижения целей в рамках военного конфликта. Более того, предложенная им концепция психологической войны впервые обозначила связь между медиапространством и воздействием на человеческую психику в военных целях, поэтому с уверенностью можно сказать, что концепция информационно-психологического противоборства берет начало в 1948 г.

В процессе развития идей информационно-психологического противоборства человеческое сознание было провозглашено в дополнение к земле, морю, воздуху, космосу и киберпространству шестым пространством современных конфликтов — когнитивным [8, с. 78].

Революция в информационных технологиях сделала возможными когнитивные манипуляции нового типа в беспрецедентных и очень сложных масштабах. Это способствует тому, что классические воен-

ные возможности все более отдаляются от информационно-психологической сферы, происходит снижение актуальности кинетических и ресурсоемких средств ведения войны.

Сегодня информационно-психологические операции являются жизненно важным компонентом широкого спектра дипломатической, информационной, военной и экономической деятельности и выходят далеко за рамки военной сферы. Именно поэтому информационно-психологическое противоборство — это не один из аспектов военно-политической деятельности, а относительно обособленное измерение мировой политики, включающее широкий арсенал инструментов и ресурсов по осуществлению достаточно эффективных мероприятий по продвижению национальных интересов, обеспечения безопасности, решения прикладных политических, экономических и военных задач.

Информационно-психологическое противоборство в XXI в. разворачивается на фоне возникновения глобального информационного пространства и глубоких процессов цифровизации. Опираясь на современные технические возможности, постоянно совершенствуются манипулятивные технологии. Как указывают некоторые исследователи, ряд качественно новых аспектов в современную практику оказания информационно-психологического воздействия привнесли с собой социальные сети, которые связаны со значительными сложностями в верификации источника и достоверности информации, что открыло широкие возможности для распространения заведомо ложной или же намеренно искаженной информации [7, с. 28]. Поэтому сегодня в области массовых коммуникаций формируется отдельное направление по исследованию так называемых фейков.

Как указывает А. В. Манойло, одним из основных трендов современной международной политики является использование заведомо ложных (фейковых) событий или сфабрикованных адресных конфликтогенных новостей в качестве повода для нагнетания международной напряженности [11]. В глобальное информационное пространство вбрасываются огромные объемы непроверенной, тенденциозно подобранной, вырванной из контекста или откровенно ложной информации. Специалистами Массачусетского технологического института было проведено исследование, в рамках которого они изучили более 126 тыс. фейковых новостей, опубликованных в Twitter¹ в период с 2006 по 2017 гг. В результате было установлено, что фейковые новости распространяются в среднем в шесть раз быстрее правдивой информации из достоверных источников [20].

Кроме того, как подчеркивают некоторые исследователи, наибольшую опасность сегодня представляют созданные при помощи технологии искусственного интеллекта фейковые видеоролики, которые способны своей реалистичностью окончательно запутать широкую общественность относительно происходящих в современном мире событий [13, с. 16].

В современном мире возрастают угрозы враждебного использования информационно-коммуникационных технологий. Некоторые исследователи указывают, что одной из доминирующих тенденций современных международных отношений становится целенаправленная фабрикация событий, а также использование манипулятивной информации для различного рода провокаций и нагнетания напряженности [12].

Осмысление новых угроз в информационной среде в совокупности с появлением новых средств коммуникации, позволяющих с невиданной ранее эффективностью оказывать воздействие на индивидуальную психику человека, способствует дифференциации теории и практики информационной безопасности, а также формированию в ее концептуальных границах отдельной сферы информационно-психологической и когнитивной безопасности, главными объектами которой выступают системы формирования общественного мнения и психика человека.

Предметные границы концепции информационно-психологического противоборства

Сегодня можно со всей уверенностью утверждать, что деятельность, находящаяся на стыке массовых коммуникаций и психологии, представляет собой обособленное измерение современных международных отношений. Несмотря на кажущуюся очевидность подобного вывода, в теоретико-методологическом

¹ Деятельность соцсети Twitter (заблокирована в России) запрещена на территории Российской Федерации.

плане выделение специфического предмета концепции информационно-психологического противоборства задача отнюдь нетривиальная. Сегодня научный дискурс наполнен тысячами работ, посвященных вопросам противоборства в информационной среде, в которых термины, содержащие прилагательные «информационный» и «психологический» применительно к международному противоборству зачастую употребляются в качестве синонимов, либо содержание их в известной мере смешивается, либо же их использование носит ярко выраженный метафоричный характер.

При всех различиях в авторских трактовках и разнице в расстановке исследовательских акцентов понятие «информационный» (информационное противоборство/война/операция) в первую очередь на первый план выводит воздействие на информационную инфраструктуру, базы данных, каналы коммуникации, программное обеспечение, контроль над информационными потоками и информационной повесткой; понятие «психологический» (психологическая война/операция) фокусирует внимание прежде всего на воздействии на человеческую психику, сознание, эмоции для оказания влияния на поведение человека.

Также существенное значение при определении предмета концепции информационно-психологического противоборства имеют его конкретные инструменты и способы реализации: от специальных психологических операций, проводимых военными в условиях боевых действий, до публичной дипломатии.

Исходя из этого, для определения предмета концепции информационно-психологического и когнитивного противоборства в одной из предыдущих работ нами была предложена теоретическая схема, включающая две оси. Первая ось характеризует объект воздействия, на ее полюсах расположены «индивидуальная психика» и «информационная инфраструктура» с промежуточными делениями: «информационная повестка» (контроль над медийным пространством, доминирование определенного контента) и «программно-аппаратная среда» (программное обеспечение, комплектующие, поддержка, технические стандарты обработки данных). Вторая ось характеризует инструменты и характер воздействия. Полюсами этой оси выступают «публичная дипломатия» (деятельность иностранных СМИ, НКО, распространение определенных идеологических и социокультурных моделей через бизнес-сообщества, академические и образовательные структуры и т. д.) и «боевые действия» (состояние военного конфликта, прямого или же гибридного). Промежуточными делениями на данной оси выступают «информационные и психологические операции», проводимые под эгидой военного руководства, и «злонамеренное воздействие на социум» (целенаправленная пропаганда, распространение фейков, дискредитация политической элиты в публичном пространстве, негативное воздействие на общественные ценности и систему образования и пр.) [2].

Опираясь на предложенную схему, можно четко обозначить основной предмет современной концепции информационно-психологического и когнитивного противоборства, который включает в себя системы и инструменты формирования общественного мнения, особенности восприятия человеком информации, а также весь спектр методов и средств воздействия на общественное мнение и психику отдельного человека в мирное время и в условиях боевых действий с применением специальных информационных и психологических операций стратегического, тактического, оперативного уровня, а также инструментов мягкой силы.

Заключение

Сегодня все больше государств мира уделяют повышенное внимание вопросам обеспечения информационно-психологической безопасности. Вот уже более тридцати лет постсоветское пространство является ареной стратегической конкуренции, на которой сталкиваются национальные интересы государств, финансово-экономических групп, ценностные и идеологические модели развития. Стремление постсоветских государств сохранить политические, экономические и социокультурные связи, наработанные в период жизни в едином государстве, в рамках новых интеграционных форматов, СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, все чаще сталкивается с проблемой выбора вектора внешнеполитического курса. При этом и внешние

силы, прежде всего США, рассматривают усиление евразийской интеграции как угрозу своему доминирующему положению в мире. Постсоветские государства становятся объектом попыток установления внешнего влияния, являющегося частью комплексной политики сдерживания Китая и России. При этом США и их союзники по НАТО все чаще переходят к прямым формам информационно-психологического воздействия на гуманитарную сферу постсоветского пространства.

Поэтому объединение национальных интересов и коллективных усилий по выработке и концептуализации единого подхода к обеспечению информационно-психологической безопасности на уровне основных евразийских форматов сотрудничества, таких как ЕАЭС, ОДКБ и ШОС, является приоритетной задачей в современных конфликтных реалиях мировой политики.

Литература

1. Барабаш В. В., Котеленец Е. А., Лаврентьева М. Ю. Информационная война: к генезису термина // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 3. С. 76–89. DOI: 10.24411/2070-0695-2019-10310
2. Выходец Р. С., Панцеров К. А. Сравнительный анализ современных концепций информационного противоборства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 4. С. 139–148. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-04-139-148
3. Глазьев С. Ю., Кефели И. Ф. К вопросу об идеологии Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 10–21. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-01-10-21
4. Глазьев С. Ю., Митяев Д. А., Ткачук С. П. О возможностях экономического развития ЕАЭС в долгосрочной перспективе. Научный доклад / Научный совет РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию. М., 2023. 107 с.
5. Засурский Я. Н. Информационная безопасность России и средства массовой информации // Информационное общество. 2001. № 4. С. 19–23. EDN: HRNVVF
6. Ильина М. Ю. Перспективы сотрудничества государств — членов ЕАЭС в области информационной безопасности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 119–127. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-01-119-127
7. Касюк А. Я. Информационно-психологическое воздействие в информационном противоборстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. Вып. 1. С. 22–34. DOI: 10.52070/2500-347X_2021_1_842_22
8. Кефели И. Ф. Асфатроника: на пути к теории глобальной безопасности. СПб., 2020. 228 с.
9. Кефели И. Ф. Человек и асфатроника: категорию идеального — в исследования искусственного интеллекта и глобальной безопасности / Человечество в новой реальности: глобальные биотехнологические вызовы. М. : КАНОН+, 2022. 496 с.
10. Колотов В. Н. Современное состояние евразийской дуги нестабильности: расстановка зон влияния и перенос нестабильности с западного фронта на восточный // Сравнительная политика. 2014. Т. 5. №2 (15–16). С. 28–42. DOI: 10.18611/2221-3279-2014-5-2(15-16)-28-42
11. Манойло А. В. «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2019. № 2. С. 37–45. EDN: HGEVPF
12. Манойло А. В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М. : Горячая линия — Телеком, 2018. 496 с.
13. Панцеров К. А. Ментальные войны с применением технологий искусственного интеллекта: вызовы и угрозы для России // Вестник академии военных наук. 2021. № 3. С. 15–21. EDN: ESRDKY
14. Погью Ф. С. Верховное командование. М. : Воениздат, 1959. 601 с.
15. Прохоров Е. П. Обеспечение информационной безопасности в деятельности СМИ. М. : Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2009. 90 с.

16. Прохоров Е. П. Средства массовой информации и информационная безопасность // Информационное общество. 1997. Вып. 4–6. С. 36–42.
17. Селиванова И. Ф. Проблемы безопасности Евразии и перспективы развития ОДКБ («Круглый стол» в Институте экономики РАН) // Россия и новые государства Евразии. 2012. № 3. С. 21–36. EDN: SVKQAT
18. Фуллер Дж. Танки в великой войне 1914–1918 гг. М. : Высш. воен. ред. совет, 1923. 262 с.
19. Daugherty W. E. Origin of PSYOP Terminology in The Art and Science of Psychological Operations: Case Studies of Military Application. Volume One. US Department of the Army, 1976. 18 p.
20. Langin K. Fake News Spreads Faster than True News on Twitter — Thanks to People, not Bots // Science. 8 March 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.science.org/content/article/fake-news-spreads-faster-true-news-twitter-thanks-people-not-bots?utm_source=newsfromscience&utm_medium=twitter&utm_campaign=fakenews-18314 (дата обращения: 06.02.2023). DOI: 10.1126/science.aat5350
21. Linebarger P. Psychological Warfare. Washington, 1954. 335 p.
22. Psychological Warfare and How to Wage It // Current History and Forum. 1940. January. P. 52–53.
23. Zacharias E. M. Secret Missions: The Story of an Intelligence

Об авторах:

Кефели Игорь Федорович, профессор, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук; e-mail: geokefeli@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6889-8924

Выходец Роман Сергеевич, доцент кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук, доцент; e-mail: marketing812@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5910-9815

References

1. Barabash V. V., Kotelenets E. A., Lavrentieva M. Yu. Information War: Towards the Genesis of the Term // Sign: Problematic Field of Media Education [Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya]. 2019. No. 3. P. 76–89 (In Rus.) DOI: 10.24411/2070-0695-2019-10310
2. Vykhodets R. S., Pantserov K. A. Comparative Analysis of Modern Concepts of Information Warfare // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2022. Vol. 16. No. 4. P. 139–148. (In Rus.) DOI: 10.22394/2073-2929-2022-04-139-148
3. Glazyev S. Yu., Kefeli I. F. On the Question of the Ideology of the Eurasian Economic Union // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo politika]. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 10–21. (In Rus.) DOI: 10.22394/2073-2929-2022-01-10-21
4. Glazyev S. Yu., Mityaev D. A., Tkachuk S. P. On the Possibilities of the Economic Development of the EAEU in the Expected Future. Scientific report of the Russian Academy of Sciences on the complex problems of Eurasian economic efficiency, improvement, productivity and sustainable development. Moscow, 2023. 107 p. (In Rus.)
5. Zasursky Ya. N. Information Security of Russia and Mass Media // Information Society [Informatsionnoe obshchestvo]. 2001. No. 4. P. 19–23. (In Rus.) EDN: HRNVVF
6. Ilyina M. Y. Prospects of Cooperation of the EAEU Member States in the Field of Information Security // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo politika]. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 119–127. (In Rus.) DOI: 10.22394/2073-2929-2022-01-119-127
7. Kasyuk A. Ya. Informational and Psychological Impact in Information Confrontation // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences [Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo

- universiteta. Obshchestvennye nauki]. 2021. Issue 1. P. 22–34. (In Rus.) DOI: 10.52070/2500-347X_2021_1_842_22
8. Kefeli I. F. Asphatronics: on the Way to the Theory of Global Security. Saint Petersburg, 2020. 228 p. (In Rus.)
 9. Kefeli I. F. Man and Asphatronics: the Category of the Ideal — in the Research of Artificial Intelligence and Global Security / Humanity in the New Reality: Global Biotechnological Challenges. Moscow : CANON+, 2022. 496 p. (In Rus.)
 10. Kolotov V. N. Kolotov V. The Current State of the Eurasian Arc of Instability: the Spheres of Influence and the Shift of Instability from the Western to the Eastern Flank // Comparative Politics Russia. [Sravnitel'naya politika]. 2014. Vol. 5. No. 2 (15–16). P. 28–42. (In Rus.) DOI: 10.18611/2221-3279-2014-5-2(15-16)-28-42
 11. Manoilo A. V. Fake News as a Threat to National Security and as a Tool of Information Management // Bulletin of the Moscow University. Series 12. Political Sciences [Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki]. 2019. No. 2. P. 37–45. (In Rus.) EDN: HGEVPF
 12. Manoilo A. V. Information Wars and Psychological Operations. Guide to Action. Moscow : Hotline — Telecom, 2018. 496 p. (In Rus.)
 13. Pantserov K. A. Mental Wars with the Use of Artificial Intelligence Technologies: Challenges and Threats for Russia // Bulletin of the Academy of Military Sciences [Vestnik akademii voennykh nauk]. 2021. No. 3. P. 15–21. (In Rus.) EDN: ESRDKY
 14. Poguy F. S. Supreme Command. Moscow : Voenizdat, 1959. 601 p. (In Rus.)
 15. Prokhorov E. P. Ensuring Information Security in the Activities of the Media. Moscow : Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, 2009. 90 p.
 16. Prokhorov E. P. Mass media and information security // Information Society [Informatsionnoe obshchestvo]. 1997. Issue 4–6. P. 36–42. (In Rus.)
 17. Selivanova I. F. Problems of Eurasian Security and Prospects for the Development of the CSTO (“Round table” at the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences) // Russia and the New States of Eurasia [Rossiya i novye gosudarstva Evrazii]. 2012. No. 3. P. 21–36. (In Rus.) EDN: SVKQAT
 18. Fuller J. Tanks in the Great War of 1914–1918. Moscow : Higher. Military ed. the Council, 1923. 264 p. (In Rus.)
 19. Daugherty W. E. Origin of PSYOP Terminology in The Art and Science of Psychological Operations: Case Studies of Military Application. Volume One. US Department of the Army, 1976. 18 p.
 20. Langin K. Fake News Spreads Faster than True News on Twitter — Thanks to People, not Bots // Science. 8 March 2018 [Electronic resource]. URL: https://www.science.org/content/article/fake-news-spreads-faster-true-news-twitter-thanks-people-not-bots?utm_source=newsfromscience&utm_medium=twitter&utm_campaign=fakenews-18314 (accessed: 06.02.2023). DOI: 10.1126/science.aat5350
 21. Linebarger P. Psychological Warfare. Washington, 1954. 335 p.
 22. Psychological Warfare and How to Wage It // Current History and Forum. 1940. January. P. 52–53.
 23. Zacharias E. M. Secret Missions: The Story of an Intelligence Officer. New York : G. P. Putnam's Sons, 1946. 433 p.

About the authors:

Igor F. Kefeli, Professor, Leading Researcher at the Research Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration of the North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy);
e-mail: geokefeli@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6889-8924

Roman S. Vykhodets, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Philosophy, Associate Professor;
e-mail: marketing812@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5910-9815

Технологическая реструктуризация экономик на постсоветском пространстве: от «разрушения» к «созиданию»^{1, 2}

Бойко И. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: boyko-iv@ranepa.ru
ORCID: 0000-0003-1442-7526

РЕФЕРАТ

Современные геоэкономические и геополитические процессы создают необходимость в переосмыслении интеграционного взаимодействия между республиками бывшего СССР, ныне — суверенными странами. Это связано не только со стремительно усиливающейся нестабильностью мировой финансовой системы, ростом торгово-экономических противоречий между странами, но и с возможностью использования прежнего опыта межреспубликанского промышленно-технологического и интеллектуального сотрудничества для достижения целей экономического развития.

Цель и задачи. Определить основные контуры технологического и экономического взаимодействия между бывшими республиками СССР в новых геоэкономических и геополитических условиях.

Методы. Используются методы эмпирического и статистического анализа, системности, принципов научной дискуссии, диалектических методов познания, таких как единство исторического и логического, принципа восхождения от единичного к общему и обратно (индукции и дедукции), принципа взаимосвязи качественных и количественных характеристик, единства анализа и синтеза.

Результаты. Определены особенности траектории экономического развития бывших советских республик, установлены основные проблемы, связанные с переходом к «свободной рыночной экономике», такие как падение темпов экономического роста, сокращение численности населения, значительная внешняя задолженность, «голландская болезнь» и деиндустриализация экономики. Проанализированы попытки поиска новых решений по укреплению своего экономического суверенитета, предпринимаемые некоторыми странами — бывшими республиками СССР.

Выводы. Необходимость разработки новой экономической политики в странах бывшего СССР диктуется не только усилением нестабильности во внешней экономической среде и необходимостью укрепления их национальных экономик, но также потерей экономической самостоятельности и накоплением проблем в условиях построения «рыночной экономики». Требуется значительные усилия по восстановлению экономики бывших республик СССР. Стратегическим направлением становится реиндустриализация экономики, то есть восстановление утраченного экономического потенциала на новой промышленно-технологической основе. Для успешной реализации цели усиления экономического суверенитета большое значение имеет объединение научно-интеллектуального и образовательного потенциала бывших республик СССР и создание общего технологического пространства. Это с неизбежностью приведет к формированию новой системы международного разделения труда на постсоветском пространстве, что является основным признаком рыночной экономики.

¹ Исследование проведено в рамках проекта «Интеграционные процессы СНГ: проблемы, возможности и перспективы», финансируемого по программе инициативных научно-исследовательских работ СЗИУ РАНХиГС.

² «Созидательное разрушение» (creative destruction) — известная теория циклического развития экономики австрийского экономиста Й. Шумпетера, в которой он обосновал неизбежность циклического спада экономики и сформулировал основные принципы выхода из его нижней точки — депрессии — в результате промышленно-технологического (инновационного) обновления.

Ключевые слова: дезинтеграция, технологический суверенитет, «голландская болезнь», конвергенция, экономическая идентичность

Для цитирования: Бойко И. В. Технологическая реструктуризация экономик на постсоветском пространстве: от «разрушения» к «созиданию» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 2. С. 24–33.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-24-33>

Technological Restructuring of Economies of the Former Soviet Union: from “Destruction” to “Creation”

Irina V. Boiko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: boyko-iv@ranepa.ru

ORCID: 0000-0003-1442-7526

ABSTRACT

Modern geo-economic and geopolitical processes create a need to rethink the integration interaction between the republics of the former USSR, now — sovereign countries. This is due not only to the rapidly increasing instability of the global financial system, the growth of trade and economic contradictions between countries, but also to the possibility of using the previous experience of inter-republican industrial-technological and intellectual cooperation to achieve the goals of economic development.

Aim and tasks. The article’s main aim is to frame the technological and economic interaction between the former republics of the USSR in the new geo-economic and geopolitical conditions.

Methods. The methods applied includes empirical and statistical analysis, the use of consistency, the principles of scientific discussion, dialectical methods of cognition, such as the unity of the historical and logical, the principles of induction and deduction, the principle of the linkage between qualitative and quantitative characteristics, the unity of analysis and synthesis.

Results. The article highlights the features of the trajectory of the economic development of the former Soviet republics. The main problems associated with the transition to a “free market economy”, such as declining economies, population decrease, significant external debt, “Dutch disease” and deindustrialization of the economy, are identified.

Conclusion. In conclusion the need to develop a new economic policy in the countries of the former USSR is argued from the standpoint of increased instability in the external economic environment and the need to strengthen their national economies, but also by the loss of economic independence and the accumulation of problems during the period of building a “market economy”. Significant efforts are required to restore the economy of the former republics of the USSR. The strategic direction is the reindustrialization of the economy, that is, the restoration of the lost economic potential on a new industrial and technological basis. For the successful implementation of the goal of strengthening economic sovereignty, it is of great importance to unite the scientific, intellectual and educational potential of the former republics of the USSR and create a common technological space. This will inevitably lead to the formation of a new system of international division of labor in the post-Soviet space, which is the main feature of a market economy.

Keywords: desintegration, technological sovereignty, “Dutch disease”, convergence, economic identity

For citation: Boiko I. V. Technological Restructuring of Economies of the Former Soviet Union: from “Destruction” to “Creation” // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 24–33. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-24-33>

Введение

Постсоветское пространство — это территория, на которой до 1991 г. существовало государство Союз Советских Социалистических Республик (СССР). В состав СССР входило пятнадцать республик: Россия, Казахстан, Белоруссия, Латвия, Литва, Эстония, Молдавия, Украина, Армения, Грузия, Азербайджан, Таджикистан, Узбекистан, Туркмения, Киргизия. В настоящее время это пространство нельзя назвать единой политической и экономической системой, но его характерной особенностью является то, что на данной территории расположены суверенные государства, обладающие общим промышленно-технологическим наследием, накопившие неоднозначный опыт рыночных реформ на первом этапе реализации своего экономического суверенитета и в настоящее время стоящие перед значительными вызовами, создающими угрозу своей национальной экономической безопасности.

«Национальные сравнительные преимущества» и разные экономические траектории

По своим экономическим характеристикам постсоветское пространство крайне неоднородно.

Три прибалтийские страны — Литва, Латвия и Эстония, обладающие ограниченными природными ресурсами, но имеющие выгодное географическое положение и накопившие значительный промышленно-технологический потенциал во времена СССР, обретя политическую независимость 6 сентября 1991 г., спустя несколько лет, в 2004 г., вошли в состав Европейского союза, приняв все нормы и правила регулирования экономической деятельности этого интеграционного объединения на своей территории. Но эти страны остаются экономически одними из самых слабых в мире, занимая лишь 80-е, 96-е и 98-е место в мировой экономике по уровню номинального ВВП соответственно¹.

Молдавия (Республика Молдова), также имеющая серьезные ресурсные ограничения и не имеющая выхода к морю, является одной из наиболее бедных стран в Европе. В 2022 г. ВВП страны составил 14,3 млрд долл., что позволило ей занять лишь 136-е место в мировой экономике. Страна активно продвигает свои намерения войти в состав ЕС, но ввиду существенных проблем в экономике имеет на этом направлении очень слабые перспективы.

Республике Беларусь, не обладающей существенными природными ресурсами (кроме значительных запасов калия, по экспорту которого страна занимает одно из ведущих мест в мире) и не имеющей выхода к морю, одной из немногих стран на постсоветском пространстве удалось сохранить достаточно высокий промышленно-технологический потенциал. Страна занимает 68-е место в мире по уровню номинального ВВП и является членом Евразийского экономического союза, четко определив свой внешнеэкономический вектор в направлении сотрудничества с бывшими странами СССР и, прежде всего, с Россией.

Украина — вторая по уровню экономического развития после России республика, которая во времена СССР обладала значительным экономическим и промышленно-технологическим потенциалом. Особенный успех в советское время был достигнут не только в аграрном производстве, но и, к примеру, в авиастроении. Кроме того, страна занимает выгодное географическое положение для транзита нефти и газа из России в страны Западной Европы, а также имеет выход к морю, что позволяет ей участвовать в международных морских грузоперевозках. В 2021 г. ВВП Украины составил 200 млрд долл.², что позволило стране занять 55-е место в мировой экономике. В значительной степени игнорируя значимость собственного экономического развития и укрепления технологического суверенитета, Украина достаточно драматично, но до сих пор безуспешно пытается войти в состав ЕС.

Две крупнейшие страны бывшего СССР — Российская Федерация и Республика Казахстан — являются членами Евразийского экономического союза, занимают соответственно 9-е и 52-е место в мировой экономике по уровню номинального ВВП. Основными ресурсами, обеспечивающими экономический рост в данных странах, являются нефть и газ. Так, по доказанным запасам нефти Россия занимает 8-е,

¹ Countries by GDP [Электронный ресурс] // PopulationU. URL: <https://www.populationu.com/gen/countries-by-gdp> (дата обращения: 12.02.2023).

² Ukraine GDP [Электронный ресурс] // Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/ukraine/gdp> (дата обращения: 30.01.2023).

а Казахстан 12-е место в мире, что в течение длительного времени создавало особые преимущества данных стран на мировом энергетическом рынке, но одновременно формировало высокую зависимость их экономик от геоэкономического и геополитического фактора. В такую же зависимость от добычи и экспорта нефти попал Азербайджан, занимающий 81-е место в мире по уровню номинального ВВП и 20-е место в мире по доказанным запасам нефти¹. Серьезным негативным последствием стала «голландская болезнь»² и деиндустриализация экономики данных стран.

Экономически Казахстан тяготеет как к России, так и к Китаю, но в последние годы усиливает свое стремление к укреплению национального экономического суверенитета и независимости, как, впрочем, и многие другие бывшие республики СССР.

Закавказские республики — Грузия и Армения, в отличие от входящего в данную группу стран Азербайджана, не обладают запасами нефти и газа и являются экономически слабыми странами, занимая 111-е и 117-е место в мировой экономике по уровню номинального ВВП соответственно. Армения является членом ЕАЭС, что во многом определяет внешнеэкономическую ориентацию данной страны. Грузия тяготеет к западным странам, хотя последние геополитические события ставят под сомнение целесообразность такой ориентации в долгосрочной перспективе.

К среднеазиатским республикам относятся (кроме Казахстана) Узбекистан, Туркменистан, Киргизия, Таджикистан³. Эти страны занимают 69-е, 74-е, 143-е и 144-е место в мировой экономике по уровню номинального ВВП соответственно. Таким образом, беднейшими странами в этой группе являются Киргизия, входящая в состав Евразийского экономического союза, и Таджикистан, в большей степени ориентированный на Китай. Основой для достаточно высокой позиции в мировой экономике Узбекистана является то, что страна занимала 4-е место в СССР по уровню экономического развития и предприняла значительные усилия для сохранения своего промышленного потенциала в постсоветский период [2]. Страна является наблюдателем в ЕАЭС, но активно развивает внешнеэкономические связи и с Китаем. Существенные внешнеэкономические связи сформировались и между Туркменистаном и Китаем: Китай является крупнейшим покупателем туркменского газа, инвестируя в нефтегазовый комплекс и добычу природных ресурсов в Туркменистане значительные средства.

Таким образом, объявив суверенитет и пытаясь избавиться от советского прошлого, бывшие советские республики — ныне суверенные страны попали в зависимость от экономически более сильных участников международного разделения труда: Европейского союза — на западе и Китая — на востоке, в то же время значительно утратив тот экономический, промышленный, технологический и интеллектуальный капитал, который был создан в течение длительного советского периода времени.

Рыночные реформы на постсоветском пространстве: неоправдавшиеся ожидания

Сразу после прекращения существования СССР в 1991 г. бывшие республики, прежде входящие в его состав, объявили о самостоятельном курсе на построение рыночной экономики. Четкого представления о том, что представляет собой рыночная экономика и какой эффект она может иметь для укрепления экономики новых суверенных государств, не существовало в те годы и не сформировалось до сих пор. На практике был выбран «либерально-демократический» курс, то есть политическая идеология возобладала над экономическим прагматизмом — все бывшие советские республики пошли по пути либерализации своих экономик. Этот путь означал существенное снижение роли государства в экономике, отказ от стратегического планирования своего экономического, технологического и промышленного развития, свободу формирования цен на товары и ресурсы на внутренних рынках, а также либерализацию внешней торговли, предполагающую свободу перемещения товаров, капитала и рабочей силы между

¹ Countries by GDP [Электронный ресурс] // PopulationU. URL: <https://www.populationu.com/gen/countries-by-gdp> (дата обращения: 16.02.2023).

² Голландская болезнь — экономический феномен, связанный с деиндустриализацией экономики в связи с усилением сырьевой, прежде всего нефтегазовой, специализацией экспорта. Термин «голландская болезнь» предложен журналом "The Economist" в 1977 г. в связи с переориентацией голландской экономики на добычу и экспорт газа.

³ В данную группу также входит Афганистан, не входивший в состав СССР и не являющийся членом СНГ. «Страны Средней Азии» [Электронный ресурс] // Visasam.ru. URL: <https://visasam.ru/emigration/vybor/strany-srednej-azii.html> (дата обращения: 23.02.2023).

странами. Сегодня, по прошествии более тридцати лет, можно оценить результаты реализации данного экономического курса в странах, созданных на территории бывшего СССР.

В международной практике результаты экономической политики принято оценивать по динамике валового внутреннего продукта (ВВП), хотя в последние годы данный показатель подвергается обоснованной критике со стороны ведущих зарубежных экономистов. Тем не менее анализ темпов роста ВВП для стран-нефтеимпортеров¹ позволяет прийти к выводу о значительном их падении и, следовательно, о снижении экономического потенциала данных стран после выхода из состава СССР. Так, к примеру, темпы роста экономики Украины, рассчитанные к уровню 1990 г., в течение всего периода находились в отрицательной зоне. Они существенно упали с начала рыночных реформ (1991–1998 гг.), несколько выросли в начале XXI в. (2000–2007 гг.), были на достаточно низком уровне в период краткосрочного восстановления после кризиса 2008 г. и кризиса, связанного с пандемией COVID-19. В 2022 г. экономика продемонстрировала обвальное падение — на 34,95% по сравнению с 2021 г.²

Такую же динамику продемонстрировала, к примеру, и Молдова. Так, по заключению экспертов парламентской ассамблеи ЕС, «с самого начала 1990-х годов Молдова столкнулась с постоянным падением своего валового внутреннего продукта (ВВП), отрицательные темпы роста которого наблюдались в течение всего десятилетия. В 2001 г., когда ВВП Молдавии составил всего лишь 1,38 млрд долл., экономика страны, по мнению Международного валютного фонда, сократилась на 60% по сравнению с 1991 г.»³.

Несколько иную динамику демонстрировала экономика стран-нефтеэкспортеров. Так, достаточно быстро преодолев экономический спад, связанный с выходом из состава СССР, Казахстан стал наращивать темпы роста своей экономики. Но этот процесс был связан в основном с увеличением добычи и экспорта нефти, чему во многом благоприятствовала складывающаяся конъюнктура на мировом нефтяном рынке. Но начиная с 2011 г. доходы Казахстана от экспорта нефти начинают падать, что привело к необходимости сокращения объемов его экспорта. Устойчивость данного негативного для экономики Казахстана тренда привела к пониманию необходимости ее диверсификации, развития перерабатывающей промышленности и стимулирования инновационной активности.

Аналогичные задачи стоят перед Россией, Азербайджаном, Туркменистаном, испытывающими избыточную зависимость от экспорта углеводородного сырья и тем самым попавшими в ловушку «голландской болезни», т. е. деиндустриализации — замещения обрабатывающей промышленности и ее высокотехнологических секторов добывающими секторами, формирующими зависимость от иностранных инвестиций, зарубежных технологий и оборудования.

Такой разворот экономики бывших советских республик привел к значительному оттоку населения, в том числе к интеллектуальной эмиграции — к «утечке умов». Так, численность населения Латвии, несмотря на ожидания благополучия и процветания в составе Европейского союза, начиная с 1990 г. неуклонно снижалась, достигнув своего «дна» в начале XXI в. Так, если в 1990 г. численность населения Латвии составляла 2,663 млн чел., то в 2022 г. всего 1,85 млн чел. Более существенный удар по государству, стремящемуся поддержать свой экономический суверенитет и защитить свою идентичность, представить сложно⁴.

Некоторые зарубежные эксперты отмечают, что денежные переводы населения, эмигрировавшего из бывших советских республик, а не эффективность внутренней экономической политики стали одним из основных источников их экономического роста. Особенное значение этот фактор имел для Узбекистана, Таджикистана, Киргизстана, Армении, Украины, Молдавии.

¹ В международной терминологии понятие «страны-нефтеимпортеры» зачастую применяется к странам, зависимым от импорта основных энергоносителей — нефти и газа.

² Ukraine: Real gross domestic product (GDP) growth rate from 2013 to 2023 [Электронный ресурс] // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1258213/gross-domestic-product-gdp-growth-rate-in-ukraine/> (дата обращения: 14.01.2023).

³ Burbiene S. Economic Development of Moldova: Challenges and Prospects [Электронный ресурс] // Report. For debate in the Standing Committee — see Rule 15 of the Rules of Procedure. Doc. 9797. 25 April 2003. Committee on Economic Affairs and Development. URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/X2H-Xref-ViewHTML.asp?FileID=10151&lang=EN> (дата обращения: 14.01.2023).

⁴ Hove N. Latvia is a case study in population decline [Электронный ресурс] // Stock&Policy. 09.30.2021. URL: <https://app.hedgeye.com/insights/105547-latvia-is-a-case-study-in-population-decline?type=stock-and-policy> (дата обращения: 22.01.2023).

Еще одной проблемой, способной осложнить жизнь будущих поколений в странах бывшего СССР, стал растущий как снежный ком внешний долг. Как известно, обслуживание внешнего долга представляет собой изъятие внутренних доходов на погашение внешних обязательств, что ограничивает возможности для национального развития на длительную перспективу.

Так, согласно выводам, к которым пришла парламентская ассамблея ЕС, «Молдова начала в 1991 г. процесс трансформации своей экономики, практически не имея внешнего долга, поскольку Россия приняла на себя все обязательства по выплате задолженности СССР. С этого момента внешний долг Молдовы в сравнении с ВВП и объемом экспортных доходов стал расти чрезвычайно высокими темпами... к концу 2000 г. внешний долг Молдовы составил 1,55 млрд долл. США (включая 300 млн долл. США за поставку энергоресурсов в страну), что составило 108% ВВП или 243% экспортных доходов Молдовы»¹. В 2021 г. внешняя задолженность Молдовы выросла почти до 9,288 млрд долл. США, что на 12,88% превысило уровень 2020 г.² и составила почти 68% ВВП. Это еще не критический показатель, поскольку пороговое значение в 100% ВВП не достигнуто, но это уже свидетельство о значительных проблемах в экономике страны.

Результат «рыночного разворота» бывших республик СССР подвела и Организация Объединенных Наций: «...исходя из оценок ООН, в 1990 году доля Советского Союза в мировом ВВП (в пересчете на постоянные цены 2015 года) составляла 4,6%, а сейчас доля суммарного ВВП пятнадцати бывших советских республик составляет около 2,6%»³.

Бывшие республики СССР на экономическом перепутье

В начале 30-х гг. XXI в. в странах — бывших республиках СССР усилилось понимание необходимости достаточно глубокого разворота своих экономик от попыток «опереться на надежное западное плечо» к стремлению найти свой путь к экономическому суверенитету при сохранении своей идентичности в противовес западному либерализму. Не признавая на официальном уровне ошибочность свободного рыночного курса в экономике, многие страны пытаются активизировать роль государства, определить эффективную для национальной экономики связь между правительством и бизнесом. В некоторых из этих стран формируется вполне четкое представление дальнейшего пути развития экономики в направлении развития промышленности, технологического обновления для улучшения структуры внешней торговли и снижения зависимости от экспорта сырья, что невозможно в условиях свободного рынка. В Казахстане, к примеру, растет понимание нецелесообразности дальнейшего наращивания экспорта нефти и газа и важности перехода на «чистые» технологии, минимизирующего вредное влияние на окружающую среду. Так, авторы монографии “Kazakhstan: Accelerating Economic Diversification” утверждают, что «использование ресурсов нефти и газа не создает условий для долговременного экономического роста. Требуется проведение глубоких реформ в направлении улучшения бизнес-климата, повышения конкурентоспособности экономики и стимулирования активности частного предпринимательства в решении национальных экономических задач» [8, р. 26]. Авторы данной монографии предлагают направления углубления диверсификации экономики Казахстана, повышения производительности труда в аграрном секторе экономики, но особенно большое внимание уделяют трансформации промышленности в направлении производства и экспорта высокотехнологической продукции. Эксперты Anna Bjerde и Tatiana Proskuryakova подчеркивают необходимость структурных реформ в экономике Казахстана также по причине изменения климата: «...недавняя волатильность мировых цен на нефть и газ в очередной раз напомнила Казахстану о необходимости уменьшить свою зависимость от неожиданных спадов и подъемов

¹ Burbiene S. Economic Development of Moldova: Challenges and Prospects [Электронный ресурс] // Report. For debate in the Standing Committee — see Rule 15 of the Rules of Procedure. Doc. 9797. 25 April 2003. Committee on Economic Affairs and Development. URL: <https://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/X2H-Xref-ViewHTML.asp?FileID=10151&lang=EN> (дата обращения: 14.01.2023).

² Moldova External Debt [Электронный ресурс] // Macrotrends. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/MDA/moldova/external-debt-stock#:~:text=Moldova%20external%20debt%20for%202021,a%2012.88%25%20increase%20from%202020> (дата обращения: 24.01.2023).

³ От Армении до Эстонии: выросли ли экономики республик за 30 лет без СССР [Электронный ресурс] // РБК. 08.12.2021. URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/12/2021/61ae2d289a794770fcedad56> (дата обращения: 27.03.2023).

на мировых энергетических рынках. Поскольку экономика страны зависит от добычи и экспорта энергоресурсов, то объявленная международным сообществом необходимость сокращения выбросов парниковых газов в атмосферу может также оказать отрицательное влияние на экспорт Казахстана и на экономику страны в целом. Кроме того, аграрное производство Казахстана также сталкивается с растущими рисками в связи с экстремальными погодными условиями, что может стать критически важным для сельского населения страны»¹. Необходимость диверсификации экономики признает и правительство Казахстана, посвятив ей главу в программе, принятой 25 апреля 2022 г.²

Такую же высокую озабоченность чрезмерной и опасной зависимостью экономики от экспорта нефти высказывают и азербайджанские экономисты. Abuhayat Aliyeva утверждает, что «...азербайджанская экономика традиционно характеризуется высокой зависимостью от нефтяной отрасли. Доходы от добычи и продажи нефти и нефтепродуктов обеспечивали экономический рост и были основным источником финансирования импорта большинства потребительских товаров. Однако падение нефтяной отрасли, сменившее ее рост, вызвало очень серьезный экономический шок и привело к пониманию необходимости структурных изменений в национальной экономике» [7, р. 54]. Авторы доклада о результатах развития Азербайджана в 2022 г. утверждают: «Неожиданный экономический спад после падения цен на нефть в 2020 г. выявил глубокие экономические и политические проблемы существующей системы. Пандемия обнажила критическую ситуацию на рынке труда, несмотря на официальную пропаганду, утверждающую, что ситуация находится под контролем. Несмотря на некоторый прогресс, достигнутый в диверсификации экономики, например в сельском хозяйстве и туризме, экономика страны все еще в значительной степени зависит от цен на топливо»³.

Стратегический курс на структурную перестройку и модернизацию экономики взял Узбекистан. Выступая на совместном заседании Олий Мажлиса 14 декабря 2016 г., Президент Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёев отметил следующее: «Модернизация отраслей и регионов, повышение их конкурентоспособности, развитие экспортного потенциала всегда будут в центре нашего внимания. Для этого необходимо еще активнее привлекать иностранные инвестиции, передовые технологии, в том числе информационно-коммуникационные, во всех сферах. Именно на этой основе мы сможем добиться более чем двукратного увеличения валового внутреннего продукта к 2030 году» [6, р. 26]. Mukhammedova Zarina отмечает: «Государственная поддержка, направленная на продолжение и углубление прогрессивных структурных преобразований, процессов обновления жизни общества дает мощный импульс дальнейшему повышению потенциала, устойчивости и сбалансированности национальной экономики, реализации важных социальных проектов в целях дальнейшего повышения качества жизни населения страны» [10, р. 43].

Аналогичный курс на усиление промышленного потенциала, повышение конкурентоспособности высокотехнологических отраслей промышленности, диверсификацию экономики взяли и другие страны — бывшие республики СССР, такие как Российская Федерация, Республика Беларусь и некоторые другие.

Интегрируя идентичности: заключение

Таким образом, по прошествии 30-летнего периода так называемых «рыночных» реформ страны — бывшие республики СССР начинают прагматично оценивать свой прошлый, советский, опыт промышленно-технологического развития и накопления интеллектуального капитала. Критическому переосмыслению также подвергается опыт построения «свободной» экономики, на практике приведший к формированию опасной зависимости от изменчивой конъюнктуры экспортно-сырьевых рынков, иностранных инвестиций

¹ Bjerde A., Proskuryakova T. Climate Action Can Catalyze Kazakhstan's Economic Diversification. Inaction Will Be Costly [Электронный ресурс] // The World Bank. November 4, 2022. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/opinion/2022/11/04/climate-action-can-catalyze-kazakhstan-economic-diversification-inaction-will-be-costly> (дата обращения: 04.03.2023).

² Об утверждении Национального плана развития Республики Казахстан до 2025 года и признании утратившими силу некоторых указов Президента Республики Казахстан : указ Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 года № 636 [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Аділет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U180000636> (дата обращения: 05.03.2023).

³ Azerbaijan Country Report 2022 [Электронный ресурс] // BTI Transformation.Index. URL: <https://bti-project.org/en/reports/country-report/AZE> (дата обращения: 26.03.2023).

и технологий, деиндустриализации и «утечке умов». На этом пути страны столкнулись с существенной угрозой своему экономическому суверенитету под давлением крупных транснациональных компаний и ведущих экономических держав, таких как США, Китай, а также Европейский союз. В этих странах назрела потребность глубокой трансформации национальных экономик для укрепления экономической независимости, снижения рисков от нестабильной внешней конъюнктуры, преодоления угроз, связанных с использованием экономических отношений как инструмента политического давления на неугодные страны. Постепенно формируется контур экономического будущего на основе укрепления экономического и технологического суверенитета данных стран. Это, в свою очередь, означает диверсификацию национальных экономик, развитие конкурентоспособных высокотехнологических отраслей, увеличение доли продукции с высокой добавленной стоимостью при снижении антропогенной нагрузки на окружающую природу.

При неизбежности и объективной обусловленности усиления нового стратегического курса на укрепление национального экономического суверенитета, реализации своей идентичности во многих странах бывшего СССР сегодня становится более чем уместно формировать и контуры будущего интеграционного взаимодействия между ними. Как в свое время утверждал А. Либман, «процесс интеграции происходит параллельно с процессом формирования наций в новых независимых государствах. Дискуссии о нации и идентичности, как показывают многие исследования, во многом определяют отношение постсоветских стран к интеграции. В какой степени данный фактор доминирует над чисто экономическими преимуществами и издержками сотрудничества, можно спорить. Но очевидно, что его влияние гораздо выше, чем в других регионах мира, где интеграция длительное время воспринималась как чисто техническая проблема [4, с. 5]. Именно от понимания значимости интеграционного взаимодействия между бывшими республиками СССР при усилении их технологического и экономического суверенитета зависит не только будущее таких интеграционных объединений, как ЕАЭС, но и самих стран, их экономическое благополучие и политическая стабильность.

На этом направлении будет весьма полезным не только использование прошлого опыта промышленно-технологического взлета СССР, но и формирование новых промышленно-технологических связей уже суверенных государств на постсоветском пространстве. Такое обновленное сотрудничество может позволить объединить лучшие интеллектуальные ресурсы для создания новых технологий без дублирования усилий, объединить финансовые ресурсы для инвестиций в крупные долговременные промышленно-технологические проекты, а также создать масштабный рынок сбыта для новой высокотехнологической продукции, чему могут способствовать и льготные (преференциальные) торгово-экономические и таможенно-тарифные условия. Следует сместить акценты от реализации отдельных проектов, даже таких значимых, как формирование новых транспортно-логистических систем или создание единого энергетического рынка, к формированию единого технологического пространства. В этом вопросе, на наш взгляд, справедливым является утверждение Ю. С. Ершова: «Совместные энергетические проекты, транспортные коридоры и прочие проекты в какой-то мере могут вести к усилению интеграции, но не радикальным образом» [3, с. 44].

В связи с постановкой вопроса о реинтеграции стран бывшего СССР может возникнуть вопрос и о стране — «локомотиве» данного процесса. Нам трудно согласиться с Д. Трениным, утверждающим, что «во-первых, в любом интеграционном проекте должен быть донор, и в евразийском проекте таким донором является Россия. Во-вторых, для каждого из государств СНГ независимость означает прежде всего независимость от России. И ей они не готовы поступиться» [5, с. 18]. Слабость современных интеграционных процессов на постсоветском пространстве как раз и определяется такой «неравновесной» интеграцией, которая приводит: 1) к доминированию одной страны над другими странами, что сдерживает процессы экономической и технологической суверенизации; 2) создает риски для интеграционного союза в случае возникновения проблем у страны-лидера (к примеру, слабость интеграционных процессов в ЕАЭС); 3) к игнорированию принципа конвергенции, соблюдение которого является одним из ключевых при формировании устойчивого и долговременного интеграционного взаимодействия между странами.

Важно, на наш взгляд, понимать, что будущее интеграционное взаимодействие между бывшими республиками СССР, становящееся особенно актуальным во времена глобальной экономической и политической

нестабильности, будет основываться на максимальном признании экономического и технологического суверенитета стран-участниц. Как отмечают И. В. Бойко и Т. А. Коновалова, «Сила глобальных вызовов XXI в. такова, что требуется серьезный интеллектуальный прорыв в понимании важности и, главное, содержания интеграционного взаимодействия между странами» [1, с. 233]. Эффективность такого интеграционного взаимодействия, сила центропритяжения между странами будет напрямую зависеть от того, насколько оно способствует укреплению национальной экономической идентичности стран-участниц. Важнейшим условием экономического успеха для данных стран в их интеграционном взаимодействии является формирование единого технологического пространства для объединения интеллектуальных ресурсов в области проведения передовых фундаментальных и прикладных исследований и подготовки кадров высшей квалификации. Создание условий для обмена новой, инновационной, продукцией на общем внутреннем рынке будет способствовать коммерциализации новых технологий и тем самым станет экономическим стимулом для развития инновационного бизнеса. Поскольку экономический суверенитет означает способность производства конкурентоспособных товаров с учетом особенных «национальных сравнительных преимуществ», то это приведет к диверсификации производства внутри стран и к диверсификации товарного обмена между ними. Именно это может привести к формированию новой системы международного разделения труда на постсоветском пространстве, которое, как известно, и является главным признаком рыночной экономики.

Несмотря на очевидность того факта, что воссоздать СССР невозможно, создать качественно новое взаимодействие между бывшими республиками СССР в интересах развития каждой суверенной страны на постсоветском пространстве, значительно снижающее экзогенные, глобальные риски, создающие угрозы экономической и политической стабильности для данных стран, не только возможно, но и целесообразно.

Литература

1. Бойко И. В., Коновалова Т. А. Экономический потенциал ЕАЭС : учебник. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. 244 с.
2. Долженков А., Ивантер А., Калянина Л. [и др.] Узбекистан: от хлопка к атомпрому [Электронный ресурс] // Эксперт. 26.09.2022. URL: <https://expert.ru/expert/2022/39/uzbekistan-ot-khlopka-k-atompromu/> (дата обращения: 22.02.2023).
3. Ершов Ю. С. Экономика постсоветского пространства: ожидавшееся и неожиданное // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2016. Т. 46. № 10. С. 23–44. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2016-10-23-44>
4. Либман А. Постсоветская интеграция и политические системы постсоветских государств [Электронный ресурс] // Россия и новые государства Евразии. 2012. № 4. С. 5–20. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2012_04/ALIB_postsoviet.pdf (дата обращения: 22.02.2023).
5. Тренин Д. Россия и страны СНГ: «взросление» отношений. 20 лет спустя. Как изменился мир после распада СССР // Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее. НП РСМД. Москва. 2017. 384 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2018_03/Ryabov_Post-sovetskoye.pdf (дата обращения: 22.02.2023).
6. Akhmedova A. T. Innovative Strategic System Management of the Enterprise // Academic Journal of Digital Economics and Stability. 2021. V. 10. P. 52–55. [Электронный ресурс]. URL: <https://economics.academicjournal.io/index.php/economics/article/view/344> (дата обращения: 22.02.2023).
7. Aliyeva A. Post-Oil Period in Azerbaijan: Economic Transformations, Anti-Inflation Policy and Innovations Management // Marketing and Management of Innovations, 2022. No. 2. P. 268–283. <https://doi.org/10.21272/mmi.2022.2-24>
8. Anderson K., Capannelli G., Ginting E. [и др.] Kazakhstan: Accelerating Economic Diversification. Series: Country Diagnostic Studies. Asian Development Bank. 2018. 232 p.
9. Gronwald M., Mayr J., Orazbayev S. Estimating the Effects of Oil Price Shocks on the Kazakh Economy [Электронный ресурс] // Ifo Working Paper. № 81. October. 2009. URL: https://www.researchgate.net/publication/46464075_Estimating_the_effects_of_oil_price_shocks_on_the_Kazakh_economy/figures?lo=1&utm_source=google&utm_medium=organic (дата обращения: 22.02.2023).
10. Mukhammedova Z. M. Trends in the Dynamics of Structural Changes in Uzbekistan [Электронный ресурс] // Academic Journal of Digital Economics and Stability. 2022. V. 13. P. 109–112. URL: <https://economics.academicjournal.io/index.php/economics/article/view/404/390> (дата обращения: 22.01.2023).

11. Reingand N., Sugirbekov N. Diversifying Kazakhstan's Economy: From Oil Dependency to Competitive Industrial, Innovative Development [Электронный ресурс] // Russian International Affairs Council. February 11, 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/diversifying-kazakhstan-s-economy-from-oil-dependency-to-competitive-industrial-innovative-developme/> (дата обращения: 16.01.2023).

Об авторе:

Бойко Ирина Викторовна, профессор кафедры таможенного администрирования Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор;
e-mail: boiko-iv@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-1442-7526

References

1. Boyko I. V., Konovalova T. A. Economic Potential of the EAEU: a textbook. St. Petersburg : PPC of the North-Western Institute of Management, RANEPa, 2020. 244 p.
2. Dolzhenkov A., Ivanter A., Kalyanina L. [et al.] Uzbekistan: From Cotton to the Car Production [Electronic resource] // Expert [Ekspert]. 26.09.2022. URL: <https://expert.ru/expert/2022/39/uzbekistan-ot-khlopka-k-atompromu/> (accessed: 22.02.2023) (In Rus.)
3. Ershov Y. S. Economy of the Post-Soviet Space: The Expected and the Unexpected // ECO Journal [Vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal EKO]. 2016. V. 46. No. 10. P. 23–44. (In Rus.) <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2016-10-23-44>
4. Libman A. Post-Soviet Integration and Political Systems of Post-Soviet States [Electronic resource] // Russia and the New States of Eurasia [Rossiya i novye gosudarstva Evrazii]. 2012. No. 4. P. 5–20. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2012_04/ALIB_postsoviet.pdf (accessed: 22.02.2023). (In Rus.)
5. Trenin D. Russia and the CIS Countries: "Growing up" Relations. 20 Years later. How the World Changed after the Collapse of the USSR // Evolution of the Post-Soviet Space: Past, Present, Future. NP RIAC. Moscow. 2017. 384 p. [Electronic resource]. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2018_03/Ryabov_Post-sovetskoye.pdf (accessed: 22.02.2023). (In Rus.)
6. Akhmedova A. T. Innovative Strategic System Management of the Enterprise // Academic Journal of Digital Economics and Stability. 2021. V. 10. P. 52–55. [Electronic resource]. URL: <https://economics.academicjournal.io/index.php/economics/article/view/344> (accessed: 22.02.2023).
7. Aliyeva A. Post-Oil Period in Azerbaijan: Economic Transformations, Anti-Inflation Policy and Innovations Management // Marketing and Management of Innovations, 2022. No. 2. P. 268–283. <https://doi.org/10.21272/mmi.2022.2-24>
8. Anderson K., Capannelli G., Ginting E. [et al.] Kazakhstan: Accelerating Economic Diversification. Series: Country Diagnostic Studies. Asian Development Bank. 2018. 232 p.
9. Gronwald M., Mayr J., Orazbayev S. Estimating the Effects of Oil Price Shocks on the Kazakh Economy [Electronic resource] // Ifo Working Paper. No. 81. October. 2009. URL: https://www.researchgate.net/publication/46464075_Estimating_the_effects_of_oil_price_shocks_on_the_Kazakh_economy/figures?lo=1&utm_source=google&utm_medium=organic (accessed: 22.02.2023).
10. Mukhammedova Z. M. Trends in the Dynamics of Structural Changes in Uzbekistan [Electronic resource] // Academic Journal of Digital Economics and Stability. 2022. V. 13. P. 109–112. URL: <https://economics.academicjournal.io/index.php/economics/article/view/404/390> (accessed: 22.01.2023).
11. Reingand N., Sugirbekov N. Diversifying Kazakhstan's Economy: From Oil Dependency to Competitive Industrial, Innovative Development [Electronic resource] // Russian International Affairs Council. February 11, 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/diversifying-kazakhstan-s-economy-from-oil-dependency-to-competitive-industrial-innovative-developme/> (accessed: 16.01.2023).

About the author:

Irina V. Boiko, Professor of the Chair of the Customs Administration of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economy), Professor;
e-mail: boiko-iv@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-1442-7526

Исследование конвергенции и дивергенции интеграционных процессов ЕАЭС на основе индекса Джини¹

Горбунова М. Л.*, Комаров И. Д., Маслова Т. Е.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация

* e-mail: gorbunova@iee.unn.ru

ORCID: 0000-0003-2733-568X

РЕФЕРАТ

Регионализация, частным случаем которой является формирование интеграционных объединений, — естественный способ экономического развития большинства стран мира. Участие в интеграции позволяет странам лучше решать проблемы социально-экономического развития и политической координации. Устойчивость интеграционных объединений имеет ключевое значение для их успешности. Интеграционным объединениям свойственны процессы конвергенции и дивергенции, которые отражаются в неравенстве подушевых доходов стран-участниц.

Цель. Исследовать особенности и перспективы социально-экономической конвергенции государств ЕАЭС, их партнеров по торговой либерализации, а также в рамках основных интеграционных процессов в Евразии.

Задачи. Изучить устойчивость межгосударственного сотрудничества внутри ЕАЭС и в рамках стратегических контуров, формируемых соглашениями о зонах свободной торговли ЕАЭС на основе выявления конвергентных и дивергентных трендов. Провести сравнительный анализ евразийской интеграции с развитием Европейского союза и АСЕАН.

Методология. Оценить уровень и динамику неравенства доходов государств ЕАЭС и выборки государств, с которыми у ЕАЭС есть соглашения о зонах свободной торговли, — СНГ, Сербии, Вьетнама, Ирана и Сингапура, а также государств, с которыми заключение таких соглашений планируется в ближайшее время, — список включает Египет, Израиль и Индию, на основе индекса Джини, используя в качестве сопоставительных параметров аналогичные показатели Европейского союза и АСЕАН. Использовать расчеты для интерпретации процессов конвергенции и дивергенции интеграционных процессов разного типа.

Результаты. Расчеты показали в целом значимый интерпретационный потенциал межгосударственного индекса Джини. Частные итоги исследования показали, что ЕАЭС имеет уровень конвергенции, сопоставимый с уровнем ЕС до присоединения большого массива государств в 2004 г. Уровень конвергенции СНГ, оцененный с помощью индекса Джини, сопоставим с текущим уровнем Европейского союза. Выявлено также, что и в ЕС, и в СНГ снижение неравенства на выбранном интервале анализа не имеет четкой перспективы. Расчеты также показали, что конвергенция государств в рамках ЕАЭС и его стратегических контуров чувствительна к внешним шокам, в то время как конвергенция государств АСЕАН является более направленной.

Выводы. Используемый авторами подход к оценке конвергенции интеграционных процессов с расчета межгосударственного индекса Джини с достаточной полнотой объясняет причины успешного развития ЕАЭС и его устойчивости. В то же время применение межгосударственного индекса Джини для анализа конвергенции и дивергенции интеграционных процессов по-

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда, соглашение № 23-28-00160 (внутренний номер темы Н-235-2_2023-2024).

зволило сделать вывод о разнотипности моделей интеграции государств Глобального Севера и Глобального Юга.

Ключевые слова: ЕАЭС, конвергенция интеграционных процессов, дивергенция интеграционных процессов, контуры интеграции ЕАЭС, индекс Джини

Для цитирования: Горбунова М. Л., Комаров И. Д., Маслова Т. Е. Исследование конвергенции и дивергенции интеграционных процессов ЕАЭС на основе индекса Джини // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 2. С. 34–45.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-34-45>

Study of Convergence and Divergence of EAEU Integration Processes Based on the Gini Index

Maria L. Gorbunova*, Igor D. Komarov, Tatyana E. Maslova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

* e-mail: gorbunova@iee.unn.ru

ORCID: 0000-0003-2733-568X

ABSTRACT

Regionalization and participation at the integration associations represent a typical way of national economic development. To be inside an integration process allows member states to address better their socio-economic problems and political coordination. The stability and resilience of integration associations are critical to their success. In this optic the integration associations may be subjects convergence and divergence. These phenomena may be envisaged in the income inequality of the participating countries.

Aim. To study the features and prospects of the socio-economic convergence within the EEU member states, the EEU strategic contour and within the main trends of integration processes in Eurasia.

Task. The tasks are following. The first one is to study the sustainability of the EEU and within its strategic contours formed by agreements on free trade zones through the convergent and divergent trends assessment. The second task is to conduct a comparative analysis of Eurasian integration to the European Union and ASEAN development.

Methods. Assess the level and dynamics of income inequality among the EEU states and samples of states with which the EEU has agreements on free trade zones, which are the CIS, Serbia, Vietnam, Iran and Singapore, as well as states with which such agreements are planned to be concluded in the near future. This list of the EEU's prospect partners includes Egypt, Israel and India, based on the Gini index, using the European Union and ASEAN as reference parameters. Use calculations to interpret the processes of convergence and divergence of various types of integration processes.

Results. The estimates showed, in general, a significant interpretive potential of the interstate Gini index. The study particular results demonstrated that the EEU has a level of convergence comparable to the level of the EU before the accession of a large array of states in 2004. The level of convergence of the CIS, estimated using the Gini index, is comparable to the current level of the European Union. It was also revealed that both in the EU and in the CIS, the reduction in inequality over the selected analysis interval does not have a clear prospect. Calculations also showed the convergence of states within the EEU and its strategic contours to be sensitive to external shocks, while the convergence of ASEAN states is more directed.

Conclusions. The approach used by the authors to assess the convergence of integration processes based on the calculation of the interstate Gini index explains with sufficient completeness the reasons for the successful development of the EEU and its sustainability. At the same time, the use of the interstate Gini index for the analysis of convergence and divergence of integration processes made it possible to conclude that the integration models of the states of the Global North and the Global South are diverse.

Keywords: Eurasian Economic Union (EAEU), convergence of integration processes, divergence of integration processes, contours of EAEU integration, Gini index

For citing: Gorbunova M. L., Komarov I. D., Maslova T. E. Study of Convergence and Divergence of EAEU Integration Processes Based on the Gini Index // Eurasian Integration: Economic, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 34–45. (In Rus.)
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-34-45>

Введение

Основным экономическим мотивом к развитию интеграции можно назвать эффективное распределение ограниченных ресурсов и факторов производства в связи с активацией международного разделения труда и снятием барьеров для международной торговли, обеспечением национальной экономической безопасности и стимулов к модернизации странам, входящим в состав того или иного интеграционного объединения [2]. Осуществляется трансформация уже действующих интеграционных проектов, обосновываются новые инициативы, продиктованные основными центрами силы первого порядка — Россией, Китаем, Европейским союзом и США.

Сейчас именно Большая Евразия становится своеобразным полем битвы для амбициозных инициатив в области интеграции с пересекающимся составом государств-членов. Каждый из основных участников евразийской интеграции, среди которых страны Европейского союза, Китай, США и Российская Федерация, стремятся привлечь в свои проекты малые и средние государства континента, способствуя перекрестному участию этих стран сразу в ряде многосторонних или двусторонних соглашений о свободной и преференциальной торговле между собой, а также с лидерами объединений [13]. В конечном итоге можно с весомой долей вероятности предсказать «объединение восточного и западного экономических пространств» в Евразии [6].

На передний план сейчас выходят современные инициативы крупнейших развивающихся стран мира, заинтересованных в оживлении региональной интеграции [4].

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), созданный в 2015 г., не только имеет положительные показатели развития интеграционного объединения, но и стремится развивать интеграцию на континенте, осуществляя поиск и ведя переговоры с новыми потенциальными партнерами. Начав свой путь от истоков Таможенного союза в 2010 г., евразийской интеграции понадобилось всего пять лет до образования ЕАЭС, тогда как Европа проходила подобный путь интеграции более тридцати лет [2].

ЕАЭС считается флагманским проектом в рамках третьего президентского срока В. В. Путина, призванным создать общий эффективно функционирующий рынок для 180 млн чел. Кроме того, ЕАЭС подписано несколько международных соглашений, многие государства заинтересованы в установлении взаимовыгодных торговых отношений с данным интеграционным объединением [10].

Эволюция, возможности, преимущества и вызовы ЕАЭС

Страны — члены ЕАЭС стремятся к устойчивому развитию государств-членов на основе наращивания интеграционного взаимодействия и адаптации институтами Союза лучших мировых подходов, форматов и практик¹. В обращении Президента Российской Федерации В. В. Путина к главам государств — членов Евразийского экономического союза отмечается: «Наша тесная интеграция стала достойным ответом на такие обострившиеся в связи с пандемией и применением рядом стран нелегитимных санкций глобальные проблемы, как бедность, изменения климата, дефицит ресурсов, включая важнейшие из них — продовольствие, воду, энергоносители. Очевидно, что у Союза есть все возможности для того, чтобы стать одним из мощных, самостоятельных, самодостаточных полюсов формирующегося многополярного

¹ Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [Электронный ресурс] // Правовой портал Евразийского экономического союза. 11.12.2020. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12 (дата обращения: 16.03.2023).

мира, быть центром притяжения для всех разделяющих наши ценности и стремящихся к сотрудничеству с ЕвразЭС независимых государств»¹.

Исследователи ЕАЭС выделяют сильные и слабые стороны Евразийского союза. А.-С. Гаст считает, что ЕАЭС стал не только первым масштабным соглашением о региональной экономической интеграции между государствами постсоветского пространства, но и первой региональной организацией, в рамках которой Россия с ее региональной гегемонией согласилась на ограничение своего суверенитета. Преимуществом ЕАЭС является точная и детализированная правовая база в сравнении с другими евразийскими региональными объединениями [11].

М. Голам и М. Моновар отмечают, что ЕАЭС добился определенного прогресса в организации за счет создания четырехуровневой структуры управления.

К проблемам авторы относят наличие торгового конфликта между крупными государствами ЕАЭС — Россией, Беларусью и Казахстаном, в то время как Кыргызстан и Армения сосредоточены на своих интересах безопасности и на сохранении субсидированных цен на российские нефть и газ [12].

Р. Драгнева [10] также называет ЕАЭС передовой формой экономической интеграции, развитой международной организацией с собственной развитой правовой структурой и эффективной системой институтов. В качестве недостатков автор выделяет структурную асимметрию и неравенство государств — членов ЕАЭС.

А. Есдаулетова и А. Есдаулетов связывают преимущества ЕАЭС с большим внутренним рынком и значительными резервами рабочей силы. Процессу эффективной интеграции ЕАЭС в сфере экономики препятствуют наличие большого количества секторов, скорость интеграции, слабая ориентация лидеров на внутренние рынки, доминирование сырья в структуре экспорта. Политические проблемы связаны с вопросами поддержания суверенитета государств-членов на фоне возрастающего регионального влияния России [15].

Б. С. Серджи видит успех объединения в создании таможенного союза, гарантирующего переход к более эффективным формам экономической интеграции. Государства — участники ЕАЭС сближают модели развития, инфраструктура, кооперационные связи, технологические цели и структурная однородность. Но недостаточно развитый финансовый сектор и технологические возможности не позволяют ЕАЭС стать драйвером региональных инноваций [14].

А. Адаров укрепляет мысль многих авторов о том, что создание ЕАЭС стало самой успешной попыткой реинтегрировать экономики постсоветского пространства, однако указывает на необходимость устранения остающихся нетарифных барьеров в торговле, перехода к общепризнанным мировым стандартам, активизации участия в глобальных производственно-сбытовых цепочках и улучшения деловой среды для привлечения иностранных инвестиций [9].

В докладе авторского коллектива Высшей школы экономики 2019 г. отмечается, что страны ЕАЭС обладают разными масштабами, отличающейся промышленной структурой, ресурсным и экономическим потенциалами. Объединяет государства общие цели, связанные с экономическим ростом, улучшением качества жизни и благосостояния своих граждан [2].

Важными характеристиками устойчивости интеграционных объединений являются конвергенция и дивергенция участников, измеряемая разными показателями. Подробный обзор литературы по вопросам конвергенции и дивергенции дан в работе М. А. Бельченко [1]. А. М. Либман в работе 2006 г. использует методы регрессионного анализа и оценки параметров β -конвергенции и σ -конвергенции. β -конвергенция предполагает наличие эффекта низкой базы, когда государства с низкими доходами растут быстрее, а σ -конвергенция опирается на сокращение стандартного отклонения анализируемых показателей [4]. А. М. Титович и А. В. Торопыгин используют, например, методы многомерного статистического анализа — методы временных рядов ARIMA и кластерный анализ [8]. Общим эмпирическим выводом работ является выявление периодов чередования конвергенции и дивергенции участников интеграции, в первом случае на постсоветском пространстве, во втором — на примере ЕАЭС и АСЕАН.

¹ Обращение Президента Российской Федерации В. В. Путина к главам государств — членов Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Kremlin.ru. 23.01.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70380> (дата обращения: 16.03.2023).

Авторы предлагают проанализировать конвергенцию и дивергенцию государств внутри интеграционных блоков через оценку неравенства доходов на душу населения. Конвергенция предполагает снижение неравенства между участниками интеграционного объединения, так как повышается устойчивость объединения за счет сглаживания противоречий между государствами с более высокими доходами и менее обеспеченными государствами. Большее неравенство означает дивергенцию государств, что в целом менее эффективно для перспективы интеграционного блока как института.

Для оценки неравенства авторы предполагают рассчитывать индекс (коэффициент) Джини, традиционно используемый на национальном уровне¹. Индекс Джини имеет безразмерную величину, таким образом, его расчет на основе ВВП, выраженного в долларах, позволяет сравнивать разные межгосударственные объединения, а также он в целом устойчив к инфляции, хотя испытывает влияние изменений валютного курса.

Применение индекса Джини к анализу неравенства государств-участников интеграционных объединений является ключевым элементом научной новизны методологического характера данного исследования. Возрастание неравенства в рамках интеграционного процесса (увеличение индекса Джини) отрицательно влияет на конвергенцию и свидетельствует о формировании конфликтного потенциала. Верно и обратное.

Индекс Джини для межгосударственных объединений, по предположению авторов, должен превышать внутристрановые показатели, так, между государствами дивергенция выше, чем, например, между регионами отдельных стран, в том числе из-за социальной и региональной политики. Национальные показатели Джини можно увидеть в работе В. В. Смирнова, А. В. Мулендеевой [7] — для РФ он составляет 0,416.

Оценка неравенства государств-участников в рамках стратегических контуров ЕАЭС

Методология исследования. Работа основана на применении индекса Джини к анализу конвергенции в рамках интеграционных объединений.

Государства сгруппированы следующим образом (в скобках указаны названия групп государств, использованные в качестве легенд на рис. 1–3):

- государства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) — Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация;
- первый контур ЕАЭС (ЕАЭС 1-й контур) — государства СНГ — Азербайджан, Грузия, Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина;
- второй контур ЕАЭС (ЕАЭС 2-й контур) — государства, с которыми заключены соглашения о создании зон свободной торговли, — Сербия, Вьетнам, Иран, Сингапур;
- государства ЕАЭС вместе с государствами первого и второго контуров (ЕАЭС и контуры) — совокупность всех перечисленных выше групп государств;
- контуры плюс (ЕАЭС и контуры+) — государства, с которыми предполагается заключить соглашения о создании зон свободной торговли в соответствии со «Стратегическими направлениями развития евразийской экономической интеграции», — Египет, Израиль, Индия².

Поскольку индекс Джини ранее не рассчитывался для совокупности государств по методике, предлагаемой авторами, чтобы интерпретировать полученные величины, авторы оценили этот показатель для государств — членов Европейского союза и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Европейский союз своего рода «ролевая модель» для интеграционных объединений всего мира в свя-

¹ Индекс Джини отражает степени расслоения внутри выборки по определенному признаку. В нашем случае речь идет о доходах на душу населения государств — членов интеграционного объединения, сопоставляются доли государства в общем ВВП и общей численности населения. Величина индекса изменяется от 0 до 1. Чем больше его значение отклоняется от нуля и приближается к единице, тем в большей степени доходы сконцентрированы в руках отдельных государств.

² Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [Электронный ресурс] // Правовой портал Евразийского экономического союза. 11.12.2020. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12 (дата обращения: 16.03.2023).

зи с тем, что теория и практика интеграции созданы и развиваются с учетом европейских достижений. АСЕАН — высокоуровневое объединение развивающихся стран.

Данные исследования. Для расчета индекса Джини использовались показатели численности населения государств и ВВП на душу населения в долларах в номинальном выражении в соответствии с Базой Всемирного Банка¹.

В отличие от большинства макроэкономических показателей численность населения и ВВП государств не имеют пропусков, то есть являются самыми доступными и полными.

Показатели Джини для ЕАЭС и его стратегических контуров представлены на рис. 1.

Данные подтверждают очевидный тезис о том, что выборки с большим числом государств имеют более высокий коэффициент Джини — большее неравенство, что означает большую дивергенцию. Наименьший индекс Джини, большее равенство участников и, следовательно, наибольшая устойчивость наблюдаются у Евразийского экономического союза. Далее коэффициент Джини возрастает по мере расширения контуров интеграции. Исключение составляет группа «ЕАЭС и контуры+», сформированная из государств ЕАЭС (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация), из государств, имеющих с ЕАЭС соглашения о создании зоны свободной торговли (Азербайджан, Вьетнам, Грузия, Иран, Молдова, Сербия, Сингапур, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина), и государств, с которыми ЕАЭС планирует заключить соглашения о свободе торговли до 2025 г. (Египет, Израиль, Индия), на графиках — «ЕАЭС и контуры+».

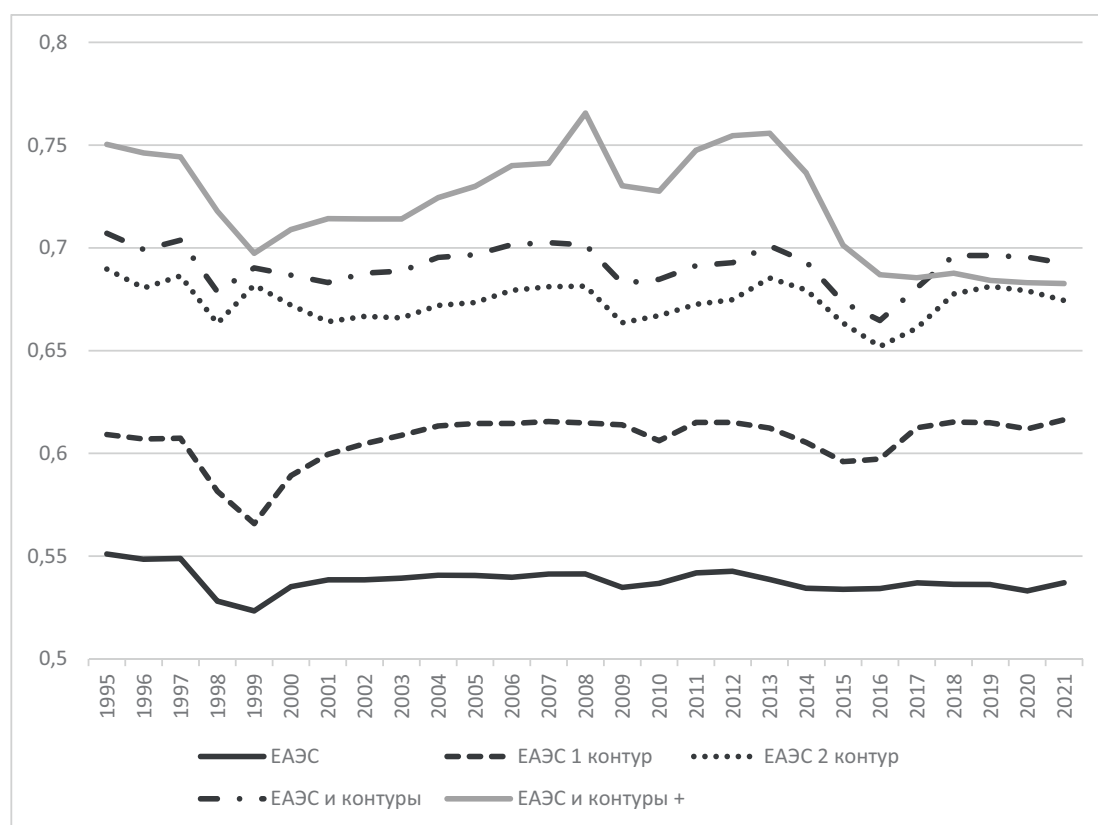

Рис. 1. Индекс Джини в рамках стратегических контуров ЕАЭС

Fig. 1. The Gini Index within the strategic contours of the EEU

Источник: расчеты авторов по World Development Indicators

¹ База данных Всемирного Банка — World Development Indicators [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#> (дата обращения: 16.03.2023).

Индексы демонстрируют сходную динамику. На графике прослеживаются общие для всех группировок внешние шоки — кризисы 1997–1998 гг., 2008–2010 гг., падение цен на минеральное топливо в 2015–2016 гг. В целом можно сказать, что соблюдается закономерность — большая численность государств имеет большее неравенство, но в целом показатели стабильные.

Наибольший интерес представляет самая большая группа государств интеграционного контура ЕАЭС, куда также включены партнеры, с которыми соглашения о свободе торговли планируются к подписанию до 2025 г. Из-за присутствия Индии и Египта динамика противоречива. Индекс Джини демонстрировал восходящий тренд до 2013 г., что связано с тем, что эти государства имеют значительный вес в общем ВВП выборки, и именно в этот период Египет переживал события «Арабской весны», а Индия активно открывалась глобализационным процессам. После 2013 г. межгосударственное неравенство в этой выборке начало снижаться, и с 2018 г. показатель неравенства группы государств «ЕАЭС и контура+» опустился ниже индекса Джини группы «ЕАЭС и контуры», которая имеет меньшую численность.

Это означает, что включение в периметр интеграции новых стратегических партнеров, в их число входит также Израиль, сглаживает межгосударственное неравенство по доходам внутри первого и второго контуров интеграции. Интеграционный кластер с потенциальными партнерами обладает меньшим межгосударственным неравенством по доходам и большей конвергенцией, чем кластер в существующем виде. Это говорит о том, что зафиксированный в стратегических направлениях вектор развития евразийской экономической интеграции повышает ее устойчивость.

На рис. 2 представлены данные сравнения ЕАЭС, ЕАЭС и государств первого контура (СНГ), ЕАЭС с государствами обоих контуров и Европейского союза, выбранного в качестве ориентира.

Показательно, что индекс Джини Европейского союза разместился в «туннеле» между ЕАЭС и СНГ. Индекс Джини до присоединения государств Центральной и Восточной Европы в 2004 г. ближе к показателям ЕАЭС, в то время как после присоединения он сместился и превысил индекс государств СНГ. Это позволяет сделать вывод о достаточной конвергенции двух ключевых интеграционных объединений постсоветского пространства. Высокая конвергенция ЕАЭС и СНГ может быть объяснена меньшей численностью государств-участников.

Индекс Джини ЕС существенно ниже индекса Джини для выборки, включающей государства ЕАЭС вместе с государствами первого и второго контуров, что является логическим следствием того, что ЕС имеет существенно более долгую историю, находится на более высоком уровне интеграции и, таким образом, характеризуется более высокой конвергенцией и устойчивостью.

Сопоставление индекса Джини государств евразийского интеграционного проекта с государствами АСЕАН представлено на рис. 3. АСЕАН в сравнении с ЕАЭС и СНГ (первый контур интеграции ЕАЭС) имеет большее неравенство между государствами-участниками. Это согласуется с тем, что интеграция постсоветского пространства институционально более развита — формат полной зоны свободной торговли в СНГ существовал с 1994 г., а ЕАЭС достиг уровня полного таможенного союза. Величина индекса Джини АСЕАН сопоставима с уровнем индекса государств ЕАЭС и государств — партнеров Союза по соглашениям о либерализации торговли. Обращает на себя внимание стабильно нисходящая — атипичная в сравнении с другими выборками — динамика индекса Джини. Это свидетельствует о том, что государства АСЕАН демонстрируют тенденцию к конвергенции участников даже в условиях внешних шоков.

Для уточнения показателей авторы рассчитали среднее значение, среднеквадратичные отклонения и наклон индекса Джини рассматриваемых групп государств (см. таблицу).

Самыми низкими средними значениями обладают ЕАЭС и ЕС, что согласуется с предыдущими выводами авторов.

Наибольшие среднеквадратичные отклонения — волатильность — индекса Джини наблюдаются у АСЕАН, группы «ЕАЭС и контуры+» и Европейского союза. По мнению авторов, это обусловлено тем, что существует большая разница между начальными и конечными значениями индекса Джини у государств АСЕАН, а в динамике индекса Джини государств ЕС есть сдвиг в 2004 г., связанный с присоединением государств Центральной и Восточной Европы. Таким образом, остальные рассматриваемые

группировки (ЕАЭС, ЕАЭС с государствами обоих контуров — по отдельности и вместе) имеют большую устойчивость. Однако это может быть частично обусловлено и валютным фактором.

Рассчитанный наклон показывает, что в наблюдаемый период (и это накладывает ограничения в интерпретации) индекс Джини снижается во всех анализируемых группах государств, кроме СНГ («ЕАЭС 1-й контур») и ЕС. То есть в этих объединениях межгосударственное неравенство участников растет, что говорит об определенном тренде на дивергенцию. На графике видно, что дивергенционный тренд ЕС частично связан с выходом Великобритании из состава ЕС.

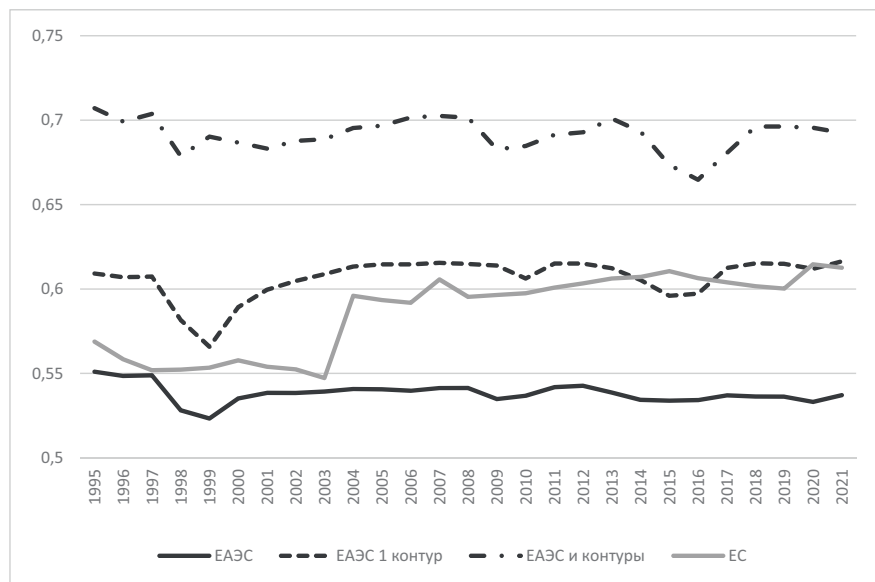

Рис. 2. Индекс Джини ЕАЭС, ЕАЭС 1 контур (СНГ), ЕАЭС и контуры и ЕС

Fig. 2. The Gini Index EEU, the EEU first contour (CIS), the EEU both contours and EU

Источник: расчеты авторов по World Development Indicators

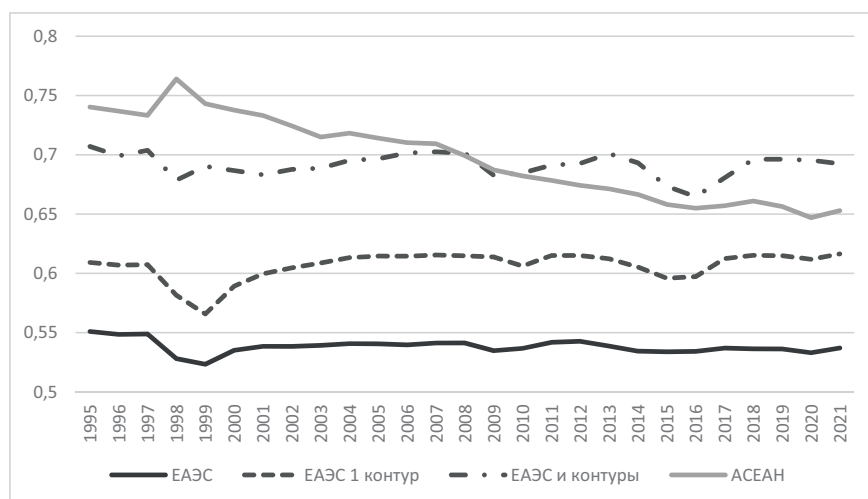

Рис. 3. Индекс Джини ЕАЭС, ЕАЭС 1-й контур (СНГ), стратегические контуры ЕАЭС и АСЕАН

Fig. 3. The Gini Index EEU, the EEU first contour (CIS), the EEU strategic contours and ASEAN

Источник: расчеты авторов по World Development Indicators

Среди государств СНГ очевидны разногласия: ряд государств-членов первоначального соглашения о создании СНГ, такие как Азербайджан, Грузия и Туркменистан, не подписали новый вариант договора о зоне свободной торговли государств СНГ в 2011 г.¹, таким образом, выявленные авторами элементы дивергенции соответствуют такому положению дел.

Таблица

Описательная статистика индекса Джини

Table. Index Gini descriptive statistics

Группа государств	Среднее	Среднеквадратичное отклонение	Наклон ²
ЕАЭС	0,51913	0,00418	-0,00023
ЕАЭС 1-й контур	0,58522	0,00842	0,00064
ЕАЭС 2-й контур	0,64989	0,00746	-0,00021
ЕАЭС и контуры	0,66699	0,00771	-0,00028
ЕАЭС и контуры+	0,69621	0,02205	-0,00152
ЕС	0,56646	0,02103	0,00256
АСЕАН	0,67348	0,03090	-0,00426

Источник: расчеты авторов по World Development Indicators

Таким образом, рассчитанные авторами индексы Джини для государств ЕАЭС и государств первого и второго контуров его интеграции, а также ЕС и АСЕАН обладают значимым интерпретационным потенциалом. Во-первых, индексы Джини позволяют увидеть уровень неравенства государств — участников интеграционных процессов, а также сопоставлять разноуровневые интеграционные инициативы друг с другом. Во-вторых, динамика индексов Джини во времени позволяет с определенной точностью выявить периоды конвергенции и дивергенции в рамках интеграционных процессов. В-третьих, для разных временных интервалов имеющихся данных (5-летних, 10-летних и пр.) могут быть аппроксимированы тренды конвергенции и дивергенции.

Выводы

Интеграционные процессы играют важную роль в социально-экономическом развитии Большого евразийского пространства. Неравенство государств-участников может служить или барьером на пути новых интеграционных процессов, или причиной социально-политической дестабилизации. Гипотеза авторов состоит в том, что снижение неравенства является одним, но не единственным из условий гармоничной конвергенции в рамках интеграции. Действительно, интеграционное объединение, в котором увеличивается разрыв доходов государств-участников, сложно назвать успешным. Дивергенция в определенном смысле несет в себе элементы экстрактивистского поведения со стороны более богатых государств — «ядра» — по отношению к менее обеспеченным — «периферии». Таким образом, в теоретическом смысле авторы развили инструментарий оценки интеграции, предложив новый критерий оценки ее конвергенции и дивергенции. Использование данного критерия расширяет представление о содержании интеграции, которая может иметь как инклюзивный, так и экстрактивный вектор.

То обстоятельство, что ЕС (как объединение) и кластер государств, формируемый ЕАЭС за счет соглашений о создании зон свободной торговли, имеют разный институциональный статус, делает сопоставление индексов Джини не совсем корректным. Однако главный эмпирический вывод исследова-

¹ Договор о зоне свободной торговли [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/page/3490/>; Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: <http://cis.minsk.by/reestr2/doc/3183#text> (дата обращения: 16.03.2023).

² Функция «Наклон» рассчитана в Excel — это угол прямой, используемой для аппроксимации данных методом линейной регрессии.

ния — о том, что конвергенция ЕАЭС, рассчитанная по авторской методике, выше, чем у ЕС. Это имеет важное прикладное значение с точки зрения анализа влияния интеграции на социально-экономическое развитие евразийского пространства.

Исследование также показало, что реализуемая политика расширения ЕАЭС за пределы зоны свободной торговли со странами СНГ — путем формирования второго контура — является обоснованной стратегией институционального развития зон (кластеров) безопасности и устойчивого развития.

Более низкий уровень доходов на душу населения лидеров интеграции по сравнению с развитыми странами, исходя из самой методики расчета индекса Джини, обеспечивает меньшее исходное неравенство участников, а значит, более высокий уровень их конвергенции. Этот вывод опровергает общепризнанное мнение об изначальной проблемности интеграции развивающихся государств из-за их более низкого ВВП на душу населения.

Пример ЕС показывает, что включение в его состав большого числа менее обеспеченных государств Центральной и Восточной Европы, приведшее к выраженной дивергенции по доходам, является своего рода следствием политически мотивированного экстрактивизма со стороны более богатых государств европейского ядра по отношению к менее обеспеченным, приводит к институциональному контролю социально-экономического развития европейской периферии. В то же время в рамках АСЕАН наблюдается поступательное и устойчивое снижение неравенства государств-участников, что ставит под сомнение инклюзивность европейской модели. Таким образом, модели интеграционных процессов Глобального Юга, к которым относятся и АСЕАН, и ЕАЭС, демонстрируют социально-экономическую «инклюзию» по отношению к государствам с низким уровнем доходов на душу населения.

Литература

1. Бельченко М. А. От Таможенного союза к Единому экономическому пространству // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2014. № 2 (50). С. 78–87.
2. Бордачев Т. В., Вишневский К. О., Глазатова М. К. [и др.] Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва, 9–12 апр. 2019 г. / отв. ред. Т. А. Мешкова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 123 с.
3. Ли С., Ван Ч. Китайская политология о смысле и перспективах Евразийского союза // Международные процессы. 2014. Т. 12. № 38. С. 70–82. EDN: TKTCIB
4. Либман А. М. Роль экономической интеграции и дезинтеграции на постсоветском пространстве: количественный анализ // Проблемы прогнозирования. 2006. № 5. С. 58–72. EDN: HZKOFD
5. Лисоволик Я. Д. БРИКС-плюс: альтернативная глобализация? // Валдайские записки. Июль, 2017. № 69. С. 3–11.
6. Обухова Е., Скоробогатый П. Партнерство незолотых миллиардов // Эксперт. 2016. № 27 (994). С. 12–20.
7. Смирнов В. В., Мулендеева А. В. Приоритеты российской бизнес-среды: индекс Джини, НДФЛ и ключевая ставка // Финансы и кредит. 2019. Т. 25. № 1 (781). С. 211–227. DOI: 10.24891/fc.25.1.211. EDN: VRRUWC
8. Титович А. М., Торопыгин А. В. О применении многомерных статистических процедур в анализе перспектив сотрудничества ЕАЭС и АСЕАН // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 3 (41). С. 95–105. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-03-95-105. EDN: QDKADJ
9. Adarov A. Eurasian economic integration: Impact evaluation using the gravity model and the synthetic control methods // Vienna Institute for International Economic Studies (wiiw) working paper. September 2018. No. 150.
10. Dragneva R. The Eurasian Economic Union: Putin's Geopolitical Project (FPRI Research paper) [Электронный ресурс] / Foreign Policy Research Institute, 2018. URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2018/10/rpe-6-dragneva-final2.pdf> (дата обращения: 16.03.2023).

11. *Gast A.-S.* The Eurasian Economic Union — Keeping up with the EU and China // *Post-Communist Economies*. 2020. No. 33 (2–3). P. 175–199. <https://doi.org/10.1080/14631377.2020.1827200>
12. *Golam M., Monowar M.* Eurasian Economic Union: Evolution, Challenges and Possible Future Directions // *Journal of Eurasian Studies*. 2018. Vol. 9. No. 2. P. 163–172. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.05.001>
13. *Gorbunova M. L., Komarov I. D.* Emerging Integration Projects in Eurasia: A Search for New Cooperation Formats? // *Journal of Chinese Economic and Business Studies*. 2017. Vol. 15. No. 3. P. 229–247. <https://doi.org/10.1080/14765284.2017.1346924>
14. *Sergi B. S.* Putin’s and Russian-led Eurasian Economic Union: A Hybrid Half-Economics and Half-Political “Janus Bifrons” // *Journal of Eurasian Studies*. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 52–60. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.12.005>
15. *Yesdauletova A., Yesdauletov A.* The Eurasian Union: Dynamics and Difficulties of the Post-Soviet Integration, *TRAMES. Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2014. No. 18 (1). P. 3–17. DOI: 10.3176/tr.2014.1.01

Об авторах:

Горбунова Мария Лавровна, зав. кафедрой мировой экономики и таможенного дела Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент;
e-mail: gorbunova@iee.unn.ru; ORCID: 0000-0003-2733-568X

Комаров Игорь Дмитриевич, специалист по организационной работе 2-й категории Информационно-аналитического отдела Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация), кандидат исторических наук;
e-mail: komarov@imomi.unn.ru; ORCID: 0000-0002-0348-0471

Маслова Татьяна Евгеньевна, доцент кафедры мировой экономики и таможенного дела Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация), кандидат экономических наук;
e-mail: t.e.maslova@iee.unn.ru; ORCID: 0009-0009-8612-5130

References

1. Bel’chenko M. A. From the Customs Union to the Common Economic Space // *Research Notes St. Petersburg named after V. B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy [Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii]*. 2014. No. 2 (50). P. 78–87. (In Rus.)
2. Bordachev T. V., Vishnevskii K. O., Glazatova M. K. [et al.] *Eurasian Economic Integration: Development Prospects and Strategic Objectives for Russia: Report by XX Apr. Int. Scientific. Conf. on the Problems of Economic and Social Development. Moscow, April 9–12. Dec 2019 / ed. by Meshkova T. A. Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics. 2019. 123 p.* (In Rus.)
3. Li S., Wang C. China’s Take on the Future of the Eurasian Union // *International Processes [Mezhdunarodnye protsessy]*. 2014. Vol. 12. No. 38. P. 70–82. (In Rus.) EDN: TKTCIB
4. Libman A. M. Role of Economic Integration and Disintegration in the Post-Soviet Space: A Quantitative Analysis // *Studies on Russian Economic Development*. 2006. Vol. 17. No. 5. P. 498–507. DOI: 10.1134/S1075700706050066. EDN: STMLZR
5. Lisovolik Ya. D. BRICS Plus: Alternative Globalization? // *Valdai Notes [Valdaiskie zapiski]*. July, 2017. No. 69. P. 3–11. (In Rus.)
6. Obukhova E., Skorobogaty P. Partnership of Uncollected Billions // *Expert [Ekspert]*. 2016. No. 27 (994). P. 12–20. (In Rus.)

7. Smirnov V. V., Mulendeeva A. V. Priorities of the Russian Business Environment: the Gini Index, Personal Income Tax and Key Interest Rate // Finance and Credit [Finansy i kredit]. 2019. Vol. 25. No. 1 (781). P. 211–227. (In Rus.) DOI:10.24891/fc.25.1.211. EDN: VRRUWC
8. Titovich A. M., Toropygin A. V. On the Application of Multidimensional Statistical Procedures in the Analysis of the Prospects for Cooperation between the EAEU and ASEAN // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2022. Vol. 16. No. 3 (41). P. 95–105. (In Rus.) DOI: 10.22394/2073-2929-2022-03-95-105. EDN: QDKADJ
9. Adarov A. Eurasian Economic Integration: Impact Evaluation Using the Gravity Model and the Synthetic Control Methods // Vienna Institute for International Economic Studies (wiiw) Working Paper. September 2018. No. 150.
10. Dragneva R. The Eurasian Economic Union: Putin's Geopolitical Project (FPRI Research paper) [Electronic resource] / Foreign Policy Research Institute, 2018. URL: <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2018/10/rpe-6-dragneva-final2.pdf> (accessed: 16.03.2023).
11. Gast A.-S. The Eurasian Economic Union — Keeping up with the EU and China // Post-Communist Economies. 2020. No. 33 (2–3). P. 175–199. <https://doi.org/10.1080/14631377.2020.1827200>
12. Golam M., Monowar M. Eurasian Economic Union: Evolution, Challenges and Possible Future Directions // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9. No. 2. P. 163–172. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.05.001>
13. Gorbunova M. L., Komarov I. D. Emerging Integration Projects in Eurasia: A Search for New Cooperation Formats? // Journal of Chinese Economic and Business Studies. 2017. Vol. 15. No. 3. P. 229–247. <https://doi.org/10.1080/14765284.2017.1346924>
14. Sergi B. S. Putin's and Russian-led Eurasian Economic Union: A Hybrid Half-Economics and Half-Political "Janus Bifrons" // Journal of Eurasian Studies. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 52–60. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.12.005>
15. Yesdauletova A., Yesdauletov A. The Eurasian Union: Dynamics and Difficulties of the Post-Soviet Integration // TRAMES. Journal of the Humanities and Social Sciences. 2014. No. 18 (1). P. 3–17. DOI: 10.3176/tr.2014.1.01

About the authors:

Maria L. Gorbunova, Head of the Department of World Economy and Customs Affairs of the Institute of Economics and Entrepreneurship of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation), Doctor of Science (Economy), Associate Professor;
e-mail: gorbunova@iee.unn.ru; ORCID: 0000-0003-2733-568X

Igor D. Komarov, Specialist in Organizational Work of the 2nd category of the Information and Analytical Department, Institute of International Relations and World History of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation), PhD in History;
e-mail: komarov@imomi.unn.ru; ORCID: 0000-0002-0348-0471

Tatyana E. Maslova, Assistant Professor of the Department of World Economy and Customs Affairs of the Institute of Economics and Entrepreneurship of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation), PhD in Economics;
e-mail: t.e.maslova@iee.unn.ru; ORCID: 0009-0009-8612-5130

Российско-египетское сотрудничество в контексте перспектив Большого евразийского партнерства

Мисько О. Н.^{*}, Дарвиш А. Ш.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

^{*} e-mail: misko-on@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-7351-7455

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается развитие экономического сотрудничества и торгового обмена между Россией и Египтом за последние десять лет. Анализируются важнейшие совместные проекты России и Египта на уровне государственного и частного секторов, а также важнейшие препятствия для расширения сферы экономического сотрудничества и торгового обмена на уровне частного сектора между египетской и российской сторонами.

Цель. Исследование направлено на мониторинг различных форм экономического сотрудничества между Египтом и Россией, поскольку история этих отношений насчитывает более двух столетий, и в настоящее время Россия считается одной из самых сильных экономик, входит в десятку сильнейших экономик мира согласно последнему отчету Международного валютного фонда, а также является сильнейшей экономикой Евразийского союза.

Задачи. Анализ наиболее важных экономических проектов в различных секторах, таких как сельское хозяйство и торговля продовольствием, транспорт, свободные зоны, энергетика и военное сотрудничество, туризм между Египтом и Российской Федерацией в период с 2014 г. по настоящее время, определение степени эффективности этих совместных проектов и факторов, способствующих повышению эффективности реализации этих проектов и их экономической целесообразности. Исследовать межкультурные барьеры, препятствующие установлению более тесных контактов между частным бизнесом обеих сторон.

Методология. В данной работе с помощью методов логического и статистического анализа были выявлены факторы, способствующие эффективности экономического и инвестиционного взаимодействия, используемые при реализации проектов, направленных на двустороннее развитие на государственном уровне. Также были отмечены проблемы, возникающие на уровне взаимодействия частных секторов экономики обеих стран.

Результаты. Исследование показало, что экономические проекты между Египтом и Российской Федерацией на правительственном уровне (правительства, агентства, компании и государственные учреждения) пока можно считать удовлетворительными, тем более что они охватывают различные сектора, которые считаются основными для египетской экономики в целях достижения устойчивого развития, к которому она стремится, но, наоборот, для частного сектора она все еще неудовлетворительна и очень мала из-за группы межкультурных препятствий, которые, по нашему мнению, возможно преодолеть.

Выводы. Целесообразно рассмотреть аспекты сотрудничества между Египтом и Россией в более широком и всестороннем масштабе, чем сейчас, и использовать возможности, имеющиеся на уровне государственного сектора, в масштабе ЕАЭС. Что касается торгового сотрудничества на уровне частного сектора, то необходимо разработать план увеличения объемов товарооборота между странами Евразийского сотрудничества с Египтом и было бы полезно заручиться в этом поддержкой государственных органов стран ЕАЭС.

Ключевые слова: Египет, Россия, экономические отношения, международное инвестирование, внешняя торговля, экономическое сотрудничество

Для цитирования: Мисько О. Н., Дарвиш А. Ш. Российско-египетское сотрудничество в контексте перспектив Большого евразийского партнерства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 2. С. 46–57.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-46-57>

Russian-Egyptian Cooperation in the Context of the Prospects for the Great Eurasian Partnership

Oleg N. Misko*, Alaa Sh. Darwish

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: misko-on@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-7351-7455

ABSTRACT

The article examines the development of economic cooperation and trade exchange between Russia and Egypt over the past ten years. The most important joint projects of Russia and Egypt at the level of the public and private sectors, as well as the most important obstacles to expanding the scope of economic cooperation and trade exchange at the private sector level between the Egyptian and Russian parties are analyzed.

Aim. This study aims to monitor the various forms of economic cooperation between Egypt and Russia, since the history of these relations goes back more than two centuries, and currently Russia is considered one of the strongest economies in the world, one of the ten strongest economies in the world, according to the latest report from the International Monetary Fund, and is also the strongest economy in the Eurasian Union.

Tasks. Analysis of the most important economic projects in various sectors such as the agriculture and food sector, transport, free zones, energy and military cooperation, tourism between Egypt and the Russian Federation in the period from 2014 to the present, determining the degree of effectiveness of these joint projects and factors contributing to increase in the efficiency of the efficiency of the implementation of these projects and increase economic feasibility. Explore cross-culture barriers that hinder the establishment of closer contacts between the private businesses of both sides.

Methods. In this work, using the methods of logical and statistical analysis, factors were identified that contribute to the effectiveness of economic and investment interaction used in the implementation of projects aimed at bilateral development at the state level. The problems arising at the level of interaction between the private sectors of the economy of both countries were also noted.

Results. The study showed that economic projects between Egypt and the Russian Federation at the governmental level (governments, agencies, companies and public institutions) can still be considered essential for the Egyptian economy in order to achieve sustainable development, to which it aspires, but, on the contrary, for the private sector it is still unsatisfactory and very small due to a group of intercultural obstacles, which, in our opinion, are not difficult to overcome.

Conclusions. It is advisable to consider aspects of cooperation between Egypt and Russia on a wider and more comprehensive scale than at present, and to use the opportunities available at the level of the public sector on a wider scale. With regard to trade cooperation at the private sector level, it is necessary to develop a plan to increase the volume of trade between the two countries, and it would be useful to enlist the support of the government authorities of the EEA countries.

Keywords: Egypt, Russia, economic relations, international investment, foreign trade, economic cooperation

For citing: Misko O. N., Darwish A. Sh. Russian-Egyptian Cooperation in the Context of the Prospects for the Great Eurasian Partnership // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 46–57. (In Rus.)
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-46-57>

Введение

Отношения между Россией и Египтом имеют давнюю историю и всегда строились на основе дружбы и взаимоуважения, так как Россия занимает особое место среди народов Ближнего Востока и Африканского континента, и, пожалуй, важнейшей причиной этого является то, что Россия на протяжении всей истории никогда не была колониальной империей, присутствовавшей в этом регионе. У России никогда не существовало никакой империалистической (политической и экономической) активности по отношению к богатствам этого региона, в отличие от западных империй, таких как французская, британская, испанская, разграблявших их со времен Средневековья и до наших дней.

В конце XIX в. русские консульские учреждения действовали во многих египетских городах, таких как Каир, Александрия, Порт-Саид и Суэц, а консульские агенты работали в Луксоре, Асьюте, Минье и ряде других городов [13].

После египетской революции 1952 г. начался новый этап двусторонних отношений. В это время Египет запускает национальную политику, идеологически связанную с социалистическим течением, и именно в это время было объявлено о стратегической дружбе между Египтом и Советским Союзом [12]. Большинство объектов, построенных с помощью Советского Союза, до сих пор играют важную роль в экономике Египта [4]. Египту была оказана существенная помощь в создании и развитии национальной обороны, он стал обеспечиваться современной и боеспособной армией, оснащенной новейшими системами вооружения, что обеспечило обороноспособность крупнейшей страны Ближнего Востока [2]. Москва неоднократно протягивала руку помощи Египту в трудную минуту. Достаточно вспомнить войны 1967 и 1973 гг. между арабами и Израилем.

С 1960-х гг. и до распада Советского Союза страны Северной Африки были основными торговыми контрагентами Советского Союза на континенте. На их долю приходилась большая часть товарооборота между СССР и Африкой, а также значительная доля советской экономической и технической помощи Африке. Наиболее комплексная и разнообразная помощь была оказана Алжиру и Египту [1].

Египетско-российские отношения начали особенно активно развиваться после прихода к власти в 2014 г. президента Абдель Фаттах Халил ас-Сиси. Египет и Россия укрепили свои отношения во всех областях, экономической, политической и в сфере безопасности, а также в военной, в том числе за счет сделок по поставкам вооружений и совместных военных учений. Это развитие связано, прежде всего, с экономическим аспектом по ряду вопросов, таких как объем товарооборота, российские инвестиции в Египте, участие в развитии оси Суэцкого канала, энергетики и российского туризма. Объем товарооборота между странами начал расти с 2014 г. и достиг пика 7,6 млрд долл. к 2018 г. Пандемия COVID-19, безусловно, нанесла ущерб мировой торговле, что сказалось и на торговле России с Египтом. Однако уже в 2021 г., по данным Федеральной таможенной службы, российский экспорт в Египет составил 4,2 млрд долл. [15]. По итогам 2022 г. товарооборот увеличился на более чем на 30% и составил более 6 млрд долл. Египет остается крупнейшим торговым партнером России в Африке, на него приходится более 30% континентального российского товарооборота^{1, 2, 3}.

¹ Источник: Египет закупает 50 российских вертолетов «Аллигатор», возможна поставка палубного варианта [Электронный ресурс] // Русское информационное агентство ТАСС (tass.ru). 23.09.2015 URL: <http://tass.com/defense/823140> (дата обращения: 20.04.2023).

² Россия — Египет: траектория сотрудничества [Электронный ресурс] // Росконгресс. 15.06.2022. URL: <https://roscongress.org/en/materials/rossiya-egipet-traektoriya-sotrudnichestva/> (дата обращения: 20.04.2023).

³ Андрей Слепнев: «ЕАЭС и Египет рассчитывают на проведение полноценного раунда переговоров о свободной торговле в ближайшей перспективе» [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 11.10.2021. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/andrey-slepnev-eaes-i-egipet-rasschityvayut-na-provedenie-polnocennogo-raunda-peregovorov-o-svobodnoy-torgovle-v-blizhayshey-perspektive/> (дата обращения: 20.04.2023).

Говоря об инвестициях, следует отметить, что по состоянию на 2022 г. на рынке Египта работает 470 российских компаний, а их инвестиции составили около 8 млрд долл. Большая часть этих инвестиций поступает от «Роснефти».

1. Аграрный сектор и торговля продовольствием

В структуре российского экспорта преобладают злаки — 37% от общего объема, меди и изделий из нее — 10%, леса и изделий из него — 9%, 5%-ый порог преодолели также жиры, масла и черные металлы. Импорт из Египта в Россию в 2021 г. достиг рекордного уровня в истории двусторонней торговли — 0,59 млрд долл. Основу импорта составляют фрукты (49%), овощи (28%), Египет играет важную роль в поставках картофеля в Россию (58% импорта в 2020 г.)¹. В целом в структуре неэнергетического нетоварного российского экспорта в Египет доля продовольственных товаров составляет более 50%, то есть более чем в 2,5 раза выше среднего^{2,3}.

Торговля пшеницей между двумя странами считается очень важной, поскольку Каир зависит от импорта российской пшеницы в целях удовлетворения местных потребностей (рис. 1, таб. 1).

Рис. Импорт пшеницы в Египет: 2017–2021 гг.

Fig. Wheat imports to Egypt: 2017–2021

Источник: составлено авторами по Trade Data Monitor LLC and U.S. Agriculture Department, Foreign Agricultural Service

Египет является крупным импортером продуктов питания, что позволяет рассматривать его как перспективный рынок для увеличения поставок сельскохозяйственной продукции из России. В 2020 г. на рынок Египта было поставлено сельхозпродукции почти на 2 млрд долл., что на 13% больше, чем в 2019 г.

¹ Отчет о внешней торговле России товарами с Египтом в 2021 году: экспорт, импорт, продукция, динамика [Электронный ресурс] // Российская внешняя торговля. 16.02.2022. URL: <https://en.russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/russian-trade-with-egypt-in-2021/> (дата обращения: 20.04.2023).

² Там же.

³ Россия — Египет: траектория сотрудничества [Электронный ресурс] // Росконгресс. 15.06.2022. URL: <https://roscongress.org/en/materials/rossiya-egypt-traektoriya-sotrudnichestva/> (дата обращения: 20.04.2023).

Россия является крупнейшим поставщиком зерна в Египет, обеспечивая до 65% потребностей Египта. В структуре российского экспорта сельхозсырья и продовольствия в Египет на пшеницу приходилось 91,9%¹. Возможность переработки сельскохозяйственного сырья, в частности зерна, поставляемого из России, также видится очень перспективной формой взаимодействия, учитывая, что это старейшая и достаточно динамичная отрасль Египта [6].

Помимо пшеницы, Россия является крупнейшим поставщиком сырого подсолнечного масла с долей более 60%, а также входит в четверку ведущих поставщиков подсолнечного шрота и жмыха. В 2020 г. Египет импортировал 327 тыс. т сырого подсолнечного масла и 159 тыс. т подсолнечного шрота и жмыха². Экспорт других культур в Россию из Египта выглядит следующим образом: цитрусовые — 43,4% (182,3 млн долл.), свежий картофель — 17,5% (73,6 млн долл.), лук и чеснок — 10,2% (42,8 млн долл.), виноград и изюм — 6,8% (28,4 млн долл.)³. Таким образом, Россия является одним из ключевых покупателей плодовоовощной продукции из Египта. В связи с этим египетские производители не только проводят исследования российского рынка, но и стараются разработать новые продукты специально для России [7] (табл. 2).

Таблица 1

Экспорт из России в Египет, 2021 г.⁴
Table 1. Russia's exports to Egypt in 2021

Название группы продуктов	Стоимость экспорта, долл. США	Процентная доля в общем объеме экспорта, %
Злаки	1 547 754 842	37,04
Медь и изделия из нее	418 732 771	10,02
Древесина и изделия из дерева	385 190 222	9,22

Источник: Russian Foreign Trade Reports and Reviews [Электронный ресурс] // Russian Foreign Trade (RT) (официальный сайт Внешторга России).
URL: <https://en.russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/russian-trade-with-egypt-in-2021/> (дата обращения: 16.02.2022)

Таблица 2

Экспорт из Египта в Россию, 2021 г.⁵
Table 2. Russia's Imports from Egypt in 2021

Название группы продуктов	Стоимость экспорта, долл. США	Процентная доля в общем объеме экспорта, %
Фрукты и орехи	294 293 198	49,73
Овощи	164 325 459	27,77
Электрические машины, оборудование и их части	31 591 765	5,34

Источник: Russian Foreign Trade Reports and Reviews [Электронный ресурс] // Russian Foreign Trade (RT) (официальный сайт Внешторга России).
URL: <https://en.russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/russian-trade-with-egypt-in-2021/> (дата обращения: 16.02.2022)

¹ Экспортные гиды: Подсолнечное масло и подсолнечный шрот (Египет) [Электронный ресурс] // Agroexport. Федеральный центр развития экспорта продукции АПК Минсельхоза России. Обновлено 10.11.2021. URL: <https://aemcx.ru/2021/07/20/экспортные-гиды-подсолнечное-масло> (дата обращения: 20.04.2023).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Reviews on Russian trade with Egypt [Электронный ресурс] // Внешняя торговля России. URL: <https://en.russian-trade.com/countries/egypt> (дата обращения: 20.04.2023).

⁵ Там же.

2. Промышленные зоны, военное сотрудничество и транспортный сектор

На сегодняшний день важным шагом в углублении российско-египетского инвестиционного сотрудничества стало подписание 23 мая 2018 г. соглашения об открытии Российской промышленной зоны (РПЗ) в Египте на востоке Порт-Саида и северного входа в Суэцкий канал. Это крупный проект, который стороны разрабатывают на протяжении многих лет. В июле 2021 г. успешно завершены переговоры о расширении территории Российской промышленной зоны в районе Суэцкого канала за счет включения Восточного Порт-Саида и Айн-Сохны¹. Начало строительства объектов было запланировано на 2020 г., но из-за пандемии Covid-19 сроки сдвинулись. Реализация проекта рассчитана на тринадцать лет. В первые два-три года в РПЗ должно появиться около 50 компаний-резидентов².

Государственные инвестиции России в развитие первичной инфраструктуры РПЗ запланированы на уровне 190 млн долл., общий объем частных инвестиций оценивается в 7 млрд долл.³

Высоким является уровень военно-технического сотрудничества, который Москва и Каир называют главным вопросом двусторонней повестки дня. В 2014 г. были подписаны оружейные контракты на сумму более 3,5 млрд долл. на поставку новых истребителей (МиГ-29М/М2), вертолетов (Ми35М), ракетных комплексов С-300ВМ, береговых систем обороны и т. д.⁴ Позже, в 2015 г.⁵ Египет закупил 50 вертолетов Ка-5233 для двух своих вертолетоносцев «Мистраль» (которые изначально были заказаны Россией во Франции, но не были поставлены из-за антироссийских санкций в 2014 г., связанных с Крымом)⁶. К концу 2018 г. была заключена еще одна оружейная сделка на сумму не менее 2 млрд долл. на поставку нескольких десятков истребителей Су-35 (Flanker-E)⁷.

«Перспективным представляется также инвестиционное сотрудничество России и Египта в транспортной сфере: строительство и модернизация железных дорог; создание центра управления железнодорожным транспортом; поставка и сборка вагонов; судостроение и модернизация цехов судостроительных заводов; строительство нефтяных танкеров и плавучих мастерских. Расположение РПЗ можно признать выгодным из-за ее близости к Суэцкому каналу, что значительно снижает производственные затраты. Также прибыль от промзоны будет направляться в российский бюджет, а не в частные компании» [8].

3. Энергетический сектор

Энергетический сектор также является одним из секторов, занимающих важное место в отношениях двух стран, поскольку в этой связи был подписан ряд соглашений, в том числе соглашение с российской компанией «Газпром» о поставках газа в Египет, а Россия оказала огромную помощь Египту в проектировании и строительстве четырех очередей атомной электростанции в Эль-Дабаа, две из которых в настоящее время реализуются. 19 ноября 2015 г. Египет подписал с Россией МПС на строительство и эксплуатацию АЭС⁸. Египетское правительство полно решимости предпринять все усилия, чтобы гарантировать

¹ Россия и Египет подписали соглашение о создании российской промышленной зоны в Египте [Электронный ресурс] // Русское информационное агентство ТАСС (tass.ru). 23.05.2018. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5225712> (дата обращения: 20.04.2023).

² Бизнесмены из РФ обсуждают расширение Российской промзоны в Египте ТАСС [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. 29.08.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12248311> (дата обращения: 20.04.2023).

³ Там же.

⁴ Кожанов Н. Экспорт оружия дает России новые рычаги влияния на Ближнем Востоке [Электронный ресурс] // Eurasia Diary. 30.07.2016. URL: <https://ednews.net/ru/news/analytical-wing/59206-eksport-oruziya-daet-rossii-novie> (дата обращения: 20.04.2023).

⁵ Бизнесмены из РФ обсуждают расширение Российской промзоны в Египте ТАСС [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. 29.08.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12248311> (дата обращения: 20.04.2023).

⁶ Thomas Gibbons-Neff. Egypt to buy French Mistral landing ships originally intended for Russia [Электронный ресурс] // The Washington Post. 23.09.2015. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/checkpoint/wp/2015/09/23/egypt-to-buy-french-mistral-landing-ships-originally-intended-for-russia/> (дата обращения: 20.04.2023).

⁷ Alexey Khlebnikov. Russia Looks to the Middle East to Boost Arms Exports [Электронный ресурс] // Middle East Institute (MEI). 08.04.2019. URL: <https://www.mei.edu/publications/russia-looks-middle-east-boost-arms-exports> (дата обращения: 20.04.2023).

⁸ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Арабской Республики Египет о сотрудничестве в строительстве и эксплуатации АЭС на территории Арабской Республики Египет [Электронный ресурс]. Каир. 2015. URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/bi-172786.pdf> (дата обращения: 20.04.2023).

завершение строительства [14], так как эта инвестиционная сделка подвергает многие активы, в том числе напрямую не связанные с проектом, риску в случае банкротства проекта¹.

Строительство станции Эль-Дабаа реализуется российской государственной корпорацией «Росатом». Она будет состоять из четырех ядерных энергоблоков, каждый из которых сможет производить 1200 МВт энергии. Работы на станции Эль-Дабаа, расположенной к западу от Александрии, начались в декабре 2017 г., и компания будет обслуживать четыре реактора станции в течение 60 лет [16]. Ожидается, что первый реактор мощностью 1200 МВт начнет коммерческую эксплуатацию в 2026 г. Остальные три реактора должны быть запущены к 2028 г., как объявил «Росатом». Реакторы Эль-Дабаа будут оснащены новой технологией с жесткими мерами безопасности, учитывающими уроки, извлеченные во время аварии на Фукусиме в марте 2011 г. в Японии. Они смогут выдержать землетрясение силой до 9 баллов по шкале Рихтера и падение 400-тонного самолета [Там же].

Согласно договору, Россия должна сдать первую очередь станции через семь лет после получения лицензии². Россия также предоставила Египту 11-летний льготный период погашения, поэтому Египет не начнет выплачивать кредит, пока АЭС не начнет функционировать, а затем будет 22 года, чтобы завершить платеж. Финансовая модель реализации этого проекта между Россией и Египтом представляет собой партнерство между их министерствами финансов [14]. «Египет начнет погашать кредит в 2029 году, хотя к тому времени ядерные реакторы Эль-Дабаа принесут правительству Египта 17 млрд долл. суверенных доходов» [16]. Это намного лучше финансирование, чем было предложено большинством других стран-поставщиков, таких как Франция, Южная Корея и Япония. Все отрасли промышленности, поставщиками которых являются преимущественно государственные предприятия, могут управлять ограниченной государственной поддержкой АЭС через экспортно-кредитные агентства (ECA) и путем инвестирования миноритарного капитала в ядерный проект [14].

Данный проект может обеспечить до 50% электроэнергетических мощностей Египта, при его реализации будет создано более 50 тыс. рабочих мест, это «чистый проект», не загрязняющий окружающую среду. Реализация проекта позволит частично решить проблему нехватки воды: государственное статистическое агентство Египта сообщило в мае 2014 г., что египтяне в среднем имеют доступ к 663 м³ чистой воды в год, что значительно ниже международных норм потребления воды. Правительство планирует превратить Египет в центр производства энергии, целью которого является не только самообеспечение, но и производство электроэнергии на экспорт [16].

4. Туризм

Большое значение для экономики Египта имеет туристическая отрасль. Граждане Российской Федерации составляют наибольшее количество отдыхающих в общем потоке иностранцев, прибывающих в Египет, в связи с чем основное внимание уделяется именно российским туристам и их пребыванию в стране. Отток российских туристов после крушения А321 на Синае привел к потерям в сфере туризма в размере 4 млн долл. в день. Россия приостановила полеты в Египет, что усугубило кризис египетской туристической индустрии, ориентированной на российских туристов [9].

По данным Российско-египетского делового совета (REBC) при Торгово-промышленной палате РФ, представители частного сектора обеих стран предпринимают постоянные попытки наладить контакт друг с другом, вести переговоры, участвовать в профессиональных выставках и ярмарках, наносить деловые визиты в потенциальные компании-партнеры, но результаты оставляют желать лучшего. Основной целью этой активности является продвижение интересов российского частного бизнеса в Египте, активизация и развитие торгово-экономического сотрудничества между двумя странами [12].

¹ Инструмент сравнения стран (Россия и Египет) [Электронный ресурс] // Hofstede Insights. URL: https://www.hofstede-insights.com/country-comparison-tool?countries=egypt*%2Crussia (дата обращения: 20.04.2023).

² Там же.

Руководство REBC постоянно отмечает трудности, с которыми сталкиваются деловые круги из России и Египта при непосредственном общении. В подавляющем большинстве случаев россияне и египтяне уходят с переговоров без видимого намерения продолжать сотрудничество. Лидеры двух стран подтверждают, что среди основных препятствий для двустороннего сотрудничества между Россией и Египтом — культурные различия, о которых участники плохо осведомлены [11, р. 14].

Элементарный пример из повседневной практики — различия в стилях устного/письменного общения. Египетская культура устная, а это означает, что большинство египтян предпочли бы устное обсуждение рабочих вопросов с партнерами по деловой переписке. В крайнем случае существует возможность обсудить профессиональные вопросы по телефону. «Следовательно, египетские менеджеры будут всячески избегать написания документов и писем, настаивая на устном решении всех рабочих вопросов. Их российские коллеги, как правило, настаивают на официальном стиле делового общения, когда все договоренности и вопросы формулируются и направляются партнерам в письменной форме. Устная форма делового общения считается неприемлемой и расценивается как “несерьезная”. Таким образом, на уровне предварительных переговоров между потенциальными российскими и египетскими партнерами уже возникают коммуникативные сложности» [5].

5. Проблема межкультурных барьеров

Выдающийся американский антрополог Эдвард Холл разработал концепции монохромных/полихромных культур, а также культур высокого и низкого контекстов, которые сегодня входят в число основных межкультурных теорий, имеющих большое значение. Различные мировые культуры выработали два различных решения использования времени и пространства в качестве организующих рамок для своей деятельности: монохромное время (М-время) и полихромное время (Р-время). Культуры М-time делают упор на расписание, сегментацию и оперативность. Системы Р-времени характеризуются тем, что несколько вещей происходят одновременно, что делает упор на участие людей и завершение транзакций, а не на соблюдение существующих графиков.

Классификация Холла показывает, что люди в культурах М-времени придерживаются планов, делают одно дело за раз, хорошо концентрируются, расставляют приоритеты в работе, серьезно относятся к временным обязательствам, делают дела по очереди и привыкли к краткосрочным отношениям. Представители культур Р-времени, напротив, легко меняют планы (подстраиваясь под текущую ситуацию), занимаются несколькими делами одновременно, легко отвлекаются и подвержены прерываниям, расставляют приоритеты в человеческих отношениях, легко относятся к временным обязательствам, предпочитают смешивать и комбинировать дела и нацелены на установление отношений на всю жизнь. Большинство западных стран принадлежат к типу М-времени, который фактически был культивирован в западноевропейской традиции. В западном мире «человек мало находит в жизни того, что было бы освобождено от железной руки М-времени» [10, р. 17]. Страны Ближнего Востока, в свою очередь, на верняка ассоциируются с противоположным типом культуры Р-времени.

Русская и египетская культуры резко контрастируют друг с другом в современном контексте: русская культура, бесспорно, монохромна, а египетская — полихромна. Естественно, процесс обращения с противоположным стилем поведения неизбежно вызывает раздражение и психологическое напряжение — типичная реакция россиян и египтян после совместной деловой встречи или переговоров.

Русская склонность к точности, пунктуальности, официально-деловой манере и предельной сосредоточенности воспринимается египтянами как жесткий и крайне неприятный способ ведения дел. В то же время непредсказуемая гибкость египтян (когда планы и решения легко меняются), частая рассеянность заставляют российских партнеров считать этих людей ненадежными и думать о том, что иметь дело с ними очень бесперспективно. Мы считаем, что, несмотря на межкультурные различия в своем бизнес-поведении, обе стороны имеют солидный потенциал для сотрудничества, будучи на самом деле вполне заслуживающими доверия друг друга [12].

6. Торговое сотрудничество между Египтом и странами Евразийского союза

Из вышеизложенного нам становится ясно, что торговый обмен между Египтом и Россией является самым большим по объему в рамках ЕАЭС, так как российская экономика является самой сильной и диверсифицированной среди всех стран Евразийского союза.

Так, объем товарооборота между Египтом и Беларусью в 2021 г. составил всего около 63 млн долл. Беларусь экспортирует в Египет тракторы, грузовые автомобили, дорожно-строительную технику, вилочные погрузчики, двигатели, шины, машины, металлопродукцию, сухое молоко, насосы, рентгеновское оборудование, химическую продукцию, столярные изделия. Основными статьями импорта из Египта являются цитрусовые и другие свежие, консервированные и замороженные овощи и фрукты, лекарства и растения, используемые в парфюмерии и фармацевтике, верхняя одежда, ткани и шерсть¹.

Объем товарооборота между Египтом и Арменией в 2021 г. составил 13,8 млн долл. Основными продуктами, которые Египет экспортировал в Армению, были цитрусовые, фрукты и очищенная нефть. Взамен Армения экспортировала в Египет продукцию только на 39,5 тыс. долл., которой стали электрические панели управления².

Что касается Казахстана, то объем товарооборота между Египтом и Казахстаном в 2021 г. составил около 65 млн долл., Египет экспортировал в Казахстан продукцию на 61,9 млн долл. Основная продукция, экспортируемая Египтом в Казахстан, это ароматические масла, пищевкусные препараты, а также расфасованные лекарства. С другой стороны, Казахстан экспортировал в Египет продукцию на 4,03 млн долл. Основными товарами, которые Казахстан экспортировал в Египет, были ферросплавы и кокс³.

Со стороны Египта и стран Евразийского союза существует большой интерес к увеличению объемов товарооборота между двумя сторонами, так как Евразийский союз считает, что Египет является воротами не только на Африканский континент, но и на арабские рынки, а в противоположном направлении — на рынки стран ЕАЭС. Такое сотрудничество и взаимодействие позволит экономикам стран-партнеров в будущем развиваться динамичнее и быстрее. Сегодня Евразийский экономический союз придает большое значение реализации проекта российской промзоны в Египте. При этом интерес к проекту проявляют не только компании из Российской Федерации, но и из других стран Евразийского экономического союза⁴.

Первые договоренности между странами ЕАЭС и Египтом о формировании соглашения о свободной торговле и работе совместной исследовательской группы были достигнуты в 2015 г. По предварительным оценкам Евразийской экономической комиссии, с формированием ЗСТ и соглашения о свободной торговле предполагалось, что экспорт стран ЕАЭС в Египет может увеличиться на 14,5%, а импорт из Египта — на 34%, что и произошло в последние годы межстранового сотрудничества. Страны ЕАЭС имеют серьезный потенциал для увеличения экспорта в Египет продуктов питания, растительных масел и жиров, овощей, кожгалантереи, угля, черных металлов и отдельных видов машин и оборудования. Что касается увеличения импорта из Египта, то ожидается увеличение поставок овощей, фруктов, орехов и отдельных видов химической продукции, одежды и продукции текстильной промышленности. Дополнительными преимуществами ЕАЭС может стать использование российской промышленной зоны, созданной в рамках Особой экономической зоны Суэцкого канала. Кроме того, некоторые возможности открываются для стран ЕАЭС в связи с сетью соглашений о свободной торговле, которые Египет заключил с рядом стран Северной Африки [3].

¹ Economic cooperation. Trade dynamics with Egypt [Электронный ресурс] // Embassy of the Republic of Belarus to the Arab Republic of Egypt. URL: https://egypt.mfa.gov.by/en/blr_egypt/economical/ (дата обращения: 20.04.2023).

² Armenia — Egypt / Egypt — Armenia [Электронный ресурс] // Observatory of Economic Complexity (OEC). URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/arm/partner/egy> (дата обращения: 20.04.2023).

³ Egypt — Kazakhstan / Kazakhstan — Egypt [Электронный ресурс] // Observatory of Economic Complexity (OEC). URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/egy/partner/kaz> (дата обращения: 20.04.2023).

⁴ Андрей Слепнев: «Торгово-экономические отношения ЕАЭС и Египта продолжают развиваться ускоренными темпами» [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 12.09.2022. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/andrey-slepnev-torgovo-ekonomicheskie-otnosheniya-eaes-i-egipta-prodolzhayut-razvivatsya-uskorennyimi/> (дата обращения: 20.04.2023).

Выводы

1. В последние десять лет экономические отношения между Египтом, Россией и странами Евразийского союза характеризуются интенсивной динамикой развития. На уровне правительств было подписано много соглашений и меморандумов о взаимопонимании и намерении совместного экономического сотрудничества. В настоящее время разработан ряд проектов, реализация которых осуществляется в различных сферах экономики. Это свидетельствует о том, что предстоящий период будет плодотворным в экономическом, политическом и социальном отношениях между двумя сторонами.
2. Наиболее перспективными для укрепления экономического сотрудничества России и Египта выступают энергетика (строительство АЭС в Эль-Дабаа и поставки газа в Египет), промышленность и транспорт (модернизация железных дорог и расширение территории Российской промышленной зоны в районе Суэцкого канала), а также развитие аграрного сектора торговли.
3. Особое внимание необходимо уделить развитию частного предпринимательства, представители которого будут способны преодолевать барьеры между различными национальными культурами ведения бизнеса. Преодолеть эти барьеры следует путем организации торговых представительств в Египте и странах Евразийского союза, основная задача которых должна заключаться в упрощении процесса коммуникации между странами-партнерами.
4. Официальным иностранным представительством (посольства и консульства) следует оказывать более активную и целенаправленную помощь в расширении бизнеса в рамках международного сотрудничества стран ЕАЭС и Египта, что, несомненно, принесет пользу всем сторонам.

Литература

1. *Абрамова И., Фитуни Л.* Новая стратегия России на африканском направлении [Электронный ресурс] // Мировая экономика и международные отношения. 2019 г. Т. 63. № 12. С. 90–100. URL: https://www.imemo.ru/en/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/12_2019/12-ABRAMOVA.pdf (дата обращения: 20.04.2023). <http://dx.doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-12-90-100>
2. *Богданов М. Л.* Москва — Каир: падения и взлеты сотрудничества : монография. Москва, МГИМО-Университет, 2017. 334 с.
3. Евразийский экономический союз. Глава 5. Евразийский экономический союз: связи с внешним миром. С. 156–184. СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2017. 296 с. [Электронный ресурс]. URL: https://eabr.org/upload/iblock/107/EDB-Centre_2017_Monograph_EAEU_RUS_1.pdf (дата обращения: 20.04.2023).
4. *Касаев Э. О.* К вопросу о торгово-экономических отношениях России и Египта [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. 17.02.2013. URL: <http://www.iimes.ru/?p=16844> (дата обращения: 20.04.2023).
5. *Халил М. А.* Социокультурные аспекты мусульманско-христианского взаимодействия (на примере систем массовой коммуникации и образования России и Египта) : кандидатская диссертация [Электронный ресурс]. МГИМО. Москва, 2016. 241 с. URL: https://www.researchgate.net/publication/317845386_SOCIOKULTURNYE_ASPEKTY_MUSULMANO-HRISTIANSKOGO_VZAIMODEJSTVIA_na_primere_deatelnosti_sredstv_massovoj_kommunikacii_i_sistem_obrazovania_Rossii_i_Egipta (дата обращения: 20.04.2023).
6. *Al-Hamati Mohammed Abduljalil.* Foreign Economic Relations between Russia and Egypt in the Agricultural Sphere: Problems and Prospects of Development [Электронный ресурс] // RUDN Journal of Economics. 2022. Vol. 30. No. 1. P. 124–132. URL: <https://journals.rudn.ru/economics/article/view/30662/20525> (дата обращения: 20.04.2023). <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2022-30-1-124-132>
7. *Belova I. N., Al-Hamati Mohammed Abduljalil.* Russian Market of Vegetables and Fruits: Current State, Dependence on Imports, Development Prospects in the Terms of Modern Globalization. In Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. 2021. Vol. 198. P. 834–842. http://dx.doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_95

8. *Dmitrieva E.* Foreign Economic Strategies of Egypt and Prospects for Cooperation with Russia. Condensed abstract [Электронный ресурс] // Russia and the Moslem World. 2022. No. 2 (316), P. 73–77. URL: http://inion.ru/site/assets/files/6964/2022_rmm_en_2.pdf (дата обращения: 20.04.2023). <http://dx.doi.org/10.31249/rmw/2022.02.06>
9. *Ehrl M., Hinck R.* Solving Egypt's Economic Crisis: The Strategic Role of Chinese, Russian, and Egyptian Media Narratives // International Journal of Strategic Communication. 2021. Vol. 15. No. 5. P. 504–525. <https://doi.org/10.1080/1553118X.2021.1984920>
10. *Hall E.* Beyond Culture. Anchor Book / Doubleday. New York. 1977. 320 p.
11. *Hall E.* The Silent Language. Doubleday & Company, Inc., Garden City. New York. 1959. 242 p.
12. *Khalil Mona.* Features of the Russian-Egyptian Cross-Cultural Communication. Business and Management Dimensions [Электронный ресурс] // RUDN Journal of World History. 2019. Vol. 11. No. 1. P. 56–64. URL: https://www.researchgate.net/publication/338162775_Features_of_the_Russian-Egyptian_cross-cultural_communication_business_and_management_dimensions (дата обращения: 20.04.2023). <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-56-64>
13. *Khlebnikov A.* Russia and Egypt: A Precarious Honeymoon. In D. Bechev, N. Popescu & S. Secieru (Eds.). Russia Rising: Putin's Foreign Policy in the Middle East and North Africa. London : I.B.Tauris. 2021. P. 107–116. <http://dx.doi.org/10.5040/9780755636679.ch-012>
14. *Samuel M. Hickey, Salaheddin Malkawi, Ayman Khalil.* Nuclear Power in the Middle East: Financing and Geopolitics in the State Nuclear Power Programs of Turkey, Egypt, Jordan and the United Arab Emirates // Energy Research & Social Science. April 2021. Vol. 74. Page 101961. <https://doi.org/10.1016/j.erss.2021.101961>
15. *Savicheva E. M.* Security Factor in the Middle East in Russian-Egyptian Relations (2014–2018) [Электронный ресурс]. ORSAM Policy Brief 121, April 2019. 14 p. URL: https://orsam.org.tr/d_hbanaliz/security-factor-in-the-middle-east-in-russian-egyptian-relations-2014-2018.pdf (дата обращения: 20.04.2023).
16. *Shaul Shay.* Russia and Egypt Signed a “Comprehensive Cooperation and Strategic Partnership Agreement” [Электронный ресурс]. IPS publications IDC. October 2018. URL: <https://www.runi.ac.il/media/fusgznh/shaulshayrussiaegypt28-10-18a.pdf> (дата обращения: 20.04.2023).

Об авторах:

Мисько Олег Николаевич, заведующий кафедрой экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент;
e-mail: misko-on@ranepa.ru; ORCID: 0000-0001-7351-7455

Дарвиш Алаа Шавки, аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: amokhameddarvi-20@edu.ranepa.ru; alaa-shawky77@hotmail.com

References

1. *Abramova I., Fituni L.* Russia's New Strategy in the African Direction [Electronic resource] // World Economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2019. Vol. 63. No. 12. P. 90–100. URL: https://www.imemo.ru/en/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/12_2019/12-ABRAMOVA.pdf (accessed: 20.04.2023). (In Rus.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-12-90-100>
2. *Bogdanov M. L.* Moscow — Cairo: Ups and Downs of Collaboration : monograph. Moscow, MGIMO-University, 2017. 334 p. (In Rus.)
3. Eurasian Economic Union. Chapter 5. Eurasian Economic Union: Ties to the Outside World. P. 156–184. St. Petersburg: Center for Integration Research EDB, 2017. 296 p. [Electronic resource]. URL: https://eabr.org/upload/iblock/107/EDB-Centre_2017_Monograph_EAEU_RUS_1.pdf (accessed: 20.04.2023). (In Rus.)
4. *Eldar Kasaev.* On the Issue of Trade and Economic Relations of Russia and Egypt [Electronic resource] // Institute of the Middle East. 17.02.2013. URL: <http://www.iimes.ru/?p=16844> (accessed: 20.04.2023).

5. Khalil M. A. Socio-Cultural Aspects of Muslim — Christian Interaction (case study of mass communication and education systems of Russia and Egypt). PhD Thesis [Electronic resource]. Moscow State Institute of International Relations. Moscow, 2016. 241 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/317845386_SOCIOKULTURNYE_ASPEKTY_MUSULMANO-HRISTIANSKOGO_VZAIMODEJSTVIA_na_primere_deatelnosti_sredstv_massovoj_kommunikacii_i_sistem_obrazovania_Rossii_i_Egipta (accessed: 20.04.2023). (In Rus.)
6. Al-Hamati Mohammed Abduljalil. Foreign Economic Relations between Russia and Egypt in the Agricultural Sphere: Problems and Prospects of Development [Electronic resource] // RUDN Journal of Economics. 2022. Vol. 30. No. 1. P. 124–132. URL: <https://journals.rudn.ru/economics/article/view/30662/20525> (accessed: 20.04.2023). <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2329-2022-30-1-124-132>
7. Belova I. N., Al-Hamati Mohammed Abduljalil. Russian Market of Vegetables and Fruits: Current State, Dependence on Imports, Development Prospects in the Terms of Modern Globalization. In Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. 2021. Vol. 198. P. 834–842. http://dx.doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_95
8. Dmitrieva E. Foreign Economic Strategies of Egypt and Prospects for Cooperation with Russia. Condensed abstract [Electronic resource] // Russia and the Moslem World. 2022. No. 2 (316), P. 73–77. URL: http://inion.ru/site/assets/files/6964/2022_rmm_en_2.pdf (accessed: 20.04.2023). <http://dx.doi.org/10.31249/rmw/2022.02.06>
9. Ehrl M., Hinck R. Solving Egypt's Economic Crisis: The Strategic Role of Chinese, Russian, and Egyptian Media Narratives // International Journal of Strategic Communication. 2021. Vol. 15. No. 5. P. 504–525. <https://doi.org/10.1080/1553118X.2021.1984920>
10. Hall E. Beyond Culture. Anchor Book / Doubleday. New York. 1977. 320 p.
11. Hall E. The Silent Language. Doubleday & Company, Inc., Garden City. New York. 1959. 242 p.
12. Khalil Mona. Features of the Russian-Egyptian Cross-Cultural Communication. Business and Management Dimensions [Electronic resource] // RUDN Journal of World History. 2019. Vol. 11. No. 1. P. 56–64. URL: https://www.researchgate.net/publication/338162775_Features_of_the_Russian-Egyptian_cross-cultural_communication_business_and_management_dimensions (accessed: 20.04.2023). <http://dx.doi.org/10.22363/2312-8127-2019-11-1-56-64>
13. Khlebnikov A. Russia and Egypt: A Precarious Honeymoon. In D. Bechev, N. Popescu & S. Secrieru (Eds.). Russia Rising: Putin's Foreign Policy in the Middle East and North Africa. London : I.B.Tauris. 2021. P. 107–116. <http://dx.doi.org/10.5040/9780755636679.ch-012>
14. Samuel M. Hickey, Salaheddin Malkawi, Ayman Khalil. Nuclear Power in the Middle East: Financing and Geopolitics in the State Nuclear Power Programs of Turkey, Egypt, Jordan and the United Arab Emirates // Energy Research & Social Science. April 2021. Vol. 74. Page 101961. <https://doi.org/10.1016/j.erss.2021.101961>
15. Savicheva E. M. Security Factor in the Middle East in Russian-Egyptian Relations (2014–2018) [Electronic resource]. ORSAM Policy Brief 121, April 2019. 14 p. URL: https://orsam.org.tr/d_hbanaliz/security-factor-in-the-middle-east-in-russian-egyptian-relations-2014-2018.pdf (accessed: 20.04.2023).
16. Shaul Shay. Russia and Egypt Signed a “Comprehensive Cooperation and Strategic Partnership Agreement” [Electronic resource]. IPS publications IDC. October 2018. URL: <https://www.runi.ac.il/media/fusgznh/shaulshayrussiaegypt28-10-18a.pdf> (accessed: 20.04.2023).

About the authors:

Oleg N. Misko, Head of the Department of Economics of North-West Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics);
e-mail: misko-on@ranepa.ru; ORCID: 0000-0001-7351-7455

Alaa Sh. Darwish, PHD student, North-West Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: amokhameddarwi-20@edu.ranepa.ru; alaa-shawky77@hotmail.com

Возможности развития лечебно-оздоровительного туризма на евразийском пространстве¹

Мозокина С. Л., Плотников В. А.*

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

*e-mail: Plotnikov_2000@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3784-6195

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются особенности организации санаторно-курортных комплексов Российской Федерации и стран — участниц Содружества Независимых Государств (СНГ). Отмечено положительное влияние развития систем санаторно-курортного обслуживания населения на сохранение и развитие человеческого капитала. Авторами анализируются возможности и тенденции развития лечебно-оздоровительного, в том числе санаторно-курортного туризма в России и на территории стран — участниц СНГ.

Цель. Определить потенциал и перспективные направления развития лечебно-оздоровительного туризма (в том числе санаторного и медицинского) на евразийском пространстве.

Задачи. Рассмотреть этапы развития лечебно-оздоровительного туризма (в том числе оздоровительного, санаторно-курортного и медицинского) в России и странах — участницах СНГ, изучить современное состояние санаторно-курортного комплекса и природных лечебных ресурсов в России и странах — участницах СНГ, проанализировать туристские потоки на евразийском пространстве.

Методы. При проведении исследования использовались статистические данные, полученные из открытых источников, таких как Единая межведомственная информационно-статистическая система, официальный сайт Федерального агентства по туризму, официальные сайты государственных органов стран — участниц Содружества Независимых Государств и др. источники. Для обработки полученных исходных данных были использованы стандартные научные методы анализа и синтеза, экспертно-аналитический, структурно-логический, методы моделирования и прогнозирования.

Результаты. Исследование показало, что для интеграции в сфере лечебно-оздоровительного и санаторно-курортного туризма нам представляется целесообразным создание единого информационного портала, объединяющего информацию о природных лечебных ресурсах, санаторно-курортных организациях, их профиле, материально-технической базе и условиях размещения (возможно с функцией бронирования). Это позволит создать информационно-технологическую основу для дальнейшей интеграции в рассматриваемой области. В рамках этого же направления авторы рекомендуют принятие мер по гармонизации форм и порядка получения документов для санаторно-курортного лечения (санаторно-курортных карт), в том числе электронных. В связи с тем, что при условии дальнейшего развития интеграционных процессов в рассмотренной сфере остро встанет вопрос кадрового обеспечения, авторы предлагают разработать сетевые магистерские программы по организации и управлению лечебно-оздоровительным туризмом (включая медицинский туризм и санаторно-курортный туризм), реализуемые на базе университетов стран — участниц Содружества Независимых Государств. При этом предполагается включить в компетенции сетевых магистерских программ такие компетенции, как знание профилей сана-

¹ Статья выполнена в рамках инициативной НИР Санкт-Петербургского государственного экономического университета: «Формирование хозяйственных систем евразийского типа: динамика, противоречия, эффективность» (код 121042600253-4).

тории, природных лечебных ресурсов, курортологии, умение использовать в работе цифровые платформы.

Выводы. В период «постнормальности» под воздействием антироссийской санкционной политики «коллективного Запада» возникают предпосылки для более тесной интеграции стран СНГ в сфере лечебно-оздоровительного (в том числе оздоровительного, санаторно-курортного и медицинского) туризма. В целях содействия интеграционным процессам предлагается создание единой цифровой платформы, унификация информационно-технологического сопровождения, а также развитие сетевых образовательных программ по подготовке специализированных кадров.
Ключевые слова: человеческий капитал, лечебно-оздоровительный туризм, евразийское пространство, Содружество Независимых Государств

Для цитирования: Мозокина С. Л., Плотников В. А. Возможности развития лечебно-оздоровительного туризма на евразийском пространстве // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 2. С. 58–70.
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-58-70>

The Medical Tourism Development Possibilities in the Eurasian Space

Mozokina S. L., Plotnikov V. A.*

St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: Plotnikov_2000@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3784-6195

ABSTRACT

The article discusses the features of the organization of sanatorium-resort complexes of the Russian Federation and the countries of the Commonwealth of Independent States (CIS). The positive impact of the development of sanatorium-resort service systems on the preservation and development of human capital was noted. The authors analyze the possibilities and development trends of medical and health, including sanatorium-resort, tourism in Russia and in the territory of the CIS participating countries.

Aim. To determine the potential and promising directions for the development of health tourism (including sanatorium and medical) in the Eurasian space.

Tasks. To consider the stages of development of health and wellness tourism (including health, spa and medical) in Russia and the CIS member countries, to study the current state of the spa complex and natural healing resources in Russia and the CIS member countries, to analyze tourist flows in the Eurasian space.

Methods. The study used statistical data obtained from open sources, such as the Unified Interdepartmental Information and Statistical System, the official website of the Federal Agency for Tourism, the official websites of government agencies of the member countries of the Commonwealth of Independent States, etc. sources. Standard scientific methods of analysis and synthesis, expert-analytical, structural-logical, modeling and forecasting methods were used to process the obtained initial data.

Results. The study showed that for integration in the field of health and wellness and sanatorium-resort tourism, it seems to us expedient to create a single information portal that combines information about natural healing resources, sanatorium-resort organizations, their profile, material and technical base and accommodation conditions (possibly with a booking function). This will create an information technology basis for further integration in the field under consideration. Within the framework of the same direction, the authors recommend taking measures to harmonize the forms and procedures for obtaining documents for sanatorium treatment (sanatorium cards), including electronic ones. Due to the fact that, subject to further development of integration processes in the considered area, the

issue of staffing will become acute, in connection with which the authors propose to develop network master's programs on the organization and management of health tourism (including medical tourism and sanatorium tourism), implemented on the basis of universities of the member countries of the Commonwealth of Independent States. At the same time, it is supposed to include in the competence of network master's programs such competencies as knowledge of the profiles of sanatoriums, natural healing resources, balneology, the ability to use digital platforms in work.

Conclusions. During the period of "post-normality", under the influence of the anti-Russian sanctions policy of the "collective West", prerequisites arise for closer integration of the CIS countries in the field of health and wellness (including wellness, sanatorium and medical) tourism. In order to facilitate integration processes, it is proposed to create a single digital platform, unify information technology support, as well as develop network educational programs for the training of specialized personnel.

Keywords: human capital, medical tourism, Eurasian space, the Commonwealth of Independent States

For citing: Mozokina S. L., Plotnikov V. A. The Medical Tourism Development Possibilities in the Eurasian Space // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 58–70. (In Rus.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-58-70>

Введение

В условиях перманентной турбулентности мирового и национального экономического развития [1; 10; 12; 15; 19], наблюдающейся с 2020 г., прологом для которой послужила пандемия Covid-19 (2020 г.), а в 2022 г. эта турбулентность усилилась вследствие беспрецедентных антироссийских санкций «коллективного Запада», происходят структурные изменения не только в экономике России, но и в направленности и интенсивности внешнеэкономических связей. В частности, значительно меняются направления въездных и выездных туристских потоков.

Взамен присущей предыдущему периоду развития ориентации во внешнеэкономических взаимодействиях на экономическую выгоду, сегодня все большую значимость приобретают геополитические факторы. В трансграничных взаимодействиях на первый план выходит надежность партнеров, принадлежность их к дружественным России странам. Поэтому, конечно же, большое значение, в частности в развитии туризма, приобретает евразийский вектор.

Рассматривая евразийскую интеграцию, можно заметить, что если еще десять лет назад под этим термином понималось развитие экономических связей на всем континенте Евразия «от Лиссабона до Владивостока» [4], то в настоящее время акцент сместился на укрепление связей России и ее непосредственных соседей, государств — участников Содружества Независимых Государств (СНГ), а также развитие взаимодействия с азиатскими странами: Китаем, Индией, Монголией и др. Евразийский вектор приобретает большую значимость в российской экономической политике, и, по-видимому, эта тенденция сохранится и в среднесрочной перспективе.

Направленность взаимодействий России со странами СНГ достаточно многообразная. Предметом нашего рассмотрения в данной статье является интеграция в сфере развития лечебно-оздоровительного (в том числе медицинского, санаторно-курортного и оздоровительного) туризма.

Материалы и методы

При проведении исследования использовались статистические данные, полученные из открытых источников, таких как Единая межведомственная информационно-статистическая система, официальный сайт Федерального агентства по туризму, официальные сайты государственных органов стран — участниц Содружества Независимых Государств и др. источники. Для обработки полученных исходных данных были использованы стандартные научные методы анализа и синтеза, экспертно-аналитический, структурно-логический, методы моделирования и прогнозирования.

Результаты и их обсуждение

Прежде чем рассматривать собственно развитие лечебно-оздоровительного (в том числе медицинского, санаторно-курортного и оздоровительного) туризма в СНГ, остановимся на теоретико-методологических предпосылках, раскрывающих его необходимость и значимость. Отметим, что по мере развития человеческого общества все более признанным становится понимание значимости человека для социально-экономического развития [3; 16; 20]. Все ключевые цели развития, декларируемые на международном, национальном, региональном и местном уровне, так или иначе связаны с людьми, ростом их благосостояния и качества жизни.

В этой связи все большее внимание уделяется инвестициям в человеческий капитал [9; 11], который мы понимаем широко — не только как способность людей (носителей человеческого капитала) генерировать доход при занятии той или иной хозяйственной деятельностью, но и как их способность самовоспроизводиться в широком социально-экономическом и культурном плане.

Такой взгляд, по нашему мнению, вполне закономерен, он связан с одной из известных трактовок капитала, данной в марксизме, как самовозрастающей стоимости. А при условии, что при развитых товарно-денежных отношениях любым факторам и ресурсам можно дать количественную стоимостную оценку, это, по сути, обозначает, что в процессе производительного (целевого) использования капитал обладает свойством самовозрастания. Будучи же не вовлеченным в хозяйственный оборот, он, напротив, теряет стоимость, уменьшается в объеме (например, пахотные земли без должного ухода деградируют, сады и виноградники приходят в запустение, неиспользуемые станки подвергаются коррозии, не вовлеченные в оборот денежные средства уменьшаются в реальном исчислении из-за инфляции и т. д.).

Самовозрастание человеческого капитала при вовлечении людей в хозяйственную деятельность происходит не только в форме роста их доходов, накопленного богатства, но и за счет тех благ социально-культурного характера, которые определяют социальную компоненту, креативную сущность человеческой личности: происходит увеличение длительности свободного времени населения, вызванное повышением производительности труда, люди больше занимаются творчеством и различными интеллектуальными упражнениями, развивают сеть собственных социальных контактов, занимаются саморазвитием и т. д.

Одним из ключевых показателей уровня развития человеческого капитала страны является ожидаемая продолжительность жизни граждан этой страны. Если рассматривать динамику увеличения продолжительности жизни населения РФ за период с 2002 по 2019 гг., то можно увидеть, что, несмотря на постоянный рост, этот показатель почти на десять лет ниже, чем во многих странах с более высоким уровнем экономического развития.

По данным Минздрава России, исторического максимума продолжительность жизни в РФ достигла в 2019 г. и составила 73,4 года. В основном рост показателя продолжительности жизни был связан со снижением смертности граждан трудоспособного возраста. Однако пандемия Covid-19 внесла свои коррективы в статистику по данному показателю, и в 2020 г. продолжительность жизни в РФ составила 71,5 года, а в 2022 г. (по данным CIA World Factbook) ожидаемая продолжительность жизни составит 71 год.

Таким образом, начиная с 2020 г. мы можем наблюдать отрицательную динамику в России по рассматриваемому показателю. Данные о продолжительности жизни по России и другим странам — участникам СНГ представлены на рисунках 1 и 2. Как можно видеть из представленных рисунков, даже на фоне стран СНГ российские показатели выглядят довольно скромно.

Вопросам продолжительности жизни населения и в целом демографии в системе российской государственной политики уделяется довольно значительное внимание. В частности, в Российской Федерации действует Концепция демографической политики на период до 2025 года, утвержденная Указом Президента РФ от 9 октября 2007 года № 1351, в которой сформулированы цели, связанные с повышением качества жизни россиян и увеличением ее ожидаемой продолжительности к 2025 г. до 75 лет. Для достижения этих, бесспорно, значимых целей предусмотрена реализация комплекса мер, среди которых: пропагандирование здорового и спортивного образа жизни; профилактика заболеваемости; обеспечение населения качественной бесплатной медицинской помощью в рамках программы государственных гарантий и др.

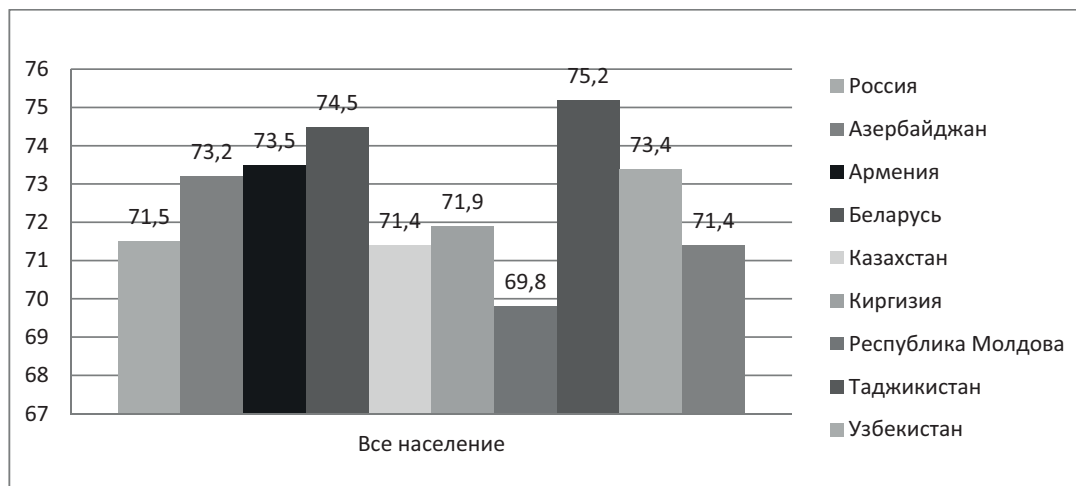

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни (количество лет), все население

Fig. 1. Life expectancy (number of years), entire population

Источник: составлено Мозокиной С. Л. на основании данных интернет-ресурсов: ЕМИСС, Белстат, Армстат, Статистика правительства Казахстана, Статистика Кыргызстана, Статистика Узбекистана, Статистика Таджикистана

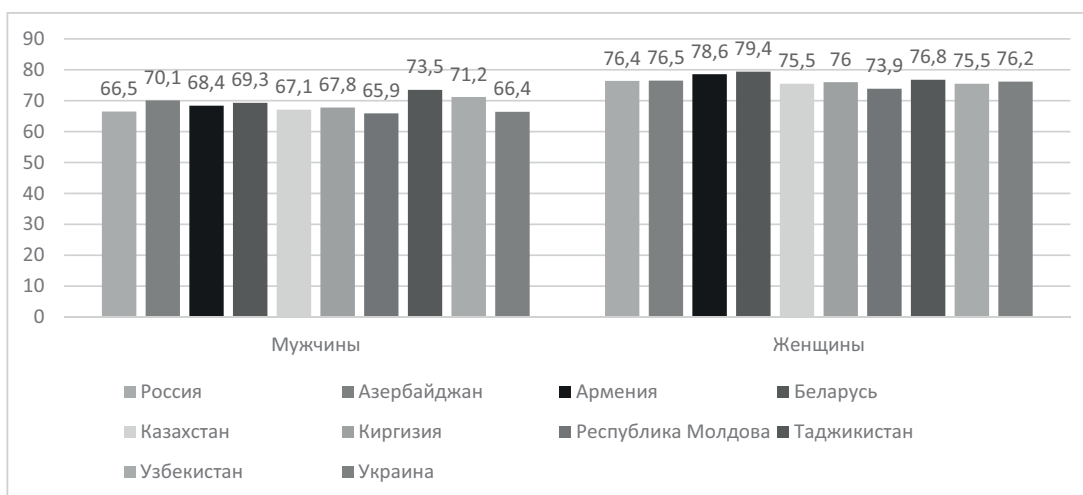

Рис. 2. Ожидаемая продолжительность жизни (количество лет), по полу

Fig. 2. Life expectancy (number of years), by sex

Источник: составлено Мозокиной С. Л. на основании данных интернет-ресурсов: ЕМИСС, Белстат, Армстат, Статистика правительства Казахстана, Статистика Кыргызстана, Статистика Узбекистана, Статистика Таджикистана

В системе мер по охране здоровья граждан и его преумножению важное место занимают профилактика и медицинская реабилитация. Медицинская реабилитация осуществляется в медицинских учреждениях, наряду с лекарственной терапией она включает в себя немедикаментозные методы лечения, в том числе комплексное применение природных лечебных факторов. Выделяют стационарный (осуществляется в отделениях реанимации и специализированных отделениях стационаров), амбулаторный (осуществляется в стационарных условиях реабилитационных центров или отделений) и санаторный

(осуществляется в реабилитационных отделениях поликлиник, дневных стационаров или санаториев) этапы медицинской реабилитации.

Именно последний — санаторный этап — является предметом нашего исследовательского внимания в рамках данной статьи. Реабилитация в санаториях осуществляется мультидисциплинарными бригадами, которые включают в себя, помимо различных врачей-лечебников, также массажистов, медицинских психологов, врачей лечебной физкультуры и т. д. Заключительные этапы реабилитации в санаториях осуществляются на основе широкого использования природных лечебных ресурсов, таких, например, как минеральные воды или лечебные грязи, в условиях пребывания в лечебно-оздоровительных местностях и на курортах [6]. Не менее важным аспектом санаторно-курортного лечения является профилактика хронических заболеваний, а также общее оздоровление организма человека.

Санаторно-курортное лечение в Российской Федерации, согласно приказу Минздрава России от 5 мая 2016 г. № 279н «Об утверждении Порядка организации санаторно-курортного лечения», основано на применении природных лечебных ресурсов в сочетании с физиотерапевтическими и немедикаментозными методами. Физиотерапия подразумевает применение с целью профилактики, лечения и реабилитации людей естественных и видоизмененных физических факторов, например импульсных токов и магнитных полей, низких или высоких температур, давлений, воздействия лазерным излучением и др.

В соответствии с п. 4 ст. 40 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ, санаторно-курортное лечение направлено на активацию защитно-приспособительных реакций организма в целях профилактики заболеваний и оздоровления, восстановление и/или компенсацию функций организма, нарушенных вследствие травм, операций и хронических заболеваний, уменьшение количества обострений, удлинение периода ремиссии, замедление развития заболеваний и предупреждение инвалидности в качестве одного из этапов медицинской реабилитации.

Следует отметить, что попытки использовать естественные факторы для лечения и оздоровления известны с глубокой древности. На протяжении продолжительного времени лечебно-оздоровительный туризм (хотя он в те исторические периоды и не носил такого названия) развивался на базе эксплуатации ресурсов минеральных и термальных источников.

Так, например, в Эпидавре (Древняя Греция) был создан лечебно-оздоровительный центр (по сути, прообраз современного санатория), который включал в себя: храм Асклепия (бог врачевания), целебные источники, термы (водолечебница), стадион и гимнасии для занятий лечебной физической культурой, места для размещения и питания паломников, специальные помещения, где лечили целебным (гипнотическим) сном, театр, где оказывали психологическое воздействие посредством представлений. В Эпидавре оказывалось оздоровительное воздействие целебными травами, термальными водами, физической культурой, а также осуществлялись хирургические операции. Таким образом, можно говорить о зарождении и санаторно-курортного, и медицинского туризма еще в глубокой древности, в античные времена [9].

Развитие курортов в России началось с эпохи Петра I. Так, в 1719 г. был открыт первый бальнеологический курорт в России — Марциальные воды, расположенный на территории современной Республики Карелия, который успешно функционирует по настоящее время. Но вплоть до начала XX в. основными посетителями курортов были люди зажиточные, а также представители высших сословий. Позднее, в советский период развития нашей страны, санаторно-курортный и медицинский туризм кардинально изменился, он стал массовым. Была создана широкая сеть санаторно-курортных комплексов. Если в 1921 г. в России насчитывалось 153 санатория, то в 1939 г. общее число санаторно-курортных организаций выросло более чем в десять раз — до 1838, в 1975 г. функционировало уже 5990 санаторно-курортных организаций, а в 1992-м — 6931 [7].

Новый этап развития начался в постсоветский период. В связи с изменением политического режима, открытием границ и появлением возможности у россиян свободного посещения различных стран, начиная с 1990-х гг. население РФ стало активно участвовать в выездном лечебно-оздоровительном туризме, однако востребованность санаторно-курортного обслуживания на территории России не снизилась. В то же время изменилась организация работы санаторно-курортных организаций, в деятельности которых больший акцент приобрела коммерческая составляющая.

В связи с коммерциализацией деятельности санаторно-курортных организаций РФ, начиная с 90-х гг. XX в. реализуется все большее количество путевок на сокращенные сроки пребывания: 10 дней, 7 дней, имеются даже путевки выходного дня, вместо 21 дня — научно-обоснованного периода полного восстановления организма человека. По состоянию на 2022 г. средняя продолжительность пребывания россиян в санаторно-курортной организации составила 12 дней. Средняя годовая загрузка санаторно-курортных организаций РФ составляет порядка 50%.

Начиная с 2020 г. по ряду причин (прежде всего, влияние оказала пандемия Covid-19, следствием которой стало ограничение мобильности населения, в том числе трансграничной) значительно снизилось количество международных поездок граждан РФ в страны — члены ЕС, в том числе с лечебными и оздоровительными целями (таблица 1). Начиная с 2022 г., после введения многочисленных антиросийских санкций [2; 17; 18], в том числе существенно затрудняющих для россиян въезд в ряд стран, а также блокирующих возможности денежных расчетов [14], указанная тенденция еще более усилилась.

Таблица 1

Количество выездных туристских поездок граждан РФ в зарубежные страны, тыс. чел.

Table 1. Number of visiting tourist trips of citizens of the Russian Federation to foreign countries, thousand people

Направление	2015	2018	2019	2020	2021
Всего	34390	41964	45330	12361	19199,1
Абхазия	3824	4496	4787	2805	5140,9
Азербайджан	584	748	736	116	158,4
Армения	н.д.	434	544	146	432,4
Казахстан	3125	2955	3163	616	494,2
Киргизия	нет данных	239	239	75	233,5
Таджикистан	нет данных	118	132	29	64,8
Узбекистан	нет данных	154	196	39	153,0

Источник: составлено Мозокиной С. Л. на основании данных интернет-ресурсов: ЕМИСС, Белстат, Армстат, Статистика правительства Казахстана, Статистика Кыргызстана, Статистика Узбекистана, Статистика Таджикистана

Таким образом, в последние годы происходит ярко выраженная переориентация турпотоков на внутренние направления РФ и посещение стран — участниц СНГ. В связи с чем, на наш взгляд, целесообразно уделить особое внимание развитию этих направлений в лечебных и оздоровительных целях.

Анализ выездных туристских потоков в 2022 г. в целом существенно затруднен геополитическими факторами. Тем не менее, по доступным данным Ассоциации туроператоров¹, можно отметить, что доля стран СНГ в структуре выездного потока 2022 г. из России выросла до 26,6% (без учета транзита в европейские страны и Турцию). В 2021 г. она была на уровне 20,5%, а в 2019 г. — 19,7% от общего количества выездов за границу. Ожидается, что в 2023 г. тренд увеличения доли поездок в страны СНГ может не сохраниться в связи с открытием Китая для туристических поездок.

Надо отметить и тот факт, что на сегодняшний день 80% иностранцев, приезжающих в Россию на лечение, прибывают из стран СНГ (по данным Российского союза туриндустрии). Определяющими факторами для развития въездного лечебно-оздоровительного в целом и — особенно — медицинского туризма являются более высокий уровень развития медицины (технологический разрыв) и экономия на стандартных процедурах (ценовой разрыв) [5].

В санаторно-курортных организациях РФ подавляющее большинство лиц, получивших санаторно-курортное лечение, это граждане России, также можно заметить, что значительную часть иностранцев

¹ В какие страны ездили российские туристы в 2022 году [Электронный ресурс] // Ассоциация туроператоров. 06.02.2023. URL: <https://www.atorus.ru/node/51287> (дата обращения: 15.05.2023).

составляют граждане стран СНГ (таблица 2). Средняя продолжительность поездки у туристов из стран СНГ в Россию составляет шестнадцать дней, причем такая длительность поездки напрямую связана с количеством туристских прибытий именно в лечебных целях, так как именно лечебно-оздоровительный туризм — наиболее длительный по количеству дней пребывания, по сравнению с другими видами туризма.

Таблица 2

Количество лиц, размещенных в санаторно-курортных организациях РФ, тыс. чел.

Table 2. Number of persons accommodated in sanatorium-resort organizations of the Russian Federation, thousand people

Показатель	Всего				Из них в санаториях с лечением			
	2010	2018	2019	2020	2010	2018	2019	2020
Количество размещенных лиц, всего	5674,2	6415,0	6704,4	4944,5	4545,0	5494,5	5786,3	3538,8
Из них:								
граждан России	5626,5	6328,7	6595,3	4014,1	4500,7	5412,9	5692,7	3511,4
в т. ч. детей	1459,5	1580,8	1626,2	832,4	1267,5	1408,9	1463,0	765,8
Граждан стран СНГ	32,7	69,8	84,9	26,2	31,3	67,3	80,4	24,4
Граждан других стран (кроме СНГ)	15,1	16,5	24,2	4,2	13,0	14,3	13,2	3,0

Источник: Официальные статистические показатели [Электронный ресурс] // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru> (дата обращения: 22.05.2023)

Ситуация с развитием въездного и выездного туризма в лечебно-оздоровительных целях в разных странах СНГ существенно различается. Туристы из Белоруссии, например, в основном ориентированы на культурно-познавательный и деловой туризм, они приезжают в основном в Москву и Санкт-Петербург. В то же время в самой Белоруссии активно развивается въездной лечебно-оздоровительный туризм на базе многочисленных санаторно-курортных организаций (таблица 3).

Другая крупная страна СНГ — Казахстан в первую очередь ориентирована на выездной туризм. По статистике 2021 г. в год из Казахстана выезжает порядка 1,0 млн туристов. Основными туристическими направлениями являются Россия, Кыргызстан, Узбекистан, а также ОАЭ, Турция, Египет. Согласно данным 2022–2023 гг., по количеству иностранных туристов в Казахстане лидируют туристы из России, затем с большим отрывом следуют туристы из Узбекистана, Киргизии и Индии. В России приоритетными направлениями для казахстанцев являются Москва, Санкт-Петербург, города Золотого кольца, есть небольшой спрос на туры на Камчатку и Алтай.

Наиболее привлекательным видом туризма для туристов из Казахстана является именно медицинский и лечебно-оздоровительный туризм. В то же время в самом Казахстане расположено 20 курортных зон, 78 грязевых озер, имеется порядка 500 источников минеральных вод, 173 санаторно-курортных организации (таблица 4). Средняя продолжительность размещения в санаториях Казахстана составляет 12 дней. В Казахстане, кроме грязевых и водных процедур, распространены также такие специфические виды терапии, как пантотерапия, шубатотерапия, кумысотерапия.

Путешествия туристов из Азербайджана осуществляются в основном в оздоровительных целях. Приоритетными странами для поездок в лечебно-оздоровительных целях являются Турция и Россия. В России на первом месте по привлекательности для туристов из Азербайджана стоят курорты Кавказских Минеральных Вод, привлекает внимание также Белокуриха. Москва и Санкт-Петербург туристами из Азербайджана выбираются в основном для посещения с деловыми целями, образовательными или связанными с посещением родственников.

В самом Азербайджане есть водолечебницы и грязелечебницы, расположенные на следующих курортах: Апшеронское ущелье, Шихово, Щабран, Масаллы; санатории, где лечение осуществляется на основе уникальной жидкости, похожей на нефть, — нафталана; также для лечения и оздоровления используются соляные пещеры в Нахичевани.

На территориях всех стран — участниц СНГ существуют разнообразные курортные зоны с санаторно-курортными организациями (таблица 4), по большей части сохранившимися с советских времен. Так, Армения имеет несколько широко известных курортных зон, которые обладают благоприятными природными и климатическими ресурсами. Это — Арзни, Анкаван, Джермук, Дилижан, Цахкадзор, Сюник, Лори, высокогорное озеро Севан.

Таблица 3

Количество лиц, размещенных в санаторно-курортных организациях Белоруссии, и продолжительность их пребывания, 2021 г.

Table 3. Number of persons accommodated in sanatorium-resort organizations of Belarus and duration of their stay, 2021

Показатель	Чел., всего	В том числе по продолжительности пребывания (ночевок)					
		Менее суток	1–3	4–7	8–14	15–28	29 и более
Всего	847 910	5 316	340 914	95 219	180 882	224 250	1 329
В том числе жители Республики Беларусь	749 631	4 910	326 889	79 351	122 720	214 948	813
В том числе:							
Дети (до 18 лет)	216 101	349	40 054	16 400	30 578	128 649	71
Взрослые	533 530	4 561	286 835	62 951	92 142	86 299	742
Граждане других государств	98 279	406	14 025	15 868	58 162	9 302	516
В том числе:							
Дети (до 18 лет)	10 240	41	1 093	1 859	4 821	2 394	32
Взрослые	88 039	365	12 932	14 009	53 341	6 908	484

Источник: Белстат

Таблица 4

Количество санаторно-курортных организаций в странах — участницах СНГ

Table 4. Number of health resort organizations in CIS member countries

Санаторно-курортные, оздоровительные организации и другие специализированные средства размещения	2019	2020	2021
РФ — санаторно-курортные организации всего	1777	1752	1768
Из них санатории	1289	1305	1345
В том числе детские	490	491	517
Республика Беларусь — санаторно-курортные организации всего	492	483	474
Из них санатории	76	77	75
В том числе детские	7	8	7
Республика Казахстан — санаторно-курортные организации всего	145	153	173
Кыргызская Республика — санаторно-курортные организации всего	192	146	146
Из них санатории	13	9	13
В том числе детские	6	4	4
Армения — санаторно-курортные организации всего	70	70	70
Из них санатории	13	13	13
Узбекистан — санаторно-курортные организации всего	87	87	87
Из них санатории	87	87	87
Таджикистан — санаторно-курортные организации всего	25	25	25
Из них санатории	20	20	20

Источник: составлено Мозокиной С. Л. на основании данных интернет-ресурсов: ЕМИСС, Белстат, Армстат, Статистика правительства Казахстана, Статистика Кыргызстана, Статистика Узбекистана, Статистика Таджикистана

За последние годы индустрия лечебно-оздоровительного туризма в Армении изменилась не в лучшую сторону: количество санаторно-курортных учреждений уменьшилось на 20%, начиная с 2019 г. только 13 санаториев в Армении имеют специальную лицензию (таблица 4). По данным Национальной статистической службы Республики Армения, количество международных туристов, посетивших Армению в 2019 г., составило 843 330 чел., из них курортных туристов только 18 032 чел. [6].

В Таджикистане насчитывается более 25 санаторно-курортных организаций, в том числе 20 санаториев, пять из которых входят в группу «Люкс». Наряду с люкс-санаториями также в Таджикистане имеются 15 государственных санаториев, пансионатов и курортов, которые специализируются на предоставлении услуг в среднем ценовом сегменте, в том числе: Шохамбари, Ходжа Оби Гарм, Оби Гарм, курорт Железнодорожного района, курорт Истаравшанского района и другие¹.

На сегодняшний день курортно-рекреационный комплекс в Молдове представлен санаториями, многие из которых известны далеко за пределами республики. В основном они сосредоточены в Вадул-луй-Водэ, Кагуле, Каменском и Каларашском районах и, конечно, в зоне лесов Кодру. К основным бальнеологическим лечебницам Молдовы относятся следующие санатории: Nufarul Alb (Кагул), Nufarul Alb (Унгень, Хыржаука), Bucura-Sind, Nistru (Вадул луй Водэ), Днестр (Каменка) и другие.

В Узбекистане насчитывается 87 санаторно-курортных организаций, в том числе «Ташкентские минеральные воды», санаторий «Назарбек» и другие санатории с минеральными водами и грязями (например, санаторий «Заамин»). Численность отдохнувших в 2021 г. составила 1 337 тыс. чел., что по сравнению с 2020 г. в 2,9 раза больше, из них в организованном секторе туризма — 662,0 тыс. чел. (в 3 раза больше, чем в 2020 г.)².

В Кыргызской Республике открыто 130 источников различных минеральных вод, а также 25 источников углекислых вод, 10 сульфатных и 50 термальных источников. Обнаружены также лечебные грязи (иловые и илово-торфяные вблизи Джалал-Абада, в Чуйской долине, в прибрежной части озера Иссык-Куль). Наиболее широко известным курортом является озеро Иссык-Куль, которое обладает лечебной водой и лечебными иловыми грязями. Наибольшее количество санаториев сосредоточено по берегам этого озера.

В 2021 г., по данным национального статистического органа республики, число прибытий в Кыргызстан иностранных граждан составило более 3,4 млн. Основное число прибытий пришлось на граждан Узбекистана (68,4%), Казахстана (16,3%), России (9,5%) и Таджикистана (1,3%).

Выводы

В современных условиях происходят интенсивные структурные изменения в экономиках стран мира, в том числе в российской экономике, что связано с переходом к «постнормальности» [13]. Одной из отличительных черт этого периода развития, по нашему мнению, для России, помимо роста внимания к проблемам регионального развития [8], будет нарастание ориентации во внешнеэкономическом взаимодействии на евразийские страны, прежде всего на страны СНГ. В частности, такие перспективы прослеживаются в части развития лечебно-оздоровительного туризма (в том числе санаторно-курортного) на территории РФ и стран — участниц СНГ.

Для интеграции в сфере лечебно-оздоровительного и санаторно-курортного туризма нам представляется целесообразным создание единого информационного портала, объединяющего информацию о природных лечебных ресурсах, санаторно-курортных организациях, их профиле, материально-технической базе и условиях размещения (возможно с функцией бронирования). Это позволит создать информационно-технологическую основу для дальнейшей интеграции в рассматриваемой области. В рамках этого же направления требуется принятие мер по гармонизации форм и порядка получения документов для санаторно-курортного лечения (санаторно-курортных карт), в том числе электронных.

¹ Санатории и курорты Таджикистана — цены с рейтингом [Электронный ресурс] // ANSOR (сайт). URL: <https://life.ansor.info/sanatorii-kurorti-tajikistana> (дата обращения: 22.05.2023).

² Список организаций, работающих в сфере «Санатории в Узбекистане»: контакты, расположение, время работы [Электронный ресурс] // Бизнес-справочник Узбекистана Golden Pages. URL: <https://www.goldenpages.uz/rubrics/?id=1665> (дата обращения: 22.05.2023).

Также при условии дальнейшего развития интеграционных процессов в рассмотренной сфере остро встанет вопрос кадрового обеспечения. Поэтому мы полагаем целесообразным разработать сетевые магистерские программы по организации и управлению лечебно-оздоровительным туризмом (включая медицинский туризм и санаторно-курортный туризм), реализуемые на базе университетов стран — участниц Содружества Независимых Государств. При этом следует включить в компетенции сетевых магистерских программ такие компетенции, как знание профилей санаториев, природных лечебных ресурсов, курортологии, умение использовать в работе цифровые платформы.

Литература

1. Вертакова Ю. В., Плотникова Н. А. Анализ состояния российской промышленности и ее экспортного потенциала в период пандемического кризиса // Российский экономический вестник. 2021. Т. 4. № 5. С. 179–185. EDN: RYTPPG
2. Воронова С. М., Ордынская О. Н. Санкции и их влияние на деятельность российских предприятий // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 4 (54). С. 26–30. EDN: DCIMBE
3. Зусев Г. Ю., Плотников В. А. Социальные закономерности и роль человека в современном экономическом развитии // *π-Economy*. 2011. № 2 (119). С. 22–26. EDN: NTSCYX
4. Ильин Е. Ю. Концепция Большой Европы от Лиссабона до Владивостока: проблемы и перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 2 (41). С. 77–85. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-2-41-77-85>
5. Крестьянинова О. Г. Механизм сопряженного развития медицинских услуг и туристской дестинации // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2019. № 1 (39). С. 29–32. EDN: ZOYNCK
6. Латышева А. А., Мозокина С. Л., Хорева Л. В. [и др.] Инновационные подходы к организации услуг санаторно-курортного туризма [Электронный ресурс] // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 3 (135). С. 82–88. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/662120933.pdf> (дата обращения: 22.05.2023).
7. Мозокина С. Л., Латышева А. А. Исторические аспекты развития лечебно-оздоровительного и медицинского туризма // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 6 (132). С. 79–84. EDN: USGVYV
8. Морозова М. А., Пархоменко М. Д., Кантемиров А. С. Инновационные подходы к региональному кластерному развитию // Наука и бизнес: пути развития. 2021. № 12 (126). С. 165–168. EDN: XPTRSS
9. Муравьева К. Н. Инвестиции в человеческий капитал [Электронный ресурс] // Управленческое консультирование. 2013. № 1 (49). С. 93–98. URL: https://spb.ranepa.ru/wp-content/uploads/2021/01/13_1.pdf (дата обращения: 22.05.2023).
10. Мухортов Д. В., Фролов А. О. Оценка влияния кризиса на нефтегазовую отрасль РФ // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 3 (53). С. 31–34. EDN: WMHFOK
11. Пирогова О. Е., Григорьева А. А. Сравнительный анализ понятий «человеческий потенциал» и «человеческий капитал» // Наука и бизнес: пути развития. 2018. № 3 (81). С. 134–138. EDN: NVAFQT
12. Плотников А. В. Моделирование форм проявления кризиса в национальной экономике под воздействием неэкономического шока (на примере кризисов в России 2020 и 2022 годов) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 5–2 (137). С. 194–199. EDN: KWSHSV
13. Плотников В. А. Перспективы экономического развития в условиях постнормальности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 6 (138). С. 15–21. EDN: RWCNRH
14. Плотников В. А., Цехомский Н. В. Проблемы финансового сопровождения хозяйственных операций в условиях экономических санкций // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 6 (138). С. 68–72. EDN: ZFORBP
15. Пролубников А. В. Трансформация государственной экономической политики в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции Covid-19 // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2021. № 1 (47). С. 11–14. EDN: MQMHNE
16. Савченко П. В., Федорова М. Н. Двойственная природа человека: человек как субъект экономики и общества // Проблемы современной экономики. 2009. № 2 (30). С. 90–95. EDN: MVTTMV
17. Смешко О. Г., Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Перспективы российской экономики: новые вызовы экономической безопасности и перестройка государственного управления // Экономика и управление. 2022. Т. 28. № 6. С. 524–537. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-6-524-537>

18. Харламов А. В., Харламова Т. Л., Поняева И. Государственное управление инновационным развитием с использованием возможностей импортозамещения // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 4 (136). С. 69–75. EDN: IHMDSR
19. Цехомский Н. В. Инвестиционная поддержка промышленного развития в условиях санкций // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 4 (54). С. 5–9. EDN: CMDBTY
20. Chernomorets A. Peculiarities of the Spa Industry and Health Services in the Tourism and Hospitality Industry Development in Russia: International Approach and the Impact of Consumer Requirements from the Point of View of the Theory of Generations (October 23, 2022). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4256352> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4256352>

Об авторах:

Мозокина София Леонардовна, доцент кафедры экономики и управления в сфере услуг Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент;
e-mail: Sofia.L.M@yandex.ru; ORCID: 0009-0007-8979-1337

Плотников Владимир Александрович, профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор;
e-mail: Plotnikov_2000@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3784-6195

References

1. Vertakova Yu. V., Plotnikova N. A. The Analysis of Russian Industry and Export in Pandemic Crises // Russian Economic Bulletin [Russian Economic Bulletin]. 2021. Vol. 4. No. 5. P. 179–185. (In Rus.) EDN: RYTTPG
2. Voronova S. M., Ordynskaya O. N. Sanctions and Their Impact on the Activities of Russian Enterprises // Theory and Practice of the Service: Economy, Social Sphere, Technology [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, socialnaya sfera, tehnologii]. 2022. No. 4 (54). P. 26–30. (In Rus.) EDN: DCIMBE
3. Zusev G. Yu., Plotnikov V. A. Social Patterns and the Role of Man in Modern Economic Development // π -Economy [π -Economy]. 2011. No. 2 (119). P. 22–26. (In Rus.) EDN: NTSCYX
4. Ilyin E. Yu. The Concept of Greater Europe from Lisbon to Vladivostok: Problems and Prospects // MGIMO Review of International Relations [Vestnik MGIMO-Universiteta]. 2015. No. 2 (41). P. 77–85. (In Rus.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-2-41-77-85>
5. Krestyaninova O. G. Mechanism of Associated Development of Medical Services and Tourist Destination // Theory and Practice of the Service: Economy, Social Sphere, Technology [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, socialnaya sfera, tehnologii]. 2019. No. 1 (39). P. 29–32. (In Rus.) EDN: ZOYNCK
6. Latysheva A. A., Mozokina S. L., Khoreva L. V. [et al.] Innovative Approaches to the Organization of Services of Sanatorium and Resort Tourism [Electronic resource] // Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2022. No. 3 (135). P. 82–88. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/662120933.pdf> (accessed: 22.05.2023). (In Rus.)
7. Mozokina S. L., Latysheva A. A. Historical Aspects of the Health, Wellness and Medical Tourism Development // Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2021. No. 6 (132). P. 79–84. (In Rus.) EDN: USGVYV
8. Morozova M. A., Parkhomenko M. D., Kantemirov A. S. Innovative Approaches to Regional Cluster Development // Science and Business: Ways of Development [Nauka i biznes: puti razvitiya]. 2021. No. 12 (126). P. 165–168. (In Rus.) EDN: XPTRSS
9. Muraviova K. N. Investments in Human Capital [Electronic resource] // Administrative Consulting [Upavlencheskoe konsultirovanie]. 2013. No. 1 (49). P. 93–98. URL: https://spb.ranepa.ru/wp-content/uploads/2021/01/13_1.pdf (accessed: 22.05.2023). (In Rus.)
10. Mukhortov D. V., Frolov A. O. Assessment of the Macroeconomic Crisis in the Oil and Gas Industry of the Russian Federation // Theory and Practice of the Service: Economy, Social Sphere, Technology [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, socialnaya sfera, tehnologii]. 2022. No. 3 (53). P. 31–34. (In Rus.) EDN: WMHFOK

11. Pirogova O. E., Grigorieva A. A. Comparative Analysis of the Concepts of "Human Potential" and "Human Capital" // Science and Business: Ways of Development [Nauka i biznes: puti razvitiya]. 2018. No. 3 (81). P. 134–138. (In Rus.) EDN: NVAFQT
12. Plotnikov A. V. Modeling Crisis Forms in the National Economy under the Impact of the non-Economic Shock (Case of the Russian Crises of 2020 and 2022) // Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2022. No. 5–2 (137). P. 194–199. (In Rus.) EDN: KWSHSV
13. Plotnikov V. A. Prospects of Economic Development under Postnormal Conditions // Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2022. No. 6 (138). P. 15–21. (In Rus.) EDN: RWCNRH
14. Plotnikov V. A., Tsekhomsky N. V. Problems of Financial Support of Business Operations under Economic Sanctions // Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2022. No. 6 (138). P. 68–72. (In Rus.) EDN: ZFOPBP
15. Prolubnikov A. V. Transformation of State Economic Policy in the Conditions of the COVID-19 // Theory and Practice of the Service: Economy, Social Sphere, Technology [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, socialnaya sfera, tehnologii]. 2021. No. 1 (47). P. 11–14. (In Rus.) EDN: MQMHNE
16. Savchenko P. V., Fedorova M. N. Double Nature of a Human Being: Human Being as a Subject of Economy and Society // Problems of Modern Economics [Problemi sovremennoi ekonomiki]. 2009. No. 2 (30). P. 90–95. (In Rus.) EDN: MVTTMV
17. Smeshko O. G., Plotnikov V. A., Vertakova Yu. Prospects for the Russian Economy: New Challenges to Economic Security and public administration restructuring // Economics and Management [Economika i upravleniye]. 2022. Vol. 28. No. 6. P. 524–537. (In Rus.) <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2022-6-524-537>
18. Kharlamov A. V., Kharlamova T. L., Ponyaeva I. State Administration of Innovative Development Using Import Substitution Opportunities // Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2022. No. 4 (136). P. 69–75. (In Rus.) EDN: IHMDSR
19. Tsekhomsky N. V. Investment Support for Industrial Development under Sanctions // Theory and Practice of the Service: Economy, Social Sphere, Technology [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, socialnaya sfera, tehnologii]. 2022. No. 4 (54). P. 5–9. (In Rus.) EDN: CMDBTY
20. Chernomorets A. Peculiarities of the Spa Industry and Health Services in the Tourism and Hospitality Industry Development in Russia: International Approach and the Impact of Consumer Requirements from the Point of View of the Theory of Generations (October 23, 2022). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4256352> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4256352>

About the authors:

Sophia L. Mozokina, Associate Professor of the Department of Economics and Management in the Services of the St. Petersburg State Economic University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor;
e-mail: Sofia.L.M@yandex.ru; ORCID: 0009-0007-8979-1337

Vladimir A. Plotnikov, Professor of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought of St. Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economy), Professor;
e-mail: Plotnikov_2000@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3784-6195

Диверсификация путей доставки контейнерных грузов в сообщении «Азия — Европа»

Щербинин Н. В.¹, Русинов И. А.^{2,*}

¹ Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Москва, Российская Федерация

² Институт международного транспортного менеджмента Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: RusinovIA@gumrf.ru

РЕФЕРАТ

В современных внешнеэкономических условиях развитие контейнерных перевозок по системе международных транспортных коридоров на евразийском пространстве является одним из ключевых аспектов совершенствования национального транспортного комплекса и обеспечения экономической устойчивости субъектов Российской Федерации. Объектом исследования является сегмент рынка контейнерных перевозок в грузовом сообщении «Азия — Европа», предмет исследования — оценка целесообразности диверсификации путей доставки контейнеров на евразийском пространстве.

Цель. Рассмотреть возможности российской транспортной системы при перестройке цепей поставок и интенсификации контейнерных перевозок по международному транспортному коридору «Запад — Восток».

Задачи. Выявить составляющие повышения конкурентоспособности контейнерной системы РФ; определить основные маршруты системы МТК «Запад — Восток»; произвести статистический анализ данных по контейнерным перевозкам в РФ; выполнить сравнительный анализ контейнерных перевозок по МТК «Запад — Восток» и по альтернативным маршрутам в сообщении «Азия — Европа».

Методология. Были собраны данные об основных маршрутах МТК «Запад — Восток» систем Организации сотрудничества железных дорог (ОСЖД), Евразийского банка развития (ЕАБР), Дирекции международных транспортных коридоров (ДМТК), Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ), Центра Экономики инфраструктуры (ЦЭИ).

Результаты. Проведено исследование релевантных маршрутов контейнерных перевозок российских грузов при современной отраслевой конъюнктуре, а также рассмотрение основных преимуществ диверсификации путей доставки контейнерных грузов в сообщении «Азия — Европа».

Выводы. Востребованность маршрутов контейнерных перевозок по МТК «Запад — Восток» возросла параллельно с процессом переориентации грузопотоков. Диверсификация путей доставки контейнеров позволяет значительно сократить время выполнения транспортных операций, а также стимулирует развитие национальной транспортной системы.

Ключевые слова: контейнерные перевозки, международные транспортные коридоры, линейное судоходство, контейнеропотоки, внешнеэкономические связи

Для цитирования: Щербинин Н. В., Русинов И. А. Диверсификация путей доставки контейнерных грузов в сообщении «Азия — Европа» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 2. С. 71–81.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-71-81>

Diversification of Transport Links in the “Asia — Europe” Container Shipping Traffic

Nikita V. Shcherbinin^a, Igor A. Rusinov^{b,*}

^a Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^b Institute of International Transport Management of the Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: RusinovIA@gumrf.ru

ABSTRACT

In the modern foreign economic conditions, the development of container shipping through the system of international transport corridors in the Eurasian space is one of the key aspects in order to improve the national transport complex and to ensure the economic sustainability of the federal subjects of Russia. The object of this research is the «Asia-Europe» segment of the container transportation market, the research subject is to make assessment of the feasibility of the container shipping routes diversification in Eurasia.

Aim. To consider the possibilities of the Russian transport system in conditions of restructuring supply chains and container shipping intensification through the international transport corridor “West — East”.

Tasks. To identify the directions of increasing the competitiveness of the Russian Federation container system; to determine the main routes of the ITC “West — East» system; to implement the statistical analysis of container shipping data in Russia; to complete the comparative analysis of container transportation through ITC “West — East” and through alternative routes in the “Asia — Europe” connection.

Methods. The collection of the data on the main ITC “West — East” routes in accordance with the following systems: Organisation for Cooperation between Railways (OSJD), Eurasian Development Bank (EDB), Directorate of International Transport Corridors (DITC), Russian Foreign Trade Academy (RFTA), Centr Ekonomiki Infrastruktury (CEK).

Results. The research of the relevant container shipping routes of Russian goods in the current industry conditions and the consideration of the main advantages of containerized cargo delivery routes diversification in the “Asia — Europe” connection were carried out.

Conclusions. The demand for container transportation routes passing through ITC “West — East” has increased in parallel with the process of cargo flows redirection. Diversification of containers delivery routes leads to significantly reduction of the transit time and support the development of the national transport system.

Keywords: container shipping, international transport corridors, liner shipping, container flows, foreign economic relations

For citation: Shcherbinin N. V., Rusinov I. A. Diversification of Transport Links in the “Asia — Europe” Container Shipping Traffic // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 71–81. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-71-81>

Введение

Ввиду продолжающегося глобального тренда по контейнеризации потоков внешнеторговых грузов логистика контейнерных перевозок представляется системообразующим компонентом транспортного комплекса РФ. Основу контейнеризируемых грузов составляют готовая продукция и комплектующие несырьевого сектора экономики. Традиционно важными для контейнерных перевозок на евразийском

через призму схем маршрутов грузоперевозок, разработанных ОСЖД, ЕАБР, Министерством транспорта Российской Федерации¹.

Диверсификация логистических маршрутов

На этом фоне возрастает роль диверсификации контейнерных перевозок при грузовом сообщении «Азия — Европа», то есть использование транспортно-логистических схем, основанных на организации контейнерных поездов или на комбинированном использовании морского и железнодорожного видов транспорта. Во-первых, это обеспечит качественное транспортное обслуживание внешней торговли контейнеризированными товарами. Во-вторых, данный процесс играет чрезвычайно важную роль при развитии российского экспорта транспортных услуг, национального контейнерного флота, транспортной инфраструктуры, а также транзитного потенциала ЕАЭС.

Ключевая роль повышения конкурентоспособности морского флота с линейными судами в развитии транспортного комплекса РФ, в российском экспорте транспортных услуг за счет обслуживания грузов иностранных грузовладельцев, а также в снижении зависимости от импорта морских транспортных услуг отражена в Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года² и в Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года³.

В то же время важно учитывать тенденцию роста производственной мощности крупнейших зарубежных контейнерных линий, которая основана на стратегической цели оптимизации операционных расходов и снижении себестоимости морской перевозки контейнеров при эксплуатации контейнеровозов повышенной вместимости. Диверсификация линейных контейнерных сервисов (ЛКС) и расширение географии присутствия судоходной линии позволяют двигаться к стабильному использованию контейнеровместимости флота во избежание формирования избытка предложения на сегментах рынка. При этом интеграцию национального транспортного комплекса и международной системы линейного контейнерного судоходства стоит рассматривать как составляющую стимулирования конкурентоспособности внешнеэкономической деятельности [9].

Дополняя вышеописанное, в отрасли морских контейнерных перевозок наблюдаются процессы консолидации и интеграции производственных мощностей глобальных контейнерных линий в рамках соглашений о сотрудничестве, слияний и поглощений. Значительной отраслевой тенденцией является деятельность альянсов глобальных контейнерных линий, что является формой развития стратегического сотрудничества и позволяет участникам альянсов получить ряд конкурентных преимуществ, включая снижение операционных расходов за счет эффекта масштаба и обеспечения максимального использования контейнеровместимости флота [13].

Описанная выше нестабильность глобального рынка морских контейнерных перевозок, в том числе сегмента морских перевозок через Суэцкий канал, способствовала повышению востребованности международных транспортных коридоров, проходящих по территории стран — участниц ЕАЭС, в первую очередь МТК «Запад — Восток». Данный МТК включает в себя сеть маршрутов перевозок экспортно-импортных и транзитных грузов, при этом основными являются:

- сухопутные маршруты через Евразийский регион при организации прямых контейнерных поездов;
- мультимодальные маршруты с железнодорожно-морским сообщением: порты Азии — порты Дальнего Востока — Транссибирская магистраль.

Конкурентным преимуществом МТК «Запад — Восток» относительно маршрута через Суэцкий канал являются меньшие сроки доставки. Заметим, что сохраняется высокая стоимость перевоз-

¹ Концептуальный проект создания экосистемы цифровых транспортных коридоров евразийского экономического союза, Автономная некоммерческая организация «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/NIR/Lists/List/Attachments/248/Реферат%20НИР%20ЦТК_31.01.19_короткий.pdf (дата обращения: 18.02.2023).

² Стратегия развития экспорта услуг до 2025 года [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/6a532b0291a562e597a55aa491061df7/strategiya.pdf> (дата обращения: 19.01.2023).

³ Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Министерство транспорта Российской Федерации. URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/3/1009> (дата обращения: 19.01.2023).

ки контейнеров по МТК «Запад — Восток» с учетом того, что ставки морского фрахта значительно снизились во второй половине 2022 г. Тем не менее и транспортно-технологические схемы через Южный морской путь, и по МТК «Запад — Восток» базируются на регулярных отправлениях в соответствии с расписанием, комплексном сервисе операторов перевозок и высокой степени сохранности груза. Согласованное развитие инфраструктуры, расшивка узких мест и упрощение административных барьеров обеспечат повышение конкурентоспособности МТК «Запад — Восток» и рост контейнеропотока.

Системы международных транспортных коридоров

На пространстве ЕАЭС определены несколько систем международных транспортных коридоров, среди которых железнодорожные транспортные коридоры (ОСЖД)¹, коридоры Евразийского транспортного каркаса (ЕАБР)², маршрутная сеть МТК (ДМТК)³, основные евразийские транспортные коридоры (ВАВТ, ЦЭИ)⁴. При рассмотрении грузопотоков в сообщении «АТР — Европа» на основании вышенаписанных систем можно выделить общий перечень коридоров (см. таблицу).

При транспортном обслуживании внешнеэкономических связей России прежде всего стоит выделить ЛКС, которые базируются как на организации прямых контейнерных поездов из Китая, так и на организации комбинированных перевозок контейнеров через порты Дальнего Востока (мультимодальные маршруты). Ведущими операторами перевозок в этом сегменте рынка международных контейнерных перевозок выступают следующие компании: «Трансконтейнер», FESCO, «ОТЛК ЕРА», «РЖД Логистика» и прочие.

Мультимодальные перевозки в системе МТК «Запад — Восток» организуются таким образом, что морское транспортное плечо стыкуется с железнодорожным в месте пересечения грузом государственной границы России, то есть в морском пункте пропуска основных контейнерных портов Дальнего Востока (порты Владивосток и Восточный). При организации контейнерных перевозок по сухопутным маршрутам МТК «Запад — Восток» груз пересекает железнодорожный пункт пропуска России (Забайкальск), Казахстана (Алтынколь, Достык) или Монголии (Замын-Ууд), где производятся перегрузка контейнеров с одной колеи на другую и оформление документов для дальнейшего следования.

После введения ограничений в отношении перевозок российских внешнеторговых грузов со стороны определенных иностранных морских контейнерных перевозчиков отмечается рост значения международных транспортных коридоров, проходящих по территории ЕАЭС, на сегменте «Азия — Европа» глобального контейнерного рынка. Происходящая переориентация существенной части цепочек поставок российской экономики на АТР осуществляется через использование маршрутной сети МТК «Запад — Восток».

В современных внешнеэкономических условиях российские компании столкнулись со следующими затруднениями при внешнеторговой деятельности: приостановка приема букингов в направлении РФ, задержки грузов и ограничения на терминальное обслуживание в иностранных портах, ограниченная география ЛКС и необходимость поиска перевозчиков. Для участников рынка, продолживших оказание транспортных услуг в штатном режиме, открываются возможности по расширению географии присутствия и по привлечению грузов на уже существующие ЛКС на фоне перераспределения грузопотоков и недоступности сервиса крупнейших морских контейнерных линий.

¹ Схема железнодорожных транспортных коридоров ОСЖД, Организация сотрудничества железных дорог (ОСЖД) [Электронный ресурс] // OSJD.ORG. URL: <https://osjd.org/api/media/resources/c/51/121/809> (дата обращения: 20.01.2023).

² Евразийский транспортный каркас, Евразийский банк развития (ЕАБР) [Электронный ресурс] // EABR.ORG. URL: <https://eabr.org/mega-projects/evraziyskiy-transportnyy-karkas/> (дата обращения: 20.01.2023).

³ Autonomous Non-Commercial Organization «DIRECTORATE OF INTERNATIONAL TRANSPORT CORRIDORS», United Nations Economic Commission for Europe (UNECE) [Электронный ресурс] // UNECE.ORG. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-09/WP5_Session34_Directorate_International_Transport_Corridors.pdf (дата обращения: 20.01.2023).

⁴ Евразийские транспортные коридоры: текущий статус и перспективы, Доклад ВАВТ-ЦЭИ [Электронный ресурс] // VAVT-IMEF.RU. URL: <https://www.vavt-imef.ru/wp-content/uploads/2019/11/Доклад-ВАВТ-ЦЭИ.pdf> (дата обращения: 20.01.2023).

Транспортные коридоры на пространстве ЕАЭС

Table. Transport Corridors in the EAEU Space

Наименование коридора	Территориальное расположение коридора	Основной маршрут
Коридор ОСЖД № 1	ЕС, страны ЕАЭС, Узбекистан, Монголия, КНДР, Китай	Куновице — Минск — Москва — Омск — Находка
Коридор ОСЖД № 2	Страны ЕАЭС, Китай, Вьетнам	Москва — Курган — Астана — Достык — Ляньюньган
Коридор ОСЖД № 5	ЕС, страны ЕАЭС, Украина, Молдова, Грузия, Азербайджан, Китай	Хедешхалом — Захонь — Жмеринка — Пенза — Кокчетав — Достык — Ляньюньган
Северный Евразийский коридор (ЕАБР)	Страны ЕАЭС, Монголия, Китай	Пекин — Улан-Батор — Улан-Удэ — Красноярск — Новосибирск — Екатеринбург — Москва — Брест / Санкт-Петербург; Далань — Харбин — Забайкальск / Нижнеленинское — Чита — Улан-Удэ — Красноярск — Новосибирск — Екатеринбург — Москва — Брест / Санкт-Петербург; Шанхай — Владивосток — Хабаровск — Чита — Улан-Удэ — Красноярск — Новосибирск — Екатеринбург — Москва — Брест / Санкт-Петербург
Центральный Евразийский коридор (ЕАБР)	Страны ЕАЭС, Китай	Ляньюньган — Урумчи — Достык — Астана — Петропавловск — Екатеринбург — Казань — Москва — Брест / Санкт-Петербург; Ляньюньган — Урумчи — Хоргос — Алматы — Шымкент — Кызылорда — Сагарчин — Самара — Москва — Брест / Санкт-Петербург
Восток — Запад (ДМТК)	ЕС, страны ЕАЭС	Находка — Хабаровск — Улан-Удэ — Новосибирск — Омск — Екатеринбург / Казань — Москва — Мурманск / Санкт-Петербург / Минск / Берлин / Вена
Европа — Западный Китай (ДМТК)	Страны ЕАЭС, Монголия, Китай	Тяньцзинь — Улан-Удэ — Новосибирск — Омск — Екатеринбург / Казань — Москва — Санкт-Петербург; Ляньюньган — Ланьчжоу — Урумчи — Казань — Москва — Санкт-Петербург
Черное море — Западный Китай (ДМТК)	ЕС, Турция, страны ЕАЭС, Китай	Ляньюньган — Ланьчжоу — Урумчи — Астана — Актау — Махачкала — Новороссийск
Европа — Арктика — Азия (ДМТК)	ЕС, страны ЕАЭС	Мурманск — Санкт-Петербург — Минск — Калининград
Запад — Восток (ВABT, ЦЭИ)	ЕС, страны ЕАЭС, Монголия, Китай	Чунцин / Чэнду / Пекин — Сиань — Урумчи — Достык / Алтынколь — Москва — Хельсинки / Дуйсбург / Милан; Сиань / Гуанчжоу / Ухань / Шанхай — Суйчжоу — Пекин — Наушки — Иркутск — Новосибирск — Екатеринбург — Москва — Хельсинки / Дуйсбург / Милан; Сиань / Гуанчжоу / Ухань / Шанхай — Суйчжоу — Пекин / Шэньян — Забайкальск — Иркутск — Новосибирск — Екатеринбург — Москва — Хельсинки / Дуйсбург / Милан; Владивосток — Иркутск — Новосибирск — Екатеринбург — Москва — Хельсинки / Дуйсбург / Милан
Транскаспийский (ВABT, ЦЭИ)	ЕС, Турция, страны ЕАЭС, Грузия, Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан, Китай	Пекин — Сиань — Урумчи — Достык / Алтынколь — Амирабад / Туркменбаши / Актау / Атырау — Баку / Оля — Поти / Карс — Мерсин / Стамбул / Милан / Констанца

Источник: составлено авторами

С целью восстановить контейнеропоток в порты Северо-Западного бассейна организациями транспортной отрасли внедряются ЛКС без операции траншипмента в портах Евросоюза, также функционируют каботажные морские линии «Росморпорта» и «Северного морского пароходства». Помимо сервиса судоходных линий, на производственную деятельность контейнерных портов оказывает значительное влияние грузопоток зоны тяготения транспортного узла [12].

Контейнерные линии и операторы формируют свою сеть ЛКС при обслуживании грузопотоков по основным артериям Восточного коридора с учетом переориентации грузопотоков из Северо-Западного бассейна в направлении евразийских железнодорожных маршрутов и мультимодальных маршрутов через Дальний Восток. При этом вырос суммарный объем внешней торговли, тяготеющий к перевозкам по маршрутам МТК «Запад — Восток».

Повышению эффективности использования Восточного коридора при контейнерных перевозках в международном сообщении должны способствовать федеральные проекты «Логистика международной торговли»¹ и «Транспортно-логистические центры»², предусматривающие развитие транспортной инфраструктуры (в частности, пограничных пунктов пропуска), формирование опорной сети транспортно-логистических центров (ТЛЦ), повышение скорости товародвижения по сети железных дорог, внедрение интеллектуальных транспортных систем. Предусмотрено также проведение технологических мероприятий по увеличению пропускной способности железных дорог и повышению доступности портовых мощностей с целью обеспечения устойчивой логистики контейнерного оборота³.

В рамках анализа актуальных изменений в направлениях потоков контейнерных грузов предлагается рассмотреть статистические данные контейнерооборота портов РФ и объемы контейнерных грузов, которые были перевезены по инфраструктуре ОАО «РЖД».

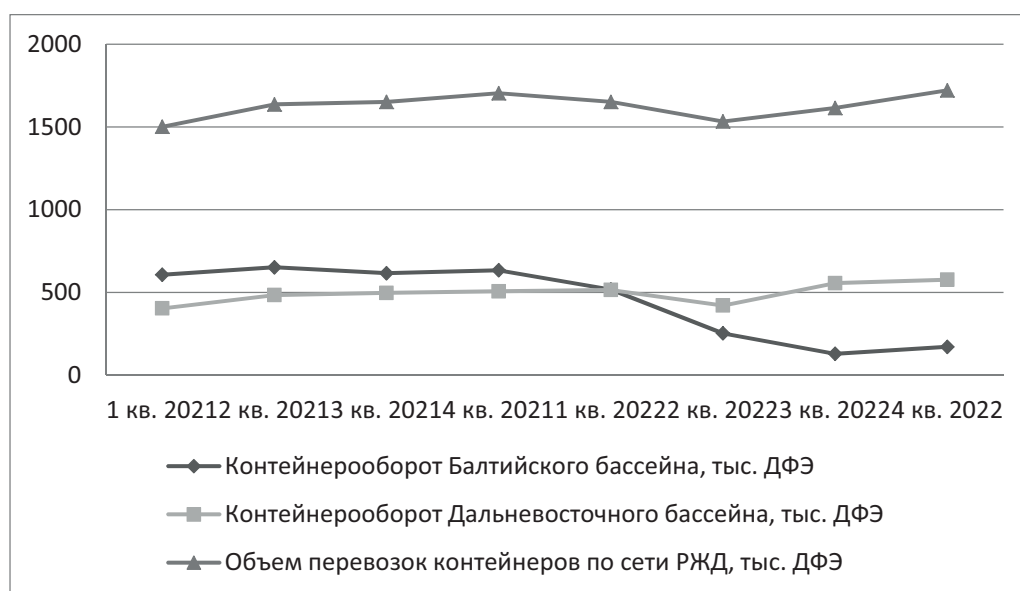

Рис. 1. Показатели деятельности морских портов и железнодорожного транспорта при контейнерных перевозках в 2021–2022 гг., тыс. ДФЭ^{4,5}

Fig. 1. Performance Indicators of seaports and railway transport during container transportation in 2021–2022, thousand TEU

¹ Паспорт федерального проекта «Логистика международной торговли», Национальный проект «Международная кооперация и экспорт» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16).

² Паспорт федерального проекта «Транспортно-логистические центры» [Электронный ресурс] // Министерство транспорта Российской Федерации. URL: <http://mintrans.org/ftpgetfile.php?id=9> (дата обращения: 19.01.2023).

³ Рекомендация Коллегии ЕЭК от 27.12.2022 № 48 «Об организации в Евразийском экономическом союзе смешанных перевозок и предложениях по совершенствованию права Евразийского экономического союза в части осуществления контейнерных перевозок» [Электронный ресурс] // Правовой портал ЕАЭС. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01037824/err_29122022_48 (дата обращения: 19.01.2023).

⁴ Пресс-релизы ОАО «Российские железные дороги» [Электронный ресурс] // РЖД. URL: <https://company.rzd.ru/ru/9397> (дата обращения: 21.01.2023).

⁵ Operational Results, Reports and Results [Электронный ресурс] // Global Ports. URL: <https://www.globalports.com/en/investors/reports-and-results/> (дата обращения: 21.01.2023).

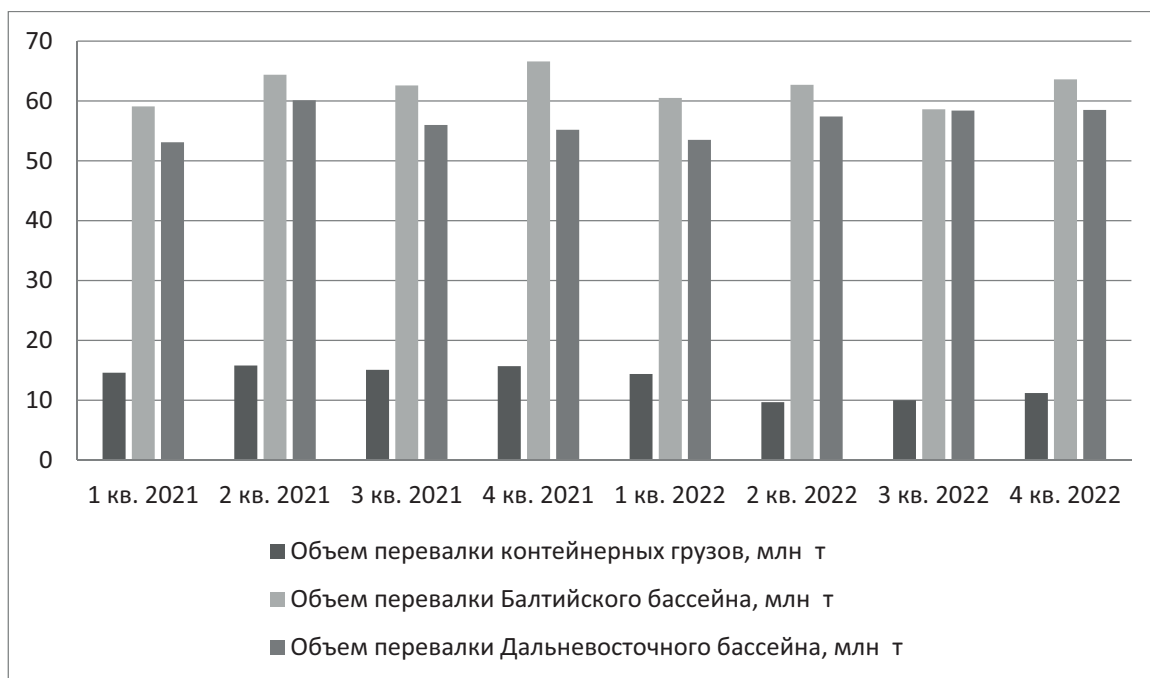

Рис. 2. Объемы перевалки контейнерных и прочих грузов в морских портах РФ, млн т^{1,2}

Fig. 2. Volume of container and other cargo transshipment in the seaports of the Russian Federation, million tons

Исходя из вышеприведенных диаграмм, можно сделать вывод о том, что разворот логистики контейнерных перевозок на Восток подтверждается снижением объемов перевалки контейнерных грузов в портах Балтийского бассейна и ростом контейнерооборота Дальневосточного бассейна. Несмотря на то, что суммарный грузооборот морских портов РФ вырос на 0,7% в 2022 г. относительно показателя 2021 г.³, годовой контейнерооборот морских портов по итогам 2022 г. сократился примерно на 24% в сравнении с аналогичным показателем деятельности 2021 г.

Снижение контейнерного рынка возможно нивелировать при внедрении новых линейных контейнерных сервисов, интенсификации контейнерных перевозок по системе МТК на пространстве ЕАЭС, развитии международного сотрудничества с новыми иностранными партнерами в области транспорта.

В плане привлечения транзитных грузов на МТК «Запад — Восток» стоит обратить внимание на основное конкурентное преимущество данной системы маршрутов — средняя продолжительность доставки контейнеров. Например, при Deep Sea сервисах крупнейших контейнерных линий время в пути из Китая в порты-хабы Западной Европы составляет 30–40 дней, а до портов фидерной зоны Балтийского моря — до 50 дней. При использовании мультимодальных маршрутов через Владивосток с комбинированным применением морского и железнодорожного видов транспорта время доставки контейнера из Китая в Москву составит 28–33 дня, транзитное время при контейнерных перевозках в сообщении «Азия — Европа» по сухопутным маршрутам через Евразийский регион составляет око-

¹ Морские порты России, исследования по направлению «Водный транспорт», Институт проблем естественных монополий (ИПЕМ) [Электронный ресурс] //ИПЕМ.RU. URL: <https://ipem.ru/content/filter/area-is-transport/tags-is-e22bb00f14238eeec8aa447796d5c19/apply/> (дата обращения: 21.01.2023).

² Показатели работы морских портов России, статистика, Ассоциация морских торговых портов [Электронный ресурс] //MORPORT.COM. URL: <https://www.morport.com/rus/content/statistika-0> (дата обращения: 21.01.2023).

³ Грузооборот морских портов России в 2022 году вырос на 0,7% до 841,5 млн тонн, новостная лента, Федеральное агентство морского и речного транспорта (Росморречфлот) [Электронный ресурс] //MORFLOT.GOV.RU. URL: <https://morflot.gov.ru/novosti/lenta/n6630.html> (дата обращения: 21.01.2023).

ло 16–18 суток¹. Временной фактор маршрутов доставки контейнерных грузов через Евразийский регион способствует росту интереса грузовладельцев к этому варианту, так как ценовой фактор уже не рассматривается как абсолютный приоритет на рынке международных контейнерных перевозок [4].

Однако при сравнительном анализе длительности выполнения транспортных операций ЛКС через Суэцкий канал и через систему маршрутов МТК «Запад — Восток» стоит учитывать следующие особенности организации контейнерных перевозок на евразийском пространстве: необходимость перегружать контейнеры и простои железнодорожных составов на границе, ожидание при накоплении вагонов с контейнерами для формирования состава, нехватка фитинговых платформ [7].

Выводы

МТК «Запад — Восток» представляется комплексной транспортно-экономической системой, охватывающей совокупность определенных маршрутов товародвижения, опорную логистическую инфраструктуру, субъекты транспортных процессов, деятельность государственных и международных организаций, нормативно-правовую базу международных перевозок. Сопряжение данной системы с функционированием и развитием транспортного комплекса РФ в соответствии с документами стратегического планирования формирует необходимый уровень транспортной независимости государства. Применение данного определения в научных исследованиях создает концептуальные возможности для дальнейшей работы по изучению сформулированной проблемы.

На основании вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы.

1. Волатильность баланса спроса и предложения на рынке линейного контейнерного судоходства, а также ограничения глобальных контейнерных линий в отношении контейнерных перевозок российских грузов способствовали росту востребованности маршрутов МТК «Запад — Восток» при процессах переориентации внешнеторгового трафика РФ на Восток.
2. Переформатирование логистики контейнерных перевозок российских грузов сопровождалось расширением зоны тяготения контейнерных портов Дальневосточного бассейна и ростом объемов перевалки контейнерных грузов в дальневосточных портах по итогам 2022 г., что закрепило лидирующие позиции стивидорных компаний «Владивостокский морской торговый порт» и «Восточная Стивидорная Компания» по контейнерообороту.
3. МТК «Запад — Восток» включает в себя систему маршрутов для обеспечения логистики экспортно-импортных и транзитных контейнерных грузов. Для транспортного обеспечения внешней торговли РФ ключевую роль играют сухопутные и мультимодальные маршруты, проходящие по территории стран ЕАЭС, Монголии и Китая.
4. Диверсификация путей доставки контейнерных грузов, в частности проектирование и функционирование ЛКС через маршруты МТК «Запад — Восток», позволяет значительно снизить сроки доставки, а также способствует освоению национального транзитного потенциала, российскому экспорту транспортных услуг и развитию транспортного комплекса РФ.

Заключение

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что выводы работы вносят вклад в развитие теоретико-методологической базы о сети трансевразийских маршрутов при транспортно-логистическом обслуживании экспортно-импортных и транзитных потоков товарооборота Европы и Азии. Результаты настоящего исследования могут быть использованы контейнерными линиями и операторами при разработке ЛКС и управлении своими производственными мощностями, при государственном управлении в области транспорта и координации транспортного взаимодействия, а также в образовательной деятельности.

¹ Евразийские транспортные связи. Введение в действие наземных транспортных соединений между Европой и Азией. С. 40–50 [Электронный ресурс] // ЕЭК ООН. URL: <https://unece.org/fileadmin/DAM/trans/doc/2019/wp5eatl/ECE-TRANS-265r.pdf> (дата обращения: 21.01.2023).

Литература

1. Голубчик А. М. Актуальные реалии логистики международного товародвижения // Логистика. 2022. № 10 (191). С. 32–34. EDN: GIOKTC
2. Куренков П., Харитонов М., Захаров А., Калинина Е. Влияние санкций коллективного Запада на транспортную логистику Российской Федерации // Логистика. № 1 (193). С. 10–13. DOI: 10.54959/22197222_2023_01_10. EDN: THOPYQ
3. Липатов А. Г. Система международных транспортных коридоров, современное состояние и перспективы развития // Modern Economy Success. 2022. № 2. С. 31–37. EDN: LEBKYA
4. Мусин А. К. Анализ существующих международных транспортных коридоров, проходящих через территории государств-членов. Аналитический доклад / под общ. ред. А. В. Диянского. 2019. № 5. С. 9–11.
5. Нелогов А. Г. Линейная зависимость [Электронный ресурс] // Вести Морского Петербурга. 2017. № 2. С. 18–19. URL: <http://morspb.ru/images/pdf/vesti-2-2017-pr.pdf> (дата обращения: 19.05.2023).
6. Покровская О. Д. Логистические транспортные системы России в условиях новых санкций // Бюллетень результатов научных исследований. 2022. № 1. С. 80–94. DOI: 10.20295/2223-9987-2022-1-80-94 EDN: YINMKX
7. Раровский П. Е. Пути повышения эффективности экспорта транспортных услуг на транссибирском контейнерном маршруте // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 1. С. 123–124. EDN: XTDONR
8. Русинов И. А., Гаврилова И. А., Берсенева А. И. Мировые тенденции морских линейных контейнерных перевозок // Транспортное дело России. 2019. № 1. С. 186–188. EDN: JEIMEB
9. Тюленев К. Г. Интеграция процессов управления линейным контейнерным судоходством // Логистика и управление цепями поставок. 2016. № 1. С. 80–83. EDN: WCCACL
10. Тюленев К. Г. Управление контейнерными перевозками во внешнеэкономической деятельности. СПб. : ИПТ РАН. 2017. 112 с.
11. Фисенко А. И., Баранова Е. Ю. Контейнерные перевозки по международным транспортным коридорам стран-членов ШОС и восточный полигон России: необходимость согласования общей позиции и программы развития // Транспортное дело России. 2022. № 4. С. 177–180. DOI: 10.52375/20728689_2022_4_177. EDN: EBGWNN
12. Щербинин Н. В. Контейнерные терминалы Балтийского моря // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 8. С. 129. DOI: 10.24412/2072-8042-2021-8-117-132. EDN: WREXRL
13. Rusinov I., Ouami A. Key Profitability Factors for Strategic Alliances in Shipping Industry // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. IOP Publishing, 2022. V. 988. No. 4. Sci. 988 042043. DOI: 10.1088/1755-1315/988/4/042043

Об авторах:

Щербинин Никита Вячеславович, магистрант факультета внешнеторгового менеджмента Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации (Москва, Российская Федерация);
e-mail: scherbi.nik@yandex.ru

Русинов Игорь Александрович, заведующий кафедрой коммерческой эксплуатации водного транспорта Института международного транспортного менеджмента Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор технических наук, профессор;
e-mail: RusinovIA@gumrf.ru

References

1. Golubchik A. Actual Realities of Logistics of International Goods Movement // Logistics [Logistika]. 2022. No. 10 (191). P. 32–34. (In Rus.) EDN: GIOKTC

2. Kurenkov P., Kharitonova M., Zakharov A., Kalinina E. The Influence of the Sanctions of the Collective West on the Transport Logistics of the Russian Federation // *Logistics [Logistika]*. 2023. No. 1 (193). P. 10–13. (In Rus.) DOI: 10.54959/22197222_2023_01_10. EDN: THOPYQ
3. Lipatov A. G. The System of International Transport Corridors, the Current State and Prospects of Development // *Modern Economy Success [Modern Economy Success]*. 2022. No. 2. P. 31–37. (In Rus.) EDN: LEBKYA
4. Musin A. K. Analysis of Existing International Transport Corridors Passing through Member States Territories. Analytical report / ed. by A. V. Diyansky. 2019. No. 5. P. 9–11. (In Rus.)
5. Nelogov A. G. Linear Dependence [Electronic resource] // *News of the Marine Petersburg [Lineinaya zavisimost']*. 2017. No. 2. P. 18–19. URL: <http://morspb.ru/images/pdf/vesti-2-2017-pr.pdf> (accessed: 19.05.2023) (In Rus.)
6. Pokrovskaya O. D. Russia's Logistics Transport Systems under New Sanctions // *Bulletin of the Results of Scientific Research [Byulleten' rezul'tatov nauchnykh issledovaniy]*. 2022. No. 1. P. 80–94. (In Rus.) DOI: 10.20295/2223-9987-2022-1-80-94. EDN: YINMKX
7. Rarovskiy P. E. Ways to Increase Transportation Services Exports Efficiency on The trans-Siberian Container Route // *Russian Foreign Economic Bulletin [Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik]*. 2017. No. 1. P. 115–133. (In Rus.) EDN: XTDONR
8. Rusinov I. A., Gavrilova I. A., Bersenev A. I. The World Trends of Sea Linear Container Transportations // *Transport Business of Russia [Transportnoe delo Rossii]*. 2019. No. 1. P. 186–188. (In Rus.) EDN: JEIMEB.
9. Tulenev K. G. Global Integration of Liner Shipping Management Processes // *Logistics and Supply Chain Management [Logistika i upravlenie tsepyami postavok]*. 2016. No. 1 (72). P. 80–83. (In Rus.) EDN: WCCACL
10. Tyulenev K. G. Management of Container Transportation in Foreign Economic Activity. Saint Petersburg : Institute for Transport Problems RAS. 2017. 112 p. (In Rus.)
11. Fisenko A., Baranova E. Container Traffic along International Transport Corridors of SCO Member States and Russia's Eastern Polygon: The Need to Agree on a Common Position and Development Program // *Transport Business of Russia [Transportnoe delo Rossii]*. 2022. No. 4. P. 177–180. (In Rus.) DOI: 10.52375/20728689_2022_4_177. EDN: EBGWHK
12. Shcherbinin N. V. Baltic Sea Container Terminals // *Russian Foreign Economic Bulletin [Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik]*. 2021. No. 8. P. 117–132. (In Rus.) DOI: 10.24412/2072-8042-2021-8-117-132. EDN: WREXRL.
13. Rusinov I., Ouami A. Key Profitability Factors for Strategic Alliances in Shipping Industry // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. IOP Publishing, 2022. V. 988. No. 4. Sci. 988 042043. DOI: 10.1088/1755-1315/988/4/042043

About the authors:

Nikita V. Shcherbinin, Master's student at the Foreign Trade Management Department of the Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation);
e-mail: scherbi.nik@yandex.ru

Igor A. Rusinov, Head of the Department of Commercial Operation of Water Transport of the Institute of International Transport Management of the Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Technical Sciences, Professor;
e-mail: RusinovIA@gumrf.ru

К вопросу о развитии туристического сотрудничества между Россией и Китаем на современном этапе

Ягья Т. С.

Санкт-Петербургский электротехнический университет (ЛЭТИ), Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: talie2006@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена российско-китайскому туристическому сотрудничеству как перспективному направлению в развитии отношений между РФ и КНР. В статье рассматривается состояние развития российско-китайского туристического взаимодействия, раскрываются факторы, привлекающие китайских туристов в Россию, говорится о тенденции роста интереса китайцев к российским туристическим направлениям. В работе уделено внимание важности российско-китайских туристических форумов, проводимых каждый год, а также значимости офиса по туризму Visit Russia. В ней говорится об успешной работе российской туристической ассоциации «Мир без границ» и Китайской ассоциации туристических компаний. Раскрывается ряд нерешенных проблем в развитии туристической индустрии России и Китая, а также указаны меры, принятые правительствами и России, и Китая, приведшие к активности в развитии российско-китайского двустороннего туризма. Рассматриваются перспективность в развитии туризма России и Китая, а также меры по восстановлению туристической отрасли после пандемии Covid-19.

Цель. Исследовать состояние и развитие туристического сотрудничества между двумя странами — РФ и КНР на современном этапе.

Задачи. Проанализировать состояние развития российско-китайского сотрудничества в туристической отрасли на современном этапе, выявить особенности и проблемы, выявить возможности российского рынка туризма, ориентированного на китайских туристов, и возможные пути развития туристического взаимодействия между Россией и Китаем.

Методология. В данной работе применялись эмпирические методы (сравнительный анализ), теоретические методы исследования (дедукция). Также использовался метод исторического анализа, общелогические и статистические методы.

Результаты. В ходе изучения была выявлена огромная значимость взаимодействия между Россией и Китаем в туристической отрасли двух держав. Это сотрудничество способствует росту доходов местного населения вследствие создания большого количества новых рабочих мест, улучшению коммуникационной и информационной инфраструктуры и повышению уровня вовлеченности стран в глобализационные процессы.

Выводы. Роль и значение туристического сотрудничества России и Китая, а также развитие российской и китайской экономики в XXI в. огромны. И в этом, по нашему мнению, заслуга как российского, так и китайского руководства, поддерживающих развитие партнерских отношений в туристической отрасли.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, российско-китайское сотрудничество, туризм, турпоток, туристическая сфера, туристическая отрасль, перспективы развития

Для цитирования: Ягья Т. С. К вопросу о развитии туристического сотрудничества между Россией и Китаем на современном этапе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 2. С. 82–91.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-82-91>

On Issue of Current Development of Tourism between Russia and China

Talie S. Yagya

St. Petersburg Electrotechnical University (ETU), Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: talie2006@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to Russian-Chinese tourism cooperation. It noted that this cooperation is a promising direction in the development of relations between Russia and China. The article examines the state of development of Russian-Chinese tourism cooperation, reveals the factors that attract Chinese tourists to Russia. It tells about the growing trend of Chinese interest in Russian tourist destinations. The article pays attention to the importance of the Russian-Chinese tourism forums held every year, as well as the importance of the "Visit Russia" tourism office. It talks about the successful work of the Russian tourism association "World Without Borders" and the Chinese Association of travel companies. The article reveals a number of unresolved problems in the development of the Russian-Chinese tourism industry, and also indicates the measures taken by the Russian and Chinese governments, which led to activity in the development of Russian-Chinese bilateral tourism. Prospects in the development of tourism in Russia and China, as well as measures to restore the tourism industry after the Covid-19 pandemic are considered.

Aim. To investigate present status and development of Russian-Chinese tourism.

Tasks. To analyze present status of development of Russian-Chinese relations in the field of tourism, to identify their features and problems; to find out opportunities of Russian tourism market focused on Chinese tourists and possible ways to develop tourism between two countries.

Methods. This article is created based on empirical methods such as comparative analysis, as well as theoretical research methods such as deduction, the method of historical analysis, statistical methods, general logical methods (analysis and synthesis).

Results. The research showed great importance of cooperation between Russia and China in the field of tourism for two countries. This cooperation contributes to the growth of incomes of local population due to creation of a large number of new jobs, the improvement of communication and information infrastructure and an increase in level of involvement of countries in globalization processes. The results of the research are based on the analysis of data obtained from various available sources, including official statistics.

Conclusion. The importance of cooperation between Russia and China in the field of tourism and in the development of both Russian and Chinese economies in the XXI century is great. It seems to us that it is the merit of both Russian and Chinese governments supporting development of partnership relations in the field of tourism.

Keywords: Russian-Chinese relations, Russian-Chinese cooperation, tourism, tourist flow, tourism sector, tourism industry, development prospects

For citation: Yagya T. S. On Issue of Current Development of Tourism between Russia and China // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 82–91. (In Rus.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-82-91>

Введение

1. *Актуальность.* Туризм — это сфера, которая вела, ведет и будет вести к прогрессу каждую страну мира. На сегодняшний день в этой отрасли существует большое многообразие видов туризма: культурный [1], медицинский, археологический, экотуризм [10], туризм катастроф¹ и другие.

¹ «Темный» туризм как новый вид туризма [Электронный ресурс] // Туристический бизнес (TourFAQ.net) [сайт]. 23.01.2016. URL: <http://tourfaq.net/travel-business/temnyj-turizm-kak-novyy-vid-turizma/> (дата обращения: 24.02.2023).

При этом туризм можно считать важным двигателем использования природных и культурных ресурсов, местных традиций и обычаев. Туризм является не только стимулирующим фактором для местной и региональной экономики, а также катализатором для всех областей деятельности, с которыми туристические компании вступают в прямой и косвенный контакт. Этим, можно сказать, обуславливается актуальность данной темы исследования.

Важно отметить также, что туризм является значимым сектором экономики, развитие которого влияет на прогресс и процветание национального благосостояния. Туризм оказывает влияние на экономические и социальные составляющие общества. Так, благодаря развитию туристического комплекса увеличиваются реальные доходы населения, растет благополучие людей, что положительно сказывается на развитии экономики стран. Отсюда туристическое взаимодействие становится привлекательным направлением российско-китайских отношений. В этом, несомненно, проявляется также актуальность выбранной темы исследования.

К тому же перед каждой страной, регионом стоит задача максимально использовать имеющийся потенциал для развития туристической отрасли. С увеличением туристического потока регион становится наиболее привлекательным для инвестиций в развитие туристической инфраструктуры, что способствует его благоприятному экономическому развитию. Таким образом, все вышесказанное определяет актуальность исследуемого вопроса.

2. *Обзор литературы.* В процессе написания данной работы исследовалось большое количество литературы: статьи, монографии. Обстоятельно изучались работы А. О. Борисова, А. В. Квартального, И. В. Рябовой, Ю. В. Черневской и др. Наиболее информативным источником для анализа развития российско-китайских отношений в туристической отрасли стали работы М. В. Ефремовой, О. В. Чкаловой и Жуй Би «Анализ развития международного туризма между Россией и Китаем» [3], Чен Бин, Д. В. Севастьянова «Становление, современное состояние и перспективы развития международного туризма в Китае и России» [9] и Цзюньцзин Цзян «Китайский туризм в России: современное состояние и тенденции» [8]. В ходе написания данной работы были использованы различные официальные сайты, например, «Статистика туристического рынка», «Ассоциация международного сотрудничества в туризме “Мир без границ”», «Федеральное агентство по туризму».

3. *Научная новизна.* В связи с тем, что данная тема, как нам представляется, находится в процессе изучения учеными, экономистами, наша работа может представлять особый интерес в ходе дальнейшего исследования туристического взаимодействия России и Китая. К тому же к элементам научной новизны исследования можно отнести выявление ряда нерешенных проблем в туристическом взаимодействии между Россией и Китаем, а также в раскрытии ряда особенностей их сотрудничества.

4. *Практическая значимость.* Результаты данного исследования могут быть применены в качестве рекомендаций для улучшения эффективности туристического взаимодействия между странами и для успешного создания высокоэффективных рынков туристической отрасли. Более того, полученные результаты можно использовать в образовательном процессе. К примеру, при преподавании учебной дисциплины, затрагивающей туристическую отрасль, туристический бизнес, туристическое сотрудничество между странами и пр.

Туристическое сотрудничество России и Китая: современное состояние и развитие

В последние годы туристическое российско-китайское партнерство можно считать перспективным направлением для обеих стран. Этому достижению послужило Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области туризма от 3 ноября 1993 г. и Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках от 29 февраля 2000 г. [3].

Создавшиеся условия способствовали росту посещения КНР российскими гражданами, целью которых в основном являлась возможность покупки дешевой китайской продукции. Однако российское

направление на тот момент не пользовалось большим спросом у китайцев. Поскольку были крайне востребованы шопинг-туры, турпакеты не предполагали какой-либо культурной программы и в них входили исключительно трансфер и размещение.

Потенциал китайского туристического потока, несомненно, представляет для Российской Федерации огромный интерес, поэтому необходимо искать возможности для привлечения наибольшего числа туристов из КНР. Этому, как нам представляется, может в определенной мере способствовать, прежде всего, благоприятная политическая ситуация. Как известно, сегодня Китай и Россия являются важными стратегическими партнерами в экономической, а также в военной отраслях, между государствами отсутствуют острые конфликты. Это дает основание говорить об актуальности сотрудничества в туристической отрасли между этими двумя странами. Наличие исторических предпосылок, а именно весьма протяженная общая граница и один и тот же путь политического развития, по которому эти страны двигались определенный период времени в XX в., является фактором привлечения туристов. К тому же упрощенный визовый режим также привлекает китайских туристов в Россию. Так, к примеру, для туристических групп, в составе которых от пяти до пятидесяти человек, не требуется оформление виз для въезда на территорию Российской Федерации¹. Следует сказать, что огромную роль в привлечении китайских туристов играет рекламно-просветительная деятельность российской стороны, которая проводит комплекс рекламных и ознакомительных мероприятий, направленных на популяризацию России как туристического направления. Однако важным мероприятием, повышающим интерес китайцев к России, считается проведение перекрестных годов культуры между этими странами. Стоит отметить, что падение курса рубля увеличило мотивацию граждан КНР к путешествиям по России. Это можно объяснить не только дешевизной российского турпродукта по сравнению с мировым, но и возможностью приобрести различные категории товаров (ювелирные изделия, изделия из меха и т. д.) значительно дешевле, чем в Китае.

Старт широкому туристическому сотрудничеству между Россией и Китаем был дан в 2012 г. с объявлением Года России в Китае, а уже в следующем году — Года Китая в России. В то время как год китайского туризма в нашей стране не привел к серьезному увеличению российского турпотока в КНР, китайский турпоток в Российскую Федерацию превысил 1 млн чел. [7].

Кроме того, представители туристического комплекса России на постоянной основе участвуют в различных выставках и кампаниях по развитию туристического комплекса в Китае. С 2012 г. ежегодно проводится Российско-Китайский туристический форум, который можно считать крупнейшим событием в туристическом сотрудничестве между двумя странами². На форуме обсуждаются вопросы развития въездных турпотоков как из Китая в Россию, так и из России в Китай, а также происходит обмен профессиональным опытом и установление деловых контактов в сфере туризма, представляются новые продукты и проекты туристической индустрии. Как правило, ежегодно на форуме в обсуждении вопросов развития российско-китайского туризма принимают участие представители Ростуризма, Посольства РФ в КНР, Государственного управления по делам туризма КНР, Всемирной туристской организации (ЮНВТО) и Азиатско-Тихоокеанской туристической ассоциации (ПАТА), российские и китайские туроператоры, руководители высокорейтинговых музеев обеих стран, представители глобальных поисковых систем и социальных сетей, китайские и российские блогеры.

Примером динамично развивающегося партнерства между двумя странами в области туризма следует считать открытие в китайской столице «национального офиса по туризму Visit Russia, главной задачей которого является взаимодействие с турбизнесом Китайской Народной Республики для развития въездного турпотока из КНР в Россию»³. Visit Russia, функционируя на территории КНР с 2015 г., осуществляет подбор тематических туров по различным регионам России, занимается бронированием гостиниц и т. д.

¹ Безвизовый туристический обмен между Россией и Китаем [Электронный ресурс] // VisitChina.ru (туристический портал о Китае [сайт]). URL: https://visitchina.ru/articles/all/bezvizovyy_turisticheskiy_obmen_mezhdu_rossiye_i_kitaem/?ysclid=l89x9odzcq697629751 (дата обращения: 24.10.2022).

² Пособие для отельеров при работе с азиатским туристом. Портрет китайского гостя — расходы, предпочтения, потребительские привычки [Электронный ресурс] // Hotelier.Pro (сайт). 20.11.2017. URL: <https://hotelier.pro/sales/item/3202-china/> (дата обращения: 04.10.2022).

³ Visit Russia (официальный сайт) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.visitrussia.com/> (дата обращения: 27.10.2022).

Как известно, Россия обладает разнообразием туристических направлений, таких как: Русский Север, Северо-Западный регион, район балтийского побережья, Золотое кольцо России, Северный Кавказ и другие направления [2, с. 12–14]. В последнее время граждане Китайской Народной Республики все чаще проявляют интерес к российскому югу — курортам Краснодарского края и Крыма. Так, в марте 2021 г. Крымский полуостров посетила делегация бизнесменов из КНР, стремящихся к установлению деловых контактов в области туризма на территории полуострова¹. Китайская сторона заинтересована в развитии гастротуризма, винного туризма, лечебно-оздоровительного туризма, в том числе грязелечения. Для увеличения потока китайских туристов в эти районы необходимо открытие регулярного авиасообщения между крупными китайскими городами и аэропортами Краснодара и Симферополя.

Следует признать, что на современном этапе доля Российской Федерации в масштабах всемирного туристского рынка чрезвычайно мала и что это обусловлено сравнительно низким развитием туристической инфраструктуры на территории страны. Россия имеет огромный потенциал для эффективного развития туристической отрасли, однако для достижения высоких результатов необходима модернизация комплекса объектов для функционирования отрасли. Но тем не менее 2017 г. ознаменовался рекордным количеством посещений китайских туристов. К примеру, за его первое полугодие рост гостей из Китая вырос на 36% в сравнении с аналогичным периодом 2016 г. При этом в некоторых регионах нашей страны количество китайских туристов выросло на 200% [8]. Для китайской сферы туризма до конца 2019 г. был характерен рост выездного туризма. В целом можно говорить о возрастании популярности российского направления. Как нам представляется, данная тенденция в определенной мере может содействовать росту экономики, а также укреплению добрососедских отношений между РФ и КНР.

Проблемы в развитии российско-китайских туристических отношений

За последние годы наблюдалась и наблюдается тенденция роста интереса китайцев к российским туристическим направлениям. Эта тенденция появилась в результате активного продвижения российского турпродукта на китайском рынке туризма, благодаря открытию офисов Visit Russia на территории Китая, проведению перекрестных годов культуры, адаптации российской туристской инфраструктуры под китайского гостя, созданию адаптированных под потребности и интересы туриста из КНР туристических программ. Однако при этом в развитии туристического сотрудничества между Россией и Китаем существует и ряд нерешенных на данный момент проблем.

В качестве одной из главных можно выделить проблему межкультурной коммуникации, стереотипного восприятия. В условиях современного мира остро стоит проблема понимания особенностей иных, отличных от родной, культур, терпимого отношения к представителям других культур. Можно перечислить множество примеров неприязненного отношения местного населения к китайским туристам. В частности, данная проблема особенно обострилась в начале распространения вируса Covid-19. Были примеры, когда сотрудники сферы гостеприимства отказывались обслуживать туристов из КНР, считая, что они являются переносчиками вируса, или же представители местного населения выражали недовольство, если китайские туристы находились в торговом зале или зале заведения общественного питания. В первую очередь необходимо обучать обслуживающий персонал специфике работы с китайскими туристами, чтобы гости чувствовали себя комфортно и безопасно в принимающей их стране.

Следующей проблемой является нехватка в регионах России сотрудников сферы обслуживания и гидов, владеющих китайским языком.

Привлечение большего потока китайских туристов ограничивает недостаточно развитая туристская инфраструктура в российских регионах. С некоторыми российскими туристически перспективными направлениями нет прямого авиасообщения, что затрудняет доступ к ним китайских туристов. Кроме того,

¹ Казакова А. В Крыму ждут наплыва китайских туристов: эксперт о перспективе полуострова [Электронный ресурс] // Московский комсомолец (МК.Ru — сайт). 15.03.2021. URL: <https://www.mk.ru/economics/2021/03/15/v-krymu-zhdut-naplyva-kitayskikh-turistov-ekspert-o-perspektive-poluostrova.html> (дата обращения: 15.10.2022).

подавляющее число объектов гостинично-ресторанного комплекса требует модернизации и доведения качества размещения и обслуживания гостей до уровня мировых стандартов.

Значительная часть китайских туристов, посещающих Россию, встречаются с языковым барьером, что тоже является острой проблемой. В целях ее решения размещаются указатели и информация на китайском языке в общественных местах. На данный момент имеется острая нехватка персонала, говорящего на китайском. Также не менее важным является наличие китайской платежной системы China UnionPay [5].

Другой проблемой можно считать отсутствие широкого спектра туристских услуг. Россия — страна, обладающая огромным туристским потенциалом, однако, как уже отмечалось, он не используется в полной мере. Многие туристические программы рассчитаны только на определенный сезон, хотя Россия обладает достаточным количеством ресурсов для привлечения туристов в течение круглого года. Также туристические программы имеют свойство устаревать и требуют обновления. Так, например, среди китайских туристов есть тенденция не посещать одно и то же место повторно. Однако при расширении туристических программ возможно сделать то или иное направление привлекательным для повторного посещения. Кроме того, при создании новых программ важно учитывать интересы туриста. К примеру, в последние годы среди китайских туристов наблюдалось повышение интереса к экотуризму, а также активному отдыху. Стимулирующие меры к разработке новых комплексных маршрутов со стороны государства могут способствовать созданию широкого ряда нового туристского продукта.

Отток прибыли от туризма за границу также является проблемой. Как уже было выяснено ранее, большинство туристов из КНР прибывают в Россию в составе туристических групп. Это дешевые пакетные туры, в которые, как правило, включены транспортные расходы, проживание и экскурсионное обслуживание. Следовательно, все дополнительные билеты в музеи, театры, на выставки и т. д. приобретаются отдельно. Каждую туристическую группу сопровождает турлидер, который перепродает туристам билеты с огромной наценкой. Например, в 2019 г. стоимость билета в музей Кремля составляла 700 руб., эти же билеты турлидеры могли перепродать туристам за 3–5 тыс. руб.¹ Также турлидеры водят группы, как правило, по строго определенным ресторанам и магазинам, которые принадлежат китайским гражданам. Такие заведения продают свою продукцию с огромными наценками и работают практически только для туристических групп из Китая. Следовательно, российский бюджет получает доход от таких групп лишь по части статей — с продажи билетов в музеи, прибыли гостиниц. Значительная часть дохода — от перепродажи билетов, продажи сувенирной, ювелирной продукции и т. д. уходит организаторам туров — китайцам.

Процесс развития туристического сотрудничества между Россией и Китаем

На процесс развития туристического сотрудничества между Россией и Китаем оказывает влияние, как нам представляется, межкультурный диалог, т. е. речь идет о языковой дипломатии, способной укрепить в определенной мере взаимопонимание между народами РФ и КНР. Следует отметить, что и языковая дипломатия, и продвижение языка важны для расширения культурного общения, а значит, и для успешного процесса развития туристического сотрудничества России и Китая. Так, например, эти составляющие очень важны при реализации проектов и программ по развитию туризма на Дальнем Востоке России и в северо-восточных провинциях Китая.

Следует сказать, что в российско-китайском туристическом взаимодействии прослеживается достаточная активность, обусловленная рядом мер, принятых руководствами и России, и Китая. К таковым мерам относятся: развитие и расширение туристических услуг, повышение их качества, к примеру проект China Friendly (2014 г.); поддержка российского государства в развитии въездного туризма из Китая, налаживание культурно-гуманитарного сотрудничества. Что касается культурно-гуманитарных взаимодействий, стоит упомянуть годы русской и китайской культуры (2006 г. и 2007 г.), годы проведения как

¹ Изменится ли доходность китайского турпотока после пандемии? [Электронный ресурс] // Туристический бизнес Санкт-Петербурга [сайт]. 14.10.2020. URL: <http://www.pitert.ru/news/izmenitsya-li-dokhodnost-?ysclid=lf5fvorvo127905111> (дата обращения: 24.02.2023).

русского языка в Китае (2009 г.), так и китайского языка в России (2010 г.), установление годов туризма России в Китае (2012 г.) и Китая в России (2013 г.), а также взаимные молодежные обмены (2014 г. и 2015 г.). В качестве примера господдержки России следует назвать упрощение визовых формальностей путем заключения Соглашения о безвизовых туристических поездках от 29 февраля 2000 г.

Долгие годы бытовало мнение у населения РФ и КНР, что дальневосточные территории России и северо-восточные провинции Китая не представляют никакого интереса в культурном отношении, а значит, и в туристическом, поскольку считаются периферийными, отстающими в экономическом плане. Изменить положение в этих регионах смогла, как показывает действительность, этапизация развития туристической отрасли в приграничных территориях двух стран: России и Китая. Осуществляя с 1978 г. переход на рыночные преобразования, на путь построения «социализма с китайской спецификой», Китай стал реализовывать принятый Министерством культуры план по созданию всекитайского культурного коридора приграничных территорий, куда входило девять провинций, три из которых были провинциями северо-востока Китая — Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин.

В подписанной в ноябре 2015 г. представителями Китая, России и Монголии Цилиньской декларации были определены направления туристического сотрудничества в приграничных территориях на текущие и на будущие годы, а также меры, которые обеспечивают безопасность нахождения туристов, туристических групп сопредельных районов Китая, России и Монголии¹.

Относительно субъектов южных районов Дальнего Востока и северо-восточных провинций КНР следует отметить, что в принятых документах были определены направления развития внутреннего и въездного туризма этих стран. Исследуя возможности для развития туризма приграничных территорий, заинтересованные лица стали проводить различные рекламные туры для всех желающих. И прежде всего для туристических фирм, представителей средств массовой информации и сотрудников комитетов по туризму. В связи с этим важно сказать, что огромное значение для развития как российского Дальнего Востока, так и территорий КНР имеет строительство моста Благовещенск — Хэйхэ и развитие Большого Уссурийского острова [6].

Большое влияние на развитие и упрочение туристических отношений между РФ и КНР оказала и оказывает совместная деятельность российской туристической ассоциации «Мир без границ» и Китайской ассоциации туристических компаний. Так, благодаря эффективной политике этих организаций им удалось у жителей российско-китайского приграничья сформировать положительный имидж государств. В частности, начиная с 2016 г. увеличился поток туристов из Китая в российские дальневосточные регионы. К примеру, за первое полугодие 2017 г. в Амурской области побывали 33,2 тыс. туристов из КНР, что на 67% больше, чем в 2016 г., в Хабаровском крае — 4,6 тыс. китайских туристов, что на 38% превысило показатели 2016 г. [8]. Созданная в 2017 г. в приграничье обеих стран Международная ассоциация туристической индустрии стран Азиатско-Тихоокеанского региона, объединившая 26 российских и 30 китайских компаний, ознаменовала новый этап в развитии туризма и стала важной его вехой. Туризм открывает большие возможности гражданам каждой страны для изучения истории, культуры, быта, исторических памятников, для посещения музеев, театров, дегустации национальных блюд и многое другое. Так, к примеру, у российских туристов появляется возможность отведать экзотические блюда китайской кухни, а у туристов из Китая — наслаждаться красотами и чистотой атмосферного воздуха Дальнего Востока. Однако туристы и России, и Китая обращали внимание на недостаточно высокое качество предоставляемых гостиничных и иных услуг и обслуживания в гостиницах. Это свидетельствует об отсутствии должного количества специалистов, необходимых данной отрасли.

В начале 2010-х гг. руководители туристической отрасли двух стран проанализировали сложившиеся проблемы в развитии туристической сферы приграничных территорий и определили пути по их решению, а также выявили возможности расширения сотрудничества на текущие годы. Так, в этой связи большая роль отводится молодежным обменам, поскольку именно молодежь с легкостью вовлекается

¹ Китай, Россия и Монголия создают механизм сотрудничества для развития туризма в сопредельных районах трех стран [Электронный ресурс] // «Жэньминь жибао» онлайн. 12.11.2015. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/1112/c31518-8975329.html> (дата обращения: 15.10.2022).

в международную коммуникацию. Именно молодые люди во все времена обладают мобильностью, креативным мышлением. Молодежь стремится к получению новых знаний и освоиванию языков, является носителем культуры представляемой страны. Так, уже в приграничных территориях России и Китая проводятся разнообразные молодежные мероприятия для разных возрастных групп, что свидетельствует о все большем вовлечении молодых людей в международную коммуникацию. По-прежнему продолжают обмены студентами между вузами приграничных субъектов двух государств, а также функционируют летние школы для школьников и студентов из России и Китая. Развитие туристической индустрии способствует активизации социально-экономической жизни на Дальнем Востоке России и Северо-Востоке Китая, усиливает межкультурное взаимодействие и укрепляет дружбу между народами на долгие годы, а главное, привлекает инвестиционные потоки в эту отрасль [6].

Заключение

Итак, туризм как один из важнейших секторов экономики многих государств мира должен быть массовым и общедоступным. Отметим, что доступность туристического продукта делает его наиболее ликвидным, позволяет извлекать из данной отрасли наибольшую прибыль. Развитие и функционирование данной отрасли содействует обеспечению занятости местного населения, загрузке гостиниц и отелей, ресторанов, а также поступлению иностранной валюты и др. Туристическая индустрия использует местные туристские ресурсы, приносящие доход тому или иному региону и государству в целом, кроме того, туризм является привлекательным направлением для инвестирования.

Согласно статистике, до конца 2019 г. въездной поток в Россию увеличивался в основном благодаря туристам из Китайской Народной Республики, этот показатель стабильно рос с каждым годом. Данное явление обусловлено тем, что в стране сформирован обширный средний класс, представители которого могут себе позволить отдых за границей. Также характеристикой данного сегмента общества является готовность к значительным затратам на культурные и образовательные мероприятия, а также на развлечения.

Для того чтобы в дальнейшем Российская Федерация оставалась привлекательным направлением для китайских туристов, на территории нашего государства необходимо создать условия, отвечающие их требованиям к туристскому продукту. Ориентируясь на специфику потребностей среднестатистического китайского туриста, субъекты туристического бизнеса могут модернизировать и расширить инфраструктуру таким образом, чтобы она соответствовала предпочтениям гостей. В свою очередь, это поспособствует повышению туристической привлекательности того или иного региона и простимулирует рост доходов от туристских видов деятельности.

Российская Федерация располагает огромным потенциалом для того, чтобы стать привлекательным туристическим направлением. Несмотря на богатую культурно-природную базу, развитие туристической отрасли трудно назвать динамичным, и это обусловлено дороговизной отечественного туристского продукта, слаборазвитой транспортной сетью, существенными различиями в стандартах обслуживания и многими другими факторами. По этим причинам удельный вес России на мировом туристском рынке на данный момент крайне мал. Однако Российская Федерация имеет все шансы стать привлекательным направлением для путешествий не только для своих граждан, но и для гостей из-за рубежа, при реформировании нынешней туристической отрасли, модернизации и приведении к международным стандартам объектов туристской инфраструктуры и т. д.

Несомненно, пандемия Covid-19 нанесла серьезный удар по туризму во всех странах мира, отбросив туристическую отрасль примерно на тридцать лет назад. Так, объемы прибылей и доходов от международного туризма упали на 74% и 76% по сравнению с 2019 г. Кроме того, это привело к значительным убыткам в размере 1,3 трлн долл. [4].

До приостановления транспортного сообщения в связи с распространением коронавирусной инфекции китайские туристы составляли наибольшую долю въездного туризма России. Возрастающая среди граждан КНР популярность России как туристического направления является стимулом к приведению объектов туристической инфраструктуры, качества обслуживания к международным стандартам, что

в перспективе способствует формированию на мировой арене имиджа России в качестве привлекательного туристического направления.

В свою очередь, Китай после пандемии разработал новую стратегию развития туристической отрасли на среднесрочную (до 2025 г.) и долгосрочную (до 2035 г.) перспективы, что знаменует перезагрузку туристической сферы [4].

Перспективы восстановления туристической отрасли напрямую зависят от того, как скоро распространение коронавирусной инфекции будет взято под контроль. Для того чтобы вернуться к прежнему объему турпотока и приумножить его, могут быть предприняты меры, такие как: расширение предложения туристских услуг путем задействования как можно большего количества рекреационных ресурсов России; участие в совместных российско-китайских проектах в сфере туризма, направленных на строительство туристской инфраструктуры; продвижение тех или иных туристических направлений; повышение уровня безопасности оказания туристских услуг; увеличение доли индивидуальных туров, а также туров выходного дня в общем турпотоке. Даже при благоприятном сценарии развития событий в мире сфера туризма подвергнется крупным изменениям.

Если ранее пользовались популярностью готовые туры, то на данный момент люди чаще самостоятельно организуют свои путешествия ввиду закрытия границ многих государств. Также туристы стали отдавать предпочтение посуточной аренде квартир или домов, а не гостиницам, поскольку первый вариант стал доступнее и, в отличие от отелей, там нет массового скопления людей. Можно предположить, что на довольно продолжительное время сохранится спрос на краткосрочные поездки на небольшие расстояния. А благоприятная ситуация, по всей видимости, наступит не скоро, что связано с тем, что кто-то из представителей туристической индустрии уже разорился, кто-то пока выживает, но по окончании пандемии может оказаться в долговой яме и без финансовых ресурсов. Для стран, в которых туризм — основная отрасль экономики, это означает, что в нее придут новые игроки, которым придется предоставить льготы, чтобы они могли запустить свой бизнес и занять место тех, кто разорился.

Теоретическим вкладом данной работы является то, что ее можно использовать в дальнейшем исследовании туристического взаимодействия между Россией и Китаем, поскольку туристическая сфера, динамично развиваясь, может подвергаться негативным явлениям, таким как, скажем, пандемия. Поэтому данная тема всегда должна находиться в центре внимания и изучения.

Кроме того, выводы данного исследования могут быть применены в образовательной сфере при преподавании экономических дисциплин, например, «Экономическая теория», «Мировая экономика», «Международные экономические отношения» и др.

Литература

1. Гордин В. Э., Сущинская М., Яцкевич М. Теоретические и практические подходы к развитию туризма // Культурный туризм: конвергенция культуры и туризма на пороге XXI века : сб. статей. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2001.
2. Гуляев В. Г. Организация туристской деятельности : учебное пособие. М. : Нолидж, 1996. 174 с.
3. Ефремова М. В., Чкалова О. В., Жуй Би. Анализ развития международного туризма между Россией и Китаем // Экономический анализ: теория и практика. 2017. Т. 16. № 6. С. 1127–1139. <https://doi.org/10.24891/ea.16.6.1127>
4. Заклязьминская Е. О. Туристическая отрасль в стратегии развития Китая : монография. М. : ИМЭМО РАН, 2021. 234 с.
5. Киреева Ю. А. Иностранец в России: портрет китайского туриста // Вестник РМАТ. 2017. № 1. С. 91–94.
6. Петрунина Ж. В. Россия на берегах Амура: к вопросу о развитии острова Большой Уссурийский в Хабаровском крае // Общество: философия, история, культура. 2018. № 5 (49). С. 49–51.
7. Уржумцева Т. Б., Чжэнь Ян. Проблемы и перспективы развития туризма между Россией и Китаем : доклад // XVII Международная научно-практическая конференция «Современное состояние и потенциал развития туризма в России». 8–9 октября 2020 г., Омск, Россия.

8. Цзян Цзюньцзин. Китайский туризм в России: современное состояние и тенденции // Век информации (Сетевое издание). 2019. Т. 3. № 3 (8). [https://doi.org/10.33941/age-info.com33\(8\)13](https://doi.org/10.33941/age-info.com33(8)13)
9. Чен Бин, Севастьянов Д. В. Становление, современное состояние и перспективы развития международного туризма в Китае и России // Серия 7. Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2010. № 1. С. 100–108.
10. Bhardwaj D. International Tourism: Issues and Challenges. New Delhi : Kanishka Publisher, 2006. P. 104–105.

Об авторе:

Ягья Талие Саидовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики технологического предпринимательства Санкт-Петербургского электротехнического университета (ЛЭТИ) (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: talie2006@mail.ru

References

1. Gordin V. E., Sushchinskaya M., Yatskevich M. Theoretical and Practical Approaches to the Development of Tourism. Cultural Tourism: Convergence of Culture and Tourism on the Threshold of the 21st Century : digest of articles. Saint Petersburg : Publishing House of St. Petersburg State University of Economics. 2001. 67 p. (In Rus.)
2. Gulyaev V. G. Organization of Tourist Activities. Textbook. Moscow : Nolidzh, 1996. 174 p. (In Rus.)
3. Efremova M. V., Chkalova O. V., Bi R. An Analysis of the International Tourism Development between Russia and China // Economic Analysis: Theory and Practice [Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika]. 2017. V. 16. No. 6. P. 1127–1139. (In Rus.) <https://doi.org/10.24891/ea.16.6.1127>
4. Zaklyazminskaya E. O. Tourism Industry in China's Development Strategy : monograph. Moscow : IMEMO, 2021. 234 p. (In Rus.)
5. Kireeva Yu. A. A Foreigner in Russia: A Portrait of a Chinese Tourist // Bulletin of the Russian International Academy of Tourism [Vestnik RMAT]. 2017. No. 1. P. 91–94. (In Rus.)
6. Petrunina Zh. V. Russia on the Banks of the Amur River: Towards the Development of the Bolshoi Ussuriysky Island in the Khabarovsk Territory // Society: Philosophy, History, Culture [Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura]. 2018. No.5 (49). P. 49–51. (In Rus.)
7. Urzhumtseva T. B., Zhen Ya. Problems and Prospects of Tourism Development between Russia and China : scientific report at the XVII International Scientific and Practical Conference "Current Status and Potential of Development of Tourism in Russia". October 8–9, 2020, Omsk, Russia. (In Rus.)
8. Jiang Junjing. Chinese Tourism in Russia: Current State and Trends // Information Age (Online Media) [Vek informatsii (Setevoe izdanie)]. 2019. V. 3. No. 3(8). (In Rus.) [https://doi.org/10.33941/age-info.com33\(8\)13](https://doi.org/10.33941/age-info.com33(8)13)
9. Chen Bin, Sevastyanov D. V. Formation, Current State and Prospects for the Development of International Tourism in China and Russia // Series 7. Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences [Seriya 7. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle]. 2010. No. 1. P. 100–108. (In Rus.)
10. Bhardwaj D. International Tourism: Issues and Challenges. New Delhi : Kanishka Publisher. 2006. P. 104–105.

About the author:

Talie S. Yagya, Associate Professor of the Department of Economics of Technological Entrepreneurship of the St. Petersburg Electrotechnical University (ETU) (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics;
e-mail: talie2006@mail.ru

Единое и частное: об охране личного пространства в гражданском законодательстве стран ЕАЭС

Вольфсон В. Л.

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: vwolfson@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье оценивается целесообразность введения гражданско-правовой охраны личного пространства, по существу — единого права, на основании которого могут получить защиту все личные интересы.

Цель. Предложить и обосновать концепцию гражданско-правовой охраны личного пространства посредством единого субъективного права.

Задачи. Представить доводы в пользу закрепления единого личного права, предложить понятие личного пространства как охраноспособного блага, обсудить возможные возражения, показать преимущества единого легального режима.

Методология. Общенаучные методы и специальные методы: принятые в аналитической юриспруденции приемы толкования; сравнительное правоведение; оценка гражданского законодательства, исходя из его понимания как способа гармонизации частных интересов.

Результаты. Представление о личном пространстве (личных границах) приобретает в сознании российских граждан устойчивые очертания. При этом действующее право предоставляет охрану таким интересам только в предусмотренных законом случаях. Вместе с тем введение охраноспособности всех личных интересов по умолчанию вне легального режима было бы неэффективным решением. Автор предлагает свою теорию личного пространства как юридической категории. Закрепление единого личного права в законе не только обеспечит защитой выраженные в нем интересы, но и позволит определить признаки охраноспособности, оговорить изъятия из охраны, упростит отказ в защите в случаях злоупотребления правом.

Выводы. Развитие гражданского законодательства все более отстает от потребностей граждан в охране личных интересов. Автор призывает закрепить в законе единое личное право. Решающим критерием должен стать уровень выраженности ожиданий в таком праве субъектов регулируемых отношений, т. е. граждан России, а не степень распространения такой нормы в других юрисдикциях.

Ключевые слова: личное право, принцип дозволенности, злоупотребление правом, осуществление гражданских прав, деликт

Для цитирования: Вольфсон В. Л. Единое и частное: об охране личного пространства в гражданском законодательстве стран ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 2. С. 92–101.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-92-101>

Integrity and Singularity: on a Civil Law Protection of the Privacy in the Countries of the Eurasian Economic Union

Vladimir L. Volfson

North-West Institute of Management, branch of RANEPA, Saint Petersburg, Russian Federation
e-mail: vwolfson@mail.ru

ABSTRACT

The article assesses the need for a privacy right to be enshrined in the Russian civil law. In effect, the issue is whether time is ripe for the protection of a universal right that would cover all personal interests.

Aim. To propose and substantiate civil law protection of the privacy by means of a single subjective right.

Tasks. To submit the rationale for enshrining a universal personal right, to offer a concept of the privacy as a protectable legal asset, to respond to possible objections, to demonstrate advantages of a unified legal regime.

Methods. Alongside general scientific approaches, the methods used in the research include interpretation technique, comparative jurisprudence, applying assessment of law efficiency based on its concept as a way to harmonize private interests.

Results. While the idea of personal space is making its way to a greater identity in the minds of the Russian people, the civil legislation provides protection to such interests only in cases provided for by the law. However, the judicial protection of all personal interests by default outside the legal regime would be an inefficient solution. The author offers his own theory of privacy as a legal category. Apart of providing defense for any relevant interests, legal recognition of a single personal right will allow to identify features of protectability, to stipulate the exemptions, and make easier for the courts to deny protection in cases of abuse of the right.

Conclusions. The development of civil legislation is increasingly lagging behind the need in protection of personal interests. The author stands up for a single personal right to be enshrined in the law. The crucial test is whether such a right live up to expectations of the parties of relations in question, i.e. citizens of Russia, rather than the extent to which such a rule is recognized by other jurisdictions.

Keywords: personal law, the principle of permissibility, abuse of law, exercise of civil rights, tort

For citation: Volfson V. L. Integrity and Singularity: on a Civil Law Protection of the Privacy in the Countries of the Eurasian Economic Union // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 92–101. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-92-101>

1. Введение. Постановка проблемы

Начнем с модельных ситуаций, показывающих существо обсуждаемой в статье правовой проблемы. В первой, ставшей основой для включенной автором в практикум по гражданскому праву задачи¹, писательнице Ш. досаждают игра на музыкальном инструменте из соседней квартиры. Поскольку это происходит в дневное время, административные запреты неприменимы, а возможность гражданско-правовой защиты нематериального блага, которое можно было бы условно обозначить как «интерес в комфортной звуковой среде», вызывает сомнения ввиду отсутствия необходимых по смыслу п. 2 ст. 150 ГК РФ² специальных законоположений; при этом единого личного права («права на личное пространство» или подобного по содержанию института) российскому гражданскому праву не известно. Подлежит ли защите, исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (п. 2 ст. 6), указанный интерес? Могут ли быть приняты во внимание при изучении этого вопроса или, в случае положительного на него ответа, для решения дела по существу значительная разница в возрасте между Ш. и ее соседом, а также то, что Ш. всю жизнь прожила в своей квартире, а молодой музыкант является недавно вселившимся нанимателем? Во второй задаче, которая (как и первая) обсуждается в рамках преподаваемого автором курса, речь идет о «достоверной диффамации» — распространенное ответчиком указание на то, что истец, кандидат в депутаты, за 30 лет до описываемых событий признанный вступившим в законную силу приговором суда виновным в совершении преступления, «ранее был судим», нельзя однозначно понимать как ложное утверждение о сохранении давно снятой судимости, однако с учетом обстоятельств дела

¹ Гражданское право: практикум в 2 ч. Ч. 1 / отв. ред. Н. В. Иванов, А. А. Павлов, А. П. Сергеев. Ч. 1. М.: Проспект, 2023. С. 15.

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Утв. 30.11.1994 № 51-ФЗ. В ред. от 16.04.2022 № 99-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2022. № 16. Ст. 2601. Далее в тексте — «ГК РФ».

нет сомнений в том, что эти сведения были распространены в целях, далеких от соображений публичного или общественного блага. Несмотря на имевшиеся попытки признания «достоверной диффамации» деликтом в доктрине [9, с. 4; 12, с. 186], *de lege lata* ее противоправность не признается (п. 1 ст. 152 ГК); такова же единая позиция Верховного Суда¹ и Европейского суда по правам человека². И вопрос здесь тот же: будет ли наше право защищать нематериальный интерес, нарушение которого, исходя из положений п. 2 ст. 150, не создает охранительного правоотношения?

Но можно включить в этот ряд и признаваемые гражданским законодательством деликты, нарушающие интересы в личных благах. При углублении в природу этих интересов становится ясно, что все они выражают интерес в охране личного пространства и что, не опираясь на этот интерес в виде посылки для умозаключений о границах этих деликтов, сложно выносить суждения по существу разрешаемых вопросов. Рассмотрим разъяснение, которое содержится в абз. 3 п. 45 Постановления Пленума Верховного Суда № 25 от 23 июня 2015 г. «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»³. Давая свое толкование изъятию из охраны изображения гражданина, предусмотренному в подп. 2) п. 1 ст. 152.1 ГК, Верховный Суд указал, что оно, по общему правилу, действует и тогда, когда «изображенные на коллективном фотоснимке граждане очевидно выразили свое согласие на фотосъемку и при этом не запретили обнародование и использование фотоснимка, за исключением случаев, если такое изображение содержит информацию о частной жизни указанных лиц»; другими словами, в согласии на фотосъемку при таких условиях усматривается презумпция согласия на использование изображения. Но легко допустить, что далеко не все готовы будут разделить такой подход и корень разногласия будет именно в различии понимании границ личного пространства. И даже если презумпция неверна в отношении статистического меньшинства граждан, это, на наш взгляд, достаточный повод для ее отмены. Неравномерность в восприятии личного пространства, по-видимому, исключает применение основанных на таком восприятии универсальных ограничений, поскольку речь идет о неотчуждаемом благе, а не об имущественных побуждениях, о которых можно рассуждать отвлеченно, исходя из принимаемых во внимание обыкновений. Но правильный ответ в любом случае здесь будет дан только тогда, когда обсуждение перейдет в поле личного пространства, т. е. общего по отношению к охране изображения блага.

Смоделированные выше ситуации призваны убедить, что в отечественной доктрине должна начаться дискуссия о целесообразности закрепления в гражданском законодательстве охраны личного пространства гражданина как единого блага. Однако как аргументы они являются следствиями другого и решающего довода: пробельность закона может указывать на потребность в правовой охране лишь тогда, когда является систематическим отражением невыраженности в праве реально сложившихся интересов [4, с. 46]. И здесь мы должны сказать о стремительно растущем осознании гражданами России личного пространства как единой категории [2, с. 27], причем обострение внимания к личным границам неизбежно сопровождается стремлением к их расширению. Приведенное разъяснение Верховного Суда показывает, насколько быстротечными становятся этапы в демаркации этих границ — то, что казалось недавно выходящим за них, уже занимает «пограничное положение».

2. Действующий закон и единое право на личное пространство

Российское право не просто не предусматривает охраны единого права на личное пространство как основания для его защиты, оно не признает такой защиты и в поле дозволенности. Численность охраноспособных нематериальных благ (п. 1 ст. 150) не ограничена, да и было бы странно, если бы их охрана, подобно вещным правам, строилась по принципу *numerus clausus* — признания принадлежности права к определенной категории только в силу того, что оно причислено к ней законом. Но защита этих благ

¹ См. абз. 5 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

² Хотя постановления ЕСПЧ не принимаются во внимание российскими судами, упомянутая позиция Верховного Суда формулировалась им со ссылкой на тождественность понятий диффамации как распространения только несоответствующих действительности сведений в российском праве и в постановлениях ЕСПЧ.

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, август 2015 г., № 8.

допускается в оговоренных случаях и оговоренными способами. Причины отличия от режима вещных прав нужно искать в том, что любые правовые связи субъекта с вещью при всем их гипотетическом разнообразии должны порождать единые и при этом самые действенные из всех возможных меры защиты, тогда как нематериальные блага ввиду их очевидной бесчисленности и бесконечных же сущностных различий могут защищаться только в особо предусмотренных случаях.

Такое положение дел заметно не всем. Концепция развития гражданского законодательства¹ исходит из того, что в отечественном праве имеется «принципиальное положение о возможности использовать все способы защиты гражданских прав для защиты любых нематериальных благ» (п. 3.5), и далее призывает к сохранению такого положения. Но легальная действительность, на наш взгляд, не такова и таковой, в том числе на момент появления Концепции, никогда не была.

В соответствии с абз. 1 п. 2 ст. 150, *нематериальные блага защищаются в соответствии с настоящим Кодексом и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (статья 12) вытекает из существа нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права и характера последствий этого нарушения*. Суть формулы квалификации (допуска) к защите сводится к тому, что защита предоставляется: 1) в специально оговоренных Кодексом или иными федеральными законами случаях и порядке; 2) одним из общих (ст. 12 ГК) способов, с оговоркой, что выбранный способ и пределы его применения вытекают из существа нарушенного блага и последствий характера нарушения. Причем и в том, и в другом случае санкция может применяться только в соответствии с законом (включая ГК). Если бы данное указание относилось только к первому основанию допуска к защите, вся формула лишалась бы смысла. Во-первых, зачем требовать *соответствия закону* основания защиты, «осуществляемой в случае и порядке», *предусмотренных законом*? Подобные провалы нормотворческой техники у нашего законодателя неизвестны. При этом, когда защита предоставляется в случаях и в пределах, в которых использование одного из предусмотренных в ст. 12 общих способов защиты вытекает из существа нарушенного права и характера последствий нарушения, указание на то, что защита осуществляется в соответствии с положениями закона, имеет смысл, о котором будет сказано ниже. Во-вторых, если считать, что требование о соответствии закону относится только к первому указанному в этой формуле случаю защиты, выделение второго случая вовсе теряет смысл, поскольку стирается отличие предоставления защиты нарушенному нематериальному благу от общего принципа предоставления гражданско-правовой защиты: разве же указание на то, что выбор способа защиты всегда должен быть в рамках соответствия существу нарушенного блага и последствиям нарушения не является общим режимом защиты всех прав и всех интересов?

Но если защита во всех случаях (как на основании специальных норм, так и стандартными способами ст. 12) может, по смыслу абз. 1 п. 2 ст. 150, предоставляться *только* в соответствии с законом, то что эта оговорка может означать? Только то, что *гражданско-правовая* охрана в целом подчиняется установленному в законе режиму и, прежде всего, предоставляется не всем нематериальным благам. В настоящее время в ГК охранительные меры установлены против распространения порочащих (пп. 1–9 ст. 152), а также любых не соответствующих действительности сведений (п. 10 ст. 152), использования изображения гражданина (ст. 152.1), вторжения в его частную жизнь. Охраняются также личные права на интеллектуальную собственность, хотя они, по нашему убеждению, направлены на охрану интереса в авторской репутации, а не неприкосновенности личного пространства [3]. Ответственность в виде компенсации морального вреда может наступить, если он причинен нарушением *и других* указанных в ст. 150 благ, но вовсе не всех и представленных всегда в виде незамкнутого ряда в разъяснениях Верховного Суда², в остальном не обнаруживающего готовность признать охраноспособность обсуждаемых благ в непредусмотренных законом случаях³.

¹ Одобрена Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009.

² См., напр., недавнее Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, февраль 2023 г., № 2.

³ Проблемы правовой охраны личного пространства в цифровой среде в правоприменительных позициях [Электронный ресурс] // Энергия Ци: цивилистика головного мозга. URL: <https://clck.ru/33nAj2> (дата обращения: 13.03.2023).

Сделанный вывод согласуется как с п. 2 ст. 2 ГК («неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага защищаются гражданским законодательством, если иное не вытекает из существа этих нематериальных благ»), поскольку «другие» — это не «любые», так и с принципом открытости перечня охраноспособных нематериальных благ — он не подразумевает, что в текущий момент охраняются все эти блага.

Гражданское законодательство стран ЕАЭС также допускает защиту нематериальных благ только в предусмотренных законом случаях. Положения п. 2 ст. 151 ГК Республики Беларусь¹, п. 2 ст. 162 Республики Армения², ст. 17 ГК Киргизской Республики³ тождественны по содержанию п. 2 ст. 150 ГК РФ. Такой же вывод вытекает из § 3 гл. 3 ГК Казахстана⁴: в данный раздел включены лишь положения об отдельных способах защиты.

Нужно также обратить внимание на то, что так называемый генеральный деликт российского права — принцип, согласно которому восстановлению подлежат претерпевания вреда любых видов, если они вызваны противоправным действием, — не применяется к нарушениям личных прав (интересов). Для компенсационной защиты личного интереса в российском праве необходим специальный деликт: признавая причинение морального вреда деликтом (§ 4 гл. 59), законодатель по общему правилу не признает допустимым его компенсацию в случае нарушения имущественных интересов (ч. 1 ст. 151, п. 2 ст. 1100).

3. Понятие права на личное пространство

Итак, в гражданском законодательстве стран ЕАЭС, включая Россию, субъективное право на личное пространство как единое личное право не признается — ни в виде специального режима, ни в силу общего дозволения; между тем потребность в этом праве возрастает, отражая все более обостренное восприятие гражданами, принадлежащими к евразийской цивилизации, личных границ. В этой части работы мы представим свое видение этого права. Поскольку сущность субъективного гражданского права понимается автором как юридическое выражение вмененного интереса [4], то эта задача будет решаться посредством раскрытия природы того интереса, который должен быть воплощен в этом праве. Природа же интереса раскрывается указанием на природу блага, на которое он направлен.

Автор исходит из того, что существует единая область субъективных интересов, которые направлены на блага, неспособные быть объектом интереса других лиц. Таким образом, речь идет о благах, неспособных быть предметом присвоения (апроприации). Данное отрицательное определение, *вероятно*, оставляет за чертой определяемого понятия любые блага, которые соответствуют широкому пониманию категории «имущество» — тому, что охватывает и материальные, и нематериальные активы. Мы, однако, считаем нужным сохранить такому определению отрицательную модальность⁵, а поэтому полагаем неверным предпринимать попытки описания выделяемой области интересов через категоризацию благ, к ней не относящихся. Как только мы прибегнем к такому описанию, нам неизбежно придется давать и субстантивное описание признаков явлений, находящихся «по эту» сторону определяемого понятия, причем с выделением признаков, отличающих их от явлений, оставшихся по «другую сторону». Тем самым будет дискредитирована вся конструкция отрицательного определения. Задача же наша состоит именно в том, чтобы определить область, принадлежность к которой *любого* интереса сделает его охраноспособным, а поэтому необходимо указать на то, чем этот интерес, а точнее благо, на которое он направлен, *не* является. Выделенную область интересов автор и предлагает именовать личным пространством, которое должно, по его мнению, стать объектом соответствующего права.

Указание на то, что право на личное пространство — само по себе, конечно же, абсолютное — никогда не направлено на блага, способные быть объектом интереса других лиц, позволяет исключить

¹ Гражданский кодекс Республики Беларусь, принят Палатой представителей 28.10.1998 (в ред. 14.07.2020).

² Гражданский кодекс Республики Армения, принят Национальным Собранием 5.05.1998 (в ред. 7.02.2020).

³ Гражданский кодекс Киргизской Республики, введен в действие Законом от 8.05.1996 № 16 (в ред. 16.02.2023).

⁴ Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть), принят Верховным Советом Республики Казахстан 27.12.1994 (с изм. и доп. по сост. на 07.03.2023).

⁵ В научной литературе высказываются различные мнения о наличии в правах на нематериальные блага положительных правомочий [7].

смешение этого права с обычным абсолютным правом. Последнее всегда выражает интерес к установлению границ для третьих лиц по доступу к какому-либо благу, изначально открытого к присвоению — к вещи, к использованию уникальных произведений умственного труда и промышленной собственности, к репутации. Но, как и любое абсолютное право, право на личное пространство должно иметь границы, заданные не в силу его природы (такие границы исключают), но правами и интересами третьих лиц — помимо ограничений, неизбежно налагаемых публичным правопорядком. Таким образом, когда интерес в личном пространстве, сталкиваясь с любыми встречными интересами, в том числе и с правами на личное пространство других лиц, терпит стеснения, это означает не то, что та область, на которую он перестал распространяться, по своей природе открыта к апроприации, но лишь то, что интерес в личном пространстве и выражающее его право вынуждены уступить преобладающему, по убеждению суда, встречному интересу любой природы. Точно так же интерес собственника недвижимой вещи в ее использовании — будь то интерес в открывающемся виде¹, в выращивании сельскохозяйственных культур или же в перестройке — может быть ограничен преобладающими, по мнению суда, интересами собственника соседского участка или же обладателя исключительного права на интеллектуальную собственность, выраженного в объекте права первого собственника; но от этого интерес, которым придется поступиться, не поменяет своей природы. Очевидно, что компромисс с противостоящими правомерными интересами, следствием которого становится утрата части личного пространства, достигается только одним средством — нахождением судом баланса интересов путем сопоставления сравнительной субъективной ценности благ, утрачиваемых одной стороной и приобретаемых другой [4, с. 26]. Так, нет сомнений, что в ситуации с писательницей Ш. правосудное решение может быть вынесено только с учетом, наряду с другими соображениями, времени, в течение которого та и другая сторона проживала в соответствующих жилых помещениях, поскольку с этим обстоятельством напрямую связана ценность их интересов в своих личных пространствах. Нельзя не обратить внимание на то, что старшинство образования интересов должно будет учтено судом и при разрешении споров собственников соседских участков.

Описываемое юридическое явление сходно с тем, что в цивилистике традиционно именуют правом на собственное действие. Сторонники такого воззрения полагают [6, с. 17], что пребывающий в общедозволительном поле интерес охватывается субъективным правом наряду с тем интересом, что охраняется против посягательств третьих лиц; ввиду того, что интересы третьих лиц не могут простираться на область интереса в личном пространстве исходя из предложенного выше понятия, можно было бы указать на то, что интересу в личном пространстве тоже не противостоит какое-либо долженствование третьих лиц воздерживаться от его нарушений. Отрицая реальность права вне долженствования, автор не признает и «право на собственное действие» [4, с. 14]. В гражданском праве внеправовая реальность по умолчанию пребывает в поле общей дозволенности. И если бы обсуждаемые интересы пребывали в этом поле, отрицание «права на собственное действие» делало бы предлагаемую теорию бессмысленной. Однако, как было показано, закон не распространяет на них режим, которого придерживается по умолчанию.

4. Защита личного права и деликтная ответственность

Система мер защиты и ответственности применительно к нарушению единого личного права ждет самостоятельного исследования. В нашей работе эта тема будет представлена краткими тезисами.

Во-первых, введение единого права не должно привести к исключению из закона ныне предусмотренных им правил об охране и защите отдельных нематериальных благ и препятствовать введению новых подобных положений с ясным, однако, указанием на то, что составляющие их нормы являются специальными по отношению к общей норме об охране и защите личного пространства, каковая, как следствие, будет применяться субсидиарно к отношениям, подпадающим под специальные случаи охраны. Во-вторых, легальное признание единого личного права должно сопровождаться оговоркой о том, что оно не охраняется в предусмотренных законом случаях. Здесь же следует указать на наиболее очевидное изъятие — осуществление вторжения в личное пространство в общественно-значимых целях,

¹ С учетом того, что ни отрицательный сервитут вида, ни соседское право российскому законодательству неизвестны.

с уже признанными доктриной пределами этого ограничения. В-третьих, компенсационная ответственность за причиненный нарушением моральный вред должна наступать в соответствии с действующими нормами деликтного права (§ 4 гл. 59), т. е. по общему правилу, при наличии вины, но с предлагаемыми в доктрине ограничениями [10] — например, ответственность за достоверную диффамацию должна наступать только при наличии умысла [5, с. 8; 7].

5. Ответы на возможные возражения

Предложению закрепить единое право на личное пространство в ГК могут быть противопоставлены следующие соображения.

Во-первых, если такой охраны гражданское право до сих пор не знает, не есть ли это самодостаточный повод предположить существенные причины, по которым такое предложение ранее отводилось?

Этот скептицизм может быть обоснован и ссылкой на отсутствие такой охраны, во всяком случае в безоговорочном и полном виде, во многих, в том числе наиболее влиятельных законодательствах. Впрочем, есть и противоположный пример: в ст. 28 ГК Швейцарии закреплено право гражданина противодействовать любому вмешательству в личные дела, а еще ранее в Законе об обязательственном праве (нынешняя ст. 49) за такие нарушения была предусмотрена ответственность в виде компенсации, правда только в случае «серьезных» посягательств.

В отсутствие прямого легального закрепления единое личное право может быть признано правопорядком в целом — как иными нормами законодательства, так и решениями высших судов. Вопреки встречающимся указаниям германская правовая традиция не привела к торжеству «известной научной концепции» [1, с. 555] — праву на охрану всех проявлений индивидуальности, хотя из кантианских корней этой традиции возник закон, предоставляющий монистическую охрану любым интересам автора произведений литературы, науки и искусства [3]. Предложение Гирке и Колера о включении в ГГУ единого права личности было отвергнуто [11, с. 485]. Более того, ст. 823 ГГУ не образует генерального деликта. Однако после Второй мировой войны практика немецких судов привела к признанию общего характера личного права, прежде всего за счет квалификации его как «иного права», упомянутого в ст. 823 [11, с. 488; 7, с. 81]. Во Франции с 1970 г. признается право на уважение частной жизни (абз. 1 ст. 9 ФГК); ранее были предусмотрены меры его защиты средствами деликтного права (ст. 1382, ст. 1383 ФГК, ныне ст. 1240 и ст. 1241), построенного по модели генерального деликта. В США имеется доктрина единого *right of privacy*, восходящая к знаменитой статье в гарвардском журнале, опубликованной в 1890 г. [13].

Представляется, что отсутствие прямого легального признания личного пространства в юрисдикциях позитивного законодательства объясняется временем появлений кодификаций. Будучи имущественным по происхождению, гражданское право осторожно осваивало отдельные участки личностных границ. Но дело не только в этом.

Россия готова к закреплению единого права на личное пространство в гражданском законодательстве, и как раз постольку, поскольку существует и нуждается в защите интерес в таком едином личном праве. Важнейшей причиной генерации этого интереса является развитие городской среды, в которой проживает подавляющая часть общества [2, с. 26]. Становление гражданско-правовой охраны личности уже движется в нашей стране к целостному, единому праву. Личное пространство разбивается законодателем на частные сегменты поэтапно, но в том значении, в каком «разбивается парк», — направляясь к единству этих контуров. Накопление и освоение не нужно тому, кому принадлежит вся территория. И в тот момент, когда предстоит сделать решающий шаг, не стоит оглядываться и смотреть по сторонам.

Во-вторых, интерес в охране личного пространства может быть перемещен в поле дозволительности. Перевод в режим умолчания выносит решение о целесообразности охраны на основании легального режима на суд времени. Не более ли это разумно, чем немедленное законодательное признание? Такая мера позволила бы оценить истинный уровень потребности в охране этого интереса. Для того чтобы нелегитимированный интерес, выраженный в частной воле, был обеспечен защитой, нужно оценить, как соприкасается этот интерес со встречным интересом. И если в договорных отношениях

встречные интересы контрагентов сами по себе становятся средством взаимной легитимации, поскольку выражены в идентичной воле по согласованию условий сделки, то в иных частных правоотношениях обретению юридической силы заявляемым к защите нелегитимированным интересам предшествует его объективная оценка, выполняемая судом относительно интереса другой стороны спора. И только при наличии признаков достаточной устойчивости интерес освобождается от необходимости предметной субстантивации *ad hoc* посредством закрепления в нормах позитивного частного права. Более того, распространение на обсуждаемые интересы режима дозволения позволило бы оценить способность судов к предоставлению защиты любым, в том числе неожиданным для них интересам.

И тем не менее применение режима дозвоительности видится неэффективным решением. Неслучайно модельная ситуация, представленная в начале этого исследования, касается защиты неординарного интереса — в соблюдении тишины в дневное время. Неразумно ожидать, что суды будут готовы предоставлять защиту такого рода интересу в условиях отмены ограничений, предусмотренных ныне п. 2 ст. 150. Дозвоительность по отношению к благам, делимость которых по определению бесконечна, всегда будет мучительным испытанием для правоприменителя, причем в обратной пропорции эффективности судебной системы.

С введением любого ценза экзотичности претендующего на охрану интереса, режим дозвоительности утрачивает смысл. И вместе с тем этот режим порождает другую проблему: на каком основании суд будет отказывать в удовлетворении подобного требования? Если его защита дозволена по умолчанию и нет оснований полагать, что противостоящий интерес обладает большей весомостью, то действия по защите интереса не являются злоупотреблением правом. И более того, по сравнению с осуществлением защиты легального поименованного права квалификация защиты интереса, пребывающего в режиме дозвоительности, как злоупотребления правом, очевидно, является более затруднительной. Последнее соображение подводит нас к необходимости кратко обобщить преимущества легального режима охраны личного пространства единым личным правом.

6. Преимущества легального режима

Значение закрепления охраны личного пространства гражданина в гражданском законодательстве идет дальше простого устранения колебаний относительно его охраноспособности. Как было показано, суды теряют возможность отказывать в защите охраняемых в силу этого единого права личных интересов, которые при общедозвоительном режиме защиты могли бы показаться им «чересчур» экстравагантными. Но этим польза от предлагаемого решения не исчерпывается.

Легальная формула права позволит установить некоторые его квалифицирующие признаки, помимо тех, что встроены в родовое понятие права на личное пространство, каковое, напомним, охватывает область интересов, направленных на блага, в силу своей природы неспособных быть объектом интереса других лиц. Так, нельзя исключить, что в эту формулу будет включен в соответствии с обычно применяемой техникой смысловой категориальный ряд; в таком ряду могли бы быть названы имущественные и репутационные интересы. И все же автор предпочел бы увидеть отрицательное определение права на личное пространство (см. разд. 3).

Легальный режим помог бы судам избежать исследования правоосуществления на предмет злоупотребления правом¹, поскольку, по крайней мере, позволяет отсечь правоосуществление, если оно не соответствует указанным в законе предикатам². При этом, разумеется, как и при защите любого абсолютного права, суды, опираясь на общую норму о противодействии злоупотреблению правом, всегда смогут отказывать в защите требований, которые не нарушают границы права (в том числе с учетом изложенных выше гипотетических ограничений) и предъявлены в защиту интереса, имеющего меньший

¹ В теории злоупотребления правом, разработанной автором этой статьи, способ тестирования действий по защите права, как и вообще в двусторонних отношениях, на признаки злоупотребления правом именуется «относительным стандартом» (в отличие от «абсолютного стандарта», применимого к абсолютным правоотношениям) [4].

² В теории автора — минимальным вмененным значениям интереса [Там же].

вес, чем противостоящий интерес ответчика и третьих лиц (включая и публичный интерес). В частности, легальный режим права на личное пространство смог бы стать заслоном для инсинуаций в духе так называемой «новой этики», неолиберального догмата, не имеющего ничего общего ни с охраной личного пространства, ни тем более с нравственностью.

Но для того, чтобы знать, как соотносится правоосуществление с границами права, необходимо «учредить» категорию как юридическое понятие. Свой вклад, конечно, внесут и накапливаемая практика, и широкая теоретическая дискуссия, которая неминуемо развернется после того, как будет принято предлагаемое решение.

7. Заключение

Перед нами два пути.

Первый — это тот, по которому ныне идет российский законодатель: дискретная охрана по методу «разбиения парка». Но дальнейшее дробление будет все более настойчиво создавать контур для общей парадигмы, охватывающей признаки этих сегментов. Второй путь — признать эту «территорию» уже сейчас.

В завершение хотелось бы высказать предположение публично-правового свойства, не претендующее на статус защищаемых в работе научных идей, которые относятся исключительно к частному праву, и тем не менее тесно с ними связанное. По мнению автора, выход нашей страны из Совета Европы и обусловленных членством в этой организации конвенций¹ должен закончить период не только юрисдикционной, но и доктринальной зависимости от так называемых «прав человека» — кодифицированной в гегемонистских целях естественно-правовой идеи, подменяющей как моральный императив, нравственную основу всего человечества, так и бесконечность цивилизационных и культурных различий. Не сможет ли закрепление в российском гражданском законодательстве единого права на охрану личных интересов стать ступенью к переосмыслению конституционной концепции охраны прав личности?

Литература

1. Андропов В. В., Беляев К. П., Гонгало Б. М. [и др.]. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2012. 1328 с.
2. Вольфсон В. Л. Демаркация частности: эволюция частного права в городской среде // Свет и тени большого города: правонарушения в городской среде в междисциплинарном изучении: сб. статей по материалам научно-практической конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 07.04.2020 / отв. ред. А. Л. Рогачевский. СПб. : СПбГЭУ, 2020. С. 25–27.
3. Вольфсон В. Л. Моральные (личные неимущественные) права автора и их содержание в странах общего права и странах континентальной системы : дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 217 с.
4. Вольфсон В. Л. Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве. М. : Проспект, 2017. 144 с.
5. Иваненко Ю. Г. Актуальные вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 224 с.
6. Малеина М. Н. Содержание и осуществление личных неимущественных прав граждан: проблемы теории и законодательства // Государство и право. 2000. № 2. С. 16–21. EDN: TQGIQX
7. Мужанова В. А. О положительном содержании субъективного гражданского права на нематериальные блага // Сибирский юридический вестник. 2011. № 4 (55). С. 77–82. EDN: OKJCSV
8. Невзгодина Е. Л., Парыгина Н. Н. Диффамация как правовая категория // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 2 (47). С. 86–94. EDN: WMRSMD
9. Самородов Д. А. Честь и достоинство по российскому гражданскому праву: социальные основы и правовая характеристика : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 179 с.

¹ В соответствии со ст. 7 Федерального закона от 11.06.2022 №183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», постановления ЕСПЧ, вступившие в силу после 15 марта 2022 г., не подлежат исполнению в Российской Федерации; все соглашения Совета Европы автоматически прекратили свое действие для Российской Федерации на следующий день после выхода из организации, что было зафиксировано Федеральным законом от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы».

10. Свинцова М. В. Противодействие диффамации по российскому гражданскому законодательству. М. : Юстицинформ, 2013. 84 с.
11. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т. Том I. Основы / пер. с нем. Ю. М. Юмашевой. М. : Международные отношения, 2000. 480 с.
12. Шмаков В. Н. К вопросу о содержании гражданско-правового института защиты профессиональных чести, достоинства и репутации сотрудников полиции по действующему российскому законодательству // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 3 (36). С. 183–189. EDN: WLWPTP
13. Warren Samuel D., Brandeis Louis D. The Right to Privacy 4 // Harv L. Rev. Vol. 4. No. 5 (Dec. 15, 1890). P. 193–220.

Об авторе:

Вольфсон Владимир Леонович, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук;
e-mail: vwolfson@mail.ru

References

1. Andropov V. V., Belyaev K. P., Gongalo B. M. [et al.] Article-by-Article Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, Part I / ed. by P. V. Krashennnikov. Moscow. 2012. (In Rus.)
2. Vol'fson V. L. Demarcation of the Privacy: the Private Law Evolution in the Urban Milieu. Light and Shadow of a Big City: Urban Milieu Offences in Inter-disciplinary Studies. Coll. of articles based on the materials of the international scientific-practical conference, ed. by A. L. Rogachevsky. Saint Petersburg. 2020. P. 25–27. (In Rus.)
3. Vol'fson V. L. Moral (Personal Non-Property) Rights of the Author and Their Content in Common Law and Continental System Countries: Cand. of Sci, thesis. Saint Petersburg, 2006. (In Rus.)
4. Vol'fson V. L. Counteraction to Abuse of Right in Russian Civil Legislation, Moscow. 2017. (In Rus.)
5. Ivanenko Yu. G. Legal Defense of Honor, Dignity, and Business Reputation of Persons and Legal Bodies: Current Issues: Cand. of Sci. thesis. Moscow, 1998. (In Rus.)
6. Maleina M. N. Substance and Execution of Personal Non-Property Rights: Issues of Theory and Legislation // The State and the Law [Gosudarstvo i pravo]. 2000. No. 2. P. 16–21. (In Rus.) EDN: TQGJQX
7. Muzhanova V. A. On the Positive Substance of the Subjective Civil Personality Right // Siberian Legal Bulletin [Sibirskiy yuridicheskiy vestnik]. 2011. No. 4 (55): P. 77–82. (In Rus.) EDN: OKJCSV
8. Nevzgodina E. L., Parygina N. N. Defamation as a Legal Notion // Bulletin of Omsk University [Vestnik Omskogo universiteta]. Series: Law. 2016. No. 2 (47). P. 86–94. (In Rus.) EDN: WMRSMD
9. Samorodov D. A. Honor and Dignity in the Russian Civil Law: Social Background and Legal Features: Cand. of Sci. thesis. Moscow, 2005. (In Rus.)
10. Svintsova M. V. Counteraction to Defamation in the Russian Civil Legislation. Moscow. 2013. (In Rus.)
11. Tsvaigert K., Ketts Kh. Introduction to the Comparative Legal Studies: in 2 vols. Vol. 1. Moscow. 2000. (In Rus.)
12. Shmakov V. N. To the Question about the Content of Civil Legal Institution of Protection of Professional Honor, Dignity and Reputation of the Police Officers in the Applicable Russian Legislation // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia [Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii]. 2016. No. 3 (36). P. 183–189. (In Rus.) EDN: WLWPTP
13. Warren Samuel D., Brandeis Louis D. The Right to Privacy 4 // Harv L. Rev. Vol. 4. No. 5 (Dec. 15, 1890). P. 193–220.

About the author:

Vladimir L. Volfson, Associate Professor of the Department of Law of North-West Institute of Management, branch of RANEPa, Saint Petersburg, Russian Federation, PhD in Jurisprudence;
e-mail: vwolfson@mail.ru

Актуальные вопросы международно-правового регулирования применения беспилотных технологий на железнодорожном транспорте в рамках ЕАЭС

Дроздова М. А.

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: drozdova@pgups.ru

ORCID: 0000-0001-9691-0575

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование направлено на изучение актуальных тенденций развития международно-правового регулирования применения беспилотных технологий на железнодорожном транспорте, связанных с внедрением цифровых сервисов и технологий Индустрии 4.0 как в транспортно-логистическую экосистему России, так и в региональные международные транспортные системы.

Цель. Определить уровень разработанности и эффективности существующего массива нормативно-правовых норм, регламентирующих применение беспилотных технологий на железнодорожном транспорте в рамках ЕАЭС.

Задачи. Анализ существующего массива нормативно-правовых актов, регламентирующих указанную сферу, выявление лакун в существующей регламентации беспилотных технологий на железнодорожном транспорте.

Методология. В настоящей работе с помощью метода сравнительно-правового анализа и формально-юридического метода поведен анализ существующего правового регулирования применения беспилотных технологий на железнодорожном транспорте в рамках ЕАЭС, определены существующие пробелы в законодательстве и указаны основные направления его развития для создания нормативной базы, позволяющей эффективно регулировать внедрение и эксплуатацию беспилотных технологий на железных дорогах Евразийского экономического союза.

Результаты. Исследование показало, что в настоящее время правовая регламентация беспилотных технологий на железнодорожном транспорте находится на начальном этапе развития. Существующая нормативная база регламентирует автоматизированные и дистанционные технологии управления железнодорожным транспортом в недостаточной мере, в то время как уровень развития технологий в железнодорожной сфере позволяет внедрять беспилотные локомотивы для повышения уровня конкурентоспособности отрасли. С учетом происходящих интеграционных процессов и высокого уровня сопряженности транспортно-логистических систем стран — участниц ЕАЭС разработка единого правового регулирования использования беспилотных технологий на железной дороге должна происходить на международном уровне в рамках Евразийского экономического союза. Тем более что технические регламенты, определяющие требования к безопасной эксплуатации подвижного состава и железнодорожной инфраструктуры, в настоящее время разрабатываются и действуют на уровне ЕАЭС. Опыт создания единого подхода к техническим требованиям в отрасли является позитивной основой для формирования регламентирования внедрения инноваций, отвечающих уровню технологического уклада Индустрии 4.0.

Выводы. Основными направлениями развития правовой регламентации применения беспилотных технологий должны стать обеспечение безопасности применения беспилотных технологий путем установления критериев к их оценке, системы тестирования и сертификации, а также разработка

принципов ответственности за ущерб, причиненный жизни, здоровью и имуществу третьих лиц в процессе перевозки, связанный с ошибкой, неисправностью или несовершенством такого рода технологий.

Ключевые слова: международное право, беспилотный транспорт, цифровизация, международное транспортное право, безлюдные технологии, регулирование беспилотных технологий, цифровые технологии, ЕАЭС, евразийская интеграция

Для цитирования: Дроздова М. А. Актуальные вопросы международно-правового регулирования применения беспилотных технологий на железнодорожном транспорте в рамках ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 2. С. 102–110. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-102-110>

Current Issues of International Legal Regulation of the Use of Unmanned Technologies in Railway Transport within the EAEU

Maria A. Drozdova

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: drozdova@pgups.ru

ORCID: 0000-0001-9691-0575

ABSTRACT

This study is aimed to determine current trends in the development of international legal regulation of the use of unmanned technologies in rail transport related to the implementation of digital services and technologies of Industry 4.0 both in the transport and logistics ecosystem of Russia and in the regional international transport systems.

Aim. To determine the level of development and effectiveness of the existing set of regulations governing the use of unmanned technologies in rail transport within the EAEU.

Tasks. To analyze the existing body of normative legal acts regulating the specified sphere, to identify gaps in the existing regulation of unmanned technologies in the railway transport.

Methods. Using the method of comparative legal analysis and the formal-legal method, this paper analyzes the existing legal regulation of unmanned technologies in rail transport within the EAEU, identifies the gaps in legislation and indicates the main directions of its development to create a regulatory framework that allows the effective regulation of the introduction and operation of unmanned technologies on the railroads of the Eurasian Economic Union.

Results. The study showed that at present the legal regulation of unmanned technologies in the railway transport is at the initial stage of development. The existing regulatory framework regulates automated and remote control technologies for railroad transport is insufficient, while the level of technology development in the railway sphere allows the introduction of unmanned locomotives to improve the level of competitiveness of the industry. Given the ongoing integration processes and the high level of interconnection between the transport and logistics systems of the EAEU member states, the development of a unified legal regulation of the use of unmanned technologies on the railroad should take place at the international level within the framework of the Eurasian Economic Union. All the more so because technical regulations defining the requirements for the safe operation of rolling stock and railway infrastructure are currently being developed and implemented at the level of the EAEU. The experience of creating a unified approach to technical requirements in the industry is a positive basis for the formation of regulations for the introduction of innovations that meet the level of the technological mode of Industry 4.0.

Conclusion. The main directions for the development of legal regulation of the use of unmanned technologies should be to ensure the safety of the use of unmanned technologies by establishing

criteria for their evaluation, testing and certification systems, as well as developing principles of liability for damage caused to life, health and property of third parties in the transportation process due to error, malfunction or imperfection of this kind of technology.

Keywords: international law, unmanned transport, digitalization, international transport law, unmanned technologies, regulation of unmanned technologies, digital technologies, EAEC, Eurasian integration

For citation: Drozdova M. A. Current Issues of International Legal Regulation of the Use of Unmanned Technologies in Railway Transport within the EAEU // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 102–110. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-102-110>

Введение

Развитие процесса цифровизации всех отраслей экономики постоянно расширяет сферу применения технологий Индустрии 4.0: искусственного интеллекта (ИИ), интернета вещей (IoT), машинного обучения и обработки больших данных. Многие производственные процессы на железнодорожном транспорте не просто автоматизируются, а получают более технически сложную и зрелую цифровую альтернативу. В транспортно-логистической сфере значительное развитие получили беспилотные технологии (рис. 1). Так, например, российская компания «Яндекс» с 2015 г. занимается разработкой беспилотного автомобиля. Во время испытаний его тестовая версия проехала 780 км, из которых 99% пути двигалась без присутствия человека.

В современных автомобилях, поездах и самолетах уже существуют функции, полностью управляющие транспортным средством, такие как: контроль полос, автопилот и круиз-контроль. С помощью последних транспортное средство может самостоятельно управлять разгоном, торможением и движением в своей полосе, но требует контроля от водителя.

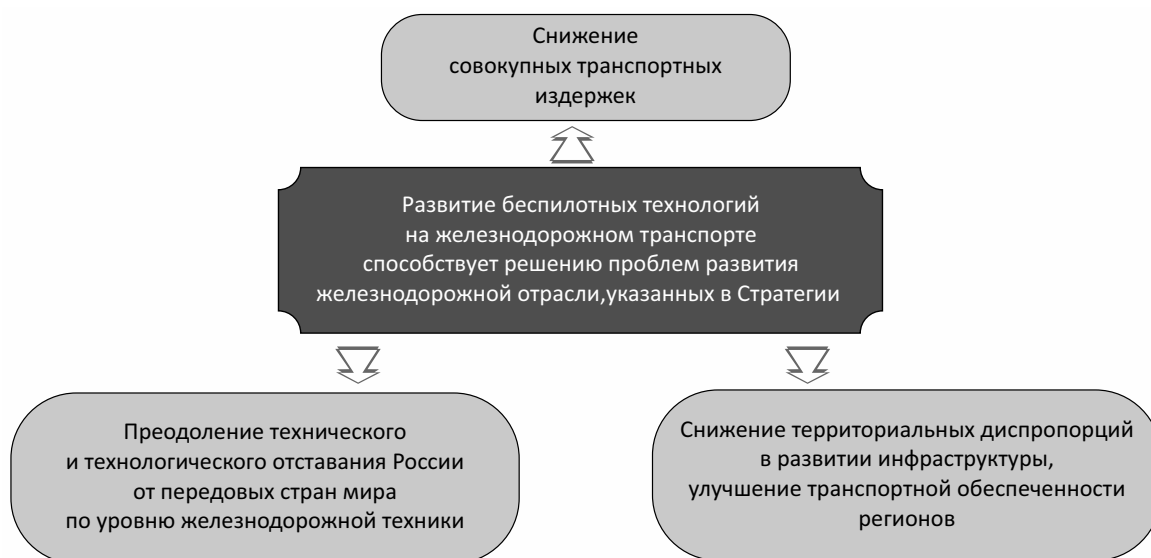

Рис. 1. Задачи стратегии развития железнодорожного транспорта РФ, решаемые с помощью внедрения цифровых технологий

Fig. 1. Objectives of the strategy for the development of the railway transport of the Russian Federation, solved by the introduction of digital technology

Источник: составлено автором¹

¹ Стратегия развития железнодорожного транспорта в РФ до 2030 года [Электронный ресурс] // Минтранс России (сайт). URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/1/1010?ysclid=lf9gz7gxu43298407> (дата обращения: 25.04.2023).

Правовое регулирование применения беспилотных технологий на железнодорожном транспорте в национальном законодательстве России, Беларуси, Казахстана

В настоящее время в России правовое регулирование применения беспилотных технологий на автомобильном транспорте получило значительное развитие. Так, Постановлением Правительства РФ от 26 ноября 2018 г. № 1415¹ регламентируется экспериментальный порядок применения указанных технологий на дорогах г. Москвы, Республики Татарстан, г. Санкт-Петербурга и еще десяти субъектов РФ с 2018 по 2022 гг. Значимым достижением документа является разработка понятийного аппарата для указанной сферы регулирования. Так, в нем раскрываются понятия «высокоавтоматизированное транспортное средство», «автоматизированная система вождения», «автоматизированный режим управления».

В сфере железнодорожного транспорта в России уже несколько лет ведется разработка и тестирование беспилотных технологий дочерней компанией ОАО «РЖД» — АО «НИИАС». В 2022 г. Росстандарт утвердил ГОСТ Р 70059-2022² к функциональным требованиям беспилотных систем управления пригородными поездами. В нем даются определения терминам, используемым при функционировании беспилотных железнодорожных технологий (рис. 2). Также документ содержит классификацию уровней автоматизации систем управления железнодорожным транспортом (УА0–УА4), из которых только уровень УА4 предполагает использование безлюдных технологий. ГОСТ Р устанавливает основные требования к работе, в том числе и беспилотных технологий, указывая, что их детализация согласовывается с владельцем инфраструктуры при проектировании подобных систем.

Ведущими трендами в сфере разработки цифровых технологий для транспорта являются:

- рост сферы разработки программного обеспечения (ПО) и операционных систем (ОС) для функционирования беспилотного транспорта;
- рост числа разработок в сфере создания системы управления безопасностью на транспорте.

В 2024 г. планируется запуск беспилотных электропоездов «Ласточка» на Московском центральном кольце (МЦК). Для реализации проекта запуска поезда с искусственным интеллектом разработчики ряд сложнейших задач, с которыми раньше справлялся машинист, заменили программно-аппаратным комплексом. Для бесперебойной и безаварийной работы беспилотных поездов были внедрены следующие системы: система контроля посадки и высадки пассажиров на платформе, стационарный комплекс обнаружения препятствий, системы цифрового зрения, контроля блокировки дверей, дистанционного управления питанием, криптографической защиты информации, видеонаблюдения.

Значимым шагом на пути развития беспилотного железнодорожного транспорта стало создание АО «Российские космические системы» платформы для управления беспилотными поездами через ГЛОНАСС. Отвечающая потребностям времени и актуальному технологическому укладу информационно-телекоммуникационная инфраструктура необходима для обеспечения работы цифровых сервисов и своевременного поступления актуальной информации об окружающей среде. Также важным аспектом остается необходимость разработки методологии и практических методов решения задач обеспечения безопасности при использовании беспилотных технологий на транспорте.

Однако для эффективной работы технологий такого высокого уровня автоматизации необходима разработка не только детальной технической регламентации, но и правового базиса для обеспечения вопросов безопасности и регулирования ответственности.

Следует отметить, что в рамках обеспечения функционирования беспилотной системы движения поездов используются различные технологии Индустрии 4.0 [1; 2; 3; 4; 5]. Так, во время движения транспортное средство для эффективной работы должно накапливать и обрабатывать информацию о скорости и направлении движения других транспортных средств и стационарных объектах. Для этого применяются

¹ О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств : постановление Правительства РФ от 26 ноября 2018 г. № 1415 [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.Ру» URL: <https://base.garant.ru/72113462/?ysclid=lgxpryvkrrw454796246> (дата обращения: 20.03.2023).

² ГОСТ Р 70059-2022 «Системы управления и контроля железнодорожного транспорта для перевозок пассажиров в пригородном сообщении. Принципы построения и основные функциональные требования» [Электронный ресурс]. URL: <https://files.stroyinf.ru/Data/777/77713.pdf?ysclid=lf57beesnk363871680> (дата обращения: 20.03.2023).

технологии Internet of Things (IoT) и Big data. Безусловно, в автономную систему обеспечения движения поездов встроены алгоритмы технологий искусственного интеллекта. Таким образом, развитие железнодорожного транспорта в условиях цифровизации и перехода к новому технологическому укладу должно происходить в рамках применения тех достижений науки и техники, которые повышают его конкурентоспособность. Поэтому для эффективного функционирования подобных технологий необходимо не просто точечное дополнение существующих лаку в законодательстве, а создание комплексного правового регламентирования использования и функционирования технологий Индустрии 4.0. В условиях интенсификации, регионального сотрудничества в рамках, например, ЕАЭС и АТР и деглобализационных процессов, происходящих на мировом уровне, разработка законодательства о беспилотных технологиях, стандартах обеспечения кибербезопасности, электронного документооборота должна вестись на трансгосударственном уровне.

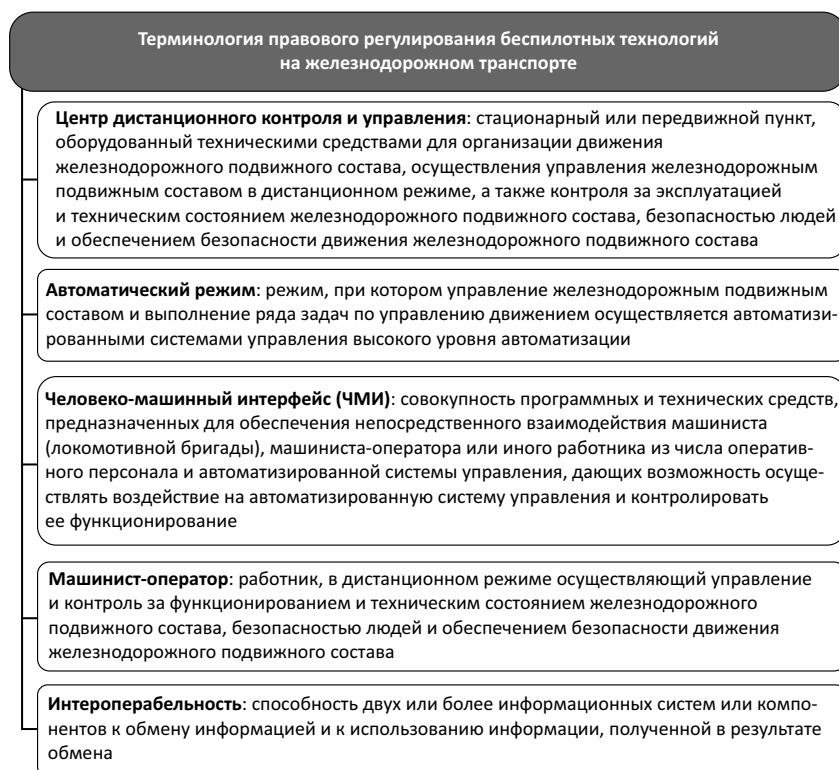

Рис. 2. Терминология ГОСТ Р 70059-2022 в сфере беспилотных железнодорожных технологий

Fig. 2. Terminology of GOST R 70059-2022 in the field of unmanned railway technology

Источник: составлено автором

В Беларуси правовая регламентация функционирования беспилотного транспорта находится на начальном этапе. Так, в действующем постановлении Совета министров «О порядке функционирования интеллектуальных транспортных систем» указывается, что одной из основных задач интеллектуальных транспортных систем на автомобильном транспорте является обеспечение условий для внедрения полностью автоматизированных (беспилотных) транспортных средств¹. Одной из целей государственной программы инновационного развития Беларуси до 2025 г.² является создание и развитие новых высоко-

¹ О порядке функционирования интеллектуальных транспортных систем [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 25 окт. 2022 г., No 724 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

² О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. : указ Президента Респ. Беларусь, 15 сент. 2021 г., No 348 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2022. No 381. 1/20586.

технологичных отраслей экономики, включая производство электротранспорта (в том числе беспилотного). Вопросы применения беспилотных технологий на железнодорожном транспорте оставлены законодателем без должного внимания.

В Казахстане в 2020 г. были приняты правила эксплуатации беспилотных летательных аппаратов (БЛА)¹. Документ содержит основные термины и определения, используемые в сфере применения БЛА, категорирование операций с БЛА и определяет порядок их использования. Документ мог бы стать образцом для создания правил применения беспилотных технологий на железнодорожном транспорте. В настоящее время в Казахстане действуют Правила технической эксплуатации железнодорожного транспорта 2015 г.², в которых вопросы возможности применения дистанционных или автоматизированных (беспилотных) технологий не регламентируются.

Правовое регулирование беспилотных технологий на железнодорожном транспорте в рамках ЕАЭС

Гармонизация технической документации в рамках ЕАЭС представляется первостепенной задачей, поскольку цифровизация транспортно-логистической отрасли является одним из ведущих трендов и основным способом повышения ее эффективности и снижения доли логистических издержек в цене внешнеторговых операций. Так, в Стратегии развития железнодорожного транспорта до 2030 г. указывается: «Для реализации направления по внедрению высокоавтоматизированных и беспилотных транспортных средств предполагается доработка существующей нормативно-правовой базы, регулирующей их эксплуатацию на уровне Организации Объединенных Наций и ее рабочих органов, а также на уровне Евразийского экономического союза и законодательства Российской Федерации»³.

Однако в настоящее время в рамках ЕАЭС действует Технический регламент Таможенного союза (ТР ТС) 003/2011⁴, в котором вопросы обеспечения безопасности инфраструктуры на железнодорожном транспорте с применением беспилотных технологий фактически не регулируются. ТР ТС 001/2011⁵, устанавливающий требования к обеспечению безопасности локомотивов, моторвагонного подвижного состава и его вагонов, пассажирских вагонов локомотивной тяги, грузовых вагонов, а также специального железнодорожного подвижного состава, не содержит регламентации технических требований к беспилотным технологиям, внедряемым на железной дороге. Те же пробелы присущи и ТР ТС 002/2011, регламентирующему безопасность высокоскоростного железнодорожного транспорта.

Таким образом, с учетом процесса интеграции транспортных систем государств ЕАЭС для эффективного внедрения беспилотных технологий в железнодорожную экосистему государств-участников необходима доработка и унификация ТР ТС, регламентирующих указанную сферу.

Унификация национальных законодательств должны быть направлена на решение следующих задач:

- предотвращение возможности перехвата и подмены сигналов управления беспилотным поездом;
- создание системы постоянного обмена информацией со службой управления (диспетчерской службой);
- создание и обеспечение безопасной работы защищенных каналов связи для приема и передачи данных;

¹ Правила эксплуатации беспилотных летательных аппаратов в воздушном пространстве Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Адilet. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000022031> (дата обращения: 25.04.2023).

² Правила технической эксплуатации железнодорожного транспорта в республике Казахстан [Электронный ресурс] // Адilet. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500011897> (дата обращения: 25.04.2023).

³ Стратегия развития железнодорожного транспорта в РФ до 2030 года [Электронный ресурс] // Минтранс России (сайт). URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/1/1010?ysclid=ifs9gz7gxu43298407> (дата обращения: 25.04.2023).

⁴ ТР ТС 003/2011 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов (сайт). URL: <https://docs.cntd.ru/document/902293439?ysclid=ifs8itblz4699957129> (дата обращения: 29.03.2023).

⁵ ТР ТС 001/2011 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ (сайт). URL: https://sudact.ru/law/reshenie-komissii-tamozhennogo-soiuza-ot-15072011-n_4/tr-ts-0012011_1/?ysclid=lfctgqjdr644702324 (дата обращения: 29.03.2023).

- регламентация процедуры получения необходимых разрешений и сертификатов для работы не только на территории РФ, но и ЕАЭС и Китая;
- разработка системы стандартов и субсидирование затрат на тестирование беспилотных технологий.

При этом необходимость разработки специальных правил для регулирования вопросов возмещения ущерба для окружающих владельцем беспилотных технологий на железнодорожном транспорте представляется излишней. Ст. 1079 ГК РФ регламентирует вопросы возмещения вреда, причиненного источником повышенной опасности, к каковым можно отнести и безлюдные технологии на транспорте. Вопросы сертификации производителей программного и серверного обеспечения для беспилотных технологий, требований, предъявляемых к проверке безопасности их функционирования и т. п., подлежат детальной регламентации на уровне ЕАЭС.

В 2022 г. были приняты новые Правила технической эксплуатации железных дорог Российской Федерации (ПТЭ)¹, в которых регламентируются отдельные вопросы применения беспилотных технологий. В новой редакции, однако, содержится лишь одна статья, касающаяся эксплуатации беспилотных поездов.

Так, в ст. 162 ПТЭ предусматривается возможность эксплуатации локомотивов и мотор-вагонного подвижного состава с применением беспилотных технологий (в автоматическом и/или дистанционном режиме). При этом указывается, что их эксплуатация допускается на железнодорожных путях необщего пользования (т. е., например, на инфраструктуре частных компаний) в соответствии с локальными актами владельца инфраструктуры. Таким образом, применение беспилотных технологий на железной дороге общего пользования пока не регламентируется. При этом следует отметить, что термин «беспилотные технологии» в ПТЭ не используется, что представляется его недостатком, поскольку терминология должна отражать как актуальные достижения науки и техники, так и принятую для их обозначения терминологию.

Далее в ПТЭ указывается, что локомотивы и мотор-вагонный подвижной состав, в котором применяются автономные системы управления, должны, с одной стороны, отвечать требованиям ТР ТС 001/2011, а с другой — требованиям локальных актов владельцев подвижного состава. Таким образом, единых требований к использованию подобного рода технологии фактически не разработано.

При этом в ПТЭ ответственность за надежную работу систем автоматического и/или дистанционного управления несет разработчик и производитель этих систем. Данное положение представляется не соответствующим нормам ГК РФ, поскольку в случае причинения вреда третьим лицам, например физическим, потерпевший имеет право предъявить требование о возмещении вреда и к владельцу источника повышенной опасности. А тот в порядке регресса сможет предъявлять требования к разработчикам и производителям автономных и/или дистанционных систем управления.

Также представляется уместным использовать опыт регламентации эксплуатации беспилотного транспорта, установив на определенный закон тестовый порядок применения беспилотных технологий на железнодорожном транспорте.

В настоящее время основным документом, регламентирующим трансграничное железнодорожное сообщение в рамках ЕАЭС, является Порядок регулирования доступа к услугам железнодорожного транспорта, включая основы тарифной политики². В указанном документе определяются правила доступа перевозчика на инфраструктуру другого члена ЕАЭС, порядок взаимодействия оператора инфраструктуры и перевозчика, их права и обязанности и основные условия договора между ними. При этом вопросы возможности эксплуатации локомотивов с дистанционным и/или автономным управлением, как и иные вопросы технической эксплуатации, в них практически не затрагиваются. Существующая единая система технических регламентов, действующая в рамках ЕАЭС, позволяет унифицировать технические требования к эксплуатации железнодорожной инфраструктуры, локомотивов и подвижного состава. Однако следует отметить, что принятые

¹ Об утверждении правил технической эксплуатации железных дорог Российской Федерации : приказ от 23 июня 2022 г. № 250 [Электронный ресурс] // «Трудовой десант. Железнодорожное строительство» (сайт). URL: <https://www.tdesant.ru/info/item/316#> (дата обращения: 25.04.2023).

² Порядок регулирования доступа к услугам железнодорожного транспорта, включая основы тарифной политики, являющийся Приложением 2 к Протоколу о скоординированной (согласованной) транспортной политике Договора о Евразийской экономической комиссии от 29.05.2014 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/12a6a9b3b50feada3113efb4bc9218b408179a1/?ysclid=lgwarn4tou779877221 (дата обращения: 25.04.2023).

еще в 2011 г. ТР ТС не регламентируют возможность применения технологий Индустрии 4.0 на железнодорожном транспорте в требуемом для внедрения беспилотных технологий объеме.

Заключение

В условиях деглобализационных тенденций в мировой экономике, вызванных введенными против России международными санкциями, развитие международно-правового регулирования беспилотного транспорта в рамках таких региональных организаций, как ЕАЭС, ШОС, БРИКС, способствует решению задачи реализации транзитного потенциала России на базе интеграции железнодорожного транспорта в международные транспортные системы [6; 7; 8; 9; 10]. Внедрение беспилотных технологий поможет повысить глобальную конкурентоспособность российских железных дорог, уровень их интеграции в мировой рынок транспортных и логистических услуг. По прогнозам аналитиков, стоимость автономной транспортной системы может упасть более чем на 85%, примерно до 10 тыс. долл. к 2030 г. [11].

Учитывая тенденцию к росту уровня мультимодальных перевозок, представляется, что к 2030 г. востребованным вариантом доставки грузов станет его перевозка железнодорожным транспортом с использованием беспилотных технологий с включением автомобильного транспорта для первой и золотой мили, где автомобиль будет управляться высокоавтоматизированной системой управления в отсутствие водителя в его салоне во время движения.

Представляется, что в среднесрочной перспективе в рамках развития производства Индустрии 4.0 беспилотные технологии на транспорте повлекут значительные изменения.

Литература

1. Баритко А. Л., Куренков П. В. Организация и технология внешнеторговых перевозок // Железнодорожный транспорт. 1998. № 8. С. 59–63.
2. Куренков П. В., Вакуленко С. П. Финансово-экономическое решение проблемы пригородных перевозок // Экономика железных дорог. 2012. № 12. С. 96–99. EDN: QIYBJV
3. Мохонько В. П., Исаков В. С., Куренков П. В. Проблемы создания ситуационно-аналитической системы управления перевозочным процессом на железнодорожном транспорте // Бюллетень транспортной информации. 2004. № 9. С. 22–27.
4. Мохонько В. П., Исаков В. С., Куренков П. В. Ситуационное управление перевозочным процессом // Транспорт: наука, техника, управление. Научный информационный сборник. 2004. № 11. С. 14–16.
5. Покровская О. Д. Логистическая классность железнодорожных станций // Вестник Уральского государственного университета путей сообщения. 2018. № 2 (38). С. 68–76. DOI: 10.20291/2079-0392-2018-2-68-76. EDN: XUEELJ
6. Покровская О. Д. Логистические транспортные системы России в условиях новых санкций // Бюллетень результатов научных исследований. 2022. № 1. С. 80–94. DOI: 10.20295/2223-9987-2022-1-80-94. EDN: YINMKX
7. Покровская О. Д. Логистические накопительно-распределительные центры как основа терминальной сети региона : монография / Новосибирск, 2012. 184 с.
8. Покровская О. Д. Состояние транспортно-логистической инфраструктуры для угольных перевозок в России // Инновационный транспорт. 2015. № 1 (15). С. 13–23. EDN: TMMISF
9. Покровская О. Д. О терминологии объектов терминально-складской инфраструктуры // Мир транспорта. 2018. Т. 16. № 1 (74). С. 152–163. <https://doi.org/10.30932/1992-3252-2018-16-1-13>. EDN: YWTIQB
10. Сафронова А. А., Рудакова Е. Н., Куренков П. В. [и др.] Формирование системы финансового менеджмента: теория, опыт, проблемы, перспективы : коллективная монография. Москва, 2018. 228 с.
11. Klaus Stricker, Tom Wendt, Wilko Stark [et al.]. Electric and Autonomous Vehicles: The Future Is Now [Электронный ресурс] // Bain & Company. URL: <https://www.bain.com/insights/electric-and-autonomous-vehicles-the-future-is-now/> (дата обращения: 24.04.2023).

Об авторе:

Дроздова Мария Александровна, доцент кафедры истории, философии, политологии и социологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук;
e-mail: drozdova@pgups.ru

References

1. Baritko A. L., Kurenkov P. V. Organization and Technology of Foreign Trade Transportations // Railway Transport [Zheleznodorozhnyi transport]. 1998. No. 8. P. 59–63. (In Rus.)
2. Kurenkov P. V., Vakulenko S. P. Financial and Economic Solution to the Problem of Suburban Transportation // Railway Economy [Ekonomika zheleznnykh dorog]. 2012. No. 12. P. 96–99. (In Rus.) EDN: QIYBJB.
3. Mokhonko V. P., Isakov V. S., Kurenkov P. V. Problems of Creating a Situational-Analytical System of Management of the Transportation Process on the Railway Transport // Bulletin of Transport Information [Byulleten' transportnoi informatsii]. 2004. No. 9. P. 22–27. (In Rus.)
4. Mokhonko V. P., Isakov V. S., Kurenkov P. V. Situational Management of the Transportation Process // Transport: Science, Equipment, Management. Scientific informational collection [Transport: nauka, tekhnika, upravlenie. Nauchnyi informatsionnyi sbornik]. 2004. No. 11. P. 14–16. (In Rus.)
5. Pokrovskaya O. D. Logistic Rating of Railway Stations // Herald of the Ural State University of Railway Transport [Vestnik Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniya]. 2018. No. 2 (38). P. 68–76. (In Rus.) DOI: 10.20291/2079-0392-2018-2-68-76. EDN: XUEEL
6. Pokrovskaya O. D. Russia's Logistics Transport Systems under New Sanctions // Bulletin of Scientific Research Results [Byulleten' rezul'tatov nauchnykh issledovaniy]. 2022. No. 1. P. 80–94. (In Rus.) DOI: 10.20295/2223-9987-2022-1-80-94. EDN: YINMKX
7. Pokrovskaya O. D. Logistics Accumulation-Distribution Centers as the Basis of the Terminal Network of the Region: a monograph / Novosibirsk, 2012. 184 p. (In Rus.)
8. Pokrovskaya O. D. The State of Transport and Logistics Infrastructure in Russian Coal Transportation Industry // Innotrans [Innovatsionnyi transport]. 2015. No. 1 (15). P. 13–23. (In Rus.) EDN: TMMISF
9. Pokrovskaya O. D. About Terminology of Terminal Warehouse Infrastructure Objects // World of Transport and Transportation [Mir transporta]. 2018. Vol. 16. No. 1 (74). P. 152–163. (In Rus.) <https://doi.org/10.30932/1992-3252-2018-16-1-13>. EDN: YWTIQB
10. Safronova A. A., Rudakova E. N., Kurenkov P. V. [et al.] Formation of Financial Management System: Theory, Experience, Problems, Prospects : a collective monograph. Moscow, 2018. 228 p. (In Rus.)
11. Klaus Stricker, Tom Wendt, Wilko Stark [et al.] Electric and Autonomous Vehicles: The Future Is Now [Electronic resource] // Bain & Company. URL: <https://www.bain.com/insights/electric-and-autonomous-vehicles-the-future-is-now/> (accessed: 24.04.2023).

About the author:

Maria A. Drozdova, Assistant Professor at the Department of History, Philosophy, Political Science and Sociology, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence;
e-mail: drozdova@pgups.ru

Регулирование трансграничной несостоятельности в праве ЕАЭС

Кириленко В. П.^{*}, Павлова Е. В.

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^{*} e-mail: v.vvaas@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4445-1682

РЕФЕРАТ

В условиях развития и расширения Евразийского экономического союза, динамически развивающейся системы интеграционных взаимоотношений на евразийском пространстве и прекращения экономической интеграции России на пространстве Европейского союза, регулирование института трансграничного банкротства в праве ЕАЭС приобретает особую актуальность. Все это требует подробного рассмотрения вопросов, посвященных источникам правового регулирования несостоятельности (банкротства) с иностранным элементом на территории ЕАЭС.

Цель. Раскрыть основные проблемы правового регулирования трансграничной несостоятельности в Евразийском регионе.

Задачи. Предлагается рассмотреть модели регулирования трансграничной несостоятельности с учетом доктринальных подходов, используя опыт регулирования трансграничной несостоятельности Европейского союза — разработанный Регламент Европейского союза № 2015/848 от 20.05.2015 о производстве по делам о несостоятельности, типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности, проанализировать актуальность рассмотренных источников права, представить базовые элементы концепции развития регулирования трансграничной несостоятельности в ЕАЭС.

Методология. Используемые методы: теоретические методы ретроспективного и перспективного анализа, системный подход, компаративная оценка, синтез, сравнительно-общеправовой метод, индукция, дедукция, абстрагирование, социологический метод, а также кейс-метод.

Результаты. Предлагаемый подход путем исследования сложившейся международной практики регулирования дел о несостоятельности с иностранным элементом, сравнения законодательства о банкротстве стран ЕАЭС, тенденций современной международной экономической и политической ситуации позволит решить проблемы формирования источников правового регулирования трансграничных банкротств на территории стран ЕАЭС, создания евразийского института трансграничной несостоятельности смешанной модели при экзекватурном признании банкротств с иностранным элементом по образцу Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности 1997 г., порядка применимого права и определения международной подсудности по образцу, предлагаемому Регламентом Европейского союза № 2015/848 от 20.05.2015.

Выводы. Наличие понятных, прозрачных актов регулирования трансграничных банкротств на территории ЕАЭС в целом, а не в рамках локальных явлений отдельных судопроизводств несостоятельности с иностранным элементом на территории отдельных государств — членов интеграционного объединения является залогом уверенности инвесторов и, как результат, распространения прямых иностранных инвестиций, открытия рынков для капитала, развития многонациональных предприятий, подъема экономики в странах, входящих в объединение, а также роста привлекательности ЕАЭС для новых стран-участников.

Ключевые слова: ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности, трансграничное банкротство, трансграничная несостоятельность, регулирование трансграничной несостоятельности, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), евразийская интеграция, банкротства в государствах ЕАЭС

Для цитирования: Кириленко В. П., Павлова Е. В. Регулирование трансграничной несостоятельности в праве ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 2. С. 111–120. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-111-120>

Regulation of Cross-Border Insolvency in the EAEU Law

Viktor P. Kirilenko*, Elena V. Pavlova

North-West Institute of Management of RANEPA, Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: v.vvaas@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4445-1682

ABSTRACT

In the context of the development and expansion of the Eurasian Economic Union, the dynamically developing system of integration relations in the Eurasian space on the one hand, and the collapse of Russia's economic integration in the European Union, the regulation of the institution of cross-border bankruptcy in the law of the EAEU are becoming particularly relevant and require urgent consideration of the issues of legal regulation of insolvency (bankruptcy) with a foreign element in the territory of the EAEU.

Aim. To reveal the main problems of legal regulation of cross-border insolvency in the Eurasian region.

Tasks. It is proposed to consider models of regulation of cross-border insolvency on the example of Regulation of the European Union No. 2015/848 of 20.05.2015. on insolvency proceedings and the UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency, to analyze the relevance of the considered sources of law, to present the main elements of the concept of development of regulation of cross-border insolvency in the EAEU.

Methods. The methodological basis of the research is based on a systematic approach and general scientific methods of retrospective analysis, comparative analysis, induction and deduction, generalization, grouping of information, comparative legal analysis of international law in the field of cross-border insolvency.

Results. The proposed approach by studying the established international practice of regulating insolvency cases with a foreign element, comparing the bankruptcy legislation of the EAEU countries, trends in the current international economic and political situation will solve the problems of forming sources of legal regulation of cross-border bankruptcies in the territory of the EAEU countries, the creation of the Eurasian Institute of Cross-Border Insolvency of a mixed model for the exequatur recognition of bankruptcies with a foreign element on the model of the UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency of 1997, with the procedure for determining international jurisdiction and applicable law - on the model of Regulation of the European Union No. 2015/848 of 20.05.2015.

Conclusion. The presence of clear, transparent, acts regulating cross-border bankruptcies on the territory of the EAEU as a whole, and not within the framework of local phenomena of individual insolvency proceedings with a foreign element on the territory of individual member states of the integration association is a guarantee of investor confidence, as a result — the spread of foreign direct investment, the opening of capital markets, the creation of supply chains and contractual networks, the creation and development of multinational enterprises, economic growth in the countries of the association, as well as the growth of the attractiveness of the EAEU for new member countries with a positive assessment of the prospects in case of accession.

Keywords: cross-border insolvency, cross-border bankruptcy, Regulation of cross-border insolvency in law, Eurasian Economic Union (EAEU), eurasian integration, bankruptcies in the EAEU States, UNISTRAL on Cross-border insolvency

For citing: Kirilenko V. P., Pavlova E. V. Regulation of Cross-Border Insolvency in the EAEU Law // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 111–120. (In Rus.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-111-120>

Введение

Ожидаемый в Европейском союзе финансовый крах из-за дефолта энергетических и энергоемких компаний провоцирует бегство капиталов из Западной и Центральной Европы в страны с дешевой и доступной энергией. «Отвязка» старой Европы от энергетики России по результатам «сражения» Запада с Москвой в украинском конфликте довольно явно обнажила роль США, которые открыто подтачивают фундамент Европы, стремятся заполучить европейский бизнес на свою территорию путем «перетягивания» европейских промышленных компаний под американскую юрисдикцию во избежание банкротств из-за роста издержек. Избежать последствий нехватки энергии не сможет ни одна отрасль в Западной Европе. В дополнение к этому ужесточение кредитно-денежной политики ФРС путем повышения ставки для уменьшения инфляции при нынешнем уровне закредитованности еще более приведет к массовым банкротствам [5]. Но, несмотря на «вечные интересы» США, описываемые известным изречением бывшего британского премьер-министра лорда Пальмерстона: «Нет вечных друзей и нет вечных врагов, есть только вечные интересы» [2], существование объективных препятствий для реализации этого плана может поставить частичный или полный крест на переносе европейского бизнеса в США. Перечисление таких препятствий можно начать, например, с метрической системы мер, применяемой в Германии и не прижившейся в США. Инженеры в США все еще работают в милях, футах, ярдах, пинтах, фунтах и градусах Фаренгейта. Точный пересчет возможно выполнить только с использованием сложного метода. Если не сказать, что такая «исключительность» может свести с ума немецких педантов, то, по крайней мере, часть инженеров Западной Европы с высокой долей вероятности не смогут перестроиться под американские особенности, не считая необходимости перевода всей технической документации под новые условия. Далее — наличие существенного различия романо-германской системы права, присущей континентальной Европе, и системы общего права, принципы которого действуют в США. Компании из Западной Европы будут вынуждены нести высокие издержки по найму американских юристов для отстаивания своих интересов даже в местном суде, не говоря уже о трансграничных процессах, и подстраивать свою учетную политику под национальные особенности принявшей их страны. Наличие незнакомой бюрократической системы, системы стандартов, штрафов и американских правил добавляют сложностей, а риски, связанные с простым изъятием собственности по примеру замороженных активов России, или прошлые действия Вашингтона против ключевых европейских производителей способны свести на нет девиз «Сделано в США», усиленно продвигаемый еще американскими правительствами в период правления бывшего президента Барака Обамы¹ за счет полученных производственных мощностей из Европы. И наконец, Америка — это достаточно далеко. Так, в результате транспортного коллапса США осенью 2021 г. в портах Лос-Анджелеса и Нью-Йорка сухогрузы простаивали на разгрузку в очереди по четыре и более недель. Возможно, американцам и удалось остановить стремительную деградацию транспортной инфраструктуры, но до последнего времени существовала еще одна причина логистических проблем — это проблема с контейнерами, поскольку имеется иррациональный перекоп в нехватке контейнеров в Китае и ЕС и избыточном наличии их в США, которые при этом занимают значительную часть складских площадей, создавая дополнительную проблему².

Сказанное выше дает право с уверенностью предположить, что бегство европейских производственных предприятий может полностью или частично сменить свой вектор в сторону стран, входящих в Евразийский экономический союз, поскольку в этом случае устраняются проблемы, связанные с переходом с метрической системы мер в имперскую, проблемы системы общего права, снимается большое количество логистических проблем. Современная правовая система России имеет родственность с применяемой в странах континентальной Европы романо-германской правовой семьей. Заимствование зарубежного опыта при разработке законодательных документов в России большей частью касалось

¹ Цин Мусяо, Янь Люян. США эгоистично ускоряют «бегство» производственных мощностей из Европы [Электронный ресурс] // Хуаньцзо шибао. ИносМИ. 01.11.2022. URL: <https://inosmi.ru/20221102/deindustrializatsiya-257414865.html> (дата обращения: 20.04.2023).

² Александр Роджерс. Причины транспортного коллапса в США [Электронный ресурс] // Журналистская правда. 04.10.2021. URL: <https://jpgazeta.ru/aleksandr-rodzhers-prichiny-transportnogo-kollapsa-v-ssha/1> (дата обращения: 20.04.2023).

именно европейского и, в частности, опыта Германии [12] в проведении процедур банкротства и реструктуризации долгов. Несмотря на активно-измененное с момента возникновения российское законодательство о несостоятельности, сравнительный анализ современного законодательства о несостоятельности (банкротстве) двух государств, России и Германии, показывает их сильную схожесть [Там же]. В Германии предусмотрены процедуры банкротства: предварительная процедура (в российском законодательстве — процедура наблюдения) и конкурсное производство. Конкурсное производство и предварительный этап в Германии направлены в первую очередь на возможное финансовое оздоровление должника с исполнением им своих обязательств [Там же]. Отсутствие ликвидационной направленности, принятие судом срочных мер для сохранения конкурсной массы делает честь законодательной и судебной системе Германии, поскольку это способствует спасению предприятий, попавших в затруднительное положение, тогда как в России, к сожалению, восстановительные процедуры банкротства почти не работают, процедуры банкротства практически в абсолютном своем большинстве носят ликвидационный характер, и высокая скорость этой ликвидации также закреплена в Федеральном законе РФ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». И в России, и в Германии определяющим и основным средством обеспечения сохранности имущества должника является назначение временного управляющего. И там и там арбитражные управляющие входят в профессиональные сообщества арбитражных управляющих. В целом функции арбитражного управляющего на предварительном этапе в Германии и на этапе наблюдения и финансового оздоровления в России (в Германии эти стадии отдельно не выделяются) схожи [1].

Таким образом, законодательство стран ЕАЭС в целом, и в частности в России, а также территориальные, логистические условия, недорогая и доступная энергия, отсутствие дефицита в рабочей силе от малоквалифицированного персонала до персонала высокой квалификации, единая метрическая система мер и прочие положительные факторы, включая рынок сбыта стран ЕАЭС, — все вместе создают благоприятные условия для возникновения на пространстве интеграционного объединения производственных предприятий из стран Старого Света.

Основной нерешенной проблемой в правовом поле Евразийского экономического союза остается отсутствие специальных международных соглашений, типовых законов, законодательных актов и международно-правовых норм рекомендательного характера, посвященных регулированию трансграничных банкротств на пространстве ЕАЭС.

25 лет Типовому закону ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности. Регламент ЕС 2015 / 848 как более эффективный правовой инструмент управления трансграничной несостоятельностью

ООН отметила в этом году 25-летие со дня принятия Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности¹, подготовленного рабочей группой в середине 90-х гг. и принятого в Вене 30.05.1997. После принятия Типового закона в 1997 г. Комиссия ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), учрежденная Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в ее резолюции 2205 (XXI) от 17.12.1966, приняла еще несколько международных документов по вопросам законодательства о несостоятельности, охватывающих довольно много важных аспектов.

ЮНСИТРАЛ призывает объединить международное сообщество признанием того, что национальное законодательство о несостоятельности, если оно способно идти в ногу с трансграничными случаями несостоятельности, позволяет избежать рисков сокрытия, присвоения активов и снижения шансов на спасение жизнеспособных предприятий или эффективную ликвидацию нежизнеспособных предприятий. Комиссия ООН ЮНСИТРАЛ четверть века назад представила типовый закон как новаторский текст, предоставив государствам шаблон для решения этих проблем с момента его принятия. Число

¹ 25-я годовщина принятия Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности, дискуссионный форум 15.07.2022 [Электронный ресурс] // Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли URL: <https://uncitral.un.org/ru/mlcbi25> (дата обращения: 11.11.2022).

юрисдикций, использующих в своей практике типовой закон о трансграничной несостоятельности, в настоящее время составляет 55, и их число, вероятно, растет [8]. О желании ЮНСИТРАЛ повлиять на реформы внутреннего законодательства государств говорит тот факт, что комиссия рекомендует тексты типового закона о трансграничной несостоятельности в качестве справочных материалов при оценке эффективности национальных правовых систем и необходимости их дальнейшего реформирования. Однако понимание комиссией ЮНСИТРАЛ трансграничного банкротства несколько ограничено и основано только на ситуациях, когда у должника имеются либо иностранные кредиторы, либо активы в разных государствах, отличных от места инкорпорации. Между тем имеет место несостоятельность трансграничных корпораций или трансграничных групп компаний (далее — ТГК), которые включают не только банкротство одного гражданина или юридического лица, а банкротство комплекта индивидов и компаний, имеющих нередко разнообразную государственную принадлежность, входящих в трансграничную группу и являющихся экономически единым континуумом, — «экономическое единство при юридической множественности» [7].

Принятие ЕС Регламента № 2015 / 848 от 20.05.2015¹ (далее — Регламент) в целях совершенствования правового регулирования процедур банкротства на территории Европейского союза в целом обозначило решение многих вопросов, поставленных в результате проведения процедур трансграничного банкротства и с учетом сложившейся судебной практики. Этот более современный нормативный акт выступил достаточно эффективным инструментом, предусматривающим в том числе банкротство трансграничных групп компаний, критерием юрисдикции применимого права, определяемого на основании введенного понятия — «центр основных интересов должника» (*center of main interest*, COMI-стандарт, COMI), предоставляющего государству, определенному как наиболее пострадавшее от несостоятельности банкрота, право регулировать производство по делу о несостоятельности. COMI-стандарт является неким компромиссным симбиозным вариантом различных других критериев, которые применяются в государствах, состоящим из двух этапов применения. Первый этап: презюмируется, что COMI должника находится в государстве — в месте инкорпорации должника или месте жительства, если речь идет об индивидах. Второй этап: эта презумпция может опровергаться при наличии двух условий, которые обязательно должны действовать в совокупности: 1) управление делами должника осуществляется с территории иного государства (правило управления делами должника); 2) место управления делами должника очевидно для его кредиторов (правило очевидности).

Регламент предусматривает допустимые сроки перемещения COMI. Из-за некоторого несовершенства конструкции COMI для достижения эффекта минимизации «банкротного туризма» (*forum shopping*) [10], обретшего в последнее время популярность среди недобросовестных должников, стремящихся в преддверии банкротства «переключить» свой COMI за рубеж в более выгодную юрисдикцию, центр основных интересов должника признается для компаний, юридических лиц, а также граждан и предпринимателей, не сменивших свое место инкорпорации (место нахождения — для граждан) в течение трех месяцев до предъявления требования об открытии процедуры несостоятельности.

Регламент предусматривает открытие основного и вторичного производств и возможность ведения унитарной основной процедуры банкротства с включением в нее всех активов должника на территории различных государств — членов ЕС, взаимодействие конкурсных управляющих, утвержденных в делах о банкротстве членов группы, координационный план, назначение координатора и многие другие положения, нацеленные на более результативное ведение трансграничных процедур банкротства как отдельных должников, так и трансграничных групп компаний.

Страны Европейского союза пытаются достигнуть эффективного правового регулирования трансграничного банкротства, сочетая национальные законодательства стран — членов ЕС и наднациональное законодательство ЕС.

¹ European Union: Regulation (EU) 2015/848 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 on insolvency proceedings. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Европейского союза, EUR-lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2015/848/oj> (дата обращения: 09.12.2022).

«Типовое право» трансграничной несостоятельности для ЕАЭС?

Евразийский экономический союз представляет собой объединение высокой степени интеграции [3] — экономический и политический союз государств-участников¹. ЕАЭС относится к организациям наднационального типа [4; 9; 11], направлен на формирование единого экономического пространства и обеспечение реализации свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы². ЕАЭС обладает международной правосубъектностью [9].

Чем выше уровень интеграции, тем проще является процесс урегулирования процедур трансграничной несостоятельности в интеграционном объединении за счет безэквивалентных механизмов признания иностранных банкротств (что видно на примере Европейского союза) [9; 13].

Чем выше степень схождения законодательства о несостоятельности задействованных стран (например, в странах Северной конвенции 1933 г.), тем с большей готовностью страны-участники примут отказ от возбуждения вторичных производств в пользу единого производства о несостоятельности.

Помимо высокой степени интеграции, государства ЕАЭС имеют в том числе высокую степень схождения банкрутного права. На практике функционирует модель, которую можно назвать моделью «фактической территориальности». При высокой степени схождения законодательств ЕАЭС о несостоятельности (банкротстве) они тем не менее имеют некоторые различия в правовом регулировании.

1. Признаки неплатежеспособности. При рассмотрении законодательства о банкротстве стран — членов ЕАЭС можно определить положительные тенденции последних лет на сближение норм права. Так, согласно ст. 3 Закона Республики Армения № ЗР-51 от 22.01.2007 (в редакции от 27.06.2022)³ устанавливается срок 90 дней и более просрочки должником исполнения бесспорных платежных обязательств, при пороге более двухтысячекратного размера минимальной заработной платы, установленного законом. Ранее эти критерии были изменены Законом Республики Армения от 01.10.2020 № ЗР-445⁴ в сторону унификации с российским законодательством, согласно ст. 6 Федерального закона РФ от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Ст. 5 Закона Республики Казахстан о реабилитации и банкротстве № 176-V от 07.03.2014 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.09.2022)⁵ принятием Закона РК от 27.12.2019 № 290-VI⁶ претерпела изменения в сторону упразднения сумм неисполненных обязательств, оставив лишь срок неисполнения обязательств перед кредиторами в течение трех или четырех месяцев со дня наступления срока их исполнения в зависимости от статуса кредитора.

Закон Кыргызской Республики от 15.10.1997 № 74 О банкротстве (несостоятельности) в редакции 31.12.2019⁷ ст. 9 и ст. 9-1 предусматривает установление факта неплатежеспособности должника при минимальных размерах долга: не менее тысячи расчетных показателей и не менее пятисот расчетных показателей к должнику кредитора — физического лица, в том числе индивидуального предпринимателя. При этом минимальный срок просрочки законом не установлен. Также при возбуждении дела о банкротстве самим должником правила минимальных размеров долга не применяются.

¹ Договор о создании ЕАЭС от 29.05.2014 (в редакции 24.03.2022). Ст. 3, ст. 4, ст. 5 и раздел III [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 17.12.2022).

² Там же. Раздел XV, раздел XXVI.

³ Закон Республики Армения от 22.01.2007 № ЗР-51 «О банкротстве» (в ред. 27.06.2022) [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=90167#A000000116 (дата обращения: 17.12.2022).

⁴ Закон Республики Армения от 01.10.2020 № ЗР-445 о внесении изменений в Закон «О банкротстве» [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=128118 (дата обращения: 17.12.2022).

⁵ Закон Республики Казахстан «О реабилитации и банкротстве» № 176-V от 07.03.2014 (в редакции 12.09.2022) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31518958 (дата обращения: 17.12.2022).

⁶ Закон Республики Казахстан от 27.12.2019 № 290-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования процедур реабилитации и банкротства, бюджетного, налогового законодательства и законодательства о железнодорожном транспорте» [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39563570&sub_id=5&pos=406;-36#pos=406;-36 (дата обращения: 17.12.2022).

⁷ Закон Кыргызской Республики от 15 октября 1997 года № 74 «О банкротстве (несостоятельности)» (в редакции 31.12.2019) [Электронный ресурс] // Министерство Юстиции Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/574?ysclid=lbs98a16tj272766329> (дата обращения: 17.12.2022).

Для подачи заявления кредитора о признании должника экономически несостоятельным (банкротом) в соответствии со ст. 12 Закона Республики Беларусь 13.07.2012 № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)»¹ должны выполняться условия о неисполнении обязательств не менее чем в течение трех месяцев при проведении мероприятий по принудительному исполнению. Суммы задолженности определяются на основании установленных в государстве базовых величин.

В целом к настоящему времени в странах — членах ЕАЭС почти полностью унифицирован период просрочки в виде трехмесячного срока. Размер задолженности имеет индивидуальные особенности расчета в каждом государстве — члене ЕАЭС, и в случае введения единой валюты [6], используемой на всем пространстве ЕАЭС, унификация представляется возможной и доступной.

2. Процедуры банкротства. В целом законодательства стран ЕАЭС предусматривают типовые процедуры банкротства с похожими методами проведения. В Армении вводят в отношении должников процедуры финансового оздоровления (санации) и ликвидации должника. В Киргизии — процедура реабилитации, санации, специального администрирования и мировое соглашение. В Республике Беларусь — защитный период, конкурсное производство, имеющее в своем составе санацию и ликвидационное производство и так же мировое соглашение. В Казахстане имеют место реабилитационная процедура, процедура банкротства, мировое соглашение. В России самый расширенный список процедур: для граждан — реструктуризации долгов гражданина, реализации имущества, мировое соглашение; для юридических лиц — наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство, мировое соглашение.

Во всех странах ЕАЭС регулирование трансграничной несостоятельности имеет схожую модель с прослеживающимися в последние годы тенденциями по сближению законодательства. Текущий момент актуализирует создание единого свода правил, регулирующего вопросы банкротства, и общих стандартов банкротства на пространстве ЕАЭС.

По сути, необходимо выбрать модель трансграничного банкротства, учитывающую как высокую степень интеграции и сходства законодательства о несостоятельности в странах ЕАЭС, так и планируемый приближающийся перенос европейского бизнеса в страны ЕАЭС. Эти три условия могут быть воплощены в создании на территории Евразийского союза института трансграничного банкротства евразийской смешанной модели при экзекватурном признании банкротств с иностранным элементом по образцу Типового закона о трансграничной несостоятельности ЮНСИТРАЛ 1997 г., порядок применимого права и определения международной подсудности — по образцу, предлагаемому Регламентом Европейского союза № 2015/848 от 20.05.2015. Возможно, ЕАЭС сможет продвинуться к созданию универсальной конвенционной модели регулирования трансграничных банкротств, которая до настоящего времени в мировой практике не создана.

Почву для формирования такого института уже начала закладывать судебная практика Российской Федерации. Так, в рамках дела о банкротстве № А81-6187/2015 с заявлением о признании ее несостоятельным (банкротом) обратилась гражданка Украины Кузнецова Н. В., которая длительное время проживала в России, состояла на учете в ФНС, Пенсионном фонде, осуществляла трудовую деятельность, кредитовалась, приобретала недвижимое имущество. Арбитражный суд Ямало-Ненецкого автономного округа в Определении от 30.06.2017 по делу № А81-6187/2015² применил ст. 247 АПК РФ (п. 1, 3 и 10 ч. 1), в соответствии с которой арбитражные суды в России рассматривают дела с участием иностранных граждан, в том числе в случаях местонахождения ответчика и его активов на территории Российской Федерации, происхождение спора по договору, исполнение по которому имело или должно иметь место на территории Российской Федерации, в иных случаях тесной связи с территорией Российской Федерации. Арбитражный суд, по сути, определил ст. 247 АПК РФ функционал COMI-стандарта. Суд обозначил, что

¹ Закон Республики Беларусь 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (с изменениями 24.10.2016) [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=h11200415> (дата обращения: 17.12.2022).

² Определение Арбитражного суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 30.06.2016 по делу № А81-6187/2015 [Электронный ресурс] // Электронное правосудие. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/8e3209a1-bcfb-4035-a5c9-c1ca79e2ebe3> (дата обращения: 03.03.2022).

общепризнанные подходы, выработанные в международной практике, определяют критерии подсудности судам дел о банкротстве с иностранным элементом (в частности, при определении т. н. «центра основных интересов» (*centre of main interest*)), в том числе место жительства должника (п. 3 ст. 16 Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности, Регламента Европейского союза о процедурах несостоятельности № 2015/848 от 20.05.2015).

В деле о банкротстве гражданина Германии Брискина А. Э. № А40-186978/2015¹ Арбитражный суд Московского округа закрепил довод о том, что Закон о банкротстве² не содержит связи понятия гражданина-должника с наличием у него статуса гражданина Российской Федерации. Суд высказался о не основанных на нормах материального права выводах о том, что в положениях Закона о несостоятельности не содержится порядка применения его норм к не имеющим российского гражданства лицам. Согласно ч. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации, иностранные граждане пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации.

Сформированная судебная практика в делах о банкротствах иностранных граждан в Российской Федерации определяет направление для создания евразийского института трансграничного банкротства с закреплением правовых норм, дающих определенность и предсказуемость для всех участников экономической деятельности на территории ЕАЭС. Это приобретает особую актуальность в связи с ожидаемым в ближайшем будущем большим количеством перемещенных лиц из Украины, а также стран ЕС без наличия у них российского гражданства.

Заключение

Потенциал для развития института трансграничной несостоятельности заложен в положениях Договора о ЕАЭС, четырех свободах интеграции, на которых основывается Евразийский экономический союз. Современная международная экономическая и политическая ситуация не дает возможности дальнейшего оттягивания темы определения правил и механизмов, обеспечивающих государствам ЕАЭС решения вопроса трансграничной несостоятельности. Предприниматели и инвесторы ожидают наличия правовых норм, на которые возможно опереться при оценке своих правовых рисков при банкротстве. Создание евразийского института трансграничного банкротства является необходимым условием построения единого экономического пространства.

Литература

1. *Валягин В. В.* Законодательство Российской Федерации и Германии: начальные этапы открытия дел о несостоятельности // Юридический мир. 2007. № 4. С. 69–74.
2. *Виноградов В. Н.* Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 182–209.
3. *Винокуров Е. Ю., Пелипась И. В., Точицкая И. Э.* Количественный анализ экономической интеграции Европейского союза и Евразийского экономического союза: методологические подходы. ЦИИ ЕАБР, 2014. 62 с [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития. URL: https://eabr.org/upload/iblock/e5a/doklad_23_ru_preview_web1.pdf (дата обращения: 15.12.2022).
4. *Капустин А. Я.* Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 59–69. DOI: 12737/14371
5. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В., Пацек М.* Естественное право и кризис либерального правопорядка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 1. С. 38–54. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.103>

¹ Судебные акты по делу о банкротстве гражданина Германии Брискина М. К. (дело № А40-186978/2015) [Электронный ресурс] // Электронное правосудие. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/85ca2699-fb31-49f6-be17-19a43e054ff4> (дата обращения: 03.03.2022).

² Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 03.12.2022).

6. Крохина Ю. А. Правовые основы и перспективы развития Евразийского экономического союза как валютного союза // Юридическая наука. 2018. № 4. С. 21–24.
7. Лунц Л. А. Многонациональные предприятия капиталистических стран в аспекте международного частного права // Советское государство и право. 1976. № 5. С. 122–129.
8. Минаева Т., Корнева А. Типовой закон ЮНСИТРАЛ «О трансграничной несостоятельности» на примере Великобритании [Электронный ресурс] // Специализированный ежемесячный журнал «Юрист». 2012. № 7. URL: <https://journal.zakon.kz/4506846-tipovojj-zakon-junsitral-o.html> (дата обращения: 15.12.2022).
9. Мохова Е. В. Глобализация трансграничных банкротств в России: опыт движения на запад и перспективы развития в евразийском направлении // Закон. 2017. № 5 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=k41c7QTgvsVeb41w1&cacheid=83876916B8EE4F73AB15081EEF1798A5&mode=splus&rnd=0.7120122709563119&base=CJI&n=134267#lrPn7QTcNPDbwV4A2> (дата обращения: 15.12.2022).
10. Мохова Е.В., Яцук Н.П., Лиджанова А.Э. Forum shopping и конкуренция регулирования в трансграничных банкротствах и реструктуризациях // Закон. 2020. № 9 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=k41c7QTgvsVeb41w1&cacheid=8BDD1C7B9D98CC1ABD720F8637FF1A09&mode=splus&rnd=0.7120122709563119&base=CJI&n=134518#B26c7QTMvr3NmDVR> (дата обращения: 15.12.2022).
11. Нешатаева Т. Н. Интеграция и наднационализм // Вестник Пермского Университета. Сер.: Юридические науки. 2014. № 2 (24). С. 243–248.
12. Пале Г. Институт несостоятельности: общие проблемы и особенности правового регулирования в Германии. Комментарий к действующему законодательству / перевод с немецкого Р. И. Каримулина, под ред. Т. Ф. Яковлевой. М. : Издательство БЕК, 2002. 272 с.
13. Сорокин В. А. Законодательство о банкротстве на пространстве ЕВРАЗЭС: сравнительно-правовой анализ и опыт ЕС // Таврический научный обозреватель. 2017. № 6 (23). С. 25–33. EDN: ZMRCGR

Об авторах:

Кириленко Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;
e-mail: v.vvaas@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4445-1682

Павлова Елена Валентиновна, магистрант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), арбитражный управляющий;
e-mail: arbitr913@gmail.com

References

1. Valyagin V. V. Legislation of the Russian Federation and Germany: Initial Stages of Opening Insolvency Cases // Juridical World [Yuridicheskii mir]. No. 4. 2007. P. 69–74. (In Rus.)
2. Vinogradov V. N. Lord Palmerston in European Diplomacy // Modern and Contemporary History [Novaya i noveishaya istoriya]. 2006. No. 5. P. 182–209. (In Rus.)
3. Vinokurov E. Yu., Pelipas I. V., Tochitskaya I. E. Quantitative Analysis of the Economic Integration of the European Union and the Eurasian Economic Union: Methodological Approaches. Eurasian Development Bank Integration Research Center, 2014. 62 p. [Electronic resource] // Eurasian Development Bank. URL: https://eabr.org/upload/iblock/e5a/doklad_23_ru_preview_web1.pdf (accessed: 15.12.2022). (In Rus.)
4. Kapustin A. Ya. The Law of Eurasian Economic Union: International Legal Discourse // Journal of Russian Law [Zhurnal rossiiskogo prava]. 2015. No. 11. P. 59–69. (In Rus.) DOI: 12737/14371

5. Kirilenko V. P., Alekseev G. V., Patsek M. Natural Law and the Crisis of Liberal Legal Order // Vestnik of Saint Petersburg University. Law [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo]. 2019. V. 10. No. 1. P. 38–54. (In Rus.) DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.103>
6. Krokhina Yu. A. Legal Basis and Development Prospects of the Eurasian Economic Union as a Monetary Union // Legal Science [Yuridicheskaya nauka]. 2018. No. 4. P. 21–24. (In Rus.)
7. Lunts L. A. Multinational Enterprises of Capitalist Countries in the Aspect of International Private Law // Soviet State and Law [Sovetskoe gosudarstvo i pravo]. 1976. No. 5. P. 122–129. (In Rus.)
8. Minaeva T., Korneva A. UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency, as exemplified by the United Kingdom [Electronic resource] // Specialized Monthly Magazine “Lawyer” [Spetsializirovannyi ezheemesyachnyi zhurnal “Yurist”]. 2012. No. 7. URL: <https://journal.zakon.kz/4506846-tipovoj-zakon-junsitral-o.html> (accessed: 15.12.2022). (In Rus.)
9. Mokhova E. V. Globalization of Cross-Border Bankruptcies in Russia: Westward Experience and Development Prospects in the Eurasian Direction // Zakon Journal [Zakon]. 2017. No. 5 [Electronic resource] // Access from the “ConsultantPlus”. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=k41c7QTgvsVeb41w1&cacheid=83876916B8EE4F73AB15081EEF1798A5&mode=splus&rnd=0.7120122709563119&base=CJI&n=134267#lrPn7QTcNPDbwV4A2> (accessed: 15.12.2022). (In Rus.)
10. Mokhova E. V., Yatsuk N. P., Lijanova A. E. Forum Shopping and Regulatory Competition in Cross-Border Bankruptcies and Restructuring // Zakon Journal [Zakon]. 2020. No. 9 [Electronic resource]. Access from the “ConsultantPlus”. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=k41c7QTgvsVeb41w1&cacheid=8BDD1C7B9D98CC1ABD720F8637FF1A09&mode=splus&rnd=0.7120122709563119&base=CJI&n=134518#B26c7QTMvr3NmDVR> (accessed: 15.12.2022). (In Rus.)
11. Neshataeva T. N. Integration and over Nationalism // Perm University Herald. Series: Yuridical Sciences [Vestnik Permskogo Universiteta. Ser.: Yuridicheskie nauki]. 2014. No. 2 (24). P. 243–248. (In Rus.)
12. Pape G. Institute of Insolvency: General Problems and Features of Legal Regulation in Germany. Commentary on the Current Legislation / translation from German R. I. Karimullin, edited by T. F. Yakovleva. Moscow, BEK Publishing House, 2002. 272 p. (In Rus.)
13. Sorokin V. A. The Legislation on Bankruptcy in Eurasian Economic Union: Comparative Legal Analysis and EU Experience // Tauride Scientific Reviewer [Tavrisheskii nauchnyi obozrevatel’]. 2017. No. 6 (23). P. 25–33 (In Rus.) EDN: ZMRCGR

About the authors:

Viktor P. Kirilenko, Head of the Chair of International and Humanitarian Law of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of Russian Federation;
e-mail: v.vvaas@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4445-1682

Elena V. Pavlova, Master Program Student of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); insolvency officer;
e-mail: arbitr913@gmail.com

Климатическая политика Китая: процессуальная составляющая

Веселова Д. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; АНО ВО «Университет при МПА ЕвразЭС», Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: daria-voronchikhina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6674-0357

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются мероприятия, проводимые китайскими властями и направленные на борьбу с изменением климата на планете. Выделяются три направления: смягчение последствий климатических изменений, адаптация к изменениям климата и международное сотрудничество.

Цель. Цель — рассмотреть процессуальную составляющую климатической политики Китая.

Методы. Использовался системный подход, вторичный анализ данных по теме исследования, обобщение, синтез, методы сравнения и хронологии.

Результаты. В работе в хронологическом порядке описаны важные события из истории принятия руководством Китая решений по реализации климатической политики. Рассмотрены мероприятия в области климата, проводимые Пекином по трем направлениям — митигации, адаптации и международного сотрудничества. В области смягчения последствий изменения климата все меры сводятся к увеличению доли возобновляемых источников энергии в общей выработке энергии, переходу с угля на природный газ, строительству новых атомных электростанций, стимулированию активного использования энергосберегающих транспортных средств, увеличению площадей лесных насаждений, развитию «зеленого» финансирования и системы торговли квотами на выбросы углерода и т. п. Среди мероприятий по адаптации к изменению климата следует выделить создание комплексной системы метеорологических наблюдений, реализацию проектов по регулированию и распределению водных ресурсов, строительство экспериментальных городов, информационную поддержку населения по вопросам изменения климата. Китай является участником многих международных мероприятий, посвященных вопросам климатических изменений, в том числе в роли инвестора, а также заключает двусторонние и многосторонние соглашения по рассматриваемому вопросу, в том числе с ЕАЭС и РФ.

Выводы. Преобладающим направлением является смягчение последствий изменения климата. В основном мероприятия направлены на снижение эмиссии парниковых газов. Связано это с необходимостью обеспечения энергетической и экологической безопасности КНР. В настоящее время КНР признается одним из лидеров в области развития низкоуглеродной экономики. Однако для достижения цели по установлению углеродной нейтральности к 2060 г. стране следует перейти на путь «зеленого» развития, то есть увеличить долю возобновляемых источников энергии и атомной энергетики в общей выработке энергии и постепенно отказываться от использования угля, нефти и газа.

Ключевые слова: изменения климата, адаптация к изменениям климата, смягчение последствий изменения климата, парниковые газы, землепользование, возобновляемые источники энергии, электромобили

Для цитирования: Веселова Д. Н. Климатическая политика Китая: процессуальная составляющая // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 2. С. 121–131.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-121-131>

Climate Policy in China: the Procedural Component

Darya N. Veselova

The North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation; AN HEO "University associated with IA EAEC", Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: daria-voronchikhina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6674-0357

ABSTRACT

The article discusses the activities carried out by the Chinese authorities and aimed at combating climate change on the planet. There are 3 areas: climate change mitigation, climate change adaptation and international cooperation.

Aim. To consider the procedural component of China's climate policy.

Methods. The following methods were used: systems approach, secondary analysis of data on the research topic, generalization, synthesis, methods of comparison and chronology.

Results. The work describes important events in the history of the decision-making by the Chinese leadership on the implementation of climate policy in chronological order. The activities in the field of climate carried out by Beijing in 3 areas were considered. There are mitigation, adaptation and international. In the field of climate change mitigation, all measures are reduced to increasing the share of renewable energy in total energy generation, switching from coal to natural gas, building new nuclear power plants, stimulating the active use of energy-efficient vehicles, increasing forest plantations, developing green finance and a system of trading quotas for carbon emissions, etc. It is worth highlighting the creation of an integrated system of meteorological observations, the implementation of projects for the regulation and distribution of water resources, the construction of experimental cities, information support for the population on climate change issues among the measures to adapt to climate change. China is a participant in many international events dedicated to climate change issues, including as an investor, and it also concludes bilateral and multilateral agreements on the considering issue, including with the EAEU and Russia.

Conclusions. The predominant direction is climate change mitigation. The measures are mainly aimed at reducing greenhouse gas emissions. This is due to the need to ensure of the energy and environmental safety of China. Currently, China is recognized as one of the leaders in the development of a low-carbon economy. However, the country must switch to the path of "green" development, that is, to increase the share of renewable energy and nuclear energy in total energy generation and gradually to phase out the use of coal, oil and gas in order to achieve the goal of establishing carbon neutrality by 2060.

Keywords: climate change, climate change adaptation, climate change mitigation, greenhouse gases, land use, renewable energy, electric vehicles

For citing: Veselova D. N. Climate Policy in China: the Procedural Component // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 121–131. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-121-131>

Введение

Проблема климатических изменений затрагивает Китай самым непосредственным образом. Повышается уровень моря, и вследствие этого происходит затопление прибрежных городов; сокращаются площади ледников в горах; снежные бури, сильный смог и другие опасные гидрометеорологические явления самым негативным образом сказываются на экономике страны. От них страдают как сельское, рыбное и лесное хозяйство, так и социальная сфера общества.

Китай является одним из основных эмитентов выбросов парниковых газов в мире. Весь остальной мир, в первую очередь США и ЕС, перекалывают всю ответственность за увеличение выбросов CO₂ на Китай. Основными причинами выбросов углерода в КНР являются рост численности населения, что влечет за собой повышение потребления энергии на душу населения и спрос на энергоносители, и сохранение использования в энергетике угля при наличии небольшой доли возобновляемых источников энергии (ВИЭ).

Власти страны признают проблему изменения климата и осознают важность борьбы с ней. В основном в стране большое внимание уделяется мерам по сокращению выбросов парниковых газов.

Впервые о политике низкоуглеродного развития заговорили на XVII съезде КПК в 2007 г., на котором была сформулирована задача создания системы экокультуры [3, с. 331]. В годы 11-й пятилетки (2006–2010 гг.) правительство КНР сформировало курс на развитие низкоуглеродной экономики [Там же, с. 329].

В 2014 г. «на конференции в Лиме Пекин признал провозглашенный принцип “общей, но дифференцированной ответственности” в стабилизации климата планеты» [6, с. 70] и выстроил курс на обсуждение проблемы изменения климата.

В 2016 г. Китай ратифицировал Парижскую конвенцию по изменению климата. В сентябре 2020 г. обращение главы КНР Си Цзиньпина на Генассамблее ООН о планах достичь пика выбросов углекислого газа уже к 2030 г. и добиться полной углеродной нейтральности к 2060 г. произвело фурор в международном сообществе¹.

В ноябре 2021 г. на климатическом саммите в Глазго «Си Цзиньпин отметил, что Китай будет строго контролировать угольные энергетические проекты и рост потребления угля в период “14-й пятилетки” (2021–2025 гг.) и постепенно снижать его в период “15-й пятилетки” (2026–2030 гг.)» [5, с. 24].

Основными документами в области изменения климата в КНР являются Закон о возобновляемых источниках энергии 2005 г., Белая книга по условиям и политике в области энергетики 2007 г., Стратегия революционных преобразований в области производства и потребления энергии (2016–2030 гг.) 2016 г., 14-й пятилетний план (2021–2026 гг.), Стратегия развития Китая на долгосрочную перспективу с низким уровнем выбросов парниковых газов до середины столетия 2021 г., а также Национальная стратегия адаптации к изменению климата до 2035 г. (2022 г.).

В целом мы можем говорить о заинтересованности китайских властей по решению проблемы изменений климата, в первую очередь по проведению мер по сокращению эмиссии парниковых газов.

Целью работы является рассмотрение проводимых Китаем мероприятий в области борьбы с изменением климата на территории страны.

Предмет исследования: процессуальная составляющая климатической политики Китая.

Исследованием климатической политики Китая занимаются как зарубежные ученые, в первую очередь китайские, так и российские. Среди российских исследователей китайской политики в области климата следует выделить А. В. Барабошкину [2], С. Н. Бобылева [Там же], А. В. Бояркину [3], А. К. Галимзянову [5], Ю. Ю. Ковалева [6], В. А. Матвеева [7], А. В. Перова [13], О. С. Поршневу [6], Т. А. Тутнову [11], И. В. Юшкова [13] и др. Вопросом осуществления климатической политики в КНР занимались такие зарубежные ученые, как Г. Юй, Д. Хайфэн, И. Жуйлонг, Т. Цинь [9], D. Bin, C. Chen, W. Chen, L. Guo, J. Kang, S. Lewis, X. Ning [14], Y. Li, T. Park, Q. Ran, J. M. Velni, X. Wang, Y. Xu, B. Yang, X. Yang, C. B. Yang [Там же], J. Ye, J. Yuan, T. T. Zhao [Там же] и другие исследователи. В основном работы связаны с энергетической безопасностью КНР, с мерами по сокращению эмиссии парниковых газов в топливно-энергетическом комплексе.

Методы и методология

При написании статьи автор опирался на системный подход. В работе климатическая политика КНР рассматривается через призму реализуемых руководством страны мероприятий в области митигации

¹ Международный климатический саммит показал амбиции КНР в эковопросах [Электронный ресурс] // Российская Газета: офиц. сайт. 2021. 27 апреля. URL: <https://rg.ru/2021/04/27/mezhdunarodnyj-klimaticheskij-sammit-pokazal-ambicii-knr-v-ekovoprosah.html> (дата обращения: 10.02.2023).

и адаптации. Среди методов следует выделить вторичный анализ данных по теме исследования, в том числе официальных источников, обобщение, синтез, сравнительный и хронологический методы.

Результаты исследования

Мероприятия по борьбе с изменением климата в Китае представлены тремя направлениями: смягчение последствий климатических изменений, адаптация к изменениям климата и международное сотрудничество.

Смягчение последствий изменения климата — это действия, предпринимаемые в целях снижения количества выбрасываемых в атмосферу парниковых газов, удаления их из атмосферы и увеличения их поглощения [4, с. 102].

Основные усилия Китай направляет на снижение выбросов CO₂ для достижения полной углеродной нейтральности к 2060 г. Так как на долю энергетического сектора страны приходится около 50% выбросов CO₂ [1, с. 11], то важной составляющей является переход на низкоуглеродную систему выработки электроэнергии. Именно поэтому основные мероприятия сосредоточены на изменении энергетической политики Китая. Рассмотрим мероприятия, проводимые властями КНР в области митигации.

1. *Увеличение доли возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в общей выработке электроэнергии в стране.* Превалирующая доля выработки энергии из ВИЭ приходится на гидроэлектростанции. На них вырабатывается около 17% общей электрической мощности страны¹.

На втором месте среди ВИЭ находится ветроэнергетика. В 2021 г. доля выработки энергии от использования силы ветра выросла на 40,5% по сравнению с 2020 г.² В основном ветряные электростанции расположены на западе страны. В Синьцзяне Китай открыл один из крупнейших в мире центров по исследованию и производству ветряков, который доступен для специалистов из других государств [11, с. 145].

На третье место можно поставить солнечную энергетику. «На Китай приходится более 50% (240 ГВт) мировых мощностей солнечной энергетики» [Там же]. В 2021 г. выработка энергии от солнца выросла на 25,1% по сравнению с 2020 г.³

Ноу-хау Китая являются «зеленые здания». Суть технологии заключается в использовании при строительстве крыш и стен зданий интегрированных фотоэлектрических элементов (BIPV), которые вырабатывают энергию. BIPV заменяет традиционные строительные элементы модулями со встроенными солнечными батареями. В 2017 г. китайская компания Hangergy запустила свою BIPV-крышу. Многие местные органы власти, в том числе в Пекине, Шанхае и Тяньцзине, ввели политику по продвижению BIPV в ближайшие три-пять лет⁴.

На 2021 г. доля выработки энергии от ВИЭ составляет 29,8% от общих генерирующих мощностей⁵.

Стоит учесть, что «Китай обладает почти 1/3 патентов в мире по ВИЭ, он больше всех выпускает и экспортирует солнечные батареи, ветряные турбины, электрические машины» [7, с. 343], аккумуляторные батареи и т. п. Страна является крупнейшим производителем фотоэлектрических панелей.

Несмотря на то, что доля ВИЭ растет с каждым годом, энергии солнца и ветра недостаточно для обеспечения хотя бы 10% потребностей страны в электроэнергии, учитывая ежегодный прирост населения и продолжающийся экономический рост страны. Однако Китай имеет большие площади и расположен в различных климатических поясах, соответственно, у страны имеется потенциал в выработ-

¹ China is the world's largest producer of hydroelectricity [Electronic resource] // International hydropower association. 2020. URL: <https://www.hydropower.org/country-profiles/china> (accessed: 10.02.2023).

² 中国应对气候变化的政策与行动2022年度报告. 中华人民共和国生态环境部二〇二二年十月, 2022. 页 10 [Ежегодный доклад о политике и действиях Китая по борьбе с изменением климата за 2022 год. Министерство экологии и окружающей среды КНР. Октябрь, 2022. С. 10].

³ Там же.

⁴ Nation moves ahead with ambitious climate goals [Electronic resource] // The National Development and Reform Commission (NDRC) PRC. 2022. 06 January. URL: https://en.ndrc.gov.cn/news/mediarresources/202201/t20220107_1311546.html (accessed: 10.02.2023).

⁵ 中国应对气候变化的政策与行动2022年度报告. 中华人民共和国生态环境部二〇二二年十月, 2022. 页 10 [Ежегодный доклад о политике и действиях Китая по борьбе с изменением климата за 2022 год. Министерство экологии и окружающей среды КНР. Октябрь, 2022. С. 10].

ке энергии из ВИЭ, и им следует воспользоваться для достижения цели углеродной нейтральности к 2060 г.

2. *Увеличение роста потребления природного газа.* Природный газ считается одним из наиболее чистых ископаемых видов топлива. Так как выработки энергии от ВИЭ недостаточно для бесперебойного поступления энергии, власти КНР решили сделать переход с использования угля при производстве энергии на потребление природного газа. Переход от угля к газу позволит сократить эмиссию парниковых газов, что важно для достижения Китаем углеродной нейтральности.

Проблемой служит неразвитость инфраструктуры, что «является весомым сдерживающим барьером на пути роста потребления природного газа в КНР. Это наглядно показал энергетический кризис зимы 2017–2018 гг., когда морозы привели к дефициту природного газа и электроэнергии по всей стране» [13, с. 16]. Это вынудило китайские власти «задуматься над необходимостью стимулировать строительство в стране новых хранилищ и газопроводов, чтобы сглаживать подобные пики потребления и повышать в целом надежность работы своей энергосистемы» [Там же].

В 2021 г. доля выработки энергии от использования природного газа увеличилась на 12,5% по сравнению с предыдущим годом и достигла 8,9% от общих генерирующих мощностей¹. Как минимум до 2030 г. природный газ будет являться для Китая основным источником энергии. Однако сжигание природного газа высвобождает в атмосферу метан, который является парниковым газом и стоит на третьем месте по своему вкладу в парниковый эффект. Кроме того, обеспеченность планеты данным ресурсом составляет всего 120–150 лет. Поэтому использование природного газа не является выходом из экологического кризиса.

3. *Введение в оборот новых атомных электростанций (АЭС).* Атомная энергетика стоит на втором месте после гидроэнергетики среди источников энергии с низкими выбросами парниковых газов. За последние десять лет число атомных электростанций в КНР увеличилось с четырнадцати до пятидесяти двух [11, с. 144]. В 2021 г. в стране введены в действие пять новых ядерных реакторов, еще одиннадцать планировалось запустить в 2021–2022 гг.²

Так, 9 ноября 2021 г. в Хайяне провинции Шаньдун был запущен проект атомной электростанции, что сделало его первым городом в Китае, который обеспечил безуглеродное зимнее отопление, способное предотвратить выбросы 180 тыс. т CO₂ в год. 30 ноября 2022 г. China Petroleum and Chemical Corp, или Sinopec, крупнейший в мире по объему нефтеперерабатывающий завод, начал работы в Куке над крупнейшим в мире заводом зеленого водорода, который будет полностью питаться от солнечной энергии. Ожидается, что проект сократит выбросы углекислого газа на 485 тыс. т в год³. Планируется дальнейшее развитие атомной энергетики на территории КНР.

Китай признан лидером по числу строящихся и вводимых в эксплуатацию ядерных реакторов. Однако, несмотря на первенство, «на АЭС приходится всего 5% вырабатываемой в стране электроэнергии» [Там же, с. 142], что ниже среднемирового показателя (10%)⁴.

Данный вид получения энергии не является идеальным. АЭС оказывают негативное влияние на близкорасположенные территории и на обитающих в пределах санитарно-защитных зон живые организмы. Проблемой является захоронение отработанного ядерного топлива. Однако считается, что АЭС являются более экологичными, чем ТЭС и ГЭС, и потому при их правильной эксплуатации и введении в действие технологии безотходного цикла производства ядерного топлива АЭС вполне могли бы заменить электростанции, работающие на ископаемом топливе.

4. *Уменьшение доли угольных электростанций.* Китай является одним из крупнейших мировых потребителей угля. Несмотря на то обстоятельство, что власти страны взяли курс на переход с угля на природный газ, мощностей ТЭС, работающих на газе, не хватает.

¹ 中国应对气候变化的政策与行动2022年度报告. 中华人民共和国生态环境部二〇二二年十月, 2022. 页 11 [Ежегодный доклад о политике и действиях Китая по борьбе с изменением климата за 2022 год. Министерство экологии и окружающей среды КНР. Октябрь, 2022. С. 11].

² Там же.

³ Nation moves ahead with ambitious climate goals [Electronic resource] // The National Development and Reform Commission (NDRC) PRC. 2022. 06 January. URL: https://en.ndrc.gov.cn/news/mediarources/202201/t20220107_1311546.html (accessed: 10.02.2023).

⁴ 中国应对气候变化的政策与行动2022年度报告. 中华人民共和国生态环境部二〇二二年十月, 2022. 页 10 [Ежегодный доклад о политике и действиях Китая по борьбе с изменением климата за 2022 год. Министерство экологии и окружающей среды КНР. Октябрь, 2022. С. 10].

«Global Energy Monitor и Центром исследований в области энергетики и чистого воздуха отмечается, что в 2020 г. Китай ввел в эксплуатацию в 3,23 раза больше новых угольных станций, чем весь остальной мир вместе взятый» [10, с. 25]. А «в первом квартале 2020 г. было одобрено строительство 17 новых угольных электростанций суммарной мощностью около 10 ГВт» [2, с. 129].

Однако доля ТЭС, работающих на угле, постепенно снижается. Так, «доля таких электростанций в 2017 г. составляла 71,1%, а уже в 2020 г. она снизилась до 67,9%» [7, с. 345]. Не так уж много, примерно по 1% в год, но все же наблюдается снижение. Нужно понимать, что поворот энергетики в «зеленое русло» непростая задача не только для руководства Китая, но и для правительств всех стран мира, включая страны Западной Европы и США.

Стоит обратить внимание, что в ноябре 2021 г. на климатическом саммите в Глазго Китай не принял Заявление о глобальном переходе от угля к чистой энергии.

5. *Переход на электромобили.* Правительством КНР взят курс на перестройку транспортной системы страны. Так, происходит переход с использования автобусов, работающих на ископаемом топливе, на автобусы, работающие на электроэнергии. Планируется, что в 2023 г. около 71% всего общественного транспорта страны должны заряжаться от электрических источников.

Китайские власти активно популяризируют среди населения использование энергосберегающих транспортных средств (ТС) с малыми выбросами углерода, увеличивая объем продаж электромобилей. Так, в 2021 г. их было продано более 10 млн штук¹.

Также государство собирается поощрять компании, использующие экологически безвредные виды авиационного топлива. Таким образом, страна может занять лидирующие позиции по использованию в транспортном комплексе «экологически чистых» типов ТС. Проблема заключается в том, что для подзарядки электрокаров нужна энергия, которая в большей части вырабатывается на ТЭС, то есть сжигается ископаемое топливо, увеличивается эмиссия парниковых газов, происходит глобальное потепление на планете. Поэтому вопрос перехода с автомобилей с двигателями внутреннего сгорания на электромобили является неоднозначным.

6. *Управление землепользованием.* Леса являются «легкими планеты». Восстановление лесных ресурсов на планете поможет сдержать рост углекислого газа в атмосфере. Китай признается лидером в мире по управлению землепользованием и экологизации территорий за счет него. С 2013 г. КНР реализует «программу озеленения пустынных территорий страны. В период 2013–2020 гг. правительство выделило 34,5 млрд долл. США на создание новых лесных массивов» [6, с. 73]. За десять лет площадь лесных ресурсов была увеличена более чем на 20 млн га [3, с. 334].

Управление землепользованием в Китае означает не только посадку леса, но и выращивание сельскохозяйственных культур. Внедряя инновационные методы посадки рисовых полей, страна увеличивает рост урожайности на 4,1–8,8% и уменьшает эмиссию метана на 31,5–71,7%².

Озеленение Китаем своих территорий благоприятно сказывается на озеленении всей планеты, что, в свою очередь, поможет сдержать рост температуры воздуха в пределах 2 °С.

7. *Национальная система торговли квотами на выбросы углерода.* 1 февраля 2021 г. в Китае были приняты Меры по управлению системой торговли квотами на выбросы углерода. Официально рынок заработал в июле 2021 г. На июль 2022 г. объемы проданных квот достигли 537 млн т, а денежный оборот достиг 13,676 млрд долл. В основном продажа осуществляется в таких секторах, как производство энергии, стали и цемента³.

Национальный рынок по торговле квотами играет значительную роль в корректировке энергетической и экологической политики страны. Однако фактически, если брать масштабы всей планеты, снижение эмиссии парниковых газов при торговле квотами не происходит. Углеродный след перекладывается с Китая на другие страны.

¹ 中国应对气候变化的政策与行动2022年度报告. 中华人民共和国生态环境部二〇二二年十月, 2022. 页 15 [Ежегодный доклад о политике и действиях Китая по борьбе с изменением климата за 2022 год. Министерство экологии и окружающей среды КНР. Октябрь, 2022. С. 15].

² Там же.

³ Там же.

8. *Зеленое финансирование.* В сентябре 2016 г. «Народный банк Китая» обнародовал Руководство по созданию «зеленой» финансовой системы». «Зеленые финансы» — это финансовые услуги, предоставляемые для экономической деятельности, способствующей в том числе смягчению последствий изменения климата» [2, с. 130].

Китайские власти привлекают «инвестиции в широкий спектр активов, включая проекты в области ВИЭ, экологически чистый транспорт» [Там же], энергосберегающие проекты. К концу 2021 г. объем привлеченных инвестиций составил 85,5 млрд долл.¹

Негативным примером проведения политики по снижению выбросов парниковых газов является перенос вредных производств в другие государства. Китай перемещает части мощностей угольных ТЭС в развивающиеся страны и в Россию. Например, Ерковецкая ТЭС в Приамурье экспортирует электроэнергию в Китай [8, с. 10]. Данные меры не снижают глобальную эмиссию парниковых газов, но перекладывают ответственность за возможное несоблюдение международных климатических обязательств с КНР на другие страны.

Происходят изменения и в налоговой политике страны. Например, сделки, касающиеся управления энергетическими проектами, освобождены от НДС. Граждане, покупающие новые ТС, работающие на экологически «чистых» источниках энергии, освобождаются от уплаты транспортного налога и т. п.²

Еще одним примером политики по смягчению последствий изменения климата служат мероприятия по улавливанию и поглощению углерода от ископаемых видов топлива (CCS). В 2019 г. в Китае было реализовано десять пилотных проектов по поглощению, захвату и хранению углерода, однако масштабы их пока малы. Их совокупная улавливающая мощность составляет менее 0,01% существующих совокупных выбросов углерода в Китае³.

В целом климатическая политика Китая в области митигации достигла успехов. «Замедляются темпы прироста выбросов углекислого газа, увеличивается эффективность использования энергетических ресурсов, структура производства электрической энергии диверсифицируется и становится все более «зеленой»» [2, с. 125]. Но в то же время одних мер по митигации недостаточно. Огромную роль в борьбе с изменением климата играет адаптация к изменениям климата.

Адаптация к изменениям климата — это приспособляемость естественных или антропогенных систем к реальным или ожидаемым климатическим изменениям, позволяющая снизить их собственную уязвимость и использовать благоприятные условия [4, с. 103].

Если меры по смягчению последствий изменения климата дадут видимые результаты лишь через 30–50 лет, то мероприятия, посвященные адаптации, следует проводить незамедлительно. Данные меры самым положительным образом скажутся как на экономике страны, так и на социальной сфере, влияя на здоровье и благополучие населения. Проекты в данной сфере сосредоточены, главным образом, на прогнозировании и создании систем защиты.

В июне 2022 г. была выпущена Национальная стратегия адаптации к изменению климата до 2035 г. Ее положения успешно были инкорпорированы в политику Китая по социально-экономическому развитию страны.

Стратегия освещает меры по адаптации к изменению климата в четырех областях: мониторинг изменения климата, раннее предупреждение и управление рисками, построение региональной модели адаптации к изменению климата на нескольких уровнях и создание механизмов для улучшения способности Китая адаптироваться к изменению климата [14].

Среди мероприятий можно выделить создание комплексной системы метеорологических наблюдений, меры по адаптации посевных полей к изменению климата. Реализуется проект по строительству

¹ 中国应对气候变化的政策与行动2022年度报告. 中华人民共和国生态环境部二〇二二年十月, 2022. 页 41 [Ежегодный доклад о политике и действиях Китая по борьбе с изменением климата за 2022 год. Министерство экологии и окружающей среды КНР. Октябрь, 2022. С. 41].

² Там же.

³ How China Can Achieve Carbon Neutrality by 2060 [Electronic resource] // BCG. 2020. URL: <https://www.bcg.com/publications/2020/how-china-can-achieve-carbon-neutrality-by-2060> (accessed: 02.05.2023).

экспериментальных городов, адаптируемых к изменению климата, согласно которому 28 населенных пунктов были выбраны для реализации данной задачи. Растет осведомленность населения о климатических изменениях на территории страны. Проводятся обучение, воспитание населения в исследуемой области и пропаганда среди местных жителей. Вводятся новые праздники: Метеорологический день, Национальный день стихийных бедствий и др.¹

Стратегия признает, что Китай добился положительных результатов в адаптации к изменению климата, но степень внимания и действий по адаптации к изменению климата по-прежнему нужно увеличивать².

Отдельно выделим такое направление, как международное сотрудничество по вопросам борьбы с изменением климата. Китай лишь десятилетие назад стал обращать внимание на международное климатическое партнерство. На данный момент «Китай выступает спонсором большого числа международных конференций по данной проблематике» [3, с. 335].

«Китай активно участвует в планах международного научно-технического сотрудничества: в Плане исследований мирового климата (WCRP), Международном плане глобальных изменений по причине человеческого фактора (IHDP), Межправительственной координационной организации глобальных наблюдений за земным шаром (GEO), Плане наблюдений за системой глобального климата (GCOS) и др., укрепляет обмен информацией и материалами с соответствующими международными организациями и ведомствами» [12, с. 200].

В «сентябре 2020 г. КНР совместно с ЕС объявил о создании двустороннего диалога на высоком уровне по окружающей среде и климату. В 2021 г. Китай показал себя активным участником международных переговоров и соглашений по климатическим проблемам, особенно на климатическом саммите в Глазго» [11, с. 146].

16 февраля 2023 г. в рамках третьего заседания Совместной комиссии по реализации Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Китаем была подписана дорожная карта, направленная на активизацию и насыщение торгово-экономического взаимодействия сторон в практической плоскости. Среди прочих мер между сторонами согласовано такое направление для обсуждения в течение 2023–2024 гг., как климатическая повестка³. То есть сотрудничество КНР и ЕАЭС на данный момент находится в зачаточном состоянии, но начало партнерства уже заложено.

Если говорить о сотрудничестве между Россией и Китаем по данному вопросу, то стоит отметить Совместное заявление РФ и КНР об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, сделанное 21.03.2023 в рамках государственного визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Москву. Стороны договорились об углублении взаимовыгодного сотрудничества в области ведения совместных прорывных исследований по общемировым проблемам глобального развития, в том числе в части, касающейся предотвращения изменения климата и адаптации к нему. Обе страны выступают против создания барьеров в международной торговле под предлогом борьбы с изменением климата и использования климатической проблематики в политических целях. Кроме того, КНР и РФ отметили развитие сотрудничества по организации и функционированию систем торговли углеродными активами и обмену опытом по вопросам снижения темпов глобального потепления и адаптации к нему⁴.

Таким образом, КНР является участником различных международных организаций, занимающихся обсуждением вопроса сохранения климата на Земле, и спонсором многих мероприятий. Также Китай ра-

¹ National Climate Change Adaptation Strategy 2035 [Electronic resource] // Center for Security and Emerging Technology. 2022. 29 August. URL: <https://cset.georgetown.edu/publication/national-climate-change-adaptation-strategy-2035/> (accessed: 10.02.2023).

² Там же.

³ Андрей Слепнев: «ЕАЭС и Китай упростят перевозку грузов по железным дорогам за счет внедрения электронного документооборота» [Электронный ресурс] // ЕЭК (офиц. сайт). 16.02.2023. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/andrey-slepnev-eaes-i-kitay-uprostat-perevozku-gruzov-po-zheleznyim-dorogam-za-schet-vnedreniya-elek/> (дата обращения: 02.05.2023).

⁴ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). 21.03.2023. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5920> (дата обращения: 02.05.2023).

тифицирует международные документы, касающиеся проблем смягчения последствий изменения климата и адаптации к ним, и подписывает двусторонние соглашения. 2023 г. можно ознаменовать началом сотрудничества КНР и ЕАЭС, а также КНР и РФ по вопросам климатической повестки.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что Китай признает свой большой вклад в глобальную эмиссию парниковых газов, и потому власти страны взяли курс на достижение углеродной нейтральности к шестидесятому году XXI в.

При рассмотрении проводимых мероприятий в области борьбы с изменением климата в работе выделены три направления: митигация, адаптация и международное сотрудничество.

Стоит отметить, что в основном политика Пекина сосредоточена на мероприятиях по смягчению последствий климатических изменений. Это проявляется в переходе с угля на природный газ, увеличении доли ВИЭ в энергобалансе страны, а также в изменениях в транспортной инфраструктуре КНР. Однако не все проводимые мероприятия по данному тренду направлены на снижение эмиссии парниковых газов. Торговля углеводородными единицами просто переносит углеродный след с Китая на другие страны, компании которых покупают квоты у китайской стороны. Массовое использование электрокаров также зачастую не снижает выбросы, так как для подзарядки таких ТС необходима энергия, вырабатываемая по большей части на ТЭС. Меры по адаптации к изменениям климата в стране проводятся, но следует увеличить их масштаб и количество. Международное сотрудничество КНР успешно. Страна состоит в многочисленных международных и отраслевых организациях, занимающихся вопросом борьбы с климатическими изменениями, и заключает как многосторонние, так и двусторонние соглашения по рассматриваемому вопросу, влияя таким образом на глобальную экологическую и климатическую повестку дня.

На национальную климатическую политику Китая, главным образом, влияют необходимость повышения энергетической и экологической безопасности страны, а также попытки и стремления китайских властей занять лидирующие позиции в мире по данному направлению.

В настоящее время КНР на международном уровне признается лидером в области развития низкоуглеродной экономики. Данный статус страна получила, в первую очередь благодаря инвестированию в ВИЭ, производству и экспорту солнечных панелей и батарей, ветряных турбин, электрических машин, аккумуляторных батарей, фотоэлектрических панелей, а также обладанию более 1/3 патентов в мире по ВИЭ.

В то же время для достижения заявленной цели по переходу страны в ранг эмиссионно нейтральных государств к 2060 г. китайским властям необходимо усилить меры по скорейшему переходу на экологически чистые и безуглеродные источники энергии. Для этого следует строить гидроэлектростанции, поэтапно с каждым годом увеличивать вклад в общую генерацию мощностей от использования энергии ветра, солнца, приливных волн. Дальнейшее развитие атомной энергетики и строительство новых ядерных энергоблоков и АЭС также окажет положительное воздействие на сокращение выбросов парниковых газов и приблизит страну к достижению поставленной цели.

Литература

1. Беликова С. С., Беликов А. В. Восток и Запад: глобальные вызовы на пути достижения углеродной нейтральности // Управление. 2022. Т. 10. № 2. С. 5–13. DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-2-5-13
2. Бобылев С. Н., Барабошкина А. В., Джу Сюан. Приоритеты низкоуглеродного развития для Китая // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 82. С. 114–139. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10095
3. Бояркина А. В. Экологическое направление во внешнеполитической стратегии КНР // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 2. С. 325–337. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-325-337

4. Веселова Д. Н. Климатическая политика Российской Федерации: законодательные и институциональные аспекты // Научный журнал «ДискурсПи». 2021. Т. 18. № 3. С. 96–111. DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_96
5. Галимзянова А. К. Климатическая дипломатия Китая и Германии // Восточный альманах. 2021. № 5. С. 14–29.
6. Ковалев Ю. Ю., Поршнева О. С. Страны БРИКС в международной климатической политике // Вестник Российского университета дружбы народов. 2021. Т. 21. № 1. С. 64–78. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-64-78
7. Матвеев В. А. Борьба с изменением климата — новая арена противоборства Китая и США // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. С. 337–351. DOI: 10.24412/2618_6888_2021_26_337_351
8. Порфирьев Б. Н. Парадигма низкоуглеродного развития и стратегия снижения рисков климатических изменений для экономики // Проблемы прогнозирования. 2019. № 2. С. 3–13.
9. Тинтин Цинь. Политика Китайской Народной Республики в области проблем, связанных с изменением климата // Социально-политические науки. 2017. № 5. С. 173–176.
10. Ткаченко А. А. Возможен ли переход к новой климатической экономике? // Экономика. Налоги. Право. 2021. Т. 14. № 4. С. 15–29. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-4-15-29
11. Тутнова Т. А. Возобновляемые источники энергии и ядерная энергетика в безуглеродной стратегии Китая // Общество: философия, история, культура. 2021. № 12. С. 140–147. DOI: 10.24158/fik.2021.12.22
12. Шмелева И. А., Ван Г. Экологическая размерность политики современного Китая // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2009. Т. 5. № 4. С. 191–209.
13. Юшков И. В., Перов А. В. Китайская энергетическая политика и перспектива российского газового экспорта // Геоэкономика энергетики. 2020. № 3. С. 6–29. DOI: 10.48137/2687-0703_2020_11_3_6
14. Cui Bai Yang, Xi Ning, Ting Ting Zhao. China's Basic Position on Climate Change [Electronic resource] // National Maritime Foundation. 2022. URL: <https://maritimeindia.org/chinas-basic-position-on-climate-change/> (accessed: 10.02.2023).

Об авторе:

Веселова Дарья Николаевна, преподаватель ФСПО Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация); доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС» (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук;
e-mail: daria-voronchikhina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6674-0357

References

1. Belikova S. S., Belikov A. V. East and West: Global Challenges to Achieving Carbon Neutrality. *Management [Upravlenie]*. 2022; 10 (2): 5–13. (In Rus.) DOI: 10.26425/2309-3633-2022-10-2-5-13
2. Bobylev S. N., Baraboshkina A. V., Zhu Xuan. Priorities of Low-Carbon Development for China. *Public Administration. E-journal (Russia)* [Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik]. 2020; (82): 114–139. (In Rus.) DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10095
3. Boyarkina A. V. Ecological Dimension in China's Foreign Policy Strategy. *Vestnik RUDN. Series: International Relations* [Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2021; 21 (2): 325–337. (In Rus.) DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-2-325-337
4. Veselova D. N. Climate Policy of the Russian Federation: Legislative and Institutional Aspects. *Scientific Journal "Discourse-P"* [Nauchnyy zhurnal «DiskursPi»]. 2021; 18 (3): 96–111. (In Rus.) DOI: 10.17506/18179568_2021_18_3_96

5. Galimzyanova A. K. Climate Diplomacy of China and Germany. *Eastern Almanac* [Vostochnyj al'manax]. 2021; (5): 14–29. (In Rus.)
6. Kovalev Yu. Yu., Porshneva O. S. BRICS Countries in International Climate Policy. *Vestnik RUDN. Series: International Relations* [Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2021; 21 (1): 64–78. (In Rus.) DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-64-78
7. Matveev V. A. Struggle against climate changes as a new arena of China — US confrontation. *China in World and Regional Politics. History and Modernity* [Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istoriya i sovremennost']. 2021; 337–351. (In Rus.) DOI: 10.24412/2618_6888_2021_26_337_351
8. Porfiriev B. N. The Paradigm of Low-Carbon Development and the Strategy for Reducing the Risks of Climate Change for the Economy. *Problems of Forecasting* [Problemy prognozirovaniya]. 2019; (2): 3–13. (In Rus.)
9. Tingting Qin. The Policy of the People's Republic of China in the Field of Problems Related to Climate Change *Socio-political Sciences* [Social'no-politicheskie nauki]. 2017; (5): 173–176. (In Rus.)
10. Tkachenko A. A. Is the Transition to a New Climate Economy Possible? *Economy. Taxes. Law*. [E'konomika. Nalogi. Pravo]. 2021; 14 (4): 15–29. (In Rus.) DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-4-15-29
11. Tutnova T. A. Renewables and Nuclear Power in China's Carbon-free Strategy. *Society: Philosophy, History, Culture* [Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura]. 2021; (12): 140–147. (In Rus.) DOI: 10.24158/fik.2021.12.22
12. Shmeleva I. A., Wang G. Ecological Dimension of the Policy of Modern China. *Political Expertise: POLITEX* [Politicheskaya ekspertiza: POLITE'KS]. 2009; 5 (4): 191–209. (In Rus.)
13. Yushkov I. V., Perov A. V. Chinese Energy Policy and Prospects for Russian Natural Gas Exports. *Geoeconomics of Energy* [Gеоe'konomika e'nergetiki]. 2020; (3): 6–29. (In Rus.) DOI: 10.48137/2687-0703_2020_11_3_6
14. Cui Bai Yang, Xi Ning, Ting Ting Zhao. China's Basic Position on Climate Change [Electronic resource]. *National Maritime Foundation*. 18.11.2022. URL: <https://maritimeindia.org/chinas-basic-position-on-climate-change/> (accessed: 10.02.2023).

About the author:

Darya N. Veselova, Lecturer at the Faculty of Secondary Professional Education of the North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation); Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Faculty of Law of AN HEU "University associated with IA EAEC" (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Political sciences;
e-mail: daria-voronchikhina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6674-0357

Формирование системы информационно-психологической безопасности Организации Договора о коллективной безопасности

Выходец Р. С.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: marketing812@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5910-9815

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование посвящено анализу процесса становления на уровне ОДКБ системы коллективных действий по обеспечению информационно-психологической безопасности.

Цель. Обосновать актуальность формирования системы обеспечения информационно-психологической безопасности на уровне ОДКБ.

Задачи. Выявить информационно-психологический компонент в стратегии обеспечения коллективной безопасности ОДКБ, проанализировать практические шаги на уровне ОДКБ в области противодействия деструктивному информационному воздействию, определить нормативно-правовые, политические и организационные предпосылки формирования системы коллективной информационно-психологической безопасности ОДКБ.

Методология. В исследовании автором использованы общенаучные методы анализа и синтеза. Также были применены специальные методы: сравнительный анализ, информационный подход, неинституциональный подход, критический дискурс-анализ и контент-анализ.

Результаты. Исследование показало, что вопросам противодействия деструктивному информационному воздействию уделяется значительное внимание в стратегических документах ОДКБ и ряде модельных законов, принятых Парламентской Ассамблеей ОДКБ, кроме того, актуальность данных вопросов подчеркивается в совместных заявлениях по итогам встреч в разных форматах. Термин «информационно-психологическая безопасность» в официальных документах ОДКБ не используется. В настоящее время вопросы, относящиеся к сфере и информационно-психологической безопасности, концептуально включены в общий перечень задач в области обеспечения информационной безопасности. Особое внимание уделено противодействию злонамеренному идеологическому и психологическому влиянию в сети Интернет.

Сегодня основными субъектами практической деятельности в области обеспечения информационной безопасности ОДКБ, в том числе в сфере противодействия деструктивному информационному воздействию, выступают силовые структуры государств-членов, реализующие специальные операции в информационном пространстве. Однако с учетом ускорения процессов цифровизации в странах — участниках ОДКБ и медиапредпочтений граждан эффективность подобных мероприятий вряд ли способна качественно изменить ситуацию. Именно поэтому на уровне ОДКБ необходимо создать целостную систему обеспечения информационно-психологической безопасности.

Выводы. В современных условиях глобальной конкуренции, резко обострившейся после начала специальной военной операции России на территории Украины в феврале 2022 г., особую актуальность приобретает формирование на уровне ОДКБ единой системы коллективных действий, обеспечивающих, с одной стороны, надежную защиту от целенаправленного злонамеренного влияния в информационной среде, а с другой — формирующих позитивную мировоззренческую и информационную повестку общности исторического пути развития, единства экономических и геополитических задач, решение которых позволит максимально эффективно реализовать национальные приоритеты развития и обеспечить коллективную безопасность стран-участниц в современном мире.

Ключевые слова: коллективная безопасность, ОДКБ, информационно-психологическая безопасность, информационная безопасность, информационное воздействие

Для цитирования: Выходец Р. С. Формирование системы информационно-психологической безопасности Организации Договора о коллективной безопасности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 2. С. 132–142.
<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-132-142>

Formation of the Information and Psychological Security System of the Collective Security Treaty Organization

Roman S. Vykhodets

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: marketing812@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5910-9815

ABSTRACT

The present study is devoted to the analysis of the process of formation at the CSTO level of a system of collective actions to ensure information and psychological security.

Aim. To substantiate the relevance of the formation of the information and psychological security system at the CSTO level.

Tasks. To identify the information and psychological component in the CSTO collective security strategy, to analyze practical steps at the CSTO level in the field of countering destructive information influence, to determine the regulatory, political and organizational prerequisites for the formation of the CSTO collective information and psychological security system.

Methods. In the study, the author used general scientific methods of analysis and synthesis. Special methods were also applied: comparative analysis, informational approach, neoinstitutional approach, critical discourse analysis and content analysis.

Results. The study showed that the issues of countering destructive information influence are given considerable attention in the CSTO strategic documents and a number of model laws adopted by the CSTO Parliamentary Assembly, in addition, the relevance of these issues is emphasized in joint statements following meetings in various formats.

The term “information and psychological security” is not used in official documents of the CSTO. Currently, issues related to the field of information and psychological security are conceptually included in the general list of tasks in the field of information security. Special attention is paid to countering malicious ideological and psychological influence on the Internet.

Today, the main subjects of practical activity in the field of ensuring the information security of the CSTO, including in the field of countering destructive information influence, are the power structures of the member states implementing special operations in the information space. However, taking into account the degree of penetration of Internet technologies and media messages of citizens of the CSTO member states, the effectiveness of such events is unlikely to be able to qualitatively change the situation. That is why it is necessary to create an integrated system of information and psychological security at the CSTO level.

Conclusions. In modern conditions of global competition, which have sharply escalated after the start of Russia’s Special Military Operation on the territory of Ukraine in February 2022, the formation of a unified system of collective actions at the CSTO level, providing, on the one hand, reliable protection from targeted malicious influence in the information environment, and on the other, forming a positive ideological and informational agenda of the community, is of particular relevance the historical path of development, the unity of economic and geopolitical tasks, the solution of which will make it possible to

implement national development priorities as effectively as possible and ensure the collective security of the participating countries in the modern world.

Keywords: collective security, CSTO, information and psychological security, information security, information impact

For citing: Vykhodets R. S. Formation of the Information and Psychological Security System of the Collective Security Treaty Organization // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 132–142. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-132-142>

Введение

Обеспечение информационной безопасности прочно входит в число приоритетных задач обеспечения коллективной безопасности в зоне ответственности Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Необходимость укрепления совместных усилий в данной сфере входит в число обязательных пунктов и нередко является самостоятельной темой совместных заявлений по итогам встреч в разных форматах на уровне ОДКБ.

Например, в Заявлении Совета коллективной безопасности ОДКБ, приуроченном к тридцатилетнему юбилею заключения Договора о коллективной безопасности и двадцатилетию создания Организации, отмечается, что в настоящее время продолжается совершенствование структуры Организации и расширяется спектр ее деятельности по всем основным направлениям, к числу которых относится и обеспечение информационной безопасности¹.

В Совместном заявлении министров иностранных дел государств — членов ОДКБ по итогам встречи в Ереване в ноябре 2022 г. подчеркивается, «что информационная безопасность каждого государства — члена ОДКБ формирует общую информационную безопасность и непосредственно влияет на состояние коллективной безопасности государств — членов Организации»².

Становление концепции информационно-психологической безопасности на уровне ОДКБ

Важной вехой в истории ОДКБ является 15 мая 2002 г., когда на заседании в Москве Совет коллективной безопасности принял Решение о создании на платформе Договора о коллективной безопасности международной региональной организации. Вскоре после этого, в октябре 2002 г., на Саммите СНГ в Кишиневе страны-участницы утвердили Устав ОДКБ. Это событие ознаменовало собой завершение юридического оформления и основных организационных процедур по приданию ОДКБ статуса международной региональной организации, которая объединяла в своих рядах суверенные государства для реализации общих интересов по обеспечению коллективной безопасности.

Общность интересов стран-участниц в настоящее время в полной мере распространяется и на сферу коллективного обеспечения информационной безопасности. Так, в ст. 4 Договора о коллективной безопасности указано следующее: «В случае совершения агрессии (вооруженного нападения, угрожающего безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету) на любое из государств-участников все остальные государства-участники по просьбе этого государства-участника незамедлительно предоставят ему необходимую помощь, включая военную, а также окажут поддержку находящи-

¹ Заявление Совета коллективной безопасности ОДКБ в связи с 30-летием Договора о коллективной безопасности и 20-летием Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности (сайт). 16.05.2022. URL: [https://odkb-csto.org/documents/statements/zayavlenie-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti-v-svyaz/#loaded](https://odkb-csto.org/documents/statements/zayavlenie-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti-organizatsii-dogovora-o-kollektivnoy-bezopasnosti-v-svyaz/) (дата обращения: 28.04.2023).

² Совместное заявление министров иностранных дел государств-членов ОДКБ об активизации сотрудничества в области обеспечения международной информационной безопасности [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности (сайт). 24.11.2022. URL: <https://odkb-csto.org/documents/statements/sovmestn-zayavlenie-ministrov-inostrannykh-del-gosudarstv-chlenov-organizatsii-dogovora-o-kollekti/#loaded> (дата обращения: 28.04.2023).

мися в их распоряжении средствами в порядке осуществления права на коллективную оборону в соответствии со статьей 51 Устава ООН»¹.

Ранее нами подробно анализировалась трансформация концепции современной войны, появление ее новых доменов, информационного и когнитивного, утверждение практики гибридной агрессии с использованием в военных целях современных информационных технологий, из чего следовало, что основополагающий документ ДКБ содержал в себе необходимые правовые нормы для выработки совместных методов противодействий современным угрозам [2].

Этот факт в полной мере нашел отражение в Уставе ОДКБ, утвержденном в 2002 г., когда методы целенаправленного деструктивного информационного воздействия стали вполне очевидными. Так, ст. 8 Устава фиксирует информационную безопасность в качестве одной из приоритетных сфер взаимодействия государств-членов².

Выстраивание системы информационной безопасности на уровне ОДКБ началось в 2006 г., когда на ноябрьском заседании Комитета секретарей советов безопасности в Минске было принято решение о создании при Комитете Рабочей группы по вопросам информационной политики и информационной безопасности. В ее состав вошли представители стран-участниц, в круг полномочий которых входят вопросы информационной политики и безопасности. В перечень главных задач созданной Рабочей группы вошли координация коллективных действий по выявлению проблем и угроз в сфере информационной политики и безопасности, а также разработка мер совместного противодействия им³.

Вопросы информационной безопасности рассматривались в качестве основных приоритетов в обеспечении суверенитета государств — членов ОДКБ на заседании Совета коллективной безопасности, состоявшемся в декабре 2010 г. в Москве. По его итогам в целях формирования системы информационной безопасности утверждено Положение о сотрудничестве стран — участниц ОДКБ в сфере обеспечения информационной безопасности⁴. В документе впервые на уровне организации было дано определение понятию «система информационной безопасности», под которой понимается комплекс мер правового, политического, организационного, кадрового, финансового, научно-технического и специального характера, нацеленных на обеспечение информационной безопасности государств — членов ОДКБ.

В качестве одного из основных направлений сотрудничества в положении указаны совместное противодействие преступлениям в национальных сегментах сети Интернет, предусмотренные национальным законодательством, а также борьба с производством и распространением информации, которая способствует формированию недостоверных и негативных представлений о странах — участницах ОДКБ.

Существенное значение для выстраивания системы коллективной информационной безопасности имело то, что в документе были определены функции органов ОДКБ в этой сфере, а также порядок взаимодействия между ними.

В соответствии с принятым в Москве решением правительства государств — членов ОДКБ должны были в трехмесячный срок определить национальный координирующий орган в сфере обеспечения информационной безопасности и уведомить об этом Секретариат ОДКБ. В настоящее время к таким относятся следующие: Армения — Служба национальной безопасности, Беларусь — Оперативно-аналитический центр при президенте, Казахстан — Комитет по информационной безопасности, Кыргызстан — Координационный центр по обеспечению кибербезопасности при Государственном

¹ Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности (сайт). 26.04.2012. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezопасnosti/#loaded (дата обращения: 27.04.2023).

² Устав Организации Договора о коллективной безопасности от 7 октября 2002 года [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности (сайт). 26.04.2012. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/ustav_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezопасnosti/#loaded (дата обращения: 27.04.2023).

³ В ОДКБ создана рабочая группа по вопросам информационной политики и безопасности [Электронный ресурс] // Новости ВПК (сайт). 27.12.2006. URL: https://vpk.name/news/2126_v_odkb_sozdana_rabochaya_gruppa_po_voprosam_informacionnoi_politiki_i_bezопасnosti.html (дата обращения: 27.04.2023).

⁴ Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 10 декабря 2010 года «О Положении о сотрудничестве государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности в сфере обеспечения информационной безопасности» [Электронный ресурс] // Предпринимательское право (сайт). URL: http://businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_181116.html (дата обращения: 27.04.2023).

комитете национальной безопасности, Россия — Федеральная служба безопасности, Таджикистан — Государственный комитет национальной безопасности.

Порядок взаимодействия и сотрудничества между уполномоченными компетентными органами стран — участниц ОДКБ определен принятым 23 декабря 2014 г. Протоколом «О взаимодействии государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности по противодействию преступной деятельности в информационной сфере»¹.

Существенное значение для концептуализации вопросов обеспечения информационно-психологической безопасности на уровне ОДКБ и придания им приоритетного значения в процессе выработки совместных действий по обеспечению коллективной безопасности имеет Стратегия коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 г., утвержденная Советом коллективной безопасности в 2016 г.² В принятом документе существенное внимание уделено задачам по нейтрализации внешнего деструктивного информационного воздействия на общественно-политическую и социально-экономическую обстановку и противодействия целенаправленным попыткам манипулирования общественным мнением.

Стратегия фокусирует внимание на медийных аспектах информационного давления, признавая ведущую роль электронных ресурсов. Так, в перечне внешних и внутренних вызовов и угроз коллективной безопасности ОДКБ отдельным пунктом обозначено осуществление деструктивного идеологического и психологического воздействия на население через электронные информационные сети и медиаресурсы.

По сути, документ на официальном уровне закрепил за информационно-психологическим воздействием статус одного из элементов современного силового противоборства в пространстве международных отношений. И хотя речь не идет о рассмотрении информационно-психологической сферы в качестве нового измерения современной войны, тем не менее логика стратегии указывает на расширение концептуальных границ обеспечения коллективной безопасности в зоне ответственности ОДКБ и указывает на необходимость координации совместных усилий в целях формирования единого безопасного информационного пространства стран — участниц ОДКБ.

Несмотря на то что в официальных документах ОДКБ термины с прилагательным «информационно-психологический» не используются, в подписанном лидерами стран — участниц ОДКБ 30 ноября 2017 г. в Минске Соглашении о сотрудничестве в области обеспечения информационной безопасности, которое, по мнению белорусских исследователей, является еще одним шагом на пути формирования целостной системы нормативного обеспечения информационной безопасности на пространстве ОДКБ, дано определение понятию «деструктивное информационное воздействие» [6, с. 318]. Под ним понимается использование информационно-коммуникационных технологий в целях нарушения деятельности органов власти, ослабления национальной безопасности, нанесения ущерба информационно-коммуникационным системам, сетям и ресурсам, ухудшения межгосударственных отношений, создания внутренней социально-политической напряженности, разрушения традиционных духовных и нравственных ценностей, установления контроля над национальными информационными ресурсами, формирования угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций причинения иного ущерба интересам государств — членов ОДКБ³.

В определении четко прослеживаются два относительно самостоятельных аспекта, один из которых акцентирует внимание на кибератаках на информационную инфраструктуру, а второй имеет прямое отношение к вопросам информационно-психологического противоборства. Как справедливо замечают

¹ Протокол «О взаимодействии государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности по противодействию преступной деятельности в информационной сфере» [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов (сайт). 23.12.2014. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561354812> (дата обращения: 28.04.2023).

² Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности от 14 октября 2016 года «О Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности (сайт). 18.10.2016. URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do_2025_goda/#loaded (дата обращения: 28.04.2023).

³ Соглашение о сотрудничестве государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности в области обеспечения информационной безопасности от 30 ноября 2017 года [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201904260001> (дата обращения: 28.04.2023).

некоторые исследователи, в большинстве стратегических документов ОДКБ используется обобщающий термин «информационная безопасность», который охватывает как информационно-технологические, так и информационно-психологические компоненты архитектуры безопасности [10].

29 ноября 2021 г. Парламентская Ассамблея ОДКБ приняла Модельный закон «Об информационной безопасности»¹. Документ во многом опирается на положения вышеперечисленных документов, но при этом делает шаг вперед в дифференциации концепции обеспечения информационной безопасности ОДКБ.

Так, в законе обозначены четыре сферы обеспечения информационной безопасности, одна из которых это защита конституционного строя и государственной/национальной безопасности. К основным угрозам в этой сфере в частности отнесены:

- информационное воздействие, направленное на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в государстве — члене ОДКБ, подрыв его национального суверенитета и территориальной целостности;
- использование средств массовой информации, Интернета и сетей мобильной связи для размытия традиционных духовно-нравственных ценностей, пропаганды терроризма и экстремизма, в том числе на религиозной основе;
- использование средств массовой информации и других информационных ресурсов для разжигания в государстве — члене ОДКБ ненависти и вражды между различными социальными, этническими и религиозными группами граждан;
- использование средств массовой информации и других информационных ресурсов для навязывания обществу ложных или умышленно искаженных фактов, направленных на подрыв авторитета легитимной власти;
- применение иностранными государствами технологий комбинированных форм воздействия, направленного на разрушение государственности, дестабилизацию внутривнутриполитической ситуации или смену политического режима.

В ст. 7 в качестве основных направлений обеспечения информационной безопасности в сфере защиты конституционного строя и государственной/национальной безопасности обозначены следующие:

- построение эффективной системы, направленной на обеспечение информационной безопасности в случае возникновения активного деструктивного информационного воздействия одного или нескольких иностранных государств, имеющего целью дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в государстве — члене ОДКБ;
- построение системы пресечения распространения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет сведений, имеющих целью размытие традиционных духовно-нравственных ценностей, пропаганду терроризма и экстремизма, в том числе на религиозной основе, с применением единообразных критериев противоправности.

Практические шаги по обеспечению информационно-психологической безопасности на уровне ОДКБ

Однако при четкой фиксации аспектов, непосредственно касающихся сферы информационно-психологической безопасности, формулировки, раскрывающие содержание деятельности государств — членов ОДКБ по обеспечению информационной безопасности, прежде всего, затрагивают технические аспекты кибербезопасности. При этом, как подчеркивают некоторые исследователи, для противодействия внешнему информационно-психологическому воздействию необходим действенный инструментарий, включающий как информационно-коммуникационные, так и информационно-идеологические компоненты [1, с. 141].

¹ Модельный закон ОДКБ «Об информационной безопасности» [Электронный ресурс] // Парламентская Ассамблея Организации Договора о коллективной безопасности (ПА ОДКБ) (сайт). 29.11.2021. URL: <https://paodkb.org/events/assambleya-prinyala-modelnyy-zakon-ob-informatsionnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 28.04.2023).

Поэтому, несмотря на то что на уровне ОДКБ сформирована организационная структура по обеспечению информационной безопасности, а также разработана необходимая нормативно-правовая база, включающая информационно-психологический компонент, проблема повышения политического статуса вопросов обеспечения информационно-психологической безопасности, нормативно-правового, организационного и непосредственно практического их обособления в общей системе коллективной информационной безопасности стоит достаточно остро.

Дело в том, что в настоящее время основными субъектами практической деятельности в области обеспечения информационной безопасности ОДКБ, в том числе в сфере противодействия деструктивному информационному воздействию, выступают силовые структуры государств-членов, реализующие специальные операции в информационном пространстве. Например, проводимые на постоянной основе с 2008 г. практические мероприятия по противодействию криминалу в сфере информации (ПРОКСИ). Их главной целью является борьба с информационными потоками, наносящими ущерб национальной и коллективной безопасности стран — участниц ОДКБ в национальных сегментах сети Интернет. По официальным данным на 2021 г., за все время существования ПРОКСИ была приостановлена деятельность 148 тыс. информационных ресурсов и заблокировано более 1,5 млн информационных ссылок, наносящих ущерб национальным и коллективным интересам¹. Много это или мало? Для сравнения, за один только III квартал 2022 г. Роскомнадзор заблокировал или удалил более 89 тыс. интернет-ресурсов, содержащих запрещенную информацию².

При качественной оценке подобных данных следует также принимать во внимание уровень цифровизации, а также медиапредпочтения граждан стран — участниц ОДКБ (см. таблицу)³.

Исходя из данных, приведенных в таблице, очевидно, что уровень проникновения интернет-технологий в странах — участницах ОДКБ достаточно высок, а население в вопросах выбора источников получения информации все больше отдает предпочтение социальным сетям, подавляющее большинство которых являются иностранными. Поэтому при всей важности и необходимости специальных операций в информационной среде, таких как ПРОКСИ, их результаты едва ли смогут кардинально повлиять на ход современного информационного противоборства.

Вот уже более тридцати лет постсоветское пространство является ареной стратегической конкуренции, на которой сталкиваются национальные интересы государств, финансово-экономических групп, ценностные и идеологические модели развития. Более того, по мнению некоторых исследователей, ключевой тенденцией развития политико-коммуникационной сферы пространства бывшего СССР следует считать проецируемое с ее стороны нарастание вызовов и угроз коллективной безопасности ОДКБ, в чем немаловажную роль играет переориентация западных акторов с методов «мягкой силы» на стратегическую пропаганду, цель которой — интеграционная политика России и ее союзников [7, с. 126].

Стремление постсоветских государств сохранить политические, экономические и социокультурные связи, наработанные в период жизни в едином государстве, в рамках новых интеграционных форматов, СНГ, ЕАЭС, ОДКБ все чаще сталкивается с проблемой выбора вектора внешнеполитического курса. При этом и внешние силы, прежде всего США, рассматривают усиление евразийской интеграции как угрозу своему доминирующему положению в мире. Поэтому зачастую сегодня постсоветские государства становятся объектом попыток установления внешнего влияния, являющегося частью комплексной политики сдерживания Китая и России. Как указывает Н. А. Цветкова, США и их союзники по НАТО переходят к прямым формам информационно-психологического воздействия на гуманитарную сферу постсоветского пространства [8, с. 130]. Оно, прежде всего, нацелено на изменение мировоззренческих уста-

¹ Организация Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс] // ОДКБ (сайт). 28.04.2023. URL: <https://odkb-csto.org/25years/index.php> (дата обращения: 28.04.2023).

² Роскомнадзор подвел итоги работы по ограничению доступа к запрещенной информации за третий квартал 2022 года [Электронный ресурс] // Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (сайт). 24.11.2022. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news74616.htm> (дата обращения: 28.04.2023).

³ Digital 2023 [Электронный ресурс] // DataReportal (сайт). 26.01.2023. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-global-overview-report> (дата обращения: 04.02.2023); Доля рынка поисковых систем в Белоруссии. Февраль 2023 [Электронный ресурс] // Similarweb (сайт). URL: <https://www.similarweb.com/ru/engines/belarus/> (дата обращения: 22.03.2023).

новок, манипулирование общественным мнением, общую социально-политическую дестабилизацию и смену политического режима. Кроме того, по мнению некоторых исследователей, в реальной практике международных отношений информационно-психологическое воздействие чаще всего реализуется посредством тактики «саями», то есть последовательного нанесения противнику ущерба в одной или нескольких сферах (допинговые скандалы в спорте, образовательная экспансия, насаждение нежелательного образа жизни, культуры и искусства) [3, с. 10].

Таблица

Некоторые аспекты цифровизации в странах — участницах ОДКБ

Table. Some aspects of digitalization in the CSTO member countries

Страна	Кол-во населения, млн чел.	Кол-во интернет-пользователей, млн чел.	Пользователи Интернета, % от населения	Кол-во пользователей соцсетей, млн чел.	Пользователи социальных медиа, % от населения	Наиболее популярные социальные медиа, % охвата интернет-аудитории	Наиболее популярные поисковые системы, % от общего веб-трафика
Армения	2,78	2,18	78,6	1,85	66,6	Facebook — 50,4 Instagram — 36,4 Twitter — 3,3	Google — 92,4 Yandex — 6,3
Беларусь	9,52	8,27	86,9	4,27	44,9	VK — 40,0 Instagram — 33,6 Odnoklassniki — 29,4 Facebook — 7,9 LinkedIn — 6,6 Twitter — 1,5 Viber — 87 Telegram — 56 WhatsApp — 46,0	Google — 93,3 Yandex — 3,1
Казахстан	19,50	17,73	90,9	11,85	60,8	Instagram — 58,9 TikTok — 58,7 Facebook — 12,4 Twitter — 3,3	Google — 92,3 Yandex — 7,2
Кыргызстан	6,68	5,21	77,9	2,75	41,1	Instagram — 44,2 Facebook — 13,6 Twitter — 2,2	Google — 88,4 Yandex — 10,5
Россия	144,70	127,60	88,2	106,00	73,3	VK — 75,3 WhatsApp — 71,5 Telegram — 64,4 Odnoklassniki — 43,5 TikTok — 42,6 Viber — 34,7 Instagram — 24,0 Pinterest — 13,0 Facebook — 7,0 Twitter — 5,7	Yandex — 51,9 Google — 45,1
Таджикистан	10,05	4,10	40,8	1,10	10,9	Instagram — 19,6 Facebook — 10,6 LinkedIn — 1,9 Twitter — 0,6	Google — 82,0 Yandex — 16,0
ОДКБ	193,23	165,09	85,4	127,82	66,1		

Источник: составлено автором по итогам проведенного анализа

¹ Деятельность соцсетей Instagram и Facebook (принадлежат компании Meta, которая признана экстремистской), а также соцсети Twitter (заблокирована в России) запрещена на территории Российской Федерации.

Организация Договора о коллективной безопасности на сегодняшний день является единственным дееспособным инструментом обеспечения коллективной безопасности на постсоветском пространстве и ключевым элементом «евразийского пояса безопасности», объединяющего «усилия действующих на постсоветском пространстве коалиционных структур» [4, с. 60]. Именно поэтому в условиях все более обостряющейся геополитической конкуренции возрастает значение коллективных действий на уровне ОДКБ по противодействию идеологическому и психологическому воздействию в информационной среде.

Заключение

Современные условия глобальной конкуренции, резко обострившиеся после начала специальной военной операции России на территории Украины в феврале 2022 г., в совокупности с возможностями новейших информационных технологий по воздействию на общественное мнение, мировоззрение и поведение отдельного человека формируют целый пласт гибридных вызовов и угроз, значительная часть которых относится к информационно-психологической сфере и нацелена в том числе на подрыв многостороннего консенсуса в интеграционных проектах с участием России на евразийском пространстве. По мнению И. Ф. Кефели и Н. А. Комлевой, современная гибридная война, в которой главным оружием выступает совокупность оценочных мировоззренческих, или идеологических, конструктов, своей основной целью имеет одновременное разрушение всех основных геополитических пространств противника, т. е. его абсолютное сокрушение [5, с. 54].

В этих условиях возрастает значение коллективных действий по защите общих интересов и приоритетов развития. Как указывают некоторые исследователи, ОДКБ в настоящее время остается единственным потенциально эффективным субъектом противодействия угрозам информационно-психологического характера, источником которых на постсоветском пространстве выступают конкурирующие субъекты мировой политики, в первую очередь атлантические державы и аффилированные с ними международные организации [9, с. 139].

В этой связи от России и ее союзников по ОДКБ требуется создание единой системы обеспечения информационно-психологической безопасности. 28 марта 2023 г. в Санкт-Петербурге на заседании Информационно-аналитического правового центра Парламентской Ассамблеи ОДКБ особое внимание было уделено проблеме обеспечения коллективной информационно-психологической безопасности. В частности, Р. Н. Ключко, доцент Гродненского госуниверситета имени Я. Купалы (Республика Беларусь), предложила Экспертно-консультативному совету при Совете ПА ОДКБ разработать концепцию, которая могла бы фактически отразить стратегические направления в части обеспечения информационно-психологической безопасности. Кроме того, участники заседания подчеркнули, что современное деструктивное информационное воздействие направлено на изменение культурного кода нации и должно быть уголовно наказуемым¹.

Высказанные предложения являются еще одним шагом на пути к формированию на уровне ОДКБ единой системы коллективных действий, обеспечивающих, с одной стороны, надежную защиту от целенаправленного злонамеренного влияния в информационной среде, а с другой — формирующих позитивную мировоззренческую и информационную повестку общности исторического пути развития, единства экономических и геополитических задач, решение которых позволит максимально эффективно реализовать национальные приоритеты развития и обеспечить коллективную безопасность стран-участниц в современном мире.

Литература

1. Возжеников А. В. Современные приоритеты политики защиты информационного пространства ОДКБ // Вестник ОрелГИЭТ. 2020. № 4 (54). С. 139–141. DOI: 10.36683/2076-5347-2020-4-54-139-141

¹ В ПА ОДКБ предложили разработать Концепцию обеспечения информационно-психологической безопасности [Электронный ресурс] // Парламентская Ассамблея Организации Договора о коллективной безопасности (ПА ОДКБ) (сайт). 28.03.2023. URL: <https://paodkb.org/events/v-pra-odkb-predlozhili-razrabotat-kontseptsuyu-obespecheniya> (дата обращения: 28.04.2023).

2. *Выходец Р. С., Панцеров К. А.* Сравнительный анализ современных концепций информационного противоборства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 4. С. 139–148 DOI: 10.22394/2073-2929-2022-04-139-148
3. *Караяни А. Г., Караяни Ю. М.* Информационно-психологическое воздействие в контексте парадигмы стратегических коммуникаций // Национальный психологический журнал. 2021. № 1. С. 3–14. DOI: 10.11621/npj.2021.0101
4. *Кефели И. Ф.* Императивы взаимодействия ЕАЭС, ШОС и БРИКС в глобальной геополитике // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2016. № 2 (20). С. 50–62. EDN: YMKDXN
5. *Кефели И. Ф., Комлева Н. А.* К вопросу о роли информационно-идеологической безопасности в контрстратегии гибридной войны на евразийском пространстве // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 1. С. 54–60. EDN: NANPIC
6. *Макаров О. С., Романовский В. А.* Правовое регулирование обеспечения международной информационной безопасности на пространстве ОДКБ // Современные проблемы юридической науки и практики в условиях глобализации общественных отношений. Сборник научных статей / под ред. С. Е. Чебурановой. Гродно, 2022. С. 317–320.
7. *Петрищев Е. В.* Информационно-психологическое противоборство в контексте региональной безопасности постсоветского пространства: содержание и основные этапы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10. № 1. С. 99–107. EDN: HWDDQM
8. *Цветкова Н. А.* Публичная дипломатия США: от «мягкой силы» к диалоговой пропаганде // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 3. С. 121–133. DOI: 10.17994/T.2015.13.2.42.8. EDN: UXZUAB
9. *Цыбаков Д. Л., Заслонкина О. В.* Политика ОДКБ по защите информационно-психологической сферы коллективной безопасности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. Т. 10. № 4. С. 136–144. EDN: DGVZGH
10. *Elamiryan R., Bolgov R.* Comparing Cybersecurity in NATO and CSTO: Legal and Political Aspects [Электронный ресурс] // GigaNet: Global Internet Governance Academic Network, Annual Symposium 2018. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3490191 (дата обращения: 28.04.2023).

Об авторе:

Выходец Роман Сергеевич, доцент кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук, доцент;
e-mail: marketing812@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5910-9815

References

1. Vozzhenikov A. V. Current Priorities of Information Space Protection Policy of CSTO // OrelSIET Bulletin [Vestnik OrelGIET] 2020. No. 4 (54). P. 139–141. (In Rus) <http://dx.doi.org/10.36683/2076-5347-2020-4-54-139-141>
2. Vykhodets R. S., Pantserov K. A. Comparative Analysis of Modern Concepts of Information Warfare // *Eurasian integration: Economics, Law, Politics* [EvrAzijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika] 2022. Vol. 16. No. 4. P. 139–148. (In Rus) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-139-148>
3. Karayani A. G., Karayani Yu. M. Informational and Psychological Impact in the Context of Strategic Communications Paradigm // National Psychological Journal [Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal]. 2021. No. 1. P. 3–14. (In Rus) DOI: 10.11621/npj.2021.0101
4. Kefeli I. F. Interaction Imperatives EEMA, SCO and BRICS in Global Geopolitics // *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics* [EvrAzijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika]. 2016. No. 2 (20). P. 50–62. (In Rus) EDN: YMKDXN

5. Kefeli I. F., Komleva N. A. On the Role of Information and Ideological Security the Counter-Strategy Hybrid War in Eurasia // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika]. 2019. No. 1. P. 54–60. (In Rus) EDN: NAHPIC
6. Makarov O. S., Romanovskij V. A. Legal Regulation of Ensuring International Information Security in the CSTO Space // Modern Problems of Legal Science and Practice in the Context of Globalization of Public Relations. Collection of scientific articles / ed. by C. E. Cheburanova. Grodno, 2022. P. 317–320. (In Rus)
7. Petrishchev E. V. Information and Psychological Confrontation in the Context of the Formation of Regional Security of the Post-Soviet Space: Content and Main Stages // Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law [Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo]. 2020. Vol. 10. No. 1. P. 99–107. (In Rus) EDN: HWDDQM
8. Tsvetkova N. A. New Forms and Elements of US Public Diplomacy: From Soft Power to Dialogue — Based Propaganda // International Trends [Mezhdunarodnye processy]. 2015. Vol. 13. No. 3. P. 121–133. (In Rus) DOI: 10.17994/T.2015.13.2.42.8. EDN: UXZUAB
9. Cybakov D. L., Zaslونkina O. V. CSTO Policy to Protect the Information and Psychological Sphere of Collective Security // Proceedings of the Southwestern State University. Series: History and Law [Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo]. 2020. Vol. 10. No. 4. P. 136–144. (In Rus) EDN: DGVZGH
10. Elamiryan R., Bolgov R. Comparing Cybersecurity in NATO and CSTO: Legal and Political Aspects [Electronic resource] // GigaNet: Global Internet Governance Academic Network, Annual Symposium 2018. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3490191 (accessed: 28.04.2023).

About the author:

Roman S. Vykhodets, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Philosophy, Associate Professor;
e-mail: marketing812@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5910-9815

От концепта национальной безопасности к концепту цивилизационной безопасности как основе евразийской интеграции

Мелешин К. Ю.^{1, *}, Шабалина А. Е.²

¹ Университет при МПА ЕврАзЭС, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: kirillmeleshin@yandex.ru

² Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В условиях глобального кризиса современного мироустройства нация-государство перестает быть формой, адекватной глобализирующемуся миру, трансформируясь в корпорации-государства, с одной стороны, и в государства-цивилизации, с другой. Это объективно ведет к трансформации концепта национальной безопасности в концепт цивилизационной безопасности, соответствующий потребностям трансформирующихся государств и обществ в условиях активного противостояния конкурирующих концепций будущего глобального мироустройства.

Цель. Обоснование эволюции концепта национальной безопасности в концепт цивилизационной безопасности и выявление его сущности.

Задачи. Выявление объективных причин эволюции концептов безопасности, их различия и сущности, разработка предложений по формированию концепта евразийской цивилизационной безопасности.

Методология. Использовался структурно-функциональный подход, сравнительно-исторический анализ, системный анализ, обобщение, синтез.

Результаты. В процессе развития глобального кризиса мироустройства идет нарастающий кризис национальных государств как формы организации обществ. Параллельно с трансформацией нации-государства в корпорацию-государство и государство-цивилизацию происходит объективный процесс становления нового концепта цивилизационной безопасности. Главными объектами цивилизационной безопасности являются системы цивилизационных ценностей и цивилизационные идентичности, обеспечивающие само существование как цивилизаций, так и государств-цивилизаций.

Выводы. Сущностью цивилизационной безопасности является поддержание и отстаивание цивилизацией своей идентичности, основанной на собственной системе ценностей, своей модели социума и государства, своей системе исторических и духовных координат.

Ключевые слова: государство-нация, национальная безопасность, цивилизация, цивилизационная безопасность, интеграция, глобализация, кризис мироустройства

Для цитирования: Мелешин К. Ю., Шабалина А. Е. От концепта национальной безопасности к концепту цивилизационной безопасности как основе евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 2. С. 143–152.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-143-152>

From the Concept of National Security to the Concept of Civilizational Security as the Basis of Eurasian Integration

Kirill Yu. Meleshin^{a, *}, Anna Ye. Shabalina^b

^a University at the Interparliamentary Assembly of EurAsEC, Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: kirillmeleshin@yandex.ru

^b St. Petersburg State Agrarian University, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

In the conditions of the global crisis of the modern world order, the nation-state ceases to be a form adequate to the globalizing world, transforming into corporations-states, on the one hand, and into states-civilizations, on the other. This objectively leads to the transformation of the concept of national security into the concept of civilizational security, corresponding to the needs of transforming states and societies in the conditions of active confrontation of competing concepts of the future global world order.

Aim. Substantiation of the evolution of the concept of national security into the concept of civilizational security and identification of its essence.

Tasks. Identification of objective reasons for the evolution of security concepts, their differences and essence, development of proposals for the formation of the concept of Eurasian civilizational security.

Methods. The structural-functional approach, comparative-historical analysis, system analysis, generalization, synthesis were used.

Results. In the process of the development of the global crisis of the world order, there is a growing crisis of national states as a form of organization of societies. In parallel with the transformation of the nation-state into a corporation-state and a state-civilization, there is an objective process of formation of a new concept of civilizational security. The main objects of civilizational security are systems of civilizational values and civilizational identities that ensure the very existence of both civilizations and civilizational States.

Conclusions. The essence of civilizational security is the maintenance and defense by civilization of its identity based on its own system of values, its model of society and the state, its system of historical and spiritual coordinates.

Keywords: state-nation, national security, civilization, civilizational security, integration, globalization, crisis of the world order

For citing: Meleshin K. Yu., Shabalina A. Ye. From the Concept of National Security to the Concept of Civilizational Security as the Basis of Eurasian Integration // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 143–152. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-143-152>

Введение

Современный этап развития человечества характеризуется кризисом государства, как основной исторической формы самоорганизации человечества, на фоне ускоряющегося роста глобальных проблем. Рост финансово-экономической власти транснациональных компаний (далее — ТНК), которая в процессе глобального кризиса постепенно трансформируется в геополитическое влияние¹, привел к тому, что на Западе на смену теряющей эффективность государственной формы организации приходит основывающаяся на манипуляции торгово-финансовыми и информационно-технологическими потоками власть глобальных корпораций и финансовых групп, остающаяся вне досягаемости общественных механизмов контроля и управления. Участие США в этом процессе определяется тем, что 40% крупнейших ТНК имеют штаб-квартиры в США.

Исчерпывающийся потенциал конструктивного развития политико-экономической модели национального государства — специфического типа социального устройства, характеризующегося интеграцией гражданского общества автономных (суверенных) индивидуумов и правового государства, механизм функционирования которого основывается на принципе разделения властей, системе сдержек и противовесов и рыночно-колониальной системе эксплуатации природных и людских ресурсов, ведет и к исчерпанию потенциала концепта национальной безопасности. Это актуализирует проблему формирова-

¹ См., например: Manuel Pérez Rocha L. Ousted Pakistani Prime Minister Imran Khan Was Challenging Investment Treaties that Give Corporations Excessive Power [Электронный ресурс] // Global Research, April 19, 2022. URL: <https://www.globalresearch.ca/ousted-pakistani-leader-challenging-investment-treaties-give-corporations-excessive-power/5777976> (дата обращения: 01.03.23).

ния нового концепта безопасности, соответствующего потребностям трансформирующихся государства и общества в условиях конкурирующих концепций глобального мироустройства.

Историческое развитие концепта безопасности государства и общества

Необходимо отметить, что стремление к безопасности легло в основу самого объединения людей в различные социальные, в том числе государственные структуры. В то же время концепт безопасности государства и общества, объективно неся конкретно-исторический характер, менялся со временем.

Древние мыслители рассматривали безопасность и благополучие как цель жизни граждан, общества и государства [4]. Так, в Древней Греции меры по обеспечению безопасности полиса подразделялись на военные (обеспечивающие внешнюю безопасность) и обеспечивающие безопасность граждан. В Средние века произошло отождествление безопасности государства (феода, королевского домена) с безопасностью его сюзерена, прежде всего личной и военной. Ряд важных идей в формирование концепции безопасности государства внес в XV в. Никколо Макиавелли, который отделил понятие суверена от государства, а понятие безопасности государя от понятия безопасности государства, которое он рассматривал, прежде всего, как способность удовлетворения потребности граждан [9]. Значительный вклад в формирование современных представлений о национальной и гражданской безопасности, характерных для англо-саксонского мира и оказавших влияние в той или иной степени на остальные страны и общества, внесли такие мыслители Нового времени, как Томас Гоббс и Джон Локк.

Гоббс, развивая свою теорию реальной политики, пришел к выводу, что безопасность обеспечивается только через насилие как внутри государства, так и между государствами. При этом внутреннее насилие является неизбежным результатом угрозы разрушения общества в ходе постоянной войны всех против всех внутри него. Соответственно, государство, как всеподавляющий «Левиафан», должно обеспечивать безопасность общества и государства, поддерживая насилием равновесие между личными, а также групповыми интересами. Государство навязывает всем (как внутри, так и вне) правила и нормы, которые нельзя нарушать под страхом наказания и, в пределе, гибели. По Гоббсу, основа безопасности — суверенитет, как право на ничем неограниченное насилие в целях обеспечения как равновесного состояния общества, так и существования самого государства как гаранта безопасности своих граждан [6].

Джон Локк развил идеи Гоббса о «Левиафане» как гаранте безопасности. В то же время, с точки зрения Локка, безопасность — это не предотвращение всеобщей войны, а ее отмена. Средством отмены войны всех против всех является перевоспитание людей с целью изменения жестокой природы государства, после чего ему уже не надо будет применять неограниченное насилие для спасения общества от самого себя. Торговля и конкуренция, придя на смену войне, обеспечат смену государственного порядка на торговый. Но при этом концепция «Левиафана» Локком не отменялась, так как каждый перевоспитанный торговым порядком гражданин — собственник товаров и средств их производства сам становился новым «Левиафаном», а безопасность становилась следствием отсутствия эгоизма и наличием способности договариваться у граждан [8].

Необходимо отметить, что Локк впервые разделил безопасность собственно государства и безопасность зарождающихся буржуазных наций как сообществ микро-левиафанов, вступивших в договорные отношения друг с другом для продвижения и защиты своих интересов.

В соответствии с его концепцией, безопасность буржуазной нации — это прежде всего безопасность торговли и другой коммерции, а также безопасность гражданского общества (т. е. соблюдение и защита интересов участников общественного договора как субъектов *dois commerce*, а также самой системы, позволяющей свободно и без ограничений осуществлять коммерческую деятельность, получать и распределять свою прибыль). При этом государство осталось всего лишь гарантом установленных общественным договором правил, и то лишь в той степени, в которой субъекты договора это предварительно согласовали. А так как гражданское общество и государство, в соответствии с данной концепцией, два равноправных субъекта-левиафана (при этом государство даже несколько подчинено гражданскому обществу, так как государство обязано защищать интересы субъектов гражданского

общества), то гражданское общество имеет право на насилие по отношению к государству для защиты своей безопасности.

Опираясь на идеи Локка, североамериканское гражданское общество вступило в войну с Британским государством, действия которого были восприняты как непосредственная угроза безопасности свободе торговли. В пределе развития концепции Локка безопасность гражданского общества может быть достигнута уничтожением государства как такового и обеспечением всеобщей безопасности через взаимодействие субъектов торговли и коммерции в рамках глобального открытого гражданского общества.

Однако в эпоху развития национальных государств всеобщее признание получила концепция, в соответствии с которой безопасность граждан и их интересов обеспечивается только в рамках национального государства (политической нации), предполагающего взаимодействие не атомарных личностей, а граждан и власти, основанное на достижении согласия большинства и принуждении меньшинства [15].

Эволюция и кризис концепций национального государства и национальной безопасности

Впервые термин “national security” (в русскоязычной литературе — «национальная безопасность») прозвучал в 1904 г. в обращении президента США Т. Рузвельта к конгрессу в связи с Панамским кризисом, в котором он обосновал захват зоны Панамского канала интересами национальной безопасности США. В англосаксонской политической традиции это понятие приобрело значение способности государства обеспечивать защиту национальных интересов (прежде всего свободы торговли и коммерции своих граждан) в конкретных условиях [1, с. 15]. В России понятие «национальная безопасность» начало применяться лишь в 90-х гг. прошлого века, как калька с американского термина, возникшего и развившегося в совершенно иных цивилизационных условиях.

Необходимо отметить, что исторически нация и национальное государство — это инструмент по формированию национальной буржуазией «своего» рынка сбыта и его защиты от конкурентов. Однако в условиях кризиса традиционного капитализма господствующим слоем в классе собственников на средства производства становятся собственники не вещественных факторов производства, формируя так называемый «стейкхолдерский капитализм», в котором у стейкхолдера (stakeholder), в отличие от акционера-дольщика (shareholder), отсутствует собственность (в пределе любая, даже личная), он лишь сторона участия, лицо, заинтересованное в том, чтобы данный бизнес функционировал, являясь вторичным участником коммерческого проекта [21].

Для стейкхолдерского капитализма рамки государств-наций, необходимые для защиты интересов среднего и мелкого собственника, с неизбежностью становятся не только тесны и не нужны, но и прямо угрожают интересам нового ведущего слоя глобальных собственников, так как защищают интересы отмирающего слоя акционеров-дольщиков, экспроприация которых является одновременно целью и средством перехода на новый уровень производственных отношений.

Следовательно, процесс отмирания нации как продукта классического капитализма по мере формирования глобальной олигополии является естественным и неизбежным. Нация-государство перестает быть формой, адекватной глобализированному миру, и вместе с ней трансформируется понятие национальной безопасности. Можно выделить два возможных сценария трансформации общества и государства: глобальное цифровое общество и соответствующие ему корпорации-государства, а также сообщество традиционных цивилизаций и соответствующие ему государства-цивилизации.

Например, в шестом прогнозном отчете Национального разведывательного Совета США (NIC) 2017 г. “Global Trends: The Paradox of Progress” наиболее вероятным считается сценарий, при котором национальные правительства окажутся менее способными к действиям, необходимым для удовлетворения потребностей населения, чем органы местного самоуправления, которые более отзывчивы на запросы непрерывно усиливающих свое влияние коммерческих структур [18, р. 58–60]. Чтобы усилить необратимость этих процессов, глобальным корпорациям рекомендуется брать под контроль не государственные структуры, а города, прежде всего крупные мегаполисы, и через внедрение цифровых

технологий перехватывать под свой контроль всю социальную сферу от образования, культуры, снабжения продовольствием и жильем, транспортными услугами до всего спектра условий жизни в городах [17, р. 86–88].

Можно отметить, что США уже начали переходить к прямому управлению корпорациями, замещающими функции государства и опирающимися на уличные банды и частные армии. То есть можно сделать обоснованный вывод, что сегодня в англосаксонской цивилизационной парадигме на смену понятию «нация» постепенно приходит понятие «корпорация»¹. Политико-экономические цели корпорации-государства как агента глобального (наднационального) рынка финансов требуют ослабления или даже устранения национальной идентичности. Созданию аморфного общества без традиционных социальных установок и ценностей способствует и поощрение миграции молодежи из развивающихся стран [18, р. 58].

Корпорация-государство и концепт гражданской безопасности

Корпорация-государство становится формой административного устройства, которое предполагает сведение к минимуму социальных и политических издержек по «содержанию» территории и населения. Формы этого разнообразны — от постепенной минимизации социальных обязательств до избавления от экономически лишнего, нерентабельного населения различным путем. Чем крупнее страна, чем мощнее ее культура и традиция, тем сложнее преобразовать нацию-государство в корпорацию-государство. Отсюда и стремление к разделению государств на несколько частей с формированием кластера нескольких структур подобного типа, облегчающим свободный доступ глобальных корпораций к ресурсам трансформируемых территорий.

При этом данные попытки можно наблюдать не только по отношению к России, но и на всем евразийском пространстве. Как было отмечено представителем МИД Российской Федерации, «...дело не в России, дело в том, что, возможно, США просто понимают, что теряют ресурсы дальнейшего развития, те самые ресурсы, которых им хватало для выхода из регулярных кризисов, которые, действительно, переживает мир. Этих ресурсов больше нет, и нужны все новые и новые, нужна реальная экспансия, политическая, финансовая, экономическая, которую мы все и наблюдаем»².

Указанная экспансия глобальных корпораций сопровождается внедрением концепта так называемой «гражданской безопасности». Необходимо отметить, что под гражданской безопасностью в современной западной теории права понимается защита индивидов и институтов гражданского общества от насилия со стороны государства путем ограничения произвола государства, соблюдения гражданских прав и свобод, обеспечения развития институтов гражданского общества, которые и выступают инициаторами и исполнителями мероприятий по восстановлению нарушенных прав граждан [14, с. 121].

Данный подход, ведущий свою историю от идей Джона Локка, предполагает, что интересы автономной суверенной личности первичны. При этом суверенитет личности, демократия открытого общества (объединения граждан «по интересам») и, соответственно, их безопасность (защита от принуждения со стороны государства) также противопоставляются суверенитету государства, суверенной демократии [20, р. 36] и, соответственно, понятию «национальная безопасность».

Как мы видим, концепт безопасности напрямую зависит от главного субъекта ее обеспечения — суверенной автономной личности с частными интересами или государства, являющегося главным субъектом развития социума и которое находится над различными социальными группами, согласовывая весь спектр общественных интересов. В то же время кризис современного национального государства ставит вопрос о самом концепте национальной безопасности и необходимости его трансформации в соответствии с трансформацией обществ и государств.

¹ См.: Фурсов А. Корпорация-государство. Доклад на заседании клуба «Красная площадь». 13.02.2007 [Электронный ресурс] // Интелпрос.ру. 14.02.2007. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=p5b-SQ2NM1A> (дата обращения: 02.06.23).

² Цит. по: Смирнов В., Чурсина М. «Теряют ресурсы развития»: МИД анонсировал зеркальный ответ на антироссийские санкции США [Электронный ресурс] // RT.RU. 11.08.2018. URL: <https://russian.rt.com/world/article/544348-mid-rossiya-otvet-sankcii-ssha> (дата обращения: 02.03.21).

При этом, как показали исследования, сложившаяся в России национально-государственная идентичность представляется недостаточной для преодоления дезинтеграционных воздействий [2, с. 32]. В условиях, когда формирование российской нации и национальной идентичности сталкивается с объективным мировым процессом отмирания наций и их перехода в новые возможные состояния, особое значение приобрели цивилизационное измерение идентичности и, соответственно, разработка концептов государства-цивилизации и цивилизационной безопасности.

Государство-цивилизация и концепт цивилизационной безопасности

Глобализация привела к тому, что цивилизации не имеют четкой границы противостояния. Внутри каждой из них, на ее территории, в ее социальном пространстве борьбу с нею ведет часть другой цивилизации. Так, будущая руководительница Хельсинской группы и участница демонстрации протеста против ввода советских войск в Чехословакию в 1968 г. Л. Богораз писала: «... среди людей, для которых существуют те же ценности, что и для меня, я вижу сейчас ту же неопределенность, те же попытки определить себя вне русского народа, независимо от их национальности, обозначенной в паспорте. Одни пытаются связать себя с культурой Молдавии, другие с бытом Литвы, третьи “могут жить только в Коктебеле”» [5].

Эта проблема имеет место и в современном российском обществе. Например, человек, обучаясь и вращаясь в сферах деятельности, относящихся к ИТ, вынужден соблюдать множество правил, связанных с Западом, например правила написания ИТ-кода и сценариев. Получение сертификатов, подтверждающих умение правильно писать код и дающих право на высокооплачиваемую работу в международных ИТ-компаниях, также зависит от выполнения западных стандартов. Специалист, работая в соответствующих компаниях и на заграничных заказчиков, постепенно проникается западными цивилизационными ценностями и нарративами и искренне их разделяет, в т. ч. потому, что следование этим ценностям влияет на его отношения с заказчиками и в конечном счете на его доход. Этот процесс может быть усилен целенаправленным информационно-психологическим и когнитивным воздействием, при котором происходит подмена когнитивной карты сознания значительной части населения. Так, в украинском общественном сознании в 2013–2014 гг. была отмечена как эрозия существовавшего ранее этнополитического кода, так и проявление фрагментов архаичного сознания, породивших массовое деструктивное поведение [12, с. 28].

Необходимо отметить, что еще в 2015 г. в аналитическом докладе «Российский вызов» (The Russian Challenge) как стратегическая цель был обозначен поиск способов убеждения российского народа в том, что их национальный интерес в долгосрочной перспективе — «быть частью Европы, основанной на правах» [17].

Рассматривая цивилизационную идентичность как разновидность социальной идентичности индивида, можно отметить, что она включает в себя представления человека о своей принадлежности к той или иной культурно-цивилизационной общности, те ценности и поведенческие модели, которые формируются на основании отождествления себя с определенным культурным выбором, а также с соответствующими социальными институтами и отношениями [11, с. 29]. Н. Я. Данилевский дал определение цивилизации как духовной общности, существующей в собственной системе ценностей, отражающей особенности духовной природы народов, самобытного культурно-исторического типа человеческой организации пространства и времени. В основе цивилизаций лежит схожесть базовых морально-нравственных установок народов, их составляющих. При этом попытка одной цивилизации навязать другой собственную систему ценностей неизбежно ведет к ее ослаблению и последующему разрушению [7, с. 113–114].

В современном мире наряду с концептом «цивилизационная безопасность» происходит становление концепта «государства-цивилизации», которое может стать субъектом ее обеспечения. В соответствии с данным концептом, «государство-цивилизация — большое многонациональное государство, объединенное не по принципу этнического родства, а по принципу общей религии или идеологии, комплиментарности культур, схожего геополитического положения, наконец, общей исторической судь-

бы» [13, с. 48]. При этом цивилизационная идентичность носит характер сложной пересекающейся (гиперсетевой) идентичности, не отменяющей национальную идентичность.

В случае с евразийской цивилизацией речь идет о взаимодействии народов России в рамках особого типа культурно-исторической общности, образуемой объединением вокруг русского народа и созданной им цивилизации, ценности которой в целом близки другим этноконфессиональным группам [10, с. 103–104]. Необходимо отметить, что история существования России во всех ее формах свидетельствует о том, что она, по сути, всегда была государством-цивилизацией¹, хотя и не определялась подобным образом в силу доминирования других теоретических подходов.

Сущность «государства-цивилизации» связана с особой ролью, какую играет в нем государство. Государство, формирующее свою цивилизационную модель развития, проявляет при этом новые свойства, в которые входят новые созидательные функции, ценностные ориентиры и духовные смыслы [13, с. 6]. Так, в Китае государство является гарантом китайской цивилизации, но в то же время китайское общество считает, что именно цивилизационная идентичность обеспечивает устойчивость единого государства [19].

Необходимо отметить, что только ценности, имеющие априорно, вследствие своего онтологического основания, безусловно положительное значение и также безусловно, на уровне категорического императива, воспринимаемые личностью, могут служить надежной основой обеспечения евразийской безопасности. История развития народов Евразии показывает, что их традиционными цивилизационными ценностями являются семья, солидарность (противоположенная конкуренции), социальная справедливость и сочетание социального, технического и духовного прогрессов, ставящего своей целью раскрытие творческого потенциала человека, являющегося субъектом преобразований, так как только роль творца-преобразователя Природы раскрывает его способности и навыки как личности, поскольку именно в этом труде он реализует себя и устраняет противоречие по отчуждению продуктов своего труда.

В современных условиях особое значение, в контексте формирования общеевразийской картины мира, обретает аксиологический потенциал русского космизма, в котором достаточно ясно осознается не только зависимость человека от космоса, но и обратное влияние человека на окружающий мир [3]. Идеалы этой философии — это то, что может захватить воображение молодых граждан стран евразийского пространства в качестве объективной ценности высшего порядка и объединить их на основе общих устремлений к достижению этих идеалов в реальности.

Заключение

В настоящее время в процессе развития глобального кризиса мироустройства происходит становление нового концепта цивилизационной безопасности, соответствующего потребностям трансформирующихся государств и обществ, в условиях активного противоборства конкурирующих концепций будущего глобального мироустройства. При этом цивилизационная безопасность не является простой суммой безопасностей национальных государств, составляющих данную цивилизацию, она носит качественно иной характер.

Как показал проведенный анализ, сущностью цивилизационной безопасности является поддержание и отстаивание цивилизацией своей идентичности, основанной на собственной системе ценностей, своей модели социума и государства, своей системе исторических и духовных координат. Главными объектами цивилизационной безопасности являются системы цивилизационных ценностей и цивилизационная идентичность, обеспечивающие само существование государств-цивилизаций.

В настоящее время Россия предпринимает активные шаги к построению мира, где гарантированы права всех народов и культурно-цивилизационное многообразие², что предопределяет выбор сценария

¹ См.: Выступление Президента России Путина В. В. на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. 19.09.2013. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 02.06.23).

² См.: Путин В. В. Обращение к участникам и гостям X Московской конференции по международной безопасности [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. 16.08.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69166> (дата обращения: 20.01.23).

трансформации мирового сообщества и государств в сообщество государств-цивилизаций, а также необходимость разработки концепции евразийской цивилизационной безопасности как основы евразийской интеграции.

Литература

1. Авдеев Ю. И., Аленкин С. В., Алешин В. В. [и др.] Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004, 511 с.
2. Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В. Россияне: от гражданской к цивилизационной идентичности // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 31–37.
3. Алексеева В. И. Космизм о мире, человеке и обществе (концепции XIX — середины XX вв.). М. : Луч, 2012. 576 с.
4. Аристотель. Политика. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. С. 376–644.
5. Богораз Л. Чувствую ли я себя частью еврейского народа? // Евреи в СССР. Раздел «Кто я?». 1972. № 1.
6. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Электронный ресурс] // CivisBook. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs.Leviafan.pdf> (дата обращения: 26.02.23).
7. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Составление и комментарии Ю. А. Белова; отв. ред. О. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2008.
8. Локк Дж. Сочинения: в 3 томах. Т. 3. М. : Мысль. Серия: Философское наследие, 1988.
9. Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма: Сб.: пер. с итал. М. : НФ «Пушкинская библиотека», ООО «Издательство АСТ», 2004. 832 с.
10. Павленко В. Б. Российская идентичность как продукт взаимодействия цивилизаций // Транснациональные процессы: XXI в. М., 2004.
11. Пантин В. И. Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации // Полис. Политические исследования. 2008. № 3. С. 29–39.
12. Собольников В. В. Место и роль психологического воздействия в стратегии ведения «гибридных» войн НАТО // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 3 (4). С. 25–31.
13. Спиридонова В. И., Соколова Р. И., Шевченко В. Н. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ / Ин-т философии Рос. акад. наук; отв. ред.: В. И. Спиридонова, В. Н. Шевченко. М. : ИФ РАН, 2016.
14. Шипунова Т. В. Гражданская безопасность и насилие: российские практики [Электронный ресурс] // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 121–128. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2016/2016_6/Shipunova.pdf (дата обращения: 22.02.23).
15. Шмоллер Г. Наука о народном хозяйстве. Ее предмет и метод. М. : Издание М. и С. Сабашниковых. 1897. 112 с.
16. Giles K., Hanson Ph., Lyne R. [et al.] The Russian Challenge [Электронный ресурс] // Chatham House Report. June 2015. London, 2015. URL: <https://www.readkong.com/page/the-russian-challenge-chatham-house-report-keir-giles-7613638> (дата обращения: 28.02.23).
17. Global Trends 2040: A More Contested World [Электронный ресурс] // A Publication of the National Intelligence Council, March 2021. URL: https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/GlobalTrends_2040.pdf (дата обращения: 22.02.23).
18. Global Trends: The Paradox of Progress [Электронный ресурс] // A Publication of the National Intelligence Council, January 2017. URL: <https://www.dni.gov/files/documents/nic/GT-Full-Report.pdf> (дата обращения: 22.02.23).
19. Jacques M. When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order. New York : Penguin Press, 2009.
20. Mouffe C. The Democratic Paradox. London : Verso, 2000. 156 p.
21. Schwab K. What Is Stakeholder Capitalism? [Электронный ресурс] // The World Economic Forum. The Davos agenda. January 2021. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2021/01/klaus-schwab-on-what-is-stakeholder-capitalism-history-relevance/> (дата обращения: 28.02.23).

Об авторах:

Мелешин Кирилл Юрьевич, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Университета при МПА ЕвразЭС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент;
e-mail: kirillmeleshin@yandex.ru

Шабалина Анна Евгеньевна, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук, доцент;
e-mail: shabalinaae@gmail.com; ORCID: 0000-0002-6126-4216

References

1. Avdeev Yu. I., Alenkin S. V., Aleshin V. V. [et al.] The Legal Basis for Ensuring the National Security of the Russian Federation : monograph. Moscow : UNITY-DANA, 2004. (In Rus.)
2. Avxentyev V. A., Aksyumov B. V. Russians: From Civil to Civilizational Identity // Scientific Thought of Caucasus [Nauchnaya mysl' Kavkaza]. 2013. No. 4. P. 31–37. (In Rus.)
3. Alekseeva V. I. Cosmism about the World, Man and Society (Concepts of the XIX — mid XX centuries). Moscow : Luch, 2012. 576 p. (In Rus.)
4. Aristotle. Politics / Aristotle. Essays: in 4 vols. Vol. 4. Moscow : Mysl, 1983. P. 376–644.
5. Bogoraz L. Do I Feel Part of the Jewish People? // Jews in the USSR. Section “Who Am I?” [Evrei v SSSR. Razdel «Kto ya?»]. 1972. No. 1. (In Rus.)
6. Hobbes T. Leviathan or The Matter, Forme, and Power of a Commonwealth Ecclesiasticall and Civill [Electronic resource] // CivisBook. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs.Leviafan.pdf> (accessed: 26.02.23). (In Rus.)
7. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe / Compilation and comments by Yu. A. Belov; ed. by O. Platonov. Moscow : Institute of Russian Civilization, 2008. (In Rus.)
8. Locke J. Essays in 3 volumes. Vol. 3. Moscow : Thought. Series: Philosophical Heritage, 1988. (In Rus.)
9. Machiavelli N. Historical and Political Writings. Works of Art. Letters. Trans. from Italian. Moscow : SF “Pushkin Library”, LLC “AST Publishing House”, 2004. 832 p. (In Rus.)
10. Pavlenko V. B. Russian Identity as a Product of Interaction of Civilizations // Transnational processes: XXI century. Moscow, 2004. (In Rus.)
11. Pantin V. I. Political and Civilizational Self-Identification of Modern Russian Society under Globalization // Polis. Political Studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2008. No. 3. P. 29–39. (In Rus.)
12. Sobolnikov V. V. The Place and Role of Psychological Influence in the Strategy of Conducting “Hybrid” NATO Wars // Humanitarian Problems of Military Affairs [Gumanitarnye problemy voennogo dela]. 2015. No. 3 (4). P. 25–31. (In Rus.)
13. Spiridonova V. I. Sokolova R. I., Shevchenko V. N. Russia as a State-Civilization: Philosophical and Political Analysis / Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy; ed.: V. I. Spiridonova, V. N. Shevchenko. Moscow : IF RAS, 2016. (In Rus.)
14. Shipunova T. V. Civil Security and Systemic Violence: Russian Practices [Electronic resource] // Sociological Studies [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2016. No. 6. P. 121–128. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2016/2016_6/Shipunova.pdf (accessed: 22.02.23). (In Rus.)
15. Schmoller G. Science of the National Economy. Her Subject and Method. Moscow : Edition of M. and S. Sabashnikovs, 1897. 112 p. (In Rus.)
16. Giles K., Hanson Ph., Lyne R. [et al.] The Russian Challenge [Electronic resource] // Chatham House Report. June 2015. URL: <https://www.readkong.com/page/the-russian-challenge-chatham-house-report-keir-giles-7613638> (accessed: 28.02.23).
17. Global Trends 2040: A More Contested World [Electronic resource] // A Publication of the National Intelligence Council, March 2021. URL: https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/GlobalTrends_2040.pdf (accessed: 22.02.23).

18. Global Trends: The Paradox of Progress [Electronic resource] // A Publication of the National Intelligence Council, January 2017. URL: <https://www.dni.gov/files/documents/nic/GT-Full-Report.pdf> (accessed: 22.02.23).
19. Jacques M. When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order. New York : Penguin Press, 2009.
20. Mouffe C. The Democratic Paradox. London : Verso, 2000. 156 p.
21. Schwab K. What Is Stakeholder Capitalism? [Electronic resource] // The World Economic Forum. The Davos agenda, January 2021. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2021/01/klaus-schwab-on-what-is-stakeholder-capitalism-history-relevance/> (accessed: 28.02.23).

About the authors:

Kirill Yu. Meleshin, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the University at the Interparliamentary Assembly of EurAsEC (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor;
e-mail: kirillmeleshin@yandex.ru

Anna Ye. Shabalina, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities of St. Petersburg State Agrarian University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Philosophy, Associate Professor;
e-mail: shabalinaae@gmail.com; ORCID: 0000-0002-6126-4216

Четвертый энергетический переход и европейский энергетический кризис: уроки для ЕАЭС

Сергеева З. В.

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Москва, Российская Федерация

e-mail: zl.v.sergeeva@my.mgimo.ru

ORCID: 0000-0003-2917-6969

РЕФЕРАТ

За последнее десятилетие многие развитые страны взяли новый курс энергетической политики на замену ископаемого топлива на возобновляемые источники энергии (ВИЭ). Основной движущей силой этого процесса является стремление стран достичь углеродной нейтральности к середине века, чтобы предотвратить изменение климата. Этот глобальный тренд энергетической политики получил название «четвертого энергетического перехода». Однако европейский энергетический кризис, произошедший в сентябре 2021 г., показывает, что такая политика ведет в тупик из-за отсутствия технологической готовности обеспечить стабильное функционирование энергосистемы, полагающейся только на возобновляемые источники энергии. Более того, политика отказа от ископаемого топлива приводит к обратному результату — использованию энергоресурсов с более высоким углеродным следом (угля), которые в условиях кризиса оказываются более доступными по цене, чем природный газ. В последнее время появилось все больше исследований, подчеркивающих необходимость перехода стран Евразийского экономического союза к «зеленой» экономике. Анализируя опыт энергетического кризиса ЕС, данная работа пытается предложить альтернативный способ устойчивого развития для ЕАЭС, который позволяет обеспечить энергетическую безопасность и основывается на использовании углеродно-нейтральных версий традиционных источников энергии.

Цель. Целью данной работы является анализ экономических последствий чрезмерного использования ВИЭ для европейского энергетического рынка и выявление уроков, которые могут предотвратить аналогичный кризис в странах ЕАЭС в будущем.

Задачи. В данном исследовании поставлены следующие задачи.

1. Проанализировать причины и ход энергетического кризиса 2021 г. на примере стран ЕС и Великобритании.
2. Выявить последствия энергетического кризиса для стран ЕС и Великобритании.
3. Предложить решение для избежания энергетического кризиса в странах ЕАЭС.

Методы. Используя метод кейс-стади и рыночные данные (цены TTF, Роттердамского угля и фьючерсов на электроэнергию на месяц вперед), автор демонстрирует, что отказ от углеводородов может привести к необратимым негативным последствиям для энергетической системы, особенно при отсутствии достаточного количества вариантов хранения энергии.

Результаты. В ходе изложенных данных ставится под сомнение готовность Европы достичь как целей по нулевым выбросам к 2050 г., так и промежуточных целей, таких как сокращение выбросов парниковых газов на 55% по сравнению с уровнем 1990 г., к 2030 г. Возникает множество вопросов о перспективах четвертого энергетического перехода — в нынешнем виде его принципы угрожают существующим энергосистемам, не предлагая надежной альтернативы.

Выводы. Статья завершается предложением идеи достижения климатических целей ЕАЭС с помощью экономически конкурентоспособных углеродно-нейтральных версий обычных углеводородных продуктов (таких как сжиженный природный газ и нефть).

Ключевые слова: энергетическая политика, четвертый энергетический переход, возобновляемые источники энергии, природный газ, ископаемое топливо, углеродно-нейтральный СПГ

Для цитирования: Сергеева З. В. Четвертый энергетический переход и европейский энергетический кризис: уроки для ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 2. С. 153–168.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-153-168>

The Fourth Energy Transition and the European Energy Crisis: Lessons for the EAEU

Zlata V. Sergeeva

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Moscow, Russian Federation

e-mail: zl.v.sergeeva@my.mgimo.ru

ORCID: 0000-0003-2917-6969

ABSTRACT

Over the recent decade many developed countries took a new energy policy course, substituting fossil fuels with renewable energy sources (RES). The main driver behind it is the aspiration to achieve carbon neutrality by mid-century to prevent climate change. This trend was called “the fourth energy transition”. However, the European energy crisis that took place in September 2021 shows that such policies lead to a deadlock due to the lack of technological readiness to provide stable functioning of the energy system based only on renewable energy. Moreover, the politics of abandoning of fossil fuels results in a suboptimal outcome — use of energy resources with a higher carbon footprint (coal), which appear to be more price affordable during the crisis than natural gas. Recently, an increasing number of studies have appeared emphasizing the need for the Eurasian Economic Union countries to transition to a “green” economy. Analyzing the EU energy crisis, this paper attempts to propose an alternative way of sustainable development for the EAEU, which allows to ensure its energy security and is based on the use of carbon-neutral versions of traditional energy sources.

Aim. The aim of this research is to analyze the economic consequences of the overreliance on RES for the European energy market.

Tasks. The study has the following objectives.

1. To analyze the causes and course of the energy crisis of 2021 on the example of the EU countries and the UK.
2. To identify the consequences of the energy crisis for the EU countries and the UK.
3. To propose a solution to avoid the energy crisis in the EAEU countries.

Methods. Using a case study method and market data (TTF, Rotterdam coal and France power month ahead futures’ prices), the researchers demonstrate that rejection of hydrocarbons can lead to irreversible negative consequences for the energy system, especially with the absence of enough storage options.

Results. The data presented casts doubt on Europe’s readiness to achieve both zero-emission targets by 2050 and intermediate targets such as a 55% reduction in greenhouse gas emissions from 1990 levels by 2030. There are many questions about the prospects of the fourth energy transition - in its current form, its principles threaten existing energy systems without offering a reliable alternative.

Conclusions. The article concludes with a suggestion for policymakers to achieve climate goals with economically viable carbon-neutral versions of conventional hydrocarbon products (such as liquefied natural gas and oil).

Keywords: energy policy, the fourth energy transition, renewable energy sources, natural gas, fossil fuels, carbon-neutral LNG

For citation: Sergeeva Z. V. The Fourth Energy Transition and the European Energy Crisis: Lessons for the EAEU // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 153–168. (In Rus.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-153-168>

1. Введение

За последние двадцать лет сформировалось несколько доминирующих концепций, описывающих закономерности мировой энергетической политики. Среди них наиболее известна теория «ресурсного проклятия» (“resource curse”), разработанная М. Россом [12], Дж. Робинсоном [11], Дж. Стиглицем и Дж. Саксом [8] (в соответствии с ней страны, обладающие богатыми природными ресурсами, такими как нефть, природный газ или другие полезные ископаемые, демонстрируют умеренный экономический рост, характеризуются коррумпированностью демократических институтов или отставанием от других стран в технологическом и социально-экономическом развитии). В то же время была популярна теория «нефтяного пика», согласно которой в 2010–2030 гг. мир должен достичь пика добычи нефти, что неизбежно привело бы к дефициту на рынке и колоссальному росту цен на нефть, что, в свою очередь, вылилось бы в ребалансировку сил на политической арене [9].

Однако теория пика нефти была опровергнута, во многом благодаря началу так называемой «сланцевой революции» в США. Исчезло и понятие «ресурсное проклятие». Произошло это благодаря двум факторам, которые стали оказывать все большее влияние на мировую энергетическую политику: во-первых, рост необходимости борьбы с изменением климата и, во-вторых (во многом как следствие первого фактора), все большее движение мировой энергетической политики в сторону низкоуглеродной траектории развития.

В этот момент концепция «четвертого энергетического перехода» была популяризирована Вацлавом Смилом. В узком смысле этот термин впервые был использован в 1980 г. для описания энергетической политики Германии, направленной на трансформацию ее энергетического сектора в сторону использования большего количества возобновляемых источников энергии вместо угля, нефти и атомной энергии. В широком смысле этот термин стал применяться к процессу существенной трансформации энергетической отрасли — как на уровне страны/региона, так и на глобальном уровне. В основном энергетический переход в широком смысле можно определить как «изменение структуры первичного энергопотребления и постепенный переход от существующей схемы энергоснабжения к новому состоянию энергетической системы». Принято считать, что в количественном отношении энергетический переход происходит при 10-процентном сокращении доли рынка определенного источника энергии за десять лет [10].

По В. Смилу, произошло четыре энергетических перехода. Первый был связан с массовым расширением добычи угля в XIX в. Второй произошел в XX в. и сопровождался широкомасштабным внедрением нефти. Третий энергетический переход произошел в конце XX в. и связан с переходом на природный газ. Четвертый энергетический переход, по словам Вацлава Смита, происходит сейчас в связи с глобальным замещением ископаемого топлива возобновляемыми источниками энергии [13].

Четвертый энергетический переход наиболее ярко проявляется в энергетической политике европейских стран. С 2000-х вопрос борьбы с изменением климата стал играть все более важную роль в их политической повестке. После ратификации Парижского соглашения, подписанного в 2015 г., государства — члены ЕС провозгласили курс на декарбонизацию (переход на низкоуглеродные и безуглеродные источники энергии) и закрепили его в своих стратегических документах.

Ключевым документом ЕС по реализации энергетического перехода является Европейский зеленый курс (European Green Deal), представленный 11 декабря 2019 г. Согласно этому документу, основной целью является достижение климатической нейтральности Евросоюза к 2050 г. (к 2030 г. выбросы парниковых газов должны снизиться на 50–55% от уровня 1990 г.)¹. При этом страны — члены ЕС намерены

¹ А European Green Deal [Электронный ресурс] // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (дата обращения: 15.03.2023).

добиться 100-процентной доли возобновляемых источников энергии в конечном потреблении (в 2019 г. она составляла всего 19%).

Для достижения такой цели в Европе решили отказаться от традиционных источников энергии — не только от угля, считающегося «грязным» с экологической точки зрения топливом, но и от нефти и газа, добыча и потребление которых неизбежно приводит к выбросам диоксида углерода (CO_2).

Однако такая политика может быть разрушительной для энергосистем и рынков из-за непостоянства возобновляемых источников энергии и текущей технологической неспособности компенсировать нестабильность их генерации. Это продемонстрировал европейский энергетический рынок осенью 2021 г.

Это — важный вывод для стран ЕАЭС, нацелившихся на осуществление энергетического перехода. В последнее время ряд научных публикаций обсуждает необходимость достижения «зеленой экономики» в странах Евразийского экономического союза [4; 5]. Анализ провала политики энергоперехода в странах ЕС поможет проведению более рациональной политики ЕАЭС и избежанию ключевых ошибок.

2. Методология

Для целей исследования автором используется метод кейс-стади. На основе рыночных данных, предоставленных Bloomberg, ELEXON BMRS, Degree Days и официальными сайтами компаний, автор анализирует последствия чрезмерной зависимости от возобновляемых источников энергии, приведшей к европейскому энергетическому кризису в сентябре-октябре 2021 г.

3. Кейс-стади: европейский энергетический кризис

В сентябре и октябре 2021 г. европейские энергетические рынки стали иллюстрацией идеального шторма: цены фьючерсов на природный газ на месяц вперед на газовом хабе TTF в Нидерландах выросли до беспрецедентных высот, достигнув \$40 за миллион британских термических единиц (МБТЕ) 5 октября 2021 г., превысив психологическую отметку в \$1000 за 1 тыс. м³ (рис. 1); цены на электроэнергию следовали по аналогичной траектории, подскочив в 4,8 раза по сравнению со средним показателем за 2016–2020 гг. во Франции и в 5,3 раза в Великобритании (рис. 2).

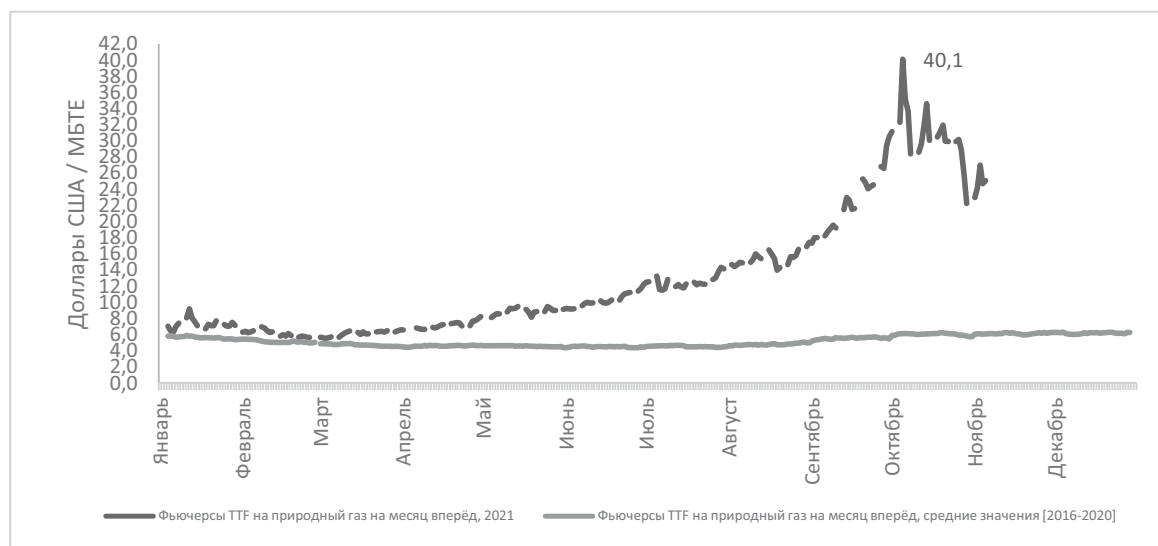

Рис. 1. Фьючерсы TTF на природный газ на месяц вперед

Fig 1. TTF natural gas futures one month ahead

Источник: составлено автором на основе данных Bloomberg

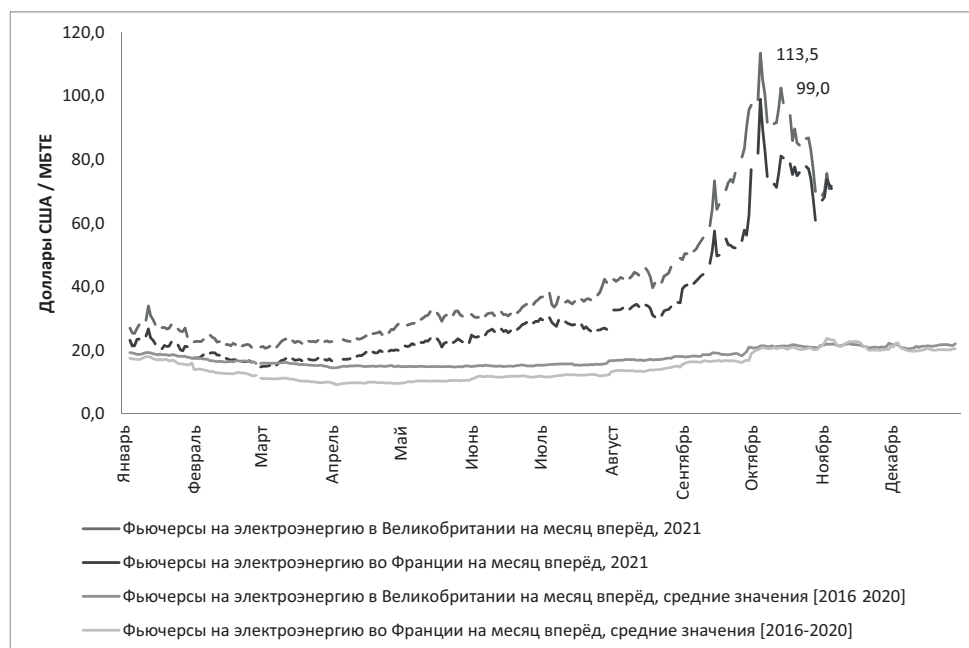

Рис. 2. Цены на электроэнергию во Франции и Великобритании на месяц вперёд, значения за 2021 г. и средние значения за 2016–2020 гг.

Fig 2. Electricity prices in France and the UK for the month ahead, values for 2021 and averages for 2016–2020

Источник: составлено автором на основе данных Bloomberg

Цены на уголь также поднялись до исторического рекорда — \$11,5/МБТЕ на 5 октября 2021 г., что в 3,8 раза выше среднего показателя 2016–2020 гг. (рис. 3). Это звучит невероятно на фоне планов ЕС по достижению углеродной нейтральности к 2050 г. Согласно анализу RBN Energy, схема торговли квотами на выбросы стала первоначальным триггером этого роста цен [6]. Другим фактором резкого роста цен на уголь стала кампания правительства Китая по сокращению выбросов, которая привела к падению добычи угля в стране [1].

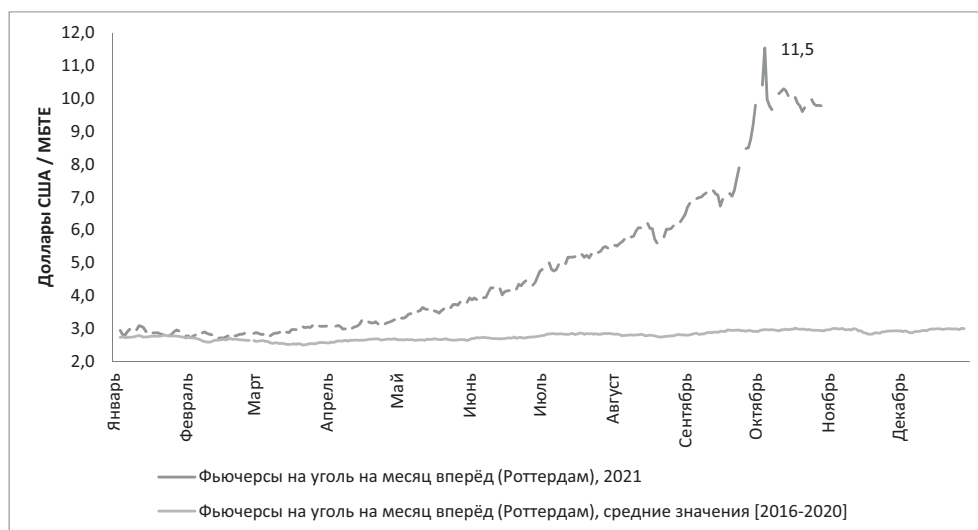

Рис. 3. Фьючерсы на уголь (Роттердам) на месяц вперёд, значения за 2021 г. и средние значения за 2016–2020 гг.

Fig 3. Coal futures (Rotterdam) one month ahead, 2021 values and 2016–2020 averages

Источник: составлено автором на основе данных Bloomberg

Кризис возник из-за нескольких факторов, совпадение которых нельзя было предвидеть. Однако все они были логически возможны, и рациональная энергетическая политика вместе с трезвым подходом к управлению энергосистемой могли предотвратить кризис.

Ниже приведены основные факторы кризиса.

1. *Погодные условия.* Зима 2020–2021 гг. длилась примерно на 1,5 месяца дольше, чем зима 2019–2020 гг. (рис. 4)¹, и привела к необычно большому отбору природного газа из хранилищ для удовлетворения потребности в отоплении в зимнее время. По оценке ПАО «Газпром», это привело к увеличению потребности в природном газе на 6,3 млрд м³ в 1-м квартале 2021 г.² Как следствие, к началу лета уровень природного газа в хранилищах был ниже обычного в начале традиционного летнего заправочного сезона (рис. 5) [2].

2. *Низкий уровень заполненности подземных газовых хранилищ (ПХГ) в Европе.* Из-за высоких летних цен на газ европейские газохранилища пополнялись не так быстро, как обычно, и к началу августа были загружены менее чем на 60%, что является 10-летним минимумом (рис. 5). Ситуация усугублялась тем, что некоторые страны решили сократить количество своих хранилищ, чтобы избежать инвестиций в дорогостоящую инфраструктуру. Например, Великобритания в 2017 г. закрыла хранилище Rough, которое обеспечивало 70% мощностей хранения газа в Великобритании на протяжении более трех десятилетий³.

3. *Авария на заводе ПАО «Газпром», приведшая к резкому снижению поставок газа в Европу.* Пока европейские ПХГ существенно отставали от графика подготовки к предстоящей зиме, в начале августа на заводе ПАО «Газпром» под Новым Уренгоем вспыхнул пожар. Из-за ущерба компания была вынуждена прекратить добычу как природного газа, так и конденсата на ключевых месторождениях «Газпрома» в Уренгое и Ямбурге. В результате аварии вдвое сократились объемы природного газа, поставляемого в Европу по трубопроводу Ямал — Европа. Сообщение об аварии немедленно подтолкнуло цены TTF вверх еще на 6%⁴. Даже через месяц, в середине сентября 2021 г., трубопроводные поставки не вернулись на доаварийный уровень⁵.

4. Четвертый фактор — *увеличение спроса на газ в Азии* — стал результатом политической напряженности между Китаем и Австралией, начавшейся в 2018 г.⁶ Два года спустя, после призыва Австралии провести расследование происхождения вируса Covid-19, Китай ввел неофициальный запрет на импорт угля из Австралии с середины 2020 г.⁷ Кроме того, из-за уже упомянутой национальной климатической политики Китай ввел ограничения на внутреннюю добычу и использование угля. Чтобы компенсировать потери импорта и добычи угля на фоне быстрого восстановления после Covid-19 и в то же время двигаться к заявленным климатическим целям (в конце 2020 г. Китай поставил цель достичь углеродной нейтральности к 2060 г.), Китай резко стал наращивать импорт газа, включая сжиженный природный газ (СПГ)⁸. Трубопроводный импорт газа в Китай достиг исторически высокого уровня — 3,79 млн т в августе

¹ Degree Days Calculated Accurately for Locations Worldwide [Электронный ресурс] // Degree Days.net. URL: <https://www.degreedays.net/> (дата обращения: 15.03.2023).

² «Газпром экспорт» называет абсурдными обвинения в недопоставках газа в Европу [Электронный ресурс] // NANGS.org. 24.09.2021. URL: <https://nangs.org/news/markets/gas/gazprom-eksport-nazval-absurdnymi-obvineniya-o-nedopostavkakh-gaza-v-evropu> (дата обращения: 15.03.2023).

³ Jillian Ambrose. Relying on luck: why does the UK have such limited gas storage? [Электронный ресурс] // The Guardian. 24.09.2021. URL: <https://www.theguardian.com/business/2021/sep/24/how-uk-energy-policies-have-left-britain-exposed-to-winter-gas-price-hikes> (дата обращения: 15.03.2023).

⁴ Подобедова Л. Авария на заводе Газпром. Что важно знать [Электронный ресурс] РБК. 06.08.2021. URL: <https://www.rbc.ru/business/06/08/2021/610d06959a7947180b906801> (дата обращения: 15.03.2023).

⁵ Россия резко увеличила поставки газа в Европу [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 14.09.2021. URL: <https://lenta.ru/news/2021/09/14/rost/> (дата обращения: 15.03.2023).

⁶ Timeline: Tension between China and Australia over Commodities Trade [Электронный ресурс] // Reuters. 11.12.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-australia-trade-china-commodities-tim-idUSKBN28L0D8> (дата обращения: 15.03.2023).

⁷ «Газпром экспорт» называет абсурдными обвинения в недопоставках газа в Европу [Электронный ресурс] // NANGS.org. 24.09.2021. URL: <https://nangs.org/news/markets/gas/gazprom-eksport-nazval-absurdnymi-obvineniya-o-nedopostavkakh-gaza-v-evropu> (дата обращения: 15.03.2023).

⁸ China Data: Jan-Feb Natural Gas Imports Soar 17,4% on Year [Электронный ресурс] // S&P Global. 07.03.2021. URL: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/natural-gas/030721-china-data-jan-feb-natural-gas-imports-soar-174-on-year> (дата обращения: 15.03.2023).

2021 г. (рис. 6). Эта тенденция перехода от угля к природному газу вряд ли ослабнет в ближайшие годы — растущий уровень спроса Китая не может быть удовлетворен никаким другим топливом¹.

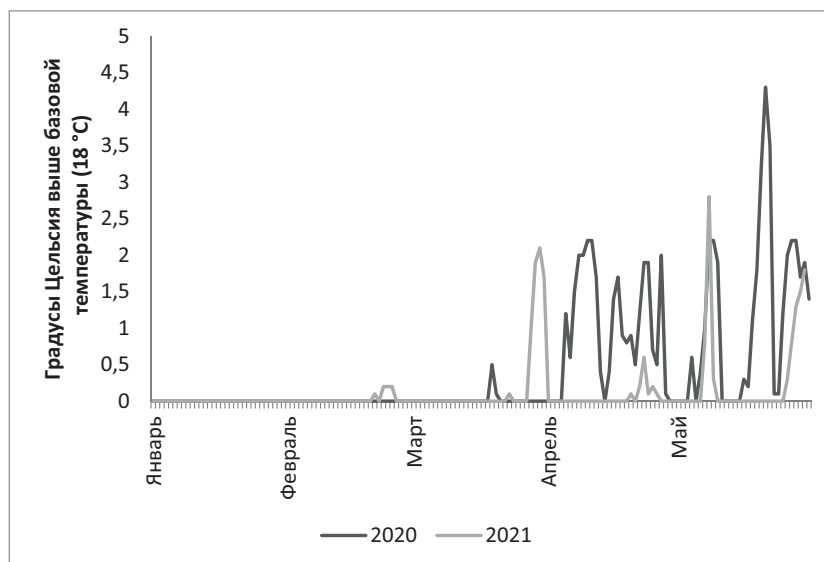

Рис. 4. Градусо-сутки охлаждающего периода (ГСОП) — насколько (в градусах) и как долго (в днях) температура наружного воздуха была выше заданной базовой температуры. На графике видно, что весной 2021 г. ГСОП был намного выше, чем весной 2020 г.

Fig 4. Cooling Degree Day (CDS) — how much (in degrees) and how long (in days) the outside temperature has been above the set base temperature. The graph shows that the GSOP was much higher in the spring of 2021 than in the spring of 2020.

Источник: составлено автором на основе данных Degree Days

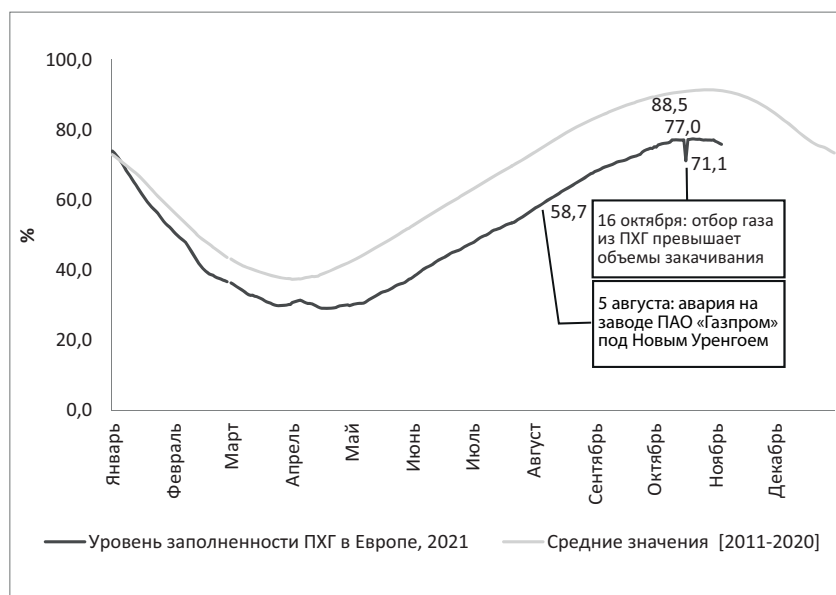

Рис. 5. Уровни заполненности ПХГ в Европе

Fig 5. Level of occupancy of underground gas storages (UGS) in Europe

Источник: составлено автором на основе данных Bloomberg

¹ Xuewan C., Xuan Z., Yujie B. [и др.] How China Stumbled into a Painful Energy Shortage [Электронный ресурс] // Nikkei Asia. 12.10.2021. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Caixin/How-China-stumbled-into-a-painful-energy-shortage> (дата обращения: 15.03.2023).

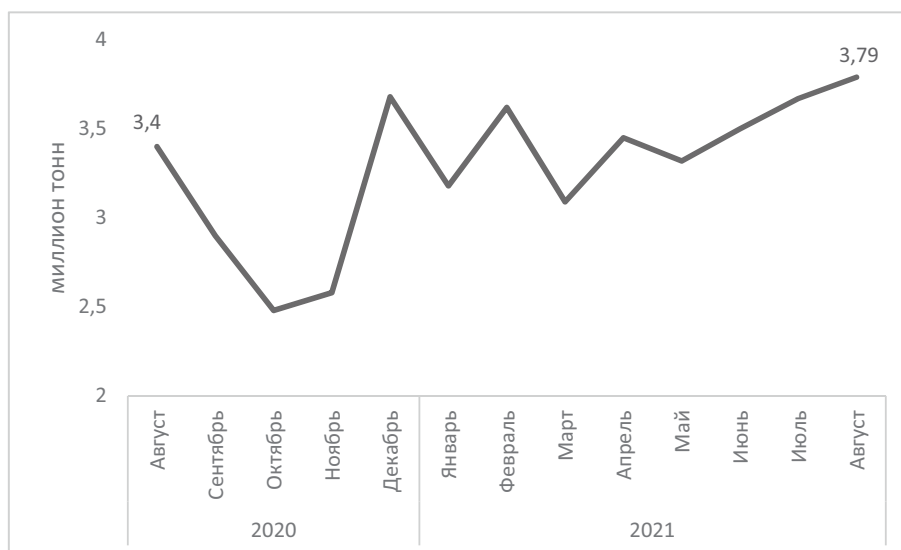

Рис. 6. Трубопроводный импорт природного газа в Китай

Fig. 6. Pipeline imports of natural gas to China

Источник: составлено автором на основе данных Главного таможенного управления Китая¹

Цены на природный газ на азиатском рынке традиционно выше, чем в Европе. Более половины СПГ, идущего в Азию, поставляется по долгосрочным контрактам с нефтяной привязкой. В результате этого объем газа, покупаемый азиатскими потребителями на спотовом рынке, в процентном отношении является довольно небольшим и, как следствие, очень чувствительным к разнице азиатского индекса JKM и нидерландского TTF. Летом 2021 г. ценовой разрыв между двумя рынками сохранялся, что побуждало поставщиков поставлять СПГ в Азию, а не в Европу.

Для ряда стран на европейском континенте погодные факторы сыграли неожиданно важную роль в развитии кризиса. Например, сентябрь 2021 г. был неожиданно теплым в Великобритании, что привело к увеличению спроса на электроэнергию для кондиционирования. Из-за безветренной погоды производство электроэнергии ветряными электростанциями было практически незначительным и составляло от 0 до 20% внутреннего производства Великобритании. В аналогичный период 2020 г. эта доля была гораздо выше, порой превышая 50% (рис. 7).

Отсутствие долгосрочных контрактов, которые могли бы обеспечить регион природным газом по стабильной цене в сочетании с чрезвычайно высокими спотовыми ценами на природный газ, вынудило National Grid ESO сбалансировать электроснабжение Великобритании относительно более дешевым углем. Например, угольная электростанция EDF West Burton A, находившаяся в резерве, была вновь запущена 6 сентября 2021 г.². В результате к вечеру того же дня доля угля в собственной генерации Великобритании подскочила до 7,2%. В поздние вечерние и ранние утренние часы 14–16 сентября его доля несколько снизилась до 5–6% от общего объема выработки электроэнергии.

15 сентября вспыхнул пожар на подводном кабеле интерконнектора IFA 1 между Великобританией и Францией³, что привело к полугодовому отключению половины его мощности, или 1 ГВт, по импорту

¹ Analysis: China Steps up Natural Gas Supply for 2021-22 Winter-Spring Season [Электронный ресурс] // S&P Global, 09.2021. URL: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/lng/092421-analysis-china-steps-up-natural-gas-supply-for-2021-22-winter-spring-season> (дата обращения: 15.03.2023).

² UK Fires up Coal Power Plant as Gas Prices Soar [Электронный ресурс] // World Energy. URL: <https://www.world-energy.org/article/20130.html> (дата обращения: 15.03.2023).

³ Britton A. Wholesale Energy Prices Soar Following National Grid Fire [Электронный ресурс] // The Independent. 16.09.2021. URL: <https://www.independent.co.uk/business/wholesale-energy-prices-soar-following-national-grid-fire-b1921127.html> (дата обращения: 15.03.2023).

электроэнергии из Франции¹. Импортируемая мощность через IFA 1 обычно удовлетворяет 3% потребления Великобритании (2 ГВт из 33 ГВт всего) в часы пик, что не является критическим значением. Однако эта новость привела к скачку цен на электроэнергию на оптовом рынке Великобритании, который обновил 10-летний рекорд, 5 октября 2021 г. достигнув пика в \$73,3 за МБТЕ. Этот рекорд был побит менее чем за две недели с ростом цен до \$80,8 за МБТЕ 28 сентября 2021 г. Однако всего через неделю был установлен новый рекорд — \$113,5 за МБТЕ (рис. 3).

Рис. 7. Доля ветрогенерации в Великобритании, % от общей собственной генерации Великобритании, в сентябре 2021 г. по сравнению с сентябрем 2020 г.

Fig. 7. Share of wind generation in the UK, % of total UK own generation, in September 2021 compared to September 2020

Источник: составлено автором на основе данных ELEXON BMRS²

Из-за отсутствия достаточного количества хранилищ (как упоминалось выше, в 2017 г. было закрыто хранилище Rough, обеспечивающее 70% мощности хранения газа в Великобритании³) нестабильность генерации из возобновляемых источников энергии не могла быть должным образом сбалансирована, что привело к ценовой катастрофе и краху нескольких компаний, снабжающих электроэнергией более 1,5 млн жителей Великобритании⁴.

4. Результаты

Совокупность описанных выше факторов может показаться уникальным совпадением, однако, если бы у стран европейского континента был достаточный уровень запасов природного газа в ПХГ или больше долгосрочных контрактов (от которых они упорно отказывались в пользу спотовой торговли), кризис можно было бы предотвратить. По данным Международной группы импортеров сжиженного природного газа (GIIGNL) и Международного энергетического агентства (МЭА), объемы торговли природным

¹ IFA Incident — September 2021 [Электронный ресурс] // National Grid. URL: <https://www.nationalgrid.com/incidents/IFASeptember21/> (дата обращения: 15.03.2023).

² UK Electricity Generation by Fuel Type [Электронный ресурс] // BMRS. URL: <https://www.bmreports.com/bmrs/?q=generation/fueltype/current> (дата обращения: 15.03.2023).

³ Jillian Ambrose. Relying on Luck: Why Does the UK Have Such Limited Gas Storage? [Электронный ресурс] // The Guardian. 24.09.2021. URL: <https://www.theguardian.com/business/2021/sep/24/how-uk-energy-policies-have-left-britain-exposed-to-winter-gas-price-hikes> (дата обращения: 15.03.2023).

⁴ What Happens if Your Energy Supplier Goes Bust [Электронный ресурс] // Ofgem. URL: <https://www.ofgem.gov.uk/information-consumers/energy-advice-households/what-happens-if-your-energy-supplier-goes-bust> (дата обращения: 15.03.2023).

газом на спотовой и краткосрочной основе постоянно растут. Что касается 2020 г., то доля таких сделок по СПГ достигла почти 40%¹.

В таких условиях кризис осени 2021 г. может стать не отклонением от нормы, а лишь первым в череде рыночных потрясений. Хотя отдельные колебания рынка невозможно точно предсказать, тенденция к большей волатильности основана на четкой и логичной модели, которая связана с отсутствием технических возможностей для управления нестабильной генерацией из возобновляемых источников энергии в крупных масштабах. И объемы ВИЭ обязательно возрастут, если страны продолжат следовать выбранному пути в рамках четвертого энергоперехода.

Политика, направленная на поэтапный отказ от углеводородов для достижения недавно объявленных целей по нулевому уровню выбросов, начала приносить плоды, что иногда приводит к катастрофическим последствиям для энергетических систем. Как показал пример Великобритании в предыдущем разделе, текущих технических возможностей недостаточно для обеспечения стабильного производства электроэнергии из ВИЭ, и это может привести к перебоям в энергоснабжении (и нежелательному увеличению выбросов CO₂).

5. Последствия для Европы

Энергетический кризис, случившийся незадолго до Конференции ООН по вопросам изменения климата в Глазго (COP-26), поставил под вопрос готовность стран достичь заявленных климатических целей и расстроил единство членов ЕС в отношении будущих действий. Страны Западной Европы уже высказались за сохранение углевязисимых национальных экономик от разрушительных последствий энергетического перехода. Например, Чешская Республика захотела внести изменения в планы ЕС по сокращению выбросов CO₂, которые, как утверждают официальные лица Чехии, в их нынешнем виде нанесут ущерб чешской экономике в целом и ее автомобильной промышленности в частности². Страна сильно зависит от угля, а в автомобильной промышленности занято более 700 тыс. чел., чьим рабочим местам угрожает предложение ЕС о запрете двигателей внутреннего сгорания с 2035 г.

В то же время Польша отказалась прекращать работу на Туровском бурогольном руднике даже после того, как Европейский суд обязал ее сделать это. В соответствии с постановлением суда, Польша подвергается штрафу в размере 5 млн евро в день, начиная с июня 2021 г. и до прекращения добычи на разрезе³. Однако страна утверждает, что отключение шахты поставит под угрозу ее энергетическую безопасность (70% электроэнергии в Польше вырабатывается из угля). Нынешняя сумятица на европейских энергетических рынках только укрепит позицию Польши.

Другой член Евросоюза, Франция, вызывает раскол позиций в ЕС, настаивая на массовом развитии атомной энергетики. В октябре 2021 г. министры из десяти стран, включая Францию, обратились к лидерам ЕС с письмом, в котором говорилось, что атомная энергия «должна быть частью решения» климатической проблемы⁴. В то же время президент Франции объявил, что страна к 2030 г. инвестирует 1 млрд евро (\$1,16 млрд) в развитие атомных технологий, таких как малые модульные реакторы и переработка атомных отходов⁵. Из-за этих разнонаправленных толчков достижение консенсуса по «климатическому меню» ЕС становится все труднее.

¹ Spot and Short-term LNG Volumes in Total Trade, 2015–2020. Gas Market Report [Электронный ресурс] // International Energy Agency (IEA). 26.10.2022. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics/charts/spot-and-short-term-lng-volumes-in-total-trade-2015-2020> (дата обращения: 15.03.2023).

² Ponikelska L. Czech Leader Demands Big Changes to EU Green Deal Over Cars [Электронный ресурс] // Bloomberg Green. 22.09.2021 URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-09-22/czech-premier-calls-for-major-changes-to-eu-green-deal-over-cars?srnd=premium-europe> (дата обращения: 15.03.2023).

³ Bodoni S., Onoszko M. Poland Faces \$586,000 Daily Fine for Ignoring Coal Mine Ban [Электронный ресурс] // Bloomberg Technology. 20.09.2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-09-20/poland-faces-586-000-daily-fine-for-ignoring-lignite-mine-ban> (дата обращения: 15.03.2023).

⁴ Stickings T. France's Push for Nuclear Power Divides Europe amid Energy Crisis [Электронный ресурс] // The National. 16.10.2021. URL: <https://www.thenationalnews.com/world/europe/2021/10/16/energy-crisis-frances-push-for-nuclear-power-divides-europe/> (дата обращения: 15.03.2023).

⁵ De Beaupuy F., Nussbaum A. France to Build Small Nuclear Reactors by 2030 in Export Push [Электронный ресурс] // Bloomberg Green. 12.10.2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-10-12/france-to-build-small-nuclear-reactors-by-2030-in-export-push> (дата обращения: 15.03.2023).

События сентября 2021 г. поставили под сомнение планы по полному отказу от угля даже в Великобритании, которая недавно вышла из ЕС, но проводит аналогичную политику энергоперехода. Летом 2021 г. страна объявила о полном выводе угольных станций к октябрю 2024 г.¹. Генеральный директор британской энергетической компании Drax уже заявлял, что планы по закрытию двух угольных электростанций к сентябрю 2022 г. могут быть отложены, если правительство попросит компанию сохранить их в рабочем состоянии².

Рост цен на все виды энергоресурсов вызвал цепную реакцию, когда традиционные крупные потребители энергии (тяжелая промышленность и ЖКХ) столкнулись с серьезными трудностями:

- в августе литовская компания Achema отложила планы по возобновлению производства аммиака;
- аммиачный завод OCI в Гилене (Нидерланды) частично остановил производство;
- крупнейший производитель удобрений CF Industries Holdings 15 сентября 2021 г. был вынужден закрыть два производственных комплекса в Великобритании «из-за высоких цен на природный газ»³;
- в тот же день две коммунальные компании Великобритании, Utility Point (220 тыс. розничных потребителей) и People's Energy (350 тыс. розничных потребителей и 1 тыс. оптовых потребителей), прекратили торговлю⁴;
- двумя днями позже, 17 сентября, Yara, второй по величине производитель аммиака в мире, заявила, что сократит производство аммиака в Европе примерно на 40% из-за высоких цен на сырье для природного газа. Это решение повлияло на объекты Yara общей производственной мощностью около 2 млн т в год⁵;
- крупная испанская компания по производству удобрений Fertiberia решила свернуть свою деятельность на нескольких производственных площадках и остановить производство на своей площадке в Палос-де-ла-Фронтера с 1 октября 2021 г.⁶;
- 21 сентября 2021 г. British Steel заявила, что «этот колоссальный, беспрецедентный рост [цен] делает невозможным прибыльное производство стали»⁷;
- к 23 сентября прекратили работу еще пять британских поставщиков энергии: Hub, MoneyPlus, PFP, Green и Avro Energy. В общей сложности на семь обанкротившихся компаний приходилось более 5% рынка или 1,5 млн клиентов в Великобритании⁸;
- шестой по величине поставщик электроэнергии в Великобритании, Bulb (1,7 млн клиентов), вынужден был искать финансирование для избежания краха, а другая компания, Igloo, начала работать с консультантами по реструктуризации⁹.

¹ Vetter D. U.K. To End All Coal Power In 2024, Accelerating Emissions Goal [Электронный ресурс] // Forbes. 30.06.2021. URL: <https://www.forbes.com/sites/davidrvetter/2021/06/30/uk-to-end-all-coal-power-in-2024-accelerating-emissions-goal/> (дата обращения: 15.03.2023).

² Kennedy S. UK Could Keep Coal Plants Operational Beyond Closure Date Amid Gas Crisis [Электронный ресурс] // Oil Price. 23.09.2021. URL: <https://oilprice.com/Latest-Energy-News/World-News/UK-Could-Keep-Coal-Plants-Operational-Beyond-Closure-Date-Amid-Gas-Crisis.html> (дата обращения: 15.03.2023).

³ CF Industries Holdings, Inc. Announces Halt of Operations at UK Facilities [Электронный ресурс] // Business Wire. 15.09.2021. URL: <https://www.businesswire.com/news/home/20210915006088/en/CF-Industries-Holdings-Inc.-Announces-Halt-of-Operations-at-UK-Facilities> (дата обращения: 15.03.2023).

⁴ What Happens if Your Energy Supplier Goes Bust [Электронный ресурс] // Ofgem. URL: <https://www.ofgem.gov.uk/information-consumers/energy-advice-households/what-happens-if-your-energy-supplier-goes-bust> (дата обращения: 15.03.2023).

⁵ Solsvik T., Adomaitis N. Norway's Yara Cuts Ammonia Output as Gas Prices Surge [Электронный ресурс] // Reuters. 17.09.2021. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/norways-yara-curtails-ammonia-output-gas-prices-surge-2021-09-17/> (дата обращения: 15.03.2023).

⁶ Cockerill R. CO₂ Fertilizer Plant Closures Confirmed, More Expected [Электронный ресурс] // Gas World. 17.09.2021. URL: <https://www.gasworld.com/co2-fertiliser-plant-closures-expected/2021734.article> (дата обращения: 15.03.2023).

⁷ British Steel 'Can't Absorb' High Energy Costs; UK Says Supply not an Issue [Электронный ресурс] // S&P Global. 21.09.2021. URL: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/metals/092121-british-steel-cant-absorb-high-energy-costs-uk-says-supply-not-an-issue> (дата обращения: 15.03.2023).

⁸ What Happens if Your Energy Supplier Goes Bust [Электронный ресурс] // Ofgem. URL: <https://www.ofgem.gov.uk/information-consumers/energy-advice-households/what-happens-if-your-energy-supplier-goes-bust> (дата обращения: 15.03.2023).

⁹ Avro Energy and Green Go Bust amid Warning More to Come [Электронный ресурс] // BBC News. URL: <https://www.bbc.com/news/business-58652083> (дата обращения: 15.03.2023).

Бытовые потребители ЕС в конце 2021 г. столкнулись с резким увеличением счетов за электроэнергию: для домохозяйств во Франции розничные цены выросли в среднем на 10%; немецкие поставщики газа подняли цены на 12,6%¹.

Испания, Италия и Франция были вынуждены объявить о нескольких мерах государственной помощи для поддержки своих граждан. Например, Франция запланировала потратить около 600 млн евро на предоставление субсидий в размере 100 евро для домохозяйств с низкими доходами; Италия потратила 1 млрд евро на прямое вмешательство в энергетический рынок с целью снижения потребительских цен и в феврале 2021 г. объявила о пакете поддержки потребителей на 8 млрд евро²; Великобритания начала рассмотрение возможности введения непредвиденного налога на поставщиков энергии³ вслед за планом Испании по изъятию примерно 650 млн евро от энергетических компаний и 2,5 млрд евро от коммунальных предприятий, которые извлекли выгоду из «сверхприбылей»⁴. Испанское правительство заявило, что «эта ситуация может спровоцировать негативную реакцию на инициативы по сокращению выбросов диоксида углерода», поскольку политика сокращения выбросов CO₂ «может не выдержать длительного периода неправомерных цен на электроэнергию»⁵.

Все это ставит под сомнение готовность Европы достичь не только целей по нулевым выбросам к 2050 г., но даже промежуточных целей, таких как сокращение выбросов парниковых газов на 55% по сравнению с уровнем 1990 г., к 2030 г. Возникает множество вопросов о перспективах четвертого энергетического перехода — в нынешнем виде его принципы угрожают существующим энергосистемам, не предлагая надежной альтернативы.

6. Дискуссия

Описанную выше ситуацию по праву можно назвать провалом европейской энергосистемы из-за политики европейских стран по исключению важнейших источников энергии, которые воспринимаются как менее «чистые». Движущая сила такого курса ясна — это стремление уменьшить углеродный след всех секторов экономики, чтобы достичь заявленных климатических целей. Однако кризис сентября 2021 г. продемонстрировал, что масштабное сокращение углеродного следа энергосистемы, опирающейся исключительно на ВИЭ, при нынешнем уровне развития технологий недостижимо без угрозы для энергетической безопасности.

Однако возможность достижения климатических целей без отказа от стабильности и доступности энергоснабжения существует — через внедрение углеродно-нейтральных версий традиционных углеводородов, таких как углеродно-нейтральный природный газ (в том числе СПГ) и углеродно-нейтральная нефть.

На данный момент не существует общепринятого определения углеродно-нейтрального продукта или контракта. Обычно это продукт с компенсацией выбросов парниковых газов, которая покрывает до 100% его выбросов на разных этапах цепочки создания стоимости. Компенсация выбросов может быть осуществлена в результате различных действий, таких как секвестрация (захват и улавливание) или предотвращение выбросов [2]. Секвестрация выбросов достигается с помощью технологий улавливания и хранения углерода (УХУ), когда выбросы CO₂ улавливаются и повторно используются или хранятся

¹ Paull H. European Governments Considering Billions in Aid as Energy Crisis Deepens [Электронный ресурс] // The Deep Dive. 23.09.2021. URL: <https://thedeepdive.ca/european-governments-considering-billions-in-aid-as-energy-crisis-deepens/> (дата обращения: 15.03.2023).

² Fonte G., Jones G. Italy Approves 8 bln Euro Package to Help Economy, Curb Energy Bills [Электронный ресурс] // Reuters. 18.02.2022. <https://www.reuters.com/business/energy/italy-preparing-6-bl-euro-package-curb-energy-bills-draft-2022-02-18/> (дата обращения: 15.03.2023).

³ Амброуз Д. Ministers Considering Windfall Tax on Firms Profiting from Gas Price Rises [Электронный ресурс] // The Guardian. 22.09.2021. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2021/sep/22/windfall-tax-on-firms-profiting-from-gas-price-rises-an-option-says-minister> (дата обращения: 15.03.2023).

⁴ Spain to Claw Back €3bn from Utility Groups as Energy Prices Soar [Электронный ресурс] // California New Times. URL: <https://www-ft-com.ezp.lib.cam.ac.uk/content/170b34a9-7a03-4bfa-abb9-7eafe9405ff9> (дата обращения: 15.03.2023).

⁵ Krukowska E., Millan L. Energy Crunch Jeopardizes Europe's Green Overhaul, Spain Warns [Электронный ресурс] // Bloomberg Green. Energy & Science. 21.09.2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-09-21/energy-crunch-jeopardizes-europe-s-green-overhaul-spain-warns> (дата обращения: 15.03.2023).

в геологических формациях¹. Предотвращение выбросов достигается за счет сокращения или замены углеродоемких видов деятельности менее углеродоемкими, например, благодаря внедрению энергоэффективных методов или переходу с угля на газ или с газа на водород [8].

Рынки углеродно-нейтрального СПГ являются довольно новым, но стремительно развивающимся явлением. Первая партия углеродно-нейтрального СПГ была анонсирована Shell в июне 2019 г. В 2019–2021 гг. по всему миру было совершено более тридцати поставок такого СПГ (рис. 8). Рынок углеродно-нейтральной нефти развивается более медленными шагами: пока поставлено всего четыре партии.

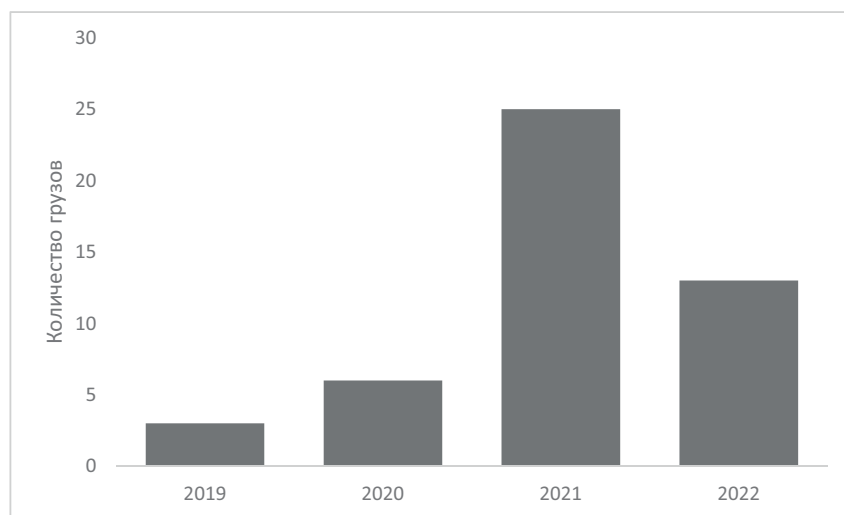

Рис. 8. Грузы углеродно-нейтрального СПГ (заявленные или доставленные) по годам

Fig. 8. Cargoes of carbon-neutral LNG (declared or delivered) by year

Источник: составлено автором на основе данных Bloomberg NEF

Углеродно-нейтральные углеводородные продукты сочетают преимущества традиционных ископаемых видов топлива (высокая надежность, знакомые физические свойства и совместимость с существующей инфраструктурой, благодаря которым со стороны потребителей не требуются дополнительные инвестиции) с экологическими преимуществами, такими как меньший или даже нулевой углеродный след. Подобные продукты также могут продаваться по относительно низкой цене — по оценкам автора, себестоимость производства углеродно-нейтрального СПГ в 2021 г. могла варьироваться от \$8 до \$12 за МБТЕ, что делает его конкурентоспособным на энергетических рынках (ценовая надбавка за экологичность невелика относительно уровня цен на природный газ, который испытывали газовые рынки в 2021–2022 гг.).

Как для ЕС, так и для всех стран ЕАЭС — России, Белоруссии, Армении, Казахстана и Киргизии — природный газ играет важную роль в энергобалансе. Так, в энергетическом балансе России доля природного газа составляет 54%, Белоруссии — более 38%. Для Казахстана доля газа — 25%, Киргизии — 21,5%. В энергобалансе Армении природный газ составляет рекордные для ЕАЭС 59,6% и ожидается, что его доля будет расти². Именно природный газ благодаря своим физическим свойствам может стать решением, обеспечивающим как достижение целей энергетического перехода, так и сохранение энергетической безопасности стран — членов ЕАЭС.

¹ Carbon Capture, Utilization & Storage [Электронный ресурс] // Aramco. URL: <https://www.aramco.com/en/sustainability/climate-change/managing-our-footprint/carbon-capture-utilization-and-storage#> (дата обращения: 15.03.2023); Carbon Capture, Utilization & Storage [Электронный ресурс] // Министерство энергетики США (Energy.Gov). URL: <https://www.energy.gov/carbon-capture-utilization-storage> (дата обращения: 15.03.2023).

² Декарбонизация транспорта с помощью природного газа — проект рекомендаций в отношении политики [Электронный ресурс] // Европейская экономическая комиссия. Комитет по устойчивой энергетике. 9 июля 2021 г. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-08/ECE_ENERGY_2021_19_r.pdf (дата обращения: 15.03.2023).

7. Заключение

Кейс-стади, проведенный автором, показал, что чрезмерная зависимость от возобновляемых источников энергии при отсутствии технологических решений для балансировки нестабильности их генерации может быть разрушительной для энергетических рынков и ставит под вопрос будущее четвертого энергетического перехода. Как показывает пример Великобритании и государств — членов Европейского союза, последствия могут включать:

- рост спотовых цен на природный газ и уголь от 3 до 5 раз;
- переключение потребителей с газа на уголь и увеличение выбросов CO₂, несмотря на официальные климатические цели;
- резкий рост розничных цен на электроэнергию для потребителей (рост более 10%) [3];
- закрытие промышленных компаний (например, производителей удобрений);
- крах коммунальных предприятий, обеспечивающих энергией миллионы потребителей.

Однако существует возможное решение — использование углеродно-нейтральных версий традиционных углеводородных продуктов (нейтральность обычно достигается за счет компенсации выбросов углерода), которое может обеспечить достижение климатических целей, не подвергая риску глобальную энергетическую безопасность. У российских компаний уже есть опыт поставок углеродно-нейтрального газа своим потребителям (например, ПАО «Газпром» в 2021 г. экспортировал партию такого СПГ в Великобританию, а ПАО «Новатэк» в 2020 г. открыл углеродно-нейтральную заправку в Германии).

Исходя из вышеперечисленных аргументов, можно заключить, что именно на природный газ, доля которого в энергобалансах стран — членов Евразийского экономического союза уже значительна, необходимо делать ставку для достижения энергетического перехода в ЕАЭС.

Литература

1. Громов А. Перспективы газовой отрасли Китая: сохранится ли «окно» возможностей для российского сырья? // Энергетическая политика. 2022. № 1 (167). С. 51–69. DOI: 10.46920/2409-5516_2022_1167_50
2. Лебедева А., Зайцева А. Атомная энергетика ЕС на пути к реабилитации // Энергетическая политика. 2022. № 6 (172). С. 70–77. DOI 10.46920/2409-5516_2022_6172_70. EDN: FWNEJJ
3. Сайгаткина С. Один кубометр миллиард бережет // Энергетическая политика. 2022. № 9 (175). С. 22–41. DOI: 10.46920/2409-5516_2022_9175_22. EDN: EUNSDZ.
4. Селищева Т. А. «Зеленая» экономика как модель устойчивого развития стран ЕАЭС [Электронный ресурс] // Проблемы современной экономики. 2018. № 3 (67). С. 6–12. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36410018> (дата обращения: 15.03.2023). EDN: YNKPUL
5. Сопилко Н. Ю., Назарова Ю. А. Перспективы развития возобновляемых источников энергии на пространстве Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Инновации и инвестиции. 2018. №5. С. 93–96. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41495806> (дата обращения: 15.03.2023). EDN: IKXSHD
6. Fattouh B., Heidug W., Zakkour P. Carbon Capture and Storage: The Perspective of Oil and Gas Producing Countries [Электронный ресурс] // The Oxford Institute for Energy Studies. September 2021. URL: <https://a9w7k6q9.stackpathcdn.com/wpcms/wp-content/uploads/2021/09/Insight-101-CCS-The-perspective-of-oil-and-gas-producing-countries.pdf> (дата обращения: 15.03.2023).
7. Forster J., Mengis N., Schill E. [и др.]. Avoided and Removed Emissions [Электронный ресурс] // Helmholtz Climate Initiative. Project briefing #3. June 2020. URL: https://www.netto-null.org/imperia/md/assets/net_zero/dokumente/3_co2_web.pdf (дата обращения: 15.03.2023).
8. Humphreys M., Sachs J. D., Stiglitz J. E. [и др.]. Escaping the Resource Curse. Columbia University Press, 2007. 432 p.
9. Madureira N. L. Oil Reserves and Peak Oil // Key Concepts in Energy. Springer, Cham, 2014. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-04978-6_6

10. Makarov A. A., Mitrova T. A., Kulagin V. A. Global and Russian Energy Outlook 2019 [Электронный ресурс] // ERI RAS, Moscow School of Management SKOLKOVO. Moscow, 2019. 210 p. URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_Forecast_2019_EN.pdf (дата обращения: 15.03.2023).
11. Robinson J. A., Torvik R., Verdier T. Political Foundations of the Resource Curse // Journal of Development Economics. Vol. 79. No. 2. 2006. P. 447–468. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2006.01.008>
12. Ross M. L. The Political Economy of the Resource Curse. World Politics. Johns Hopkins University Press. 1999. Vol. 51. No. 2. P. 297–322. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0043887100008200>
13. Smil V. Energy Transitions: History, Requirements, Prospects. Santa Barbara : Praeger/ABC CLIO, 2010. 192 p. <https://doi.org/10.1016/j.eist.2011.10.007>

Об авторе:

Сергеева Злата Владимировна, аспирант кафедры прикладного анализа международных проблем (ПАМП) Московского государственного института международных отношений (МГИМО) (Москва, Российская Федерация);
e-mail: zl.v.sergeeva@my.mgimo.ru; ORCID: 0000-0003-2917-6969

References

1. Gromov A. Prospects for China's gas industry: will the "window" of opportunity for russian gas remain? // Energy Policy [Energeticheskaya politika]. 2022. No. 1 (167). P. 51–69. (In Rus.) DOI: 10.46920/2409-5516_2022_1167_50
2. Lebedeva A., Zaytseva A. EU Nuclear Industry on the Way to Rehabilitation // Energy Policy [Energeticheskaya politika]. 2022. No. 6 (172). P. 70–77. (In Rus.) DOI: 10.46920/2409-5516_2022_6172_70. EDN: FWNEJJ
3. Saygatkina S. One Cubic Meter Saves a Billion // Energy Policy [Energeticheskaya politika]. 2022. No. 9 (175). P. 22–41. (In Rus.) DOI: 10.46920/2409-5516_2022_9175_22. EDN: EUNSDZ
4. Selishcheva T. A. "Green" Economy as a Model of Sustainable Development in EEU Countries [Electronic resource] // Problems of Modern Economics [Problemy sovremennoi ekonomiki]. 2018. No. 3 (67). P. 6–12. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36410018> (accessed: 15.03.2023). (In Rus.) EDN: YNKPUL
5. Sopilko N. Yu., Nazarova Yu. A. Prospects of Development of Renewable Energy Sources on the Space of the Eurasian Economic Union [Electronic resource] // Innovation and Investment [Innovatsii i investitsii]. 2018. No. 5. P. 93–96. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41495806> (accessed: 15.03.2023). EDN: IKXSHD
6. Fattouh B., Heidug W., Zakkour P. Carbon Capture and Storage: The Perspective of Oil and Gas Producing Countries [Electronic resource] // The Oxford Institute for Energy Studies. September 2021. URL: <https://a9w7k6q9.stackpathcdn.com/wpcms/wp-content/uploads/2021/09/Insight-101-CCS-The-perspective-of-oil-and-gas-producing-countries.pdf> (accessed: 15.03.2023).
7. Forster J., Mengis N., Schill E. [et al.]. Avoided and Removed Emissions [Electronic resource] // Helmholtz Climate Initiative. Project briefing #3. June 2020. URL: https://www.netto-null.org/imperia/md/assets/net_zero/dokumente/3_co2_web.pdf (accessed: 15.03.2023).
8. Humphreys M., Sachs J. D., Stiglitz J. E. [et al.] Escaping the Resource Curse. Columbia University Press, 2007. 432 p.
9. Madureira N. L. Oil Reserves and Peak Oil // Key Concepts in Energy. Springer, Cham, 2014. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-04978-6_6
10. Makarov A. A., Mitrova T. A., Kulagin V. A. Global and Russian Energy Outlook 2019 [Electronic resource] // ERI RAS, Moscow School of Management SKOLKOVO. Moscow, 2019. 210 p. URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_Forecast_2019_EN.pdf

energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_Forecast_2019_EN.pdf (accessed: 15.03.2023).

11. Robinson J. A., Torvik R., Verdier T. Political Foundations of the Resource Curse // Journal of Development Economics. Vol. 79. No. 2. 2006. P. 447–468. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2006.01.008>
12. Ross M. L. The Political Economy of the Resource Curse. World Politics, 51. 1999. P. 297–322. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0043887100008200>
13. Smil V. Energy Transitions: History, Requirements, Prospects. Santa Barbara : Praeger/ABC CLIO, 2010. 192 p. <https://doi.org/10.1016/j.eist.2011.10.007>

About the author:

Zlata V. Sergeeva, PhD student of the Department of Applied International Analysis at the Moscow State Institute of International Affairs (MGIMO University) (Moscow, Russian Federation);
e-mail: zl.v.sergeeva@my.mgimo.ru; ORCID: 0000-0003-2917-6969

Современные теоретические и практические подходы к многосторонности в международных отношениях: кейс ЕАЭС

Торопыгин А. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-Западный институт управления), Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: toropygin-av@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-0678-3347

РЕФЕРАТ

Исследуются современные теоретические подходы к трактовкам концептов «многосторонность», «многополярность», «многовекторная внешняя политика». Особенности многовекторной внешней политики рассматриваются на странах постсоветского пространства.

Цель. Определить основные теоретические и рассмотреть практические подходы к многосторонности в международных отношениях.

Задачи. Выявить основные различия в трактовках понятия «многосторонность» на современном этапе. Определить соотношения между многосторонностью и многополярностью. Сформулировать основные различия во взглядах на многосторонность между западными и развивающимися странами. Рассмотреть основные проявления многовекторности внешней политики стран постсоветского пространства, уделив внимание странам ЕАЭС.

Методология. Основное место в исследовании занял метод сравнения. Многосторонность рассматривалась как принцип ведения международных дел и принятия решений государством, иными словами, внешнеполитический процесс. Для этого использовалась модель Р. Патнэма, в которой внешнеполитические решения принимаются в логике двухуровневой игры, с внутриполитическим и внешнеполитическим уровнями. Многосторонность — фактор второго уровня. Фактором первого уровня являются проявления социально-экономической политики государства.

Результаты. Исследованы современные теоретические и практические подходы к многосторонности.

Выводы. Единообразных трактовок концепта многосторонности не существует. Основные различия связаны с местом, которое занимает понятие «ценности». Являются ли ценности основой многосторонности или, наоборот, многосторонность является процессом прихода к общим ценностям — это достаточно принципиальный вопрос и для многополярности. Многополярность может существовать и без многосторонности.

Многовекторная внешняя политика в условиях постсоветского пространства способствует нестабильности государств и ведет к экономическим и политическим кризисам в этих государствах.

Ключевые слова: многосторонность, многополярность, многовекторность, политические и экономические кризисы, устойчивость государств

Для цитирования: Торопыгин А. В. Современные теоретические и практические подходы к многосторонности в международных отношениях: кейс ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 2. С. 169–180.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-169-180>

Modern Theoretical and Practical Approaches to Multilateralism in International Relations: the EAEU Case

Andrey V. Toropygin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation

e-mail: toropygin-av@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-0678-3347

ABSTRACT

Modern theoretical approaches to interpretations of the concepts “multilaterality”, “multipolarity”, “multi-vector foreign policy” are investigated. Features of multi-vector foreign policy are considered in the countries of the post-Soviet space.

Aim. Determine the basic theoretical and consider practical approaches to multilateralism in international relations.

Tasks. To identify the main differences in the interpretations of the concept of “multi-line” at the present stage. Determine the ratios between multilaterality and multipolarity. Formulate the main differences in views on the versatility between Western and developing countries. Consider the main manifestations of the multi-vector’s external policy of the countries of the post-Soviet space, paying attention to the EAEU countries.

Methods. The main place in the study was taken by the comparison method. Multilateity was seen as the principle of conducting international affairs and making decisions by the state; In other words, the foreign policy process. For this, the model of R. Patema was used, in which foreign policy decisions are made in the logic of a two-level game, with the domestic political and foreign policy levels. Multilateity is the factor of the second level. The factor of the first level is the manifestation of the socio-economic policy of the state.

Results. Modern theoretical and practical approaches to multilateralism have been investigated.

Conclusions. There are no uniform interpretations of the concept of multilaterality. The main differences are associated with a place that occupies the concept of “values”. Whether the values are the basis of multilaterality or vice versa — the versatility of the process of coming to common values. This is a fairly fundamental issue for multipolarity. Multipolarity can exist without multilateralism.

The centuries-old foreign policy in the conditions of the post-Soviet space contributes to the instability of states and leads to economic and political crises in these states.

Keywords: multilaterality, multipolarity, multi-vector, political and economic crises, stability of states

For citation: Toropygin A. V. Modern Theoretical and Practical Approaches to Multilateralism in International Relations: the EAEU Case // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 169–180. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-169-180>

Введение

Современный мир находится в глубоком кризисе. Кризис разделил его по линиям США — Китай и Запад — Россия. Если в первом случае красная черта еще не пройдена, то во-втором его решение зависит от победы на ратном поле. Россию, предлагающую новый мировой порядок без гегемона, более справедливый по отношению ко всем странам, — многополярный, поддерживают в первую очередь развивающиеся страны. Вместе с тем для любой страны особенно важны понимание и поддержка ближайших стран, стран-соседей. В этом смысле страны постсоветского пространства уже прошли первый этап размежевания на страны, условно, СНГ, ОДКБ, ЕАЭС и уходящие из этого пространства.

Международная ситуация повлияла на политику стран коллективного Запада и сплотила их, в то время как страны — члены ЕАЭС на этом фоне не меняют свою внешнюю политику.

Обсуждение

Формирование внешней политики государства, принятие внешнеполитических решений — сложные процессы, зависящие от множества факторов. Согласно Р. Патнэму, решение принимается в логике двухуровневой игры; принятое решение не должно входить в конфликт ни с одним из уровней, с одной стороны, с другой — оно зависит от большого числа факторов из этих уровней. Речь идет о и внутриполитическом и международнополитическом уровнях [10].

Таким фактором второго уровня является принцип «многосторонности» — принцип ведения международных дел. Концепция многосторонности заключается в совместном и согласованном решении вопросов, касающихся многих заинтересованных сторон (мир, климат, окружающая среда, борьба с терроризмом, здравоохранение и т. д.). И этот принцип поддерживается и ведущими державами мира, и развитыми и развивающимися государствами. Приоритет многосторонности зафиксирован в учредительных документах многих международных организаций и неоднократно подтверждался резолюциями ООН. На протяжении долгого времени он не ставился под сомнение, но в настоящее время стало очевидно отсутствие единообразия в его трактовках. Выяснились серьезные расхождения в горизонте Восток — Запад и внутри, например, самого Запада. Трактовки многосторонности различны и у представителей различных, казалось бы, близких направлений при изучении общих объектов/предметов, например, экономистами и международниками.

Часто о многосторонности говорят, как о принципе, сформировавшемся после Второй мировой войны, связывая его с появлением и деятельностью ООН. В то же время механизмом многосторонности называют, точнее называли, парламентскую процедуру общей дискуссии, которая приводила к общему решению. Термин «парламентская дипломатия» даже употреблялся в смысле понятия «многосторонняя дипломатия».

Очевидно, как и всегда, в сложных и многогранных понятиях существуют определенные сложности в терминологии. Это и перевод, и, безусловно, уже сложившиеся направления исследований в различных странах и научных школах. В нашем случае речь может идти о близких, но все же разных направлениях, а иногда и разностных сущностях. Такие одинаковые слова с точки зрения морфемного разбора (двухкоренных слов), как «многосторонность», «многополярность», «мультилатерализм», подтверждают сказанное.

Если считать, что расцвет многосторонних отношений связан с послевоенным временем и Организацией Объединенных Наций, то концепт многополярности появляется в российской политической науке. В 90-е гг. Евгений Максимович Примаков предложил концепцию многополярности в ответ на сугубо американский гегемонизм 80–90-х гг. прошлого века [6].

Многополярность фиксирует распределение силы в международной системе, где имеется несколько (три и более) центров принятия решений. Концепция многополярности формулировала желание России выйти из западного фарватера, в котором ей пришлось следовать после распада СССР. Реализация этих взглядов должна была способствовать выходу из кризиса 90-х гг. прошлого века и предполагала возможность занять подобающее место в однополярном мире.

Нынче термин «многополярность» часто заменяется термином «полицентризм», что никоим образом не меняет сути, но заменяет «полюс» на «центр»; многосторонность — вариант взаимодействия центров друг с другом. Иными словами, многополярность может и не включать многосторонность.

Таким образом, «многополярность» отражает реальное соотношение мощи между основными участниками мировой политики, «многосторонность» фиксирует субъективную готовность взаимодействовать друг с другом в определенном режиме и по определенным правилам (см. рис. 1).

Суммируя вышесказанное, получим некую иерархию понятий, в том смысле что «многополярность» более базовое понятие, нежели «многосторонность», являющаяся понятием надстройки. Вместе с тем

особенно первые два понятия, точнее, процессы, ими обозначаемые, находятся в диалектическом взаимоотношении и некотором соответствии друг с другом. Развитие многосторонних институтов способствует переходу к многополярности, очевидно, что их замедление замедлит и сам переход. Но и слишком быстрое их развитие создаст отрыв от развития многополярности.

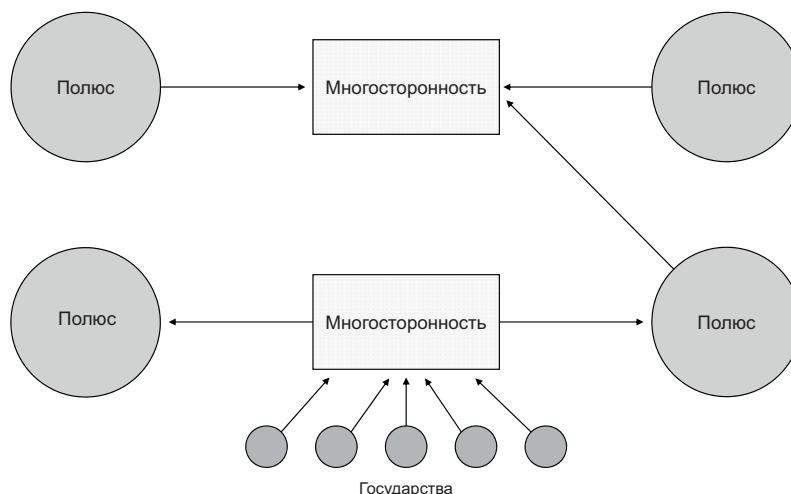

Рис. 1. Возможное взаимодействие полюсов

Fig. 1. Possible interaction of the poles

Источник: составлено автором

В качестве политической практики многосторонность считалась если не обязательной, то предпочтительной точно. Однако надо понимать, что речь шла в первую очередь о многосторонности блоковой. Когда приводятся примеры НАТО, МВФ, МБРР, ГАТТ и многие другие институты, надо помнить, что социалистические страны в них не участвовали, как и капиталистические страны в Организации Варшавского договора и Совете экономической взаимопомощи. Уникальность ООН в этом и должна была состоять, в ней принимали участие практически все страны мира. В каких-то вопросах, тех, которые были вынесены на обсуждение Генеральной Ассамблеи, принимались рекомендации, голосование по которым достаточно четко демонстрировало блоковое устройство мира, если движение «неприсоединения» представить «блоком». То же демонстрировал и Совет Безопасности ООН. И все же определенные решения в ООН принимались, они выполнялись, что наглядно продемонстрировала организация, сумевшая не допустить крупного военного конфликта. Это также является иллюстрацией того положения, что чем шире многосторонность, тем выше легитимность, но ниже эффективность. Добиться консенсуса между многими участниками сложно и долго, но такое решение, если оно будет найдено, устроит всех участников.

В условиях bipolarности в любых многосторонних соглашениях со своими партнерами и союзниками, за редким исключением, США выступали в роли бесспорного лидера в своем блоке, как и СССР в своем. При этом и тот и другой лидер апеллировал к ценностям, к идеологии. Однако социально-экономическое развитие в советском блоке намного уступало западному. Что удачно было представлено миру как прагматическая политика Запада, реализация американской мечты.

С появлением единственного гегемона «блоковая традиция» принятия решений была продолжена. Президенты Трамп, затем и Байден сделали традицию бескомпромиссной: решения/предложения США выполняются большинством западных стран без обсуждения.

Россия, отказавшись от своей идеологии в пользу общечеловеческих ценностей, сегодня формулируемых как всемирное общественное благо [4], стала на позиции прагматизма. Такой же позиции придерживается и Китай. В реализации инициативы «Один пояс — один путь» не используются идеологи-

ческие установки, в расчет берется только экономическая выгода («Не важно, какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей»¹).

Вместе с тем большинство исследователей говорят о том, что многосторонность должна включать и содержательное измерение. Взаимодействие игроков в рамках международных организаций должно соответствовать принципам и нормам этих организаций. А здесь необходимо вспомнить, что легальные организации должны соответствовать правилам и процедурам ООН.

Таким образом, говоря о многосторонности, имеют в виду не только специфический институт дипломатии, но и выбор международными акторами определенных принципов, содержательных целей внешней политики и ее методов. В конечном счете речь идет о наличии между участниками многостороннего взаимодействия пусть ограниченного, но все же значительного набора общих ценностей и целей, не исключающих конфликтные отношения по конкретным вопросам между отдельными участниками.

Можно предположить, что такой набор — это постоянство отношений и предвидения поведения участников договоренностей, учет базовых потребностей и приоритетов друг друга. «Ценностный плюрализм» внутреннего развития необязательно должен быть неременным условием устойчивых международных многосторонних конструкций. ЕАЭС, БРИКС, ШОС, АСЕАН оказались устойчивыми. Другими словами, для многосторонности в международных делах возможно придерживаться в своих внутренних делах и нелиберальных ценностей и принципов. Определяющая особенность многосторонних договоренностей — способность установления в мировой политике долгосрочных общих норм поведения, которые должны быть согласованными в многостороннем формате, а не просто продиктованными более слабым игрокам со стороны более сильных. Многосторонние механизмы должны позволить достичь общих договоренностей относительно единых норм и даже ценностей. Следовательно, минимальная конвергенция ценностей в многосторонних договоренностях происходит, но как результат взаимодействия, а не как предварительное условие².

Многие из положений, рассмотренных выше, созвучны с предложением немецкого ученого Ганса Мауля, который предложил этапы развития многосторонности [8] (см. таблицу).

Таблица

Этапы развития многосторонности
Table. Stages in the development of multilateralism

Этап 1	Дипломатическое взаимодействие трех и более участников, национальных государств или других участников
Этап 2	Кроме формальных процедур, включается и содержательное измерение. Т. е. в рамках международной организации на принципах, например, ООН. Достижение широкого компромисса
Этап 3	Нахождение «правильных» и «адекватных» решений мировой политики, т. е. прийти к эффективному глобальному управлению. Опиерирует в терминах «желаемого» и «должного». Альянс и партнерство единомышленников

Источник: составлено автором по [8]

Собственно говоря, нас интересует в основном третий этап. Что является определяющим в третьем этапе? Это можно понять из высказываний представителей Запада.

Жозеп Боррель считает, что «...причина кризиса многосторонности заключается в том, что либеральные ценности 1945 года подвергаются нападкам в меняющемся мире. Альтернативные нарративы

¹ Афоризм одного из лидеров Китайской Народной Республики, Дэн Сяопина.

² Кортюнов А. Международная многосторонность: возможности и ограничители: рабочая тетрадь Российского совета по международным делам (РСМД) [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД) (сайт). Москва, 30.08.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/workingpapers/mezhdunarodnaya-mnogostoronnost-vozmozhnosti-i-ogranichiteli/> (дата обращения: 21.04.2023).

бросают вызов “Западу” во всех областях — экономика, здравоохранение, история, личные свободы и права человека»¹.

Далее Верховный Представитель ЕС пишет: «...и если сейчас в попытке игнорирования Союза Россия ведет дела напрямую со странами-членами, то это происходит потому, что ЕС имеет вес и препятствует достижению Россией ее целей. Получается, что вопреки общепринятому мнению нет противоречия между действиями в русле политики силы и поощрением ценностей»².

Таким образом, существует два взгляда на современную многосторонность. Отличие — в отношении к параметру «ценность». Для одних в основе многосторонности лежат разделяемые ценности, назовем это условным западным взглядом; для других многосторонность и есть нахождение общих ценностей (см. рис. 2).

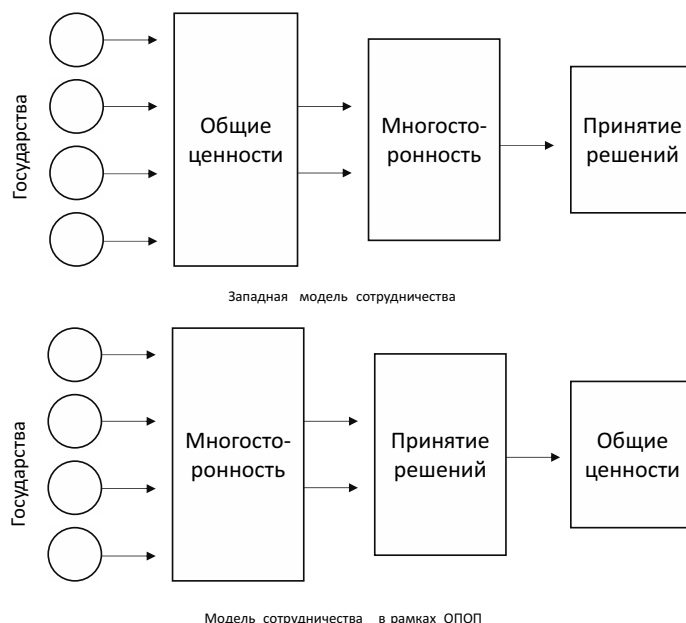

Рис. 2. Современные модели многосторонности

Rice. 2. Modern models of multilateralism

Источник: составлено автором

Боррель согласен только с тем, что необходимо «сохранять манеру говорить или, по крайней мере, слушать». Важно иметь возможность сказать «все, что думаем, и получить ответ от другой стороны»³. Он призвал сохранить эту возможность.

В принципе, такую же схему рассуждения можно применить и к многополярности. Так, по мнению О. Алексеевой-Карневали, «многосторонность» на новом уровне в международных делах признана оптимизировать глобальное управление и отчасти стать альтернативой неработающей «многополярности». По сути дела, она отождествляет эти понятия. Далее она пишет, что это вряд ли возможно. Подлинная «многосторонность» предполагает консенсусное принятие решений или ее аналог — базовое согласие

¹ Боррель Ж. Как вернуть многосторонность в многополярный мир? [Электронный ресурс] // Европейский союз (сайт). 16.03.2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/%D0%BA%D0%B0%D0%BA-%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%83%D1%82%D1%8C-%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C-%D0%B2-%D0%BC%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8F%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%BC%D0%B8%D1%80_ru?s=103 (дата обращения: 21.04.2023).

² Там же.

³ Хохряков А. Боррель: Исключение РФ из G20 противоречило бы принципу многосторонности [Электронный ресурс] // Московский Комсомолец (МК.Ru). 03.03.2023. URL: <https://www.mk.ru/politics/2023/03/03/borrel-isklyuchenie-rf-iz-g20-protivorechilo-by-principu-mnogostoronnosti.html> (дата обращения: 21.04.2023).

относительно разделяемых всеми норм, ценностей, целей и механизмов регулирования многостороннего взаимодействия, предлагала бы правовое юридическое равенство всех участников¹.

Понятно, что большинство сказанного выше и есть теоретические подходы к современной многосторонности. Реальность лежит между обозначенных границ.

А. Картунов, говоря о многосторонности, существовавшей во второй половине XX в., считает, что она необратимо устарела, однако пока ей не найдено никакой альтернативы². Но предлагает варианты изобретения нового формата путем приспособления ее общих принципов к меняющейся реальности.

1. Лидеры государств должны продвигать многосторонность, понимая, что им не особенно приходится рассчитывать на благожелательное к ним отношение со стороны гегемона.
2. Необходимо найти новые методы продвижения многосторонности при относительной деградации многосторонних форматов и в условиях относительной слабости международных организаций и эрозии мирового порядка.
3. Новая многосторонность не должна рассматривать общность ценностей в качестве некоторого входного фильтра для достижения договоренностей, достаточно совпадения интересов.
4. Новые форматы многосторонности должны базироваться на принципе «соревновательного сотрудничества» или «состязательной многосторонности», отношение конкуренции и конфронтации не должны препятствовать совместной работе по продвижению общественных благ на глобальном или региональном уровне.
5. Многосторонность должна быть максимально открытой не столько с точки зрения общего количества участников, сколько с точки зрения общей репрезентативности многосторонних форматов³.

В условиях деглобализации особую значимость приобретает региональная многосторонность. Для нее, очевидно, справедливо все сказанное выше. Здесь те же два взгляда на многосторонность. Мы уже сказали, что ценностный плюрализм для внутреннего развития региональным многосторонним структурам не обязателен. Это характерно, например, для ЕАЭС в форме, отчасти напоминающей многосторонность, — многовекторность, разновекторность и «многосторонняя внешняя политика»⁴.

Многие авторы говорят о влиянии прошлого страны, ее истории на внешнеполитический процесс. Так, при формировании первого поколения российских внешнеполитических доктрин были взяты и творчески переработаны идеи ленинских и горбачевских времен. В результате появилось два тезиса: «обеспечение благоприятных международных условий для строительства демократии в России и «демократической солидарности», имеющих прямую отсылку к «формированию внешних условий для построения социализма» и «общечеловеческим ценностям» [2]. С другими государствами — членами ЕАЭС все сложнее. Особенно для Центральной Азии. Т. А. Алексеева и А. А. Казанцев в своих работах о внешнеполитическом процессе со ссылкой на исследования Н. Н. Крадина [3] утверждают, что истоки многовекторной политики стран этого субрегиона следует искать в комплексе исторических особенностей региона и специфики внешнеполитических традиций, характерных для народов Великого шелкового пути [1, с. 181–182].

В современной политической науке концепт разновекторности внешней политики достаточно хорошо разработан применительно для малых стран [5, с. 228]. Так, с точки зрения представителей школы неореализма, страны малые, оказавшиеся между сильными державами (Китай, Россия), стараются либо балансировать между ними, либо выбирают стратегию присоединения к сильному, стремясь обеспечить свою безопасность. Как мы уже не раз говорили, реальность находится где-то между. Первая стратегия

¹ Алексеева-Карневали О. Почему мир не становится многополярным, или Грамматика международной (не)любви [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД) (сайт). 04.08.2020 URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pochemu-mir-ne-stanovitsya-mnogopolarnym-ili-grammatika-mezhdunarodnoy-ne-lyubvi/> (дата обращения: 21.04.2023).

² Картунов А. Многосторонность надо не восстанавливать, а изобретать заново [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД) (сайт). 09.12.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mnogostoronnost-nado-ne-vosstanavlivat-a-izobretat-zanovo/> (дата обращения: 21.04.2023).

³ Там же.

⁴ Картунов А. Что такое многосторонность «по-европейски»? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД) (сайт). 20.05.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-mnogostoronnost-po-evropeyski/> (дата обращения: 21.04.2023).

может быть самосохранением и защитой существующих ценностей; присоединение к сильному лагерю можно трактовать как «самовозвышение» для получения желанных ценностей [9]. При наличии угрозы выбирается стратегия балансирования во избежание потерь. Как только ситуация меняется, можно присоединиться к сильному с целью получения выгод.

Страны ЕАЭС можно считать примером многовекторности, которая варьируется между четырьмя типами¹. По сути дела, это выбор наиболее важного направления внешней политики из необходимых.

1. Первый тип связан с безопасностью. Главная задача многовекторной внешней политики в нем трактуется как обеспечение национальной безопасности, сохранения суверенитета и независимости перед доминирующей силой.
2. Второй тип направлен на то, чтобы изолировать правящий режим от системного давления, подрывающего его легитимность.
3. Третий тип решает задачу недостатка/избытка с помощью торговли какого-либо ресурса. Его основное направление — диверсификации покупателей природных ресурсов и разработка различных логистических схем поставки.
4. Четвертый тип направлен на содействие социально-экономическому развитию через диверсификацию инфраструктуры и интеграцию в глобальные транспортные маршруты².

Если исходить из того, что многовекторность очень похожа на многосторонность, а в действительности общего очень много, то можно говорить, что это долговременная политика сотрудничества и сосуществования с региональными державами. Но есть мнение, что применительно к внешней политике это временное явление. А точнее, нечто среднее между политической и переговорными стратегиями. Она дает возможность с конкурирующими внешними участниками добиваться необходимых условий сотрудничества. Иными словами, такая политика не способствует достижению долгосрочных целей. С одной стороны, меняются внешние условия, с другой — такая политика особенно зависит от интересов элиты, находящейся в данный момент у власти.

Понятно, что для рассуждения о действиях властей необходимо включить в рассмотрение внутренний уровень формирования внешнеполитического процесса.

На первый взгляд, многовекторность достаточно прагматическая формула, это видно по представленным выше четырем ее типам. И это тоже во многом роднит ее с многосторонностью. С позиции России многосторонность основывается на прагматичности; незаконные санкции убивают экономику, это не практично. С точки зрения США их введение обосновывается не прагматичностью (страны Запада страдают от них еще больше), а идеологическими причинами, страна с нелиберальными ценностями, не с той демократией. Это такая биполярность холодной войны наоборот. Мы уже сказали, что это импонирует многим странам мира. Китай однозначно сказал об этом в документе мирного плана урегулирования кризиса на Украине: необходимо прекращение односторонних санкций, которые «не могут решить проблему, а только создают новые проблемы» (п. 10 плана из двенадцати пунктов по урегулированию кризиса на Украине)³.

На постсоветском пространстве многовекторная внешняя политика достаточно быстро заканчивается. Так случилось с Грузией (западный вектор какое-то время уравнивался членством в СНГ, куда страна пришла в желании решить свои конфликты; не решив их с помощью СНГ, страна взяла четкий западный вектор). То же самое было и с Украиной. В какой-то мере это справедливо и для Молдавии. Случившееся в 2022 г. заставило выбрать один вектор Белоруссию.

В этом плане, на наш взгляд, очень удачную модель для объяснения предложил В. Абаджян⁴. Многовекторность он представил движением маятника между полюсами. По его мнению, это не ла-

¹ Многовекторная дипломатия в теории и на практике [Электронный ресурс] // Central Asian Analytical Network (CAAN) (сайт). 19.04.2018. URL: <https://www.caa-network.org/archives/12951> (дата обращения: 21.04.2023).

² Там же.

³ Андрей Злобин. Китай опубликовал план из 12 пунктов по урегулированию кризиса на Украине [Электронный ресурс] // Forbes. 24.02.2023. URL: <https://www.forbes.ru/society/485347-kitaj-opublikoval-plan-iz-12-punktov-po-uregulirovaniu-krizisa-na-ukraine> (дата обращения: 10.05.2023).

⁴ Чрезвычайный и Полномочный посол Армении в Великобритании (2001–2002 гг.).

вирование между двумя полюсами, а латентное движение к одному из них¹. Продолжив эту аналогию, можно сказать, что многие попытки переориентироваться с одного полюса на другие в угоду различным политическим элитам и силам, требующим решение внутригосударственных противоречий, приводит к недопустимым колебаниям и разрушению системы, политическому кризису (см. рис. 3).

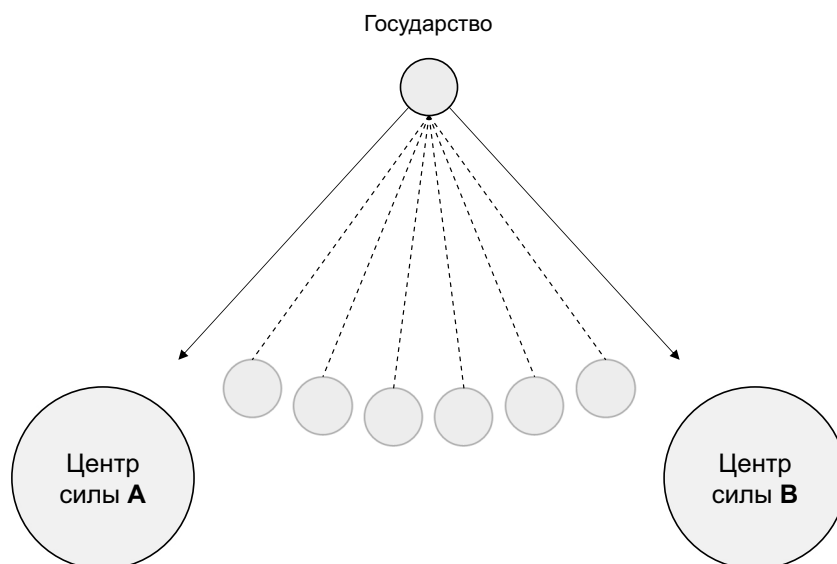

Рис. 3. Модель развития многовекторности внешней политики государства

Fig. 3. Model of the development of a multi-vector foreign policy of the state

Источник: составлено автором

Многовекторность не движение к полюсам, а противодействие их притяжению, попытка все время оставаться на равном удалении от них. Это дает лишь постоянный нейтралитет. К сожалению, похоже, что сегодня это не так. Достаточно вспомнить Швейцарию с ее новым пониманием нейтралитета, Швецию со стремлением в НАТО, Туркменистан и формат «5+1» в Центральной Азии.

Вопреки попыткам оставаться в положении, равноудаленном от центров силы, что должно быть свойственно многовекторности, появление нового центра вызывает ориентацию по новому вектору.

До последних трагических событий, по поводу которых руководство нашей страны выразило глубокие соболезнования президенту и народу Турецкой Республики, эта страна стала серьезным центром силы на Ближнем Востоке, не в последнюю очередь благодаря реализации идеи создания Великого Турана. Тандем Турция — Азербайджан (один из лидеров движения неприсоединения) и Казахстан стали движущей силой сотрудничества Совета сотрудничества тюркоязычных государств (Совет), созданного в 2009 г. В 2021 г. Совет стал Организацией тюркских государств (ОТГ), тем самым сотрудничество тюркоязычных стран поднялось на новый уровень. На этом же саммите был принят важный стратегический документ — «Видение тюркского мира — 2040», который определяет основные пути развития всеобъемлющего сотрудничества в большинстве областей. Не все эти направления укладываются в те, которые приняты, например в ОДКБ. Здесь следует напомнить, что Турция — член НАТО.

Конечно, любое государство может выбирать свой путь реализации национальных интересов. Но элиты некоторых стран выбирают по самым разным причинам путь неоптимальный или неправильно воспринимают свое предназначение в его реализации. Это первый, внутренний уровень двухуровневой игры внешнеполитического процесса.

¹ Абаджян В. Особенности политики многовекторности на постсоветском пространстве [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД) (сайт). 21.03.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/riacdigest/osobennosti-politiki-mnogovektornosti-na-postsovetskom-prostranstve/> (дата обращения: 21.04.2023).

Хорошо известно, что за тридцать лет существования всех новых государств накопленные странами материальные ценности были распределены катастрофически неравномерно¹. Нередко поведение элит можно сравнить только с системой неопатримониализма [7], следствием этого становится плохое социально-экономическое развитие.

Проблемой для развития ЕАЭС становится существенный разрыв между показателями прожиточного минимума и уровня доходов в отдельных государствах — членах ЕАЭС. Что происходит в том числе потому, что на уровне руководящих органов интеграционного объединения вопросам социально-гуманитарного развития уделяется недостаточно внимания². Другой проблемой, по мнению экспертного сообщества, являются недоработки в формировании положительного имиджа интеграционного объединения и информированности его граждан³.

Так, в Армении в 2021 г. 14% респондентов, принявших участие в регулярных опросах «Кавказского барометра», высказались против членства в ЕАЭС⁴.

Аналогичные данные по Киргизии (Центральноазиатский барометр), в 2019 г. 60% считали, что членство в ЕАЭС принесло пользу стране, в 2020 г. — 50%⁵.

За 2016–2021 гг. вклад евразийской интеграции в темпы реального ВВП Армении составил 1,5 процентных пункта, Белоруссии — 4,9, Казахстана — 0,5, Киргизии — 1,4, России — 0,38 процентных пункта. Эксперты говорят, что требуется разработка балансирующего механизма, чтобы уступки государств — членов ЕАЭС были равноценными⁶.

Безусловно, многое зависит от тех очень неблагоприятных условий, с которыми столкнулись государства-члены. И все-таки цифры развития не впечатляют.

Однако Президент Российской Федерации В. В. Путин считает, что ЕАЭС имеет все возможности, чтобы стать одним из мощных полюсов многополярного мира⁷.

Нет сомнений в том, что, опираясь на принцип многосторонности, государства — члены ЕАЭС найдут правильный вектор развития интеграционной структуры, который приведет к созданию реального значимого полюса многополярного мира.

В 2019 г. замминистра МИД Российской Федерации А. В. Грушко одно из своих выступлений озаглавил так «Век многосторонней дипломатии близится к концу?»⁸. Сегодня мы можем ответить, что нет. Но необходимо более четко сформулировать принципы ее сегодняшней деятельности, последовательно применять их и объяснять их правильность. И это, наверное, главное направление многосторонней дипломатии сегодня.

О том, что это так, что многосторонней дипломатии, парламентской дипломатии придается очень большое значение, на наш взгляд, говорит присвоение председателям комитетов Государственной Думы по международным делам и по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками Л. Э. Слуцкому и Л. И. Калашникову высшего дипломатического ранга России — Чрезвычайный и Полномочный посол.

Происходит и ревизия многосторонних отношений российского парламента с международными межпарламентскими институтами. Российская Федерация прекратила свое участие в Совете Европы

¹ Доля национального богатства 10% самого богатого населения РФ составляла в 2020 г. более 45%. Подробнее см.: *Екатерина Виноградова, Татьяна Цвигова*. Росстат по-новому измерил неравенство доходов в стране. Как на разные группы населения повлиял кризис [Электронный ресурс] // РБК. 13.10.2022. URL: <https://www.rbc.ru/economics/13/10/2022/63453c3d9a79470c2cdf05ca> (дата обращения: 21.04.2023).

² *Точин А., Алиев Т., Безруков А.* [и др.] Развитие ЕАЭС 2022+: стратегические задачи и требования времени: доклад № 84/2023 [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД) (сайт). Москва, 27.02.2023. 27 февраля 2023 URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/razvitiye-eaes-2022-strategicheskie-zadachi-i-trebovaniya-vremeni/> (дата обращения: 21.04.2023).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Путин: у ЕАЭС есть все возможности стать мощным полюсом многополярного мира [Электронный ресурс] // РИА Новости. 23.01.2023. URL: <https://ria.ru/20230123/eaes-1846692748.html> (дата обращения: 21.04.2023).

⁸ *Грушко А.* Век многосторонней дипломатии близится к концу? [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам (РСМД) (сайт). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/vek-mnogostoronney-diplomatii-blizitsya-k-kontsu/> (дата обращения: 21.04.2023).

и Парламентской Ассамблее Совета Европы, вышла из состава Парламентской конференции Балтийского моря. Очевидно, что пересмотр отношений будет происходить и в дальнейшем.

Критерии такой ревизии очевидны. Они строятся с пониманием существования двух категорий государств: дружественных и недружественных. Это не означает закрытие контактов с недружественными государствами, но они должны происходить на двусторонней основе; многосторонность нужно сохранять с межпарламентскими институтами, состоящими из дружественных государств.

Таким образом, становится ясно, что, по сути дела, основное направление такой дипломатии — Евразийский регион.

Краткие выводы

Многосторонность, появившаяся после Второй мировой войны и долгое время считавшаяся чуть ли не основным принципом международных отношений, сегодня подвергается сомнению. В первую очередь это связано с отсутствием единообразных трактовок этого концепта. Существенно упрощая эту исследовательскую проблему, отбрасывая все нюансы, можно сказать, что часть экспертов видит изначально в основе многосторонности разделяемые всеми общие ценности (для Запада ценности либеральной демократии) и нахождение удовлетворяющих всех решений на этой основе, другие видят все зеркально — как возможность через многосторонность идти к этим общим глобальным общественным ценностям.

Сказанное справедливо и о понимании многополярности. Часть экспертов утверждает, что для формирования многополярного мира необходимо основываться на общих ценностях (западных либеральных).

Многовекторная внешняя политика на постсоветском пространстве не является долговременной и устойчивой. Особенно в сегодняшних условиях это латентное движение к одному из центров силы. Многовекторная внешняя политика в условиях постсоветского пространства способствует нестабильности государств и ведет к экономическим и политическим кризисам в этих государствах.

Литература

1. Алексеева Т. А., Казанцев Н. Н. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ: учеб. пособие для студентов вузов. М. : Аспект Пресс. 2012. 223 с.
2. Богатуров А. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 1. С. 54–69. EDN: PXAONZ
3. Крадин Н. Н. Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации : коллективная монография. М. : Логос, 2000. С. 314–336.
4. Мойя Чин. Что такое глобальные общественные блага? [Электронный ресурс] // Финансы и развитие. 15.12.2021. URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2021/12/Global-Public-Goods-Chin-basics> (дата обращения: 21.04.2023).
5. Новикова И. Н. Малые страны в международных отношениях: некоторые теоретические аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. № 3. С. 219–242. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.301>
6. Примаков Е. М. Мир без сверх держав [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2003. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/mir-bez-sverhderzhav/> (дата обращения: 21.04.2023).
7. Шкель С. Н. Неопатримониальные практики и устойчивость авторитарных режимов Евразии [Электронный ресурс] // Полития. 2016. №4 (83). С. 94–107 URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/2016_04_07.pdf (дата обращения: 21.04.2023).
8. Hanns W. Maull. Multilateralism: Variants, Potential, Constraints and Conditions for Success. 2020 (SWP Comment, 9 / March 2020). Berlin : Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP) German Institute for International and Security Affairs. <https://doi.org/10.18449/2020C09>
9. Randall L. Schweller. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back In // International Security. 1994. Vol. 19. No. 1. P. 72–107. <https://doi.org/10.2307/2539149>

10. Robert D. Putnam. Diplomacy and Domestic Politics: the Logic of Two-Level Games // International Organization. 1988. Vol. 42. No. 3. P. 427–460. <https://www.jstor.org/stable/2706785>

Об авторе:

Торопыгин Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, профессор;
e-mail: toropygin-av@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-0678-3347

References

1. Alekseeva T. A., Kazantsev N. N. Foreign Policy Process. Comparative Analysis : Study Manual for University Students. Moscow : Aspect Press. 2012. 223 p. (In Rus.)
2. Bogaturov A. Three Generations of Russia's Foreign Policy Doctrines // International Trends [Mezhdunarodnye protsessy]. 2007. V. 5. No. 1. P. 54–69. (In Rus.) EDN: PXAOHZ
3. Kradin N. N. Nomads, World-Empires and Social Evolution // Alternative Ways to Civilization : a collective monograph. Moscow : Logos, 2000. P. 314–336. (In Rus.)
4. Moya Chin. What are Global Public Goods? [Electronic resource] // Finance & Development [Finansy i razvitiye] 15.12.2021. URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2021/12/Global-Public-Goods-Chin-basics> (accessed: 21.04.2023). (In Rus.)
5. Novikova I. Small States in International Relations: Some Theoretical Aspects. Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2022. V. 15. No. 3. P. 219–242. (In Rus.) <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.301>
6. Primakov E. A World without Superpowers [Electronic resource] // Russia in Global Affairs [Rossiya v global'noi politike]. 2003. No. 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/mir-bez-sverhderzhav/> (accessed: 21.04.2023). (In Rus.)
7. Shkel St. Neopatrimonial Practices and Stability of Authoritarian Regimes in Eurasia [Electronic resource] // Politeia [Politiya]. 2016. No. 4 (83). P. 94–107. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/2016_04_07.pdf (accessed: 21.04.2023). (In Rus.)
8. Hanns W. Maull. Multilateralism: Variants, Potential, Constraints and Conditions for Success. 2020 (SWP Comment, 9 / March 2020). Berlin : Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP) German Institute for International and Security Affairs. <https://doi.org/10.18449/2020C09>
9. Randall L. Schweller. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back In // International Security. 1994. Vol. 19. No. 1. P. 72–107. <https://doi.org/10.2307/2539149>
10. Robert D. Putnam. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games // International Organization. 1988. Vol. 42. No. 3. P. 427–460. <https://www.jstor.org/stable/2706785>

About the author:

Andrey V. Toropygin, Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Professor;
e-mail: toropygin-av@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-0678-3347

ЕАЭС — Куба: институционализация взаимодействия и потенциал современного сотрудничества

Чмырева В. А.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук, Москва, Российская Федерация
e-mail: verachmyreva@gmail.com

РЕФЕРАТ

Исследование направлено на изучение процесса становления и развития евразийско-кубинского партнерства в новых геополитических условиях и его роли в формирующейся архитектуре мировой экономики и геополитики. Проанализирована планомерная работа Евразийской экономической комиссии на кубинском направлении, показана системообразующая роль России в выстраивании взаимовыгодного партнерства с Республикой Куба, обозначены приоритеты взаимодействия и определены факторы влияния.

Цель. Определить значимость и потенциал кубинского направления во внешнем контуре Евразийского экономического союза в условиях формирующейся многополярности.

Задачи. Изучить процесс институционализации евразийско-кубинского партнерства, выявить основные направления сотрудничества, проанализировать актуальные тренды и факторы влияния, определить перспективы взаимодействия.

Методология. Автор использует сочетание общенаучных теоретических и специальных методов; особое значение имеют метод сравнительного анализа и логический метод. При работе с нормативно-законодательными источниками использованы методы анализа правовых документов (нормативный метод).

Результаты. Потенциал отношений между ЕАЭС и Кубой не реализован в полной мере; присутствуют явные диспропорции по странам — участникам евразийского партнерства; пристального внимания заслуживает растущая роль китайского фактора в контексте евразийско-кубинских отношений.

Выводы. В условиях формирования многополярной системы международных отношений эффективное взаимодействие по линии ЕАЭС — Куба — Китай может обеспечить возможность совместной реализации глобальных задач устойчивого развития государств.

Ключевые слова: ЕАЭС, Куба, Россия, Латино-Карибская Америка, евразийская интеграция

Для цитирования: Чмырева В. А. ЕАЭС — Куба: институционализация взаимодействия и потенциал современного сотрудничества // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № X. С. 181–190.

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-181-190>

EAEU — Cuba: Institutionalization of Interaction and the Potential of Modern Cooperation

Vera A. Chmyreva

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
e-mail: verachmyreva@gmail.com

ABSTRACT

The research is aimed at studying the process of establishment and development of Eurasian-Cuban partnership under new geopolitical conditions and its role in the emerging global economy and

geopolitics. The author reviews the methodical work of Eurasian Economic Commission as well as the system-forming role of Russia in building a mutually beneficial partnership with the Republic of Cuba, the priorities of interaction and the factors of influence are defined.

Aim. To appraise significance and potential of the Cuban direction in the Eurasian Economic Union strategy in the context of the emerging multipolarity.

Tasks. To study the process of institutionalization of the Eurasian-Cuban partnership, main areas of cooperation, current trends and factors of influence, determining the prospects for interaction.

Methods. A combination of general scientific theoretical and special methods is used. The method of comparative analysis and the logical method are of prime importance. When working with regulatory and legislative sources, the normative method is used.

Results. The potential of EAEU — Cuba relations has not been implemented yet; there are clear disproportions between the member countries; and the growing role of Chinese factor in the context of Eurasian-Cuban relations requires due consideration.

Conclusion. Effective coordination within EAEU — Cuba — China can provide joint implementation of global challenges targeted at states' sustainable development under the formation of a multipolar world order.

Keywords: EAEU, Cuba, Russia, Latin-Caribbean America, Eurasian integration

For citation: Chmyreva V. A. EAEU — Cuba: Institutionalization of Interaction and the Potential of Modern Cooperation // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 181–190. (In Rus.)

<https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-181-190>

Введение

Многополярность как модель будущего мирового устройства представляется постулатом формирующейся геополитической реальности, в которой Евразийский экономический союз (ЕАЭС, Союз) может стать одним из полюсов новой глобальной экономической и политической архитектуры. В этом контексте особое значение приобретают трансрегиональные партнерства ЕАЭС с государствами Латино-Карибской Америки (ЛКА), что отвечает стратегии многоформатного сотрудничества Союза с внешними партнерами и способствует расширению его экономических и геополитических возможностей, содействуя международной диверсификации отношений стран — членов ЕАЭС.

Процессы институционализации взаимодействия и усиления диалогового механизма ЕАЭС с государствами ЛКА были запущены латиноамериканским турне Президента Российской Федерации В. В. Путина в 2014 г., которое, по мнению зарубежных СМИ, имело явный геополитический подтекст (посещение региона состоялось на фоне украинского кризиса и эскалации отношений с западными партнерами)¹ и для Вашингтона стало «неприятным геополитическим сюрпризом» [7, с. 463]. В преддверии латиноамериканского турне президент, отвечая на вопросы журналистов, отметил, что Россия готова «наверстывать упущенное»².

Несмотря на отсутствие конкурентных преимуществ в институциональном плане в сравнении с США, Китаем (КНР) и ЕС в регионе и безоговорочной политической поддержки со стороны стран ЛКА (за исключением Кубы, Венесуэлы, Никарагуа) в крымском вопросе, с 2014 г. отмечается активизация сотрудничества РФ с латино-карибскими странами, и сегодня Москва стремится выступать драйвером к расширению присутствия ЕАЭС в ЛКА, развивая инициативу формирования Большого евразийского партнерства³.

¹ F. J. Calero. Cómo es la relación de Rusia con Argentina, Cuba y Brasil [Электронный ресурс] // ABC Internacional. 13.07.2014. URL: <https://www.abc.es/internacional/20140713/abci-rusia-argentina-america-relaciones-201407122045.html> (дата обращения: 10.05.2023).

² Интервью латиноамериканскому агентству «Пренса Латина» и российскому агентству ИТАР-ТАСС [Электронный ресурс] // Президент России. 11.07.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/countries/AR/events/46190> (дата обращения: 10.05.2023).

³ Владимир Путин в режиме видеоконференции выступил на пленарной сессии I Евразийского экономического форума [Электронный ресурс] // Президент России. 26.05.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68484> (дата обращения: 10.05.2023).

В этой связи особый интерес представляет взаимодействие ЕАЭС с Республикой Куба (РК), историческим союзником России, которое, по мнению Президента РФ, «носит стратегический характер и ориентировано на долгосрочную перспективу»¹.

Процессы институционализации взаимодействия ЕАЭС с Кубой

Процессы стартовали с 2015 г. после серии встреч министра по основным направлениям интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) Т. Валовой с представителями посольства РК в РФ, в ходе которых кубинская сторона выразила интерес к интеграционным процессам на евразийском экономическом пространстве и к налаживанию сотрудничества с ЕЭК². Посол РК Эмилио Лосада Гарсия обозначил заинтересованность в торгово-экономическом взаимодействии по таким приоритетным для Кубы направлениям, как доступ на общий рынок лекарств и медицинских изделий ЕАЭС, а также на рынок табачной и алкогольной продукции союзных государств³.

Заинтересованность сторон в скорейшей интенсификации контактов неоднократно подчеркивалась в ходе встреч представителей ЕЭК с кубинской стороной. Директор Департамента развития интеграции ЕЭК С. Шухно высоко оценил перспективы развития двустороннего сотрудничества с Кубой, заявив, что «в 2016 г. товарооборот между государствами — членами Союза и Кубой вырос на 53,1%» и «позитивная динамика сохранилась и в первые месяцы текущего года»⁴.

Статистика ЕЭК свидетельствует о том, что в 2016 г. товарооборот между странами составил 325 млн долл. США (для сравнения, в 2015 г. — 211,8 млн долл. США)⁵. Географическое распределение, по данным ЕЭК, выглядит следующим образом: российско-кубинский товарооборот в 2016 г. составил 248,0 млн долл. США (торговля традиционно носит несбалансированный характер, и российский экспорт (213,6 млн) существенно превышает российский импорт (34,4 млн)); внешнеторговый оборот Республики Беларусь (РБ) с Кубой достиг 67,0 млн долл. США; между Казахстаном и Кубой — 9,8 млн долл. США⁶. Таким образом, крупнейшими партнерами Кубы в ЕАЭС выступают Россия и Беларусь; торгово-экономические отношения РК с Казахстаном, Арменией и Кыргызстаном развиты слабо.

Подписание Меморандума о взаимопонимании между ЕЭК и Правительством РК⁷ 31 мая 2018 г. открыло новую страницу в истории взаимоотношений евразийской «пятерки» с Островом Свободы, а рабочий визит делегации ЕЭК на Кубу был представлен как «свидетельство возрождения торгово-экономических связей с традиционными партнерами Республики на евразийском континенте и стимул для подъема сотрудничества на новый достойный уровень»⁸. Меморандум анонсировал интенсификацию усилий сторон по увеличению оборота торговли и инвестиций; также была проработана подготовка первого заседания рабочей группы и совместного плана действий на 2019–2020 гг. (Первое заседание совместной комиссии по взаимодействию между ЕЭК и правительством РК, а также конференция

¹ См.: Интервью латиноамериканскому агентству «Пrensa Латина» и российскому агентству ИТАР-ТАСС [Электронный ресурс] // Президент России. 1.07.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/countries/AR/events/46190> (дата обращения: 10.05.2023).

² Министр ЕЭК Татьяна Валова встретилась с представителями Посольства Кубы в РФ [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 29.07.2015 (Обновлено: 28.06.2019) URL: <https://eec.eaeunion.org/news/30-07-2015-2/> (дата обращения: 10.05.2023).

³ Министр ЕЭК Татьяна Валова: «Развитие экономических отношений Кубы со странами ЕАЭС является перспективным по целому спектру направлений» [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 23.12.2016 (Обновлено: 28.06.2019). URL: <https://eec.eaeunion.org/news/23-12-2016-1/> (дата обращения: 10.05.2023).

⁴ Сергей Шухно: «Развитие единого рынка Союза будет способствовать увеличению объемов торговли стран ЕАЭС с Кубой» [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 17.04.2017 (Обновлено: 28.06.2019). URL: <https://eec.eaeunion.org/news/18-04-2017/> (дата обращения: 10.05.2023).

⁵ Внешняя торговля ЕАЭС по странам [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/tradestat/tables/extra/2016/12_180_1/E201612_2_1.pdf (дата обращения: 10.05.2023).

⁶ См.: Внешняя торговля с третьими странами [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/tradestat/tables/extra/ (дата обращения: 10.05.2023).

⁷ Меморандум о взаимопонимании между ЕЭК и Правительством Республики Куба [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01518028/ms_06062018 (дата обращения: 10.05.2023).

⁸ ЕЭК и правительство Кубы подписали меморандум о взаимопонимании [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 04.06.2018. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/4-06-2018-1.aspx> (дата обращения: 10.05.2023).

деловых кругов, посвященная вопросам взаимовыгодного сотрудничества, состоялись в ходе рабочего визита делегации ЕЭК на Кубу 6–8 февраля 2019 г. [1, с. 47].)

На встрече председателя коллегии ЕЭК Т. Саркисяна с послом РК в Москве (2019 г.) стороны отметили, что, несмотря на сохраняющиеся незначительные цифры по товарообороту между странами, наблюдается положительная динамика: «В январе–ноябре 2018 г. товарооборот государств ЕАЭС с Кубой увеличился на 6,8% до 377,1 млн долл. США. Экспорт стран ЕАЭС на Кубу составил 349,6 млн долл., импорт — 27,5 млн долл. США. Основным фактором увеличения экспорта стало наращивание вывоза на Кубу минеральных продуктов (на 24%), а также машин, оборудования и транспортных средств (на 5,4%)»¹.

Очередной раунд сближения произошел на полях ежегодной международной гаванской выставки-ярмарки (FIHAV-2019): в ходе визита делегация ЕЭК провела ряд встреч с членами правительства страны и с руководством ассоциаций деловых кругов, по завершении которых министр ЕЭК С. Глазьев констатировал необходимость эффективного использования созданной инфраструктуры взаимодействия и «расширения субстантива диалога... за счет увеличения объемов торговли и инвестиций»².

На гаванской выставке были представлены крупные российские компании и организации. По заявлению пресс-центра АО «Российский экспортный центр», «Россия является крупнейшим партнером Кубы в модернизации ее промышленных предприятий. Если сложить суммы уже действующих контрактов и планируемых к подписанию, то Россия окажется на первом месте по потенциалу сотрудничества с Кубой в материальной сфере»³. Национальная экспозиция Республики Беларусь (РБ) представила востребованную на кубинском рынке продукцию предприятий ОАО «БелАЗ», ОАО «Белгромаш» (сельскохозяйственное оборудование для подготовки и возделывания земли, посева и внесения удобрений) и др.

В то же время заявленные успехи и дипломатическая работа на уровне профильных министерств и ведомств контрастируют со статистикой ЕЭК: после достижения рекордного уровня товарооборота в 417,5 млн долл. в 2018 г. товарооборот государств — членов ЕАЭС с РК начал стремительно сокращаться⁴. К 2020 г. он сократился почти втрое и составил 155,7 млн долл. США — менее 0,1% внешне-торгового товарооборота ЕАЭС⁵. При этом на заседании межправительственной комиссии РФ — Куба вице-премьер РФ Ю. Борисов заявил о планах вывести российско-кубинский товарооборот в 2019 г. «на уровень, близкий к \$500 млн»⁶.

Примечательно, что до 2014 г., времени введения западных экономических санкций в отношении России, которые привели к значительному сокращению внешнеторгового оборота РФ, Куба не значилась в числе основных торговых партнеров Таможенного союза и Единого экономического пространства (ТС и ЕЭП) и не отмечена в статистике ЕЭК. Данные за 2014 г. свидетельствуют о том, что товарооборот ТС и ЕЭП с Кубой за год сократился с 240,4 млн долл. (в 2013 г.) до 218,1 млн долл. США в 2014 г.⁷ Устремившиеся в последующие годы вверх графики торговли были прерваны растущей политической напряженностью и глобальными рисками для мировой экономики; в дальнейшем ситуация усугубилась в связи с пандемией.

¹ Страны ЕАЭС будут развивать экономические взаимоотношения с Кубой [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 23.01.2019 (обновлено: 28.06.2019). URL: <https://eec.eaeunion.org/news/23-01-2019-5/> (дата обращения: 10.05.2023).

² ЕАЭС и Куба настроены на углубление сотрудничества во всех форматах [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 12.11.2019 (обновлено: 03.07.2020). URL: <https://eec.eaeunion.org/news/12-11-2019-2/> (дата обращения: 10.05.2023).

³ Российский экспортный центр и «Экспоцентр» презентуют российские компании на выставке FIHAV-2019 в Гаване [Электронный ресурс] // Экспоцентр. Москва. 28.10.2019. URL: <https://www.expoctr.ru/ru/news/rossiyskiy-eksportnyy-tsentr-i-ekspotsentr-prezentuyut-rossiyskie-kompanii-na-vystavke-fihav-2019/> (дата обращения: 10.05.2023).

⁴ Внешняя торговля с третьими странами [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/commission/departments/dep_stat/tradestat/tables/extra/ (дата обращения: 10.05.2023).

⁵ Итоги внешней торговли ЕАЭС со странами вне ЕАЭС [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/time_series/Pages/Times_series_External_trade.aspx (дата обращения: 10.05.2023).

⁶ Россия и Куба хотят довести товарооборот по итогам 2019 года до \$500 млн [Электронный ресурс] // ИА ТАСС. 20.09.2019. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6909524> (дата обращения: 10.05.2023).

⁷ Внешняя торговля ТС и ЕЭП по странам [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/tradestat/tables/extra/2014/12_180/E201412_2_1.pdf (дата обращения: 10.05.2023).

С 2019 г. отмечается процесс евразийско-кубинского геополитического сближения. Неприятие санкционного давления со стороны США было заявлено одним из объединяющих факторов российско-кубинского сотрудничества в ходе официального визита Д. Медведева на Кубу (октябрь 2019 г.), которое состоялось на фоне политического и экономического кризиса в Венесуэле и смены правительств в Бразилии и Аргентине¹. Результатом встречи стали достигнутые договоренности об увеличении экспорта российской животноводческой продукции и пшеницы, реализации программ модернизации кубинского топливно-энергетического комплекса, восстановления железнодорожной инфраструктуры, обеспечения энергетической безопасности страны.

Итогом стало подписание серии новых межправительственных и межведомственных соглашений, а также коммерческих контрактов (между ОАО «РЖД» и «Железными дорогами Кубы» на восстановление и модернизацию местной железнодорожной инфраструктуры, «Интер РАО-Экспорт» и кубинская Energoimport согласовали «дорожную карту» капитального ремонта энергоблоков на трех кубинских теплоэлектростанциях, обсуждались вопросы повышения эффективности эксплуатации месторождений Кубы, на которых работают российские компании и др.)².

Президент Мигель Диас-Канель во время визита в Москву 29 октября 2019 г. на фоне ухудшающейся ситуации в кубинской экономике и усиления американских санкций подтвердил, что позиция «России и Кубы остается неизменной под угрозами Соединенных Штатов», и дал импульс развитию новых проектов³.

Заместитель министра энергетики РФ П. Сорокин на встрече с делегацией Республики Куба (РК) отметил существенный прогресс в развитии российско-кубинского энергетического взаимодействия, включающего комплекс мер по снижению зависимости кубинской электроэнергетической отрасли от импорта углеводородов за счет увеличения их добычи на Кубе с участием российских компаний⁴.

Значимой датой евразийско-кубинского взаимодействия стало 30 октября 2020 г.: на заседании Совета ЕЭК был одобрен проект решения Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС) о предоставлении РК статуса государства — наблюдателя при ЕАЭС. 11 декабря 2020 г. решение вступило в силу после одобрения глав пяти государств-членов⁵.

Кубинская сторона высоко оценила значимость приглашения Кубы в ЕАЭС: заместитель премьер-министра РК Рикардо Кабрисас Руис выразил уверенность в том, что сближение со странами ЕАЭС является взаимовыгодным, потому что «решение государства и правительства Кубы о присоединении в качестве государства-наблюдателя к Евразийскому экономическому союзу не формальный акт, а составляющая часть политики диверсификации страны»⁶.

Накануне официального визита делегации ЕЭК на Кубу в декабре 2021 г. на официальном сайте МИД РК появилась заметка под названием «Куба и Евразийский экономический союз — стратегический альянс» о важности кубинско-евразийского сотрудничества в контексте реструктуризации мировой экономики и идейной близости с ЕАЭС. В этой связи ЕАЭС был заявлен как «амбициозный интеграционный проект, продвигаемый Россией, направленный на укрепление экономического блока, который сможет выступить связующим звеном между Европейским союзом и Китаем»⁷.

¹ Российско-кубинские переговоры [Электронный ресурс] // Правительство России. 03.10.2019. URL: <http://government.ru/news/38007/> (дата обращения: 10.05.2023).

² Дмитрий Медведев обсудил с руководством Кубы расширение сотрудничества [Электронный ресурс] // Российская газета. 03.10.2019. URL: <https://rg.ru/2019/10/03/dmitrij-medvedev-obsudil-s-rukovodstvom-kuby-rasshirenie-sotrudnichestva.html> (дата обращения: 10.05.2023).

³ Переговоры с Президентом Кубы Мигелем Диас-Канелем Бермудесом [Электронный ресурс] // Президент России. 29.10.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61930> (дата обращения: 10.05.2023).

⁴ Павел Сорокин встретился с делегацией Республики Куба [Электронный ресурс] // Министерство энергетики РФ. 30.04.2019. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/14703> (дата обращения: 10.05.2023).

⁵ ВЕЭС одобрил предоставление Узбекистану и Кубе статуса государства-наблюдателя при ЕАЭС [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 11.12.2020 (обновлено: 19.01.2021). URL: <https://eec.eaeunion.org/news/11-12-2020/> (дата обращения: 10.05.2023).

⁶ Sesión Seminario “Cuba y la UEEA: cooperación en el contexto de la reestructuración de la economía mundial” [Электронный ресурс] // Radio Rebelde. 14. 12.2021. URL: <https://www.radiorebelde.cu/noticia/sesion-seminario-cuba-y-la-ueea-cooperacion-en-el-contexto-de-la-reestructuracion-de-la-economia-mundial-rdquo-audio-20211214/> (дата обращения: 10.05.2023).

⁷ Cuba y la Unión Económica Euroasiática, una alianza estratégica [Электронный ресурс] // Representaciones diplomáticas de Cuba en el exterior. 11.12.2021. URL: <https://misiones.cubaminrex.cu/es/articulo/cuba-y-la-union-economica-euroasiatica-una-alianza-estrategica> (дата обращения: 10.05.2023).

По итогам официального визита и заседания совместной комиссии по взаимодействию между ЕЭК и Правительством РК был подписан План совместных мероприятий на 2021–2025 гг., который охватил 34 направления сотрудничества в области банковского дела и финансов, технического регулирования, здравоохранения, фармацевтической промышленности, биотехнологии, туризма¹; состоялось подписание Соглашения о сотрудничестве между ТПП Кубы и Деловым советом ЕАЭС. Один из ключевых проектов — реализация российской компанией модернизации крупнейшего на острове металлургического завода «Антильяна де Асеро им. Хосе Марти» — в настоящее время находится в активной фазе.

Также речь идет о перспективных проектах с участием РФ и РБ по поставкам российской железнодорожной и автомобильной техники на Кубу, по развитию кубинского сельхозмашиностроения. По словам Председателя Коллегии ЕЭК, план «представляет собой основную матрицу дальнейшего сотрудничества, каждый пункт которой будет содержать практические мероприятия»². Министр ЕЭК С. Глазьев в этой связи отметил: «Перспективы, совершенно очевидно, существуют. Они, может быть, не такие гигантские, как были ранее в период СССР, но зато они реальные, эффективные, основанные на сочетании конкурентных преимуществ»³.

Актуальное евразийско-кубинское сотрудничество

Сотрудничество обладает значительным нереализованным экономическим потенциалом, который приобретает новое значение в стремительно меняющейся геополитической обстановке.

Президент Мигель Диас-Канель, выступая на заседании ВЕЭС в Бишкеке, обозначил глубокую заинтересованность в широкоформатном сотрудничестве с ЕАЭС «в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе»⁴. Первоочередное внимание он обратил на развитие таких направлений сотрудничества, как разведка и разработка углеводородов, энергетика, биофармацевтическая и сталелитейная промышленность, сельское хозяйство, туризм и транспорт, обозначил заинтересованность в экспорте кубинской продукции; подчеркнул важность гармонизации нормативно-правовой базы, регулирующей обращение лекарственных средств и медицинских изделий, что имеет стратегическое значение для дальнейшего развития отношений в условиях неблагоприятной глобальной обстановки.

Показательно, что незадолго до выступления на площадке ЕАЭС Президент РК в сопровождении руководителей профильных министерств совершил международное турне (16–27 ноября 2022 г.), посетив Алжир, Турцию, Россию и Китай — страны, имеющие «стратегическое значение с точки зрения возможностей заключения торговых, экономических и других соглашений»⁵. (СМИ обратили внимание на то, что «Президент вылетел из Гаваны на борту венесуэльского самолета государственной авиакомпании *Conviasa*, что свидетельствует о серьезном энергетическом кризисе, который переживает Республика, и „отчаянии Гаваны“»⁶.)

¹ La Unión Económica Euroasiática suscribe un plan de colaboración con Cuba [Электронный ресурс] // CubaEconómica. 13.12.2021. URL: <https://cubaeconomica.com/noticia/economia/la-union-economica-euroasiatica-suscribe-un-plan-de-colaboracion-con-cuba.html> (дата обращения: 10.05.2023).

² ЕЭК и Правительство Кубы намерены подписать долгосрочный план совместных мероприятий [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 26.11.2021 (обновлено: 26.11.2021). URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eeek-i-pravitelstvo-kuby-namereny-podpisat-dolgosrochnyy-plan-sovmestnykh-meropriyatij/> (дата обращения: 10.05.2023).

³ Куба и ЕЭК подписали План совместных мероприятий на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] // Российская газета. 13.12.2021. URL: <https://rg.ru/2021/12/13/kuba-i-eeek-podpisali-plan-sovmestnykh-meropriyatij-na-2021-2025-gody.html> (дата обращения: 10.05.2023).

⁴ Díaz-Canel: Seguiremos apostando por soluciones viables y duraderas a los graves problemas del mundo [Электронный ресурс] // Granma. Órgano oficial del comité del partido comunista de Cuba. 09.12.2022. URL: <https://www.granma.cu/discursos-de-diaz-canel/2022-12-09/diaz-canel-seguiremos-apostando-por-soluciones-viables-y-duraderas-a-los-graves-problemas> (дата обращения: 10.05.2023).

⁵ Presidente cubano inicia en Argelia gira que le llevará a Rusia, Turquía y China, con el tema energético como asunto clave [Электронный ресурс] // Cubainformación. 17.11.2022. URL: <https://www.cubainformacion.tv/cuba/20221117/100135/100135-presidente-cubano-inicia-en-argelia-gira-que-le-lleva-a-rusia-turquia-y-china-con-el-tema-energetico-como-asunto-clave> (дата обращения: 10.05.2023).

⁶ Díaz-Canel regresa a Cuba tras gira por Argelia, Rusia, Turquía y China [Электронный ресурс] // CiberCuba. 25.11.2022. URL: <https://www.cibercuba.com/noticias/2022-11-26-u199894-e199894-s27061-diaz-canel-regresa-cuba-tras-gira-argelia-rusia-turquia> (дата обращения: 10.05.2023).

В результате встреч Диас-Канеля с главами государств четырех стран были заключены соглашения в области энергетики, здравоохранения, медико-фармацевтической промышленности; стороны договорились о реструктуризации внешнего долга Кубы и поддержке кубинской экономики. В ходе визита в РФ Президент Кубы провел переговоры с высшим руководством страны и встретился с исполнительным директором нефтегазовой компании «Роснефть» И. Сечиним.

С 2022 г. Россия существенно увеличила экспорт нефти на Кубу. По некоторым оценкам, Россия поставила на Кубу нефти на сумму 352 млн долл. — самый большой приток нефти из России в этом столетии, достаточный для покрытия около 40% дефицита поставок на остров¹. ТПП РФ совместно с Национальным Комитетом содействия экономическому сотрудничеству со странами Латинской Америки (НК СЭСЛА), Россельхознадзором и Торговой палатой Кубы также работают над устранением проблемных вопросов с целью расширения доступа продукции на рынки двух стран: «...наряду с традиционным кофе и табачными изделиями Куба хотела бы поставлять цитрусовые и ряд тропических фруктов, Россия намерена увеличить поставки пшеницы и продуктов переработки зерна. ...достигнуты договоренности об условиях поставок разнообразной мясной продукции из России на Кубу, идет согласование сертификатов...»².

На фоне активизации политической риторики о евразийско-кубинской идейной близости в движении к многополярному мироустройству и осуждения санкций США в последние годы между странами наблюдался значительный спад товарооборота. Торговый представитель РФ на Кубе А. Богатырь заявил, что товарооборот с Кубой за десять месяцев 2021 г. составил всего 97,9 млн долл., что на 14,5% меньше соответствующего периода прошлого года, однако выход из жестких антиковидных ограничений возвращает функционирование экономики в нормальное русло³.

Несмотря на то, что статистика ЕЭК за 2022 г. отсутствует, на основании данных за январь можно сделать некоторые ограниченные выводы: оборот внешней торговли ЕАЭС с Кубой в январе 2022 г. в сравнении с аналогичным периодом 2021 г. увеличился в 3,6 раза с 692 617 долл. США до 2 471 029 долл. США⁴. При этом товарооборот России с Кубой составил 2 032 763 долл. США. Показатели товарооборота РФ с Кубой за аналогичный период составили 397 297 долл. США.

Представленные цифры приобретают особое значение в контексте заявленной инициативы Кубы об открытии промышленного парка ЕАЭС на территории особой зоны развития «Мариэль» (ОЗРМ) в 45 км от Гаваны, что дает Евразийскому союзу новые внешнеэкономические возможности выхода в Латино-Карибский регион.

Вице-президент ТПП РФ В. Падалко во время презентации ОЗРМ отметил значение и потенциал внешнеполитического сотрудничества с РК: «Куба — наш стратегический партнер, и мы рассматриваем ее как платформу, с которой мы можем работать с другими странами региона»⁵. А по словам директора департамента развития интеграции ЕЭК Г. Барсегян, «это осязаемая возможность активнее работать на кубинском рынке не только для компаний из Беларуси и России ..., но и для предприятий из других стран ЕАЭС в случае их интереса»⁶.

2022 г. стал плодотворным с точки зрения усиления российско-кубинского взаимодействия: на заседании межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству в ноябре 2022 г. Москва и Гавана утвердили Перечень приоритетных двусторонних проектов на период 2022–2030 гг., среди которых проекты в сфере промышленности, энергетики и сельского

¹ Megan Janetsky. Crisis-stricken Cuba caught between ally Russia, nearby U.S. [Электронный ресурс] // The Associated Press. 27.10.2022. URL: <https://apnews.com/article/hurricanes-business-cuba-caribbean-united-states-f5acd5acd3d4788f8dc9647eca1bcfbc> (дата обращения: 10.05.2023).

² Россельхознадзор принял участие в вебинаре делового совета Россия-Куба: перспективные направления сотрудничества в сфере АПК [Электронный ресурс] // Россельхознадзор. 22.04.2021. URL: <https://fsvps.gov.ru/ru/fsvps/news/41290.html> (дата обращения: 10.05.2023).

³ Товарооборот России с Кубой за неполный 2021 год составил около \$100 млн [Электронный ресурс] // ИА ТАСС. 31.12.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13340073> (дата обращения: 10.05.2023).

⁴ Внешняя торговля ЕАЭС по странам [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/tradestat/tables/extra/2022/01/E202201_2_1.pdf (дата обращения: 10.05.2023).

⁵ В ТПП РФ прошла презентация кубинской зоны особого экономического развития «Мариэль» [Электронный ресурс] // Торгово-промышленная палата Российской Федерации. 14.02.2022. URL: <https://news.tpprf.ru/ru/news/3013468/> (дата обращения: 10.05.2023).

⁶ Куба предлагает создать промышленный парк ЕАЭС в особой зоне развития «Мариэль» [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 02.09.2022 (обновлено: 08.09.2022). URL: <https://eec.eaeunion.org/news/kuba-predlagaet-sozdat-promyshlennyy-park-eaes-v-osoboy-zone-razvitiya-mariel/> (дата обращения: 10.05.2023).

хозяйства (поставки на остров локомотивов и автотехники российского производства, российских удобрений, углеводов, пшеницы и пр.)¹.

Выступая в Государственной Думе РФ в ходе официального визита в Москву 22 ноября 2022 г., Президент Кубы обозначил инициативы, которые успешно реализуются в РК, — это геологоразведочные работы российских компаний, увеличение нефтеотдачи на месторождении Бока де Харуко с применением новых российских технологий, инвестиции РФ в ОЗРМ, модернизация важнейших металлургических предприятий страны, развитие железнодорожной инфраструктуры, поставки топлива. Отдельно кубинская сторона отметила гуманитарную помощь РФ и медицинскую поддержку на фоне пандемии².

«В современных условиях в экономической консолидации евразийского пространства особую роль играет Россия» [2, с. 17], и евразийско-кубинское сотрудничество реализуется под эгидой Москвы, однако, как заметил премьер-министр Кубы Мануэль Марреро, его потенциал не использован евразийскими государствами. В феврале 2023 г. на заседании Евразийского межправительственного совета в Казахстане министр вновь подчеркнул необходимость углубления отношений с ЕАЭС и подтвердил приверженность карибской нации «к усилению включенности в этот интеграционный механизм»³.

Стремление Кубы развивать отношения с евразийскими партнерами реализуется в рамках заявленной стратегии «диверсификации», которая представляется не только тактическим, но и стратегическим выбором страны, которая борется за сохранение права на выбор в новых геополитических условиях. В этом контексте следует рассматривать подключение Кубы к ЕАЭС как к части инициативы по развитию внешнего контура Большого евразийского партнерства, которое позволит государствам Большой Евразии от Атлантического до Тихого океанов взаимовыгодно выстраивать отношения в торгово-экономической сфере и будет способствовать выработке содержательной международной повестки⁴, расширяя диалог и партнерство на уровне макрорегионов.

Однако внушительный политический капитал евразийско-кубинского взаимодействия, включая богатый опыт советско-кубинского исторического сотрудничества (который остается «уникальной предпосылкой нынешнего и завтрашнего взаимодействия двух стран, двух экономик и двух культур» [4, с. 116]) нивелируется ограниченностью экономических ресурсов РФ, и в этой связи на авансцену выходит китайский фактор, влияние которого может оказаться определяющим в части формирования новой евразийской архитектуры. Исследователи отмечают, что «вакуум, образовавшийся после ухода России с кубинского рынка, быстро заполнялся товарами и капиталом из других стран — Канады, Венесуэлы, Китая...» и «сегодня Куба — весьма требовательный партнер, с диверсифицированными внешнеэкономическими связями...» [3, с. 14].

В настоящее время Пекин является вторым крупнейшим торговым партнером Кубы и конкурирует с США в Латинской Америке, вытеснив Евросоюз [4, с. 59; 9]; стал основным торговым партнером РФ, Казахстана, Армении и Киргизии; является вторым торговым партнером РБ, а китайский проект «Один пояс — один путь» имеет глобальный характер. В 2021 г. Куба подписала соглашение об энергетическом сотрудничестве с Китаем, которое предусматривает участие китайских компаний в модернизации кубинского энергетического сектора. В 2016 г. объем торговли между Китаем и Кубой достиг рекордных 2,5 млрд долл. США, однако в последующие годы произошло снижение, и в 2020 г. общий объем торговли составил менее 1 млрд долл., что является самым низким показателем за десятилетие⁵.

¹ Россия и Куба согласовали перечень совместных проектов до 2030 года [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. 18.11.2022. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_i_kuba_soglasovali_perechen_sovmestnyh_proektov_do_2030_goda.html (дата обращения: 10.05.2023).

² Sentimos la calidez que ofrece una familia querida [Электронный ресурс] // Presidencia y gobierno de Cuba. 22.11.2022. URL: <https://www.presidencia.gob.cu/es/presidencia/intervenciones/sentimos-la-calidez-que-ofrece-una-familia-querida/> (дата обращения: 10.05.2023).

³ Cuba reitera la voluntad de profundizar las relaciones con la Unión Económica Euroasiática (+ Video) [Электронный ресурс] // Granma. 03.02.2023. URL: <https://www.granma.cu/mundo/2023-02-03/cuba-reitera-la-voluntad-de-profundizar-las-relaciones-con-la-union-economica-euroasiatica-03-02-2023-10-02-11> (дата обращения: 10.05.2023).

⁴ См.: О перспективах интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Совет Федерации. 23.06.2021. URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/128320/> (дата обращения: 10.05.2023).

⁵ Fuerte caída del comercio entre dos naciones comunistas: Cuba y China [Электронный ресурс] // Radio Televisión Martí. 05.02.2021. URL: <https://www.radiotelevisionmarti.com/a/n%C3%BAmeros-hablan-de-la-ca%C3%ADda-del-comercio-entre-cuba-y-china/284194.html> (дата обращения: 10.05.2023).

Заключение

Не вызывает сомнений, что потенциал отношений между участниками ЕАЭС и Кубой в настоящее время не реализован, однако у сторон на высшем уровне присутствуют признание необходимости всестороннего развития и углубления отношений между странами и понимание того, что многостороннее сотрудничество выступает дополнительным инструментом хеджирования рисков в условиях прогрессирующего глобального геополитического кризиса. Обращает на себя внимание, что, несмотря на падение экономических показателей сотрудничества со странами ЕАЭС в последние годы, Гавана последовательно проявляет заинтересованность в дальнейшем развитии политических контактов и расширении всестороннего взаимодействия.

В то же время динамика торгово-экономических отношений между ЕАЭС и РК имеет существенные диспропорции по странам — участникам евразийского партнерства: наиболее продуктивные внешнеэкономические отношения с РК сложились у РФ и РБ, и потенциал взаимодействия между странами позволяет прогнозировать готовность к дальнейшему росту взаимосотрудничества.

При этом необходимо признать, что за последние годы отмечается более широкое участие Китая в финансировании ряда системных инфраструктурных проектов на Кубе (энергетического, строительного секторов, добычи минеральных ресурсов и пр.) и рост китайского экономического влияния в регионе наряду с последствиями санкций в отношении России могут нивелировать положительные тенденции в текущих процессах участия ЕАЭС и, прежде всего, РФ в кубинской экономике, наметившиеся в последние годы.

Формат будущего мироустройства определит не только исход военных конфликтов, но и эффективность внешнеэкономического партнерства и международной производственной кооперации. Анализ актуальных событий в мировой политике возрождает представления о блоковости будущего миропорядка; в то же время в условиях его фрагментации только многостороннее взаимодействие между ЕАЭС, РК и КНР может создать условия для динамичного сотрудничества между странами, синергетический потенциал которого станет показателем эффективности многополярного мироустройства.

Литература

1. Ахунбаев А. М., Дауранов Т. Ш., Кузнецов А. С. [и др.] Евразийская экономическая интеграция-2020. М., Публикации ЕАБР, 2020. 80 с. [Электронный ресурс] // Евразийский Банк Развития. URL: https://eabr.org/upload/iblock/d21/EDB_Integration_2020_2020_08_25.pdf (дата обращения: 10.05.2023).
2. Внешнеэкономические связи постсоветских стран в контексте евразийской интеграции: сборник / отв. ред. Л. Б. Вардомский, А. Г. Пылин. М. : ИЭ РАН, 2014. 218 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.imepi-eurasia.ru/baner/Vardomsky_Pylin_book_2014.pdf (дата обращения: 10.05.2023).
3. Калашников Н. В., Николаева Л. Б. Россия — Куба: эволюция сотрудничества [Электронный ресурс] // Латинская Америка. 2014. № 7. С. 4–25. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21725937_58780343.pdf (дата обращения: 10.05.2023).
4. Куба накануне смены поколений / отв. ред. В. М. Давыдов. М. : ИЛА РАН, 2017. 130 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32498713_84757516.pdf (дата обращения: 10.05.2023).
5. Разумовский Д. В. Латиноамериканская интеграция выходит в мир. Перспективы для России // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 8. С. 82–91.
6. Хейфец Б. А. Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России. М. : Институт экономики РАН, 2016. 86 с.
7. Хейфец В. Л. Место Латинской Америки в многополярном мире: взгляды и подходы российских ученых // Латинская Америка. 2021. № 5. С. 50–68.
8. Яковлев П. П. Глобальные головоломки: Иberoамерика в меняющемся мире. М. : ИЛА РАН, 2020. 515 с. DOI: 10.37656/978-5-6043459-6-2
9. Milosevich-Juaristi Mira. Rusia en América Latina: repercusiones para España [Электронный ресурс] // Documento de Trabajo. Real Instituto Elcano. 02.2019 Marzo 2019. URL: <https://media.realinstitutoelcano.org/wp-content/uploads/2021/10/dt02-2019-milosevichjuaristi-rusia-en-america-latina.pdf> (дата обращения: 10.05.2023). (На испанском)

10. The Eurasian Economic Union & Latin America and the Caribbean: a Transcontinental Partnership. Economic Commission for Latin American and the Caribbean [Электронный ресурс] // Eurasian Economic Commission (ECLAC/EEC). Mexico City, 2021. 114 p. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/275/EEC-ECLAC-REPORT.pdf> (дата обращения: 10.05.2023).

Об авторе:

Чмырева Вера Александровна, научный сотрудник Центра постсоветских исследований Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института экономики Российской академии наук, кандидат исторических наук (Москва, Российская Федерация);
e-mail: verachmyreva@gmail.com

References

1. Akhunbaev A. M., Dauranov T. Sh., Kuznetsov A. S. [et al.] Eurasian Economic Integration 2020. Moscow: Eurasian Development Bank, 2020 [Electronic resource] // Eurasian Development Bank. URL: https://eabr.org/upload/iblock/d21/EDB_Integration_2020_2020_08_25.pdf (accessed: 10.05.2023). (In Rus.)
2. External Economic Relations of the post-Soviet Countries in the Context of Eurasian Integration / ed. by L. B. Vardomsky, A. G. Pylin. Moscow : Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2014. 218 p. [Electronic resource] URL: http://www.imepi-eurasia.ru/baner/Vardomsky_Pylin_book_2014.pdf (accessed: 10.05.2023). (In Rus.)
3. Kalashnikov N. V., Nikolaeva L. B. Russia — Cuba: Evolution of Cooperation [Electronic resource] // Latin America [Latinskaya Amerika]. 2014. No. 7. P. 4–25. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21725937_58780343.pdf (accessed: 10.05.2023). (In Rus.)
4. Cuba on the Eve of Generations' Change / ed. by V. M. Davydov. Moscow : ILA RAN, 2017. [Electronic resource]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32498713_84757516.pdf (accessed: 10.05.2023). (In Rus.)
5. Razumovskiy D. V. Latin American Integration and Extra-region Cooperation. Prospects for Russia // World Economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2015. No. 8. P. 82–91. (In Rus.)
6. Kheyfets B. A. Transregional Reformatting of the Global Economic Space. Challenges for Russia. Moscow : Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2016. 86 p. (In Rus.)
7. Kheyfets V. L. The Place of Latin America in a Multipolar World: Views and Approaches of Russian Researchers // Latin America [Latinskaya Amerika]. 2021. No. 5. P. 50–68. (In Rus.)
8. Yakovlev P. P. Global Puzzles: Ibero-America in the Changing World. Moscow : ILA RAS, 2020. (In Rus.) DOI: 10.37656/978-5-6043459-6-2
9. Milosevich-Juaristi Mira. Rusia en América Latina: repercusiones para España [Electronic resource] // Documento de Trabajo. Real Instituto Elcano. 02.2019 Marzo 2019. URL: <https://media.realinstitutoelcano.org/wp-content/uploads/2021/10/dt02-2019-milosevichjuaristi-rusia-en-america-latina.pdf> (accessed: 10.05.2023). (In Spanish)
10. The Eurasian Economic Union & Latin America and the Caribbean: A Transcontinental Partnership. Economic Commission for Latin American and the Caribbean [Electronic resource] // Eurasian Economic Commission (ECLAC/EEC). Mexico City, 2021. 114 p. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/275/EEC-ECLAC-REPORT.pdf> (accessed: 10.05.2023).

About the author:

Vera A. Chmyreva, research scientist of the Center for Post-Soviet Studies, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation), PhD in History;
e-mail: verachmyreva@gmail.com

Сетевое взаимодействие научных и образовательных центров (по материалам международной научной конференции «Евразийская интеграция в новых условиях: особенности и перспективы»)

В Институте демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН 19–21 апреля 2023 г. состоялась Международная научно-практическая конференция «Евразийская интеграция в новых условиях: особенности и перспективы».

Соорганизаторами мероприятия выступили: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (ФНИСЦ РАН), Экспертный совет по межкультурному диалогу и образованию в интересах устойчивого развития ГД РФ, Научный совет «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН, Евразийский информационно-аналитический консорциум (ЕИАК), ряд университетов и научных центров Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Узбекистана.

В работе конференции приняли участие ученые из Армении, Афганистана, Беларуси, Венгрии, Кубы, Кыргызстана, Македонии, Пакистана, России, Таджикистана, Узбекистана и др.

Пленарную часть конференции открыл Член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, председатель Научного совета Центра евразийской интеграции академик РАН С. Ю. Глазьев (Москва, Россия), который в своем видеодокладе «Евразийская интеграция: экономика, политика, общество» обосновал предпосылки и последствия интеграционных и дезинтеграционных процессов в современном мире. Центр мировой экономики постепенно смещается с Запада на Восток. Этот процесс сопровождается обострением социально-политической и военно-политической обстановки, введением и усилением санкций. Главенствующие элиты развернули мировую непрерывную войну против всех стран, которые выходят из-под контроля, для того чтобы удержать свою национальную идентичность в условиях глобализации.

С докладами о результатах своих исследований выступили сотрудники ИДИ ФНИСЦ РАН Г. И. Осадчая, О. А. Волкова, Т. Н. Юдина, В. Ю. Леденева и др.

Конференция имела сетевой характер, поскольку включала гармоничное сотрудничество нескольких площадок. В научных, образовательных и общественных организациях Астрахани, Барнаула, Белгорода, Минска, Москвы организована работа следующих секций:

- «Стратегии социально-экономического развития Большого евразийского партнерства» (модераторы: Л. Ф. Деловарова, М. Л. Вартанова);
- «Демографическое развитие стран Евразии: динамика и современные тренды» (модераторы: Л. В. Баева, О. И. Оськина, Ю. Г. Миронова);
- «Новые социально-политические процессы на евразийском пространстве» (модераторы: И. В. Лескова, Н. А. Михальченкова);
- «Теория и практика анализа современных интеграционных процессов» (модераторы: Т. В. Панонова, В. С. Осипов);
- «Таможенное регулирование как инструмент евразийской интеграции» (модератор: Л. И. Тарышкина);
- «Социогуманитарное обеспечение интеграционного и демографического развития Евразии» (модератор: О. А. Волкова);
- «Межнациональные и межконфессиональные отношения, международная миграция и безопасность в трансграничном пространстве стран Центральной Азии и Большого Алтая» (модератор: С. Г. Максимова);

- «Сценарии развития миграционной ситуации в Евразии как территории интеграционных процессов» (модераторы: Т. Н. Юдина, А. А. Кочербаева).

Работа конференции включала дискуссионные площадки, на которых происходило решение практических задач достижения интеграции в Большой Евразии:

- круглый стол «Роль народной дипломатии в евразийской интеграции» (модераторы: И. И. Полякова, В. Ю. Леденева);
- «Приграничное и межрегиональное взаимодействие Евразийского экономического союза» (модератор: В. А. Сапрыка);
- заседание Межуниверситетского экспертно-аналитического центра «Каспийский международный дискуссионный клуб» — «Новые контуры евразийского партнерства: проблемы устойчивости вектора» (модераторы: Л. В. Баева, П. Л. Карабущенко, О. И. Оськина).

В работе конференции приняли участие более 300 человек, коллеги договорились об обмене научными результатами. Участники секций сосредоточили свое внимание на вопросах евразийской интеграции в новых условиях, на определении ее особенностей и перспектив.

Одним из приоритетных направлений социально-экономической евразийской интеграции признано повышение роли образовательного сотрудничества по подготовке кадров. Представители молодого поколения приняли активное участие в работе дискуссионных площадок. Важным для евразийской интеграции признаны молодежные академические обмены. В условиях многополярного мирового порядка и в рамках национальных традиций центрального внимания заслуживает аналитическая работа опытных и квалифицированных ученых совместно с молодежью. При целенаправленном и компетентном наставничестве студенты и аспиранты являются перспективным субъектом евразийской интеграции, способствующей региональному развитию стран. Аспиранты, принявшие участие в работе конференции, включились в разработку направлений евразийской интеграции, пытаются спрогнозировать успешность возможных вариантов новых решений.

Участники конференции намерены заниматься вопросами развития научных и образовательных контактов, сотрудничества вузов и научно-исследовательских институтов, совершенствованием программ академического взаимодействия в целях развития евразийской интеграции. Институт демографических исследований ИДИ ФНИСЦ РАН стал инициатором и координатором по разработке направлений сотрудничества между российскими и зарубежными научно-образовательными структурами (в том числе в ходе переговоров с прибывшими представителями делегаций из Казахстана и Кыргызстана).

Информационным партнером конференции выступил научный журнал «Евразийская интеграция: экономика, право, политика». Для публикации в нем были отобраны лучшие доклады, соответствующие профилю журнала.

Осадчая Г. И., Волкова О. А.

25.05.2023

Итоги заседания Высшего Евразийского экономического совета 25 мая 2023 года

На заседании Высшего Евразийского экономического совета 25 мая главы государств Евразийского экономического союза подписали так называемый III Большой Протокол (содержащий изменения в Договор о ЕАЭС), который разрабатывался в период с июля 2021 по июнь 2022 г. Его основная цель — устранение пробелов в правовом регулировании, выявленных в ходе правоприменительной практики, уточнение используемой в Договоре о Союзе терминологии, наделение органов Союза рядом полномочий в части технического регулирования, фитосанитарных мер, статуса государства — наблюдателя при Союзе, госзакупок.

В Договор о ЕАЭС включен ряд норм, устанавливающих правовое регулирование в отношении вредных организмов, не включенных в единый перечень карантинных объектов Союза, но представляющих фитосанитарный риск. В Приложении № 3 к Договору о ЕАЭС уточнено определение понятия «трансграничное пространство доверия»: помимо взаимодействия между уполномоченными органами (G2G), теперь возможно взаимодействие между хозяйствующими субъектами и уполномоченными органами (B2G) в процессе составления, отправления, передачи и получения электронных документов, информации в электронном виде. Признаются утратившими силу Правила выдачи лицензий и разрешений на экспорт и импорт товаров (после вступления III Большого Протокола в силу эти правила будут устанавливаться Комиссией). Приложение № 25 к Договору о ЕАЭС дополнено нормой о взаимном признании электронной цифровой подписи при проведении госзакупок в электронном формате. III Большой Протокол будет направлен в страны на ратификацию.

Источник: <https://eec.eaeunion.org/news/itogi-zasedaniya-vysshego-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soveta-25-maya-2023-g/>

25.05.2023

Главам государств представили результаты реализации Стратегии-2025 в 2022 году

На заседании Высшего Евразийского экономического совета 25 мая в Москве главам государств представили доклад о реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. по итогам 2022 г.

Как отмечается в докладе, второй год реализации Стратегии-2025 пришелся на экономически сложный период, введенные против России и Беларуси санкции не могли не сказаться на функционировании Союза. «Однако благодаря совместным усилиям по обеспечению экономического роста и реализации Стратегии удалось обеспечить стабилизацию или положительные тенденции по большинству показателей — ВВП, промышленное производство, производство продукции сельского хозяйства и другим», — говорится в докладе.

Справка

Индекс физического объема ВВП в ЕАЭС в январе-марте 2023 г. составил, по предварительной оценке, 98,8% к январю-марту 2022 г. Производство сельскохозяйственной продукции в ЕАЭС в 2023 г. продолжает расти. Прирост в первом квартале составил 2,9%. Рост наблюдался во всех странах ЕАЭС. Объем промышленного производства ЕАЭС за три месяца составил 99,5% к аналогичному периоду прошлого

года. Отмечен рост промышленного производства в Кыргызстане (+7,6%), Армении (+3,6%), Казахстане (+2,8%) и Беларуси (+1,8%). Положительную динамику роста демонстрирует взаимная торговля. В январе-марте 2023 г. объем взаимной торговли между государствами Союза увеличился более чем на 20%.

Более подробная информация о работе — на сайте ЕАЭС: <http://www.eaeunion.org/#about>

Источник: <https://eec.eaeunion.org/news/glavam-gosudarstv-predstavili-rezultaty-realizatsii-strategii-2025-v-2022-godu/>

26.05.2023

Заявление Совета Федерации Федерального собрания в связи с Днем Евразийского экономического союза

Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в преддверии 29 мая — Дня Евразийского экономического союза, установленного Высшим Евразийским экономическим советом, заявляет, что евразийская интеграция доказала свою эффективность и жизнеспособность.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) успешно прошел стадию становления и добился значительных результатов в деле интеграционного строительства. Активно развивается взаимная торговля государств — членов ЕАЭС, а также экономическое сотрудничество с третьими странами.

Сенаторы Российской Федерации отмечают, что стремление государств — членов ЕАЭС к углублению взаимодействия обусловлено не только общностью ценностей, традиций и культур, но и искренней убежденностью, что дальнейшее развитие евразийской интеграции в полной мере отвечает их национальным интересам.

В настоящее время кризисные явления в международных отношениях продолжают неуклонно нарастать. Коллективный Запад не прекращает попыток навязать международному сообществу неокOLONиальную модель мироустройства — некий «порядок, основанный на правилах». Цель Соединенных Штатов Америки и их сателлитов — заставить суверенные государства смириться с односторонним политическим и финансово-экономическим диктатом Вашингтона.

В этих условиях ЕАЭС становится показательным примером выстраивания, сотрудничества, основанного на уважении к суверенному равенству всех государств, неукоснительном соблюдении общепризнанных принципов и норм международного права, содержащихся в Уставе Организации Объединенных Наций.

Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в рамках председательства Российской Федерации в органах ЕАЭС намерен уделить особое внимание содействию реализации стоящих перед ЕАЭС масштабных задач. Среди них обеспечение технологической независимости ключевых секторов экономики, продовольственная безопасность, цифровая трансформация, формирование общего энергетического и финансового рынков, развитие транспортной инфраструктуры, наращивание научного и молодежного обменов, поощрение инвестиционной деятельности.

Сенаторы Российской Федерации поздравляют граждан государств — членов ЕАЭС с Днем Евразийского экономического союза и призывают парламентариев государств — членов ЕАЭС консолидировать усилия по правовому обеспечению евразийской интеграции.

Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации предлагает парламентам государств, не участвующих в евразийской интеграции, содействовать расширению торгово-экономических связей с Евразийским экономическим союзом и выражает уверенность, что это послужит основой для развития конструктивных межгосударственных отношений.

Источник: <https://eec.eaeunion.org/news/zayavlenie-soveta-federatsii-federalnogo-sobraniya-v-svyazis-dnem-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyu/>

ПРАВИЛА
оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией
международного научно-аналитического журнала
«ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей должен быть не более 40 000 знаков, но не менее 16 000 знаков с пробелами.

Оригинальность статьи должна быть не менее 65%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

2. Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах) (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

3. Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова.

Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются.

Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем — 250–300 слов. В реферате обязательно указываются: **Цель, Задачи, Методология, Результаты, Выводы** (по 1–2 предложения для каждого пункта), в английском варианте, соответственно, **Aim, Tasks, Methods, Results, Conclusion**.

4. Рукопись статьи должна содержать ключевые слова — 5–7 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов.

5. Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

6. Список литературы в конце статьи дается в алфавитном порядке. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод. В тексте дается ссылка в квадратных скобках, например [7, с. 625].

7. Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

8. Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов WordArt в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования).

Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация
Заведующий кафедрой

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон: (только для внутреннего пользования)

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

– монографии:

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

– статьи в научных сборниках:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

– публикации в многотомных изданиях:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

– статьи в научных журналах:

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

– статьи в газетах:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

– правовые акты:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

– **архивные документы** (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

– **электронные ресурсы оформляются следующим образом:**

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии.

Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler MediaGroup. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2023. Том 17, № 2

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**

Международный научно-аналитический журнал

Выходит 4 раза в год

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Выпускающий редактор
Е. А. ЛЫСУНЕЦ
lysunets-ea@ranepa.ru

Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНОК

Сдано в набор 15.06.2023.

Подписано к печати 30.06.2023.

Формат 84×108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 12,375. Тираж 100 экз.

Заказ № 2/2023.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72803 от 25 мая 2018 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72